

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2016. № 403. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2016. № 403. February

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук,
проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потехаев**, д-р физ.-
мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим.
наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics,
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of
Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law,
Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of
Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of
Education, Professor; **E. Shragher**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor

Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index и индексируется на Web of Science.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Соколова Т.Л. Деятельность региональных печатных изданий в 1985–1993 гг.: правовое регулирование и административное воздействие (на материалах Европейского Севера России)	124	Sokolova T.L. Development of regional print media in 1985–1993: legal regulation and administrative influence (based on the materials of the European north of Russia)	124
Тяпкин М.О. Реформирование системы лесного управления и охраны лесов Российской империи в 20–30-е гг. XIX в.	130	Tyapkin M.O. Reforming the system of forest management and forest protection of the Russian Empire in the 1820s–1830s	130
Харусь О.А. Рескрипт 18 февраля 1905 г.: маневр власти и реакция общества в Сибири	135	Kharus O.A. Rescript of February 18, 1905: maneuver of the government and reaction of the society in Siberia	135
Хрисанфова Д.В. Отношения Китая и Шри-Ланки как часть стратегии «Нитка жемчуга»	140	Khisanfova D.V. The relationship between China and Sri Lanka as a part of the String of Pearls strategy	140
Шевелев Д.Н. Организационное становление информационно-пропагандистских учреждений Временного Сибирского правительства (конец мая – начало ноября 1918 г.)	144	Shevelev D.N. Organizational formation of information and propaganda institutions of the Provisional Siberian Government (end of May – beginning of November 1918)	144
Шеметова Т.А. Торговля Синьцзяна с Востоком в 1918–1920 гг.	155	Shemetova T.A. Xinjiang trade with the East in 1918–1920	155
Шушарина М.В. Азиатское направление образовательной политики Австралии	158	Shusharina M.V. Asian direction of education policy of Australia	158

ПРАВО

Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю., Гриднева А.А. Сравнительный анализ гендерных особенностей эмоционально-коммуникативной сферы руководящего состава службы исполнения наказаний	163
Щербаклова Л.Г. Формы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации	172

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	179
--	-----

LAW

Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Gorchakova O.Yu., Gridneva A.A. Comparative analysis of gender characteristics in the field of emotional communication skills of the penitentiary service management staff	163
Shcherbakova L.G. Forms of protection of business entity's rights by laws of the Russian Federation	172

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	179
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.42

Ю.А. Витязева

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «ПРИВЛЕЧЕНИЕ И УДЕРЖАНИЕ ВНИМАНИЯ» В МЕДИАДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО СЕРИАЛА

Выявляется специфика реализации коммуникативной стратегии «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе. Цель исследования заключается в описании особенностей репрезентации данной стратегии в научно-популярном сериале. Внимание сосредоточено на анализе языковой репрезентации коммуникативных тактик данной стратегии, среди которых «Риторические вопросы», «Вопросно-ответная тактика», «Восклицание», на выявлении их специфики, обусловленной дискурсивными задачами.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; жанр; медиадискурс, текст.

Социальные изменения, происходящие в современном мире, приводят к появлению новых дискурсов, участвующих в формировании модели мира человека. Так, со второй половины XX в. можем отметить стремительный рост средств массовой информации, а также совершенствование информационных технологий, что способствует формированию глобального информационного пространства. Данные изменения влияют не только на условия жизни, но и на способ мышления и систему восприятия современного человека. Изначально СМИ были созданы для фиксации и передачи информации, сейчас это мощное средство воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Медиадискурс описывается в разных аспектах (например, работы Желтухиной, 2003; Мясникова, 2005; Согланик, 2005; Добросклонской, 2008; Какориной, 2008; Кубряковой, Цуриковой, 2008; Володиной, 2011; Дускаевой, 2011, 2013; Нестеровой, 2011; Резановой, Ермоленкиной, Костяшиной, 2011 и др.).

В настоящее время в лингвистике есть ряд понимаемый медиадискурса [1–4]. Т.Г. Добросклонская в самом общем виде определяет медиадискурс как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [5. С. 198]. М.Р. Желтухина понимает медиадискурс как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [6. С. 146]. Множественность толкований медиадискурса, в первую очередь, обусловлена сложностью самого феномена. На наш взгляд, медиадискурс – это «дискурс более высокого порядка» [7. С. 9], среда, в которую помещаются тексты других дискурсов при помощи технических средств массовой информации, обеспечивающих процесс массовой коммуникации. «Медиадискурс представляет собой сложный и многокомпонентный тип дискурса. Его отличает способность к взаимодействию с другими типами дискурса, расширение каналов связи и большой тематический охват. Тра-

диционно он выделяется на основе особого канала связи и способа коммуникации. Его отличают концентрация на репрезентации событий, массовый адресат, ориентация на рациональную оценку объектов и процессов, стремление к наиболее доступному предоставлению информации» [8. С. 41].

Одной из проблем, активно разрабатываемых при описании дискурсов, является вопрос стратегий и тактик речевого поведения людей, дискурсивно обусловленных (например, [9–11] и др.). Для каждого дискурса характерен свой набор стратегий и тактик, при помощи которых достигаются цели дискурса. С лингвистических позиций рассматриваются стратегии и тактики, реализуемые в политическом, научном и других дискурсах (например, [7, 12–14] и др.).

Цель настоящего исследования заключается в описании особенностей репрезентации коммуникативной стратегии «Привлечение и удержание внимания» в научно-популярном сериале.

Данный жанр выбран в связи с тем, что он практически не был в фокусе внимания исследователей (С.А. Зайцева, 2011) и представляет интерес с точки зрения языковой презентации информации.

Материалом исследования послужили тексты сериалов BBC «Тайный код жизни» 2011 г. (3 серии общей продолжительностью 177 мин) и «Космос: Пространство и время» 2014 г. (13 серий общей продолжительностью 557 мин). В фокусе исследования – языковое воплощение сериала. Для исследования была сделана стенограмма видеоматериала, в результате чего общий объем проанализированного материала составил 73 страницы печатного текста, или 12 часов 14 минут видеоматериала.

Научно-популярный дискурс представляет собой разновидность научного дискурса и преследует цель транслировать окружающим научные знания, популяризовать научные открытия, формировать у непрофессионала научную картину мира. Реализовать данную цель призван медийный дискурс более высокого порядка, который реализует намерение адресата организовать текст научно-популярного сериала так, чтобы адресат смог адекватно интерпретировать излагаемую информацию. В результате взаимодействия дискурсов происходит трансформация речевых стратегий, ис-

пользующихся адресантом для достижения цели дискурса.

Медиадискурс, занимающий лидирующую позицию в информировании социума, с одной стороны, учитывает его интересы, формируя свой контент и язык контента. С другой – сам является законодателем информационных, познавательных трендов, формируя интерес аудитории. Одной из основных задач медиадискурса является привлечение и удержание интереса целевой аудитории к значимым проблемам социума. Одной из таких проблем является проблема популяризации научного знания. Для решения дискурсивных задач активно используются коммуникативные стратегии и тактики, являющиеся средством суггестивного воздействия на аудиторию.

В нашей работе, вслед за О.С. Иссерс, мы понимаем коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [13. С. 54]. Риторическая стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медийном дискурсе является ключевой вспомогательной стратегией, способствующей эффективной организации диалогового взаимодействия. Она реализуется при помощи следующих тактик: «Риторические вопросы», «Вопросно-ответная тактика», «Восклицания».

Обратим внимание, что сериал – это некоторое количество фильмов, посвящённых какой-то одной теме (космос, числа, фигуры). Отличие научно-популярного сериала от других заключается в формировании научно-популярной картины мира, таким образом, одна и та же тема раскрывается через разные аспекты. При создании данного медийного продукта учитывается интерес аудитории, которая смотрит серию за серией, а также тех, кто решил посмотреть какую-то одну серию. Здесь возникает проблема: как привлечь и удержать внимание у обоих типов адресатов? Решение видится в наполнении серий разным контентом (новые аспекты, персонажи, факты, формулы, информация), говоря о космосе, мы рассматриваем разные его аспекты, такие как появление космического пространства, взаимосвязь возникновения человечества и большого взрыва и т.п. При этой тематической насыщенности отметим, что в проанализированном материале модель риторической стратегии «Привлечение и удержание внимания» остается неизменной, что говорит об ее эффективности для достижения дискурсивных целей, для привлечения и удержания внимания как зрителей, которые уже на протяжении долгого периода смотрят сериал, так и тех, кто только начал смотреть. В конце каждой серии делается отсылка к следующему сюжету, который станет «новым открытием для телезрителей».

Остановимся подробнее на каждой тактике.

Тактика риторических вопросов позволяет привлечь внимание аудитории к какому-либо вопросу, проблеме. Риторические вопросы не несут особой информационной нагрузки, однако они помогают расставить в тексте эмоциональные и смысловые акценты, указывают адресату, на что необходимо обратить особое внимание: «*В: Вы видите меня? Вы меня слышите? Каким образом? Я могу находиться в*

тысячах километрах от вас, но, когда вы включаете устройство, позволяющее вам меня видеть и слышать, я в нём, мгновенно. Как это возможно? Нашим предкам это показалось бы настоящим волшебством, для них скорость связи равнялась скорости самого быстрого скакуна или парусника. Наше сообщение доставляется невидимо со скоростью света. Как мы обрели столь фантастические способности? О: Всё началось в сознании одного человека...». Данный фрагмент текста – начало информационного сообщения. Начало любого текста преследует цель привлечь внимание адресата, заинтересовать его. Здесь при помощи ряда риторических вопросов для адресата задается необходимый адресанту вектор размышлений, проблема ставится посредством третьего и четвертого риторических вопросов «*Каким образом?*», «*Как это возможно?*». Телезрителю вводят в дискурс, вовлекают в коммуникацию с телеведущим, таким образом, выполняется одна из составляющих стратегии: привлечение внимания к проблеме. Вопросительные слова «как», «почему», «каким» удерживают внимание. В анализируемом тексте тактика направлена на акцентирование внимания на проблеме, выяснении того, каким образом человек начал воспринимать информацию, находясь на далёком расстоянии. Зачастую использование в этой тактике вышперечисленных лексических единиц способствует конкретизации информационного сообщения для адресата, определению направления размышлений [14. С. 96].

Императивы «*смотрите*», «*попробуйте подсчитать*», «*только представьте*» используются для актуализации ментальных действий у адресанта. Данные лексемы выполняют функцию активного привлечения внимания и побуждения к действию адресата.

Достаточно часто в медийном дискурсе в тактике риторических вопросов используются конструкции противопоставления: «*В: Это был первый мотор, преобразующий электрический ток в непрерывное механическое движение. Выглядит довольно слабым, верно? О: Но это вращающийся вал – начало революции, мощь которой по своему воздействию на цивилизацию затмевает все выстрелы и взрывы бомб*». В данном случае оценочное утверждение *выглядит довольно слабым, верно* необходимо телеведущему для создания иллюзии диалога с адресантом. Оно заставляет аудиторию сосредоточиться на увиденном, союз «но» вводит новую информацию о предмете рассуждения, где также используются оценочные лексемы с положительной коннотацией. Противопоставление, в основе которого лежит несоответствие внешнего вида объекта и его масштаб, роль в развитии прогресса. Разыгрываемая драма позволяет удержать внимание аудитории и заинтересовать ее обсуждаемой проблемой.

Как правило, в тексте научно-популярного сериала тактики риторических вопросов активно используются местоимения «*вы*» и «*мы*» при обращении к адресату.

Сначала используется обращение «*Вы*» («*Вы видите, что у высокой ноты пиков...*», «*Вы замечали, что соломинка в стакане с водой выглядит сломанной?*», «*Вы видели...*»). Данное обращение обычно

встречается в начале фильма, с него начинается диалог между адресантом и адресатом, занимающих разные позиции: «знания проблемы» – телеведущим, «незнания» – телезрителем. В дальнейшем используется местоимение *мы*: «*Как мы обрели...*», «*Сегодня мы знаем, что планеты...*», «*Благодаря знанию кода, мы больше не боимся...*». Это обращение стирает грань между коммуникантами, создает эффект равенства позиций, компетентности телезрителя в данном вопросе.

Таким образом, тактика риторических вопросов привлекает внимание поэтапно: 1) постановка проблемы адресантом, реализуемая в вопросе; 2) обсуждение совместно с адресатом проблемы. Такая модель отвечает потребности жанра научно-популярного сериала и способствует формированию у телезрителя представлений, которые достигнуты в процессе совместных рассуждений телеведущего и телезрителя.

Вопросно-ответная тактика реализуется в медийном дискурсе в диалоге между ведущим и профессионалом в той сфере, которая обсуждается. Телезритель в данном случае является наблюдателем. Данная тактика способствует привлечению и удержанию внимания телезрителя за счет интереса к авторитетному источнику информации, являющемуся новым героем сериала. Авторитетность источника подчеркивается как косвенно: «*Вы выиграли 5 матчей подряд. В чём ваш ключ к успеху?*»; так и непосредственно при помощи номинаций: «*Почему каждая ячейка шестиугольна, а не произвольной формы, профессор?*».

В первом примере образ успешного героя создается за счет использования оценочных лексем *выиграл*, *ключ к успеху*. Во втором примере – за счет обращения к герою, обозначающему его институциональный статус.

Отметим, что в случае вопросно-ответной тактики номинации «Коллега», «Профессор», «Доктор психологических наук. Фамилия. Имя. Отчество», «Уважаемая(ый). Имя. Отчество», «Имя. Отчество» распространены. Например: «*Профессор Джуди Дворси понимает это лучше других. Она проводит много часов, подвергая людей воздействию самых неприятных звуков*», «*Он был самым известным популяризатором науки о космосе, но в первую очередь он был учёным*».

Вопросно-ответная тактика используется в диалоге между учёными, поэтому в репликах частотно употребление терминов. В научно-популярном сериале употребляются как общенаучные термины, которые вошли в лексикон современного человека, так и узкоспециализированные («число *π*», «множество Мандельброта», «электролиз»), без которых невозможно сформировать представления, необходимые для понимания обсуждаемой научной проблемы в телесериале. Однако такие термины используются в малых количествах и сопровождаются иллюстративным материалом, это необходимо, чтобы телезрителю было комфортно воспринимать информацию.

Данная тактика активно используется в сериале, поскольку отвечает задачам медийного дискурса, предполагающим комфортное восприятие информации адресатом, как при живом общении. Данная тактика имитирует диалогическое взаимодействие непрофессионала в вопросе и обывателя в ответе.

Так, вопросно-ответная тактика в жанре телесериала реализуется посредством вопроса, который задаёт ведущий с целью выяснить новую для телезрителей информацию.

Ещё одна тактика, которая характерна исключительно для медийного дискурса и активно используется в жанре научно-популярного сериала, – это восклицание.

Данная тактика реализуется за счёт воздействия на эмоциональное восприятие телезрителя: «*Вау! Додекэдр, фантастика!*»; «*Вот это семейка!*»; «*Это верно!*»; «*Какие правильные шестиугольники!*»; «*–Да, удивительно! –Вот это да!*»; «*–Иногда у них пять лучей, иногда три*»; «*Пять, да, вы что!*», «*Код природы, заработай!*».

Как правило, в восклицательных фразах используются уменьшительно-ласкательные суффиксы (-ка-), междометия («*вау*», «*о!*»), наречия («*удивительно*», «*верно*»), что также способствует созданию информации, которая будет актуализироваться для телезрителя. Эти восклицания позволяют обратить внимание на важное явление, подчеркнуть то, что сейчас наблюдает телезритель, действительно заслуживает внимания, является чем-то необычным, тем, на чём стоит акцентировать внимание.

«Риторические вопросы», «Вопросно-ответная тактика», «Восклицание» – тактики, репрезентирующие стратегию «Привлечение и удержание внимания», выполняют дискурсивные задачи. Плотность информации, обилие источников информации приводят к тому, что основным транслятором научного знания для человека-неспециалиста в первую очередь становятся медиа, пытающиеся в доступной форме донести до потребителя научные достижения современности. Одной из задач, стоящих перед наукой, является популяризация научного знания. Именно этим вызваны активные поиски новых форм подачи информации, новых способов предоставления информации. Одним из востребованных каналов для трансляции научного знания становятся медиа, предлагающие свои жанры, трансформирующие их под решаемые задачи, обладающие своей спецификой.

В результате исследования удалось выявить особенности реализации коммуникативной стратегии «Привлечение и удержание внимания» научно-популярного дискурса в медиадискурсе. Стратегия трансформируется исходя из потребностей, цели совмещённых дискурсов – транслирование выработанного научного знания о действительности. Внимание привлекается к научному продукту. Основной чертой медиадискурса является вариативность в используемых языковых средствах. Дискурсивная природа медиадискурса, в который помещён научно-популярный сериал, не может быть определена вне научно-популярного субдискурса, являющегося разновидностью научного дискурса. За счет реализации стратегии популяризации научные знания адаптируются для массового адресата. В связи с этим оправдано употребление обращений, которые на протяжении серии подстраиваются под потребность медиадискурса: заинтересовать телезрителя, показывая его принадлежность к научному знанию («*мы*» – «*вы*»), использование оценочной лексики, необходимой для

адаптации телезрителя к научной информации, для её трансляции, использование восклицательных предложений.

Стратегия «Привлечение и удержание внимания», таким образом, представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение дискурсивной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистика речи. Медиалингвистика. М. : Флинта: Наука, 2012. 528 с.
2. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М. : Добросвет, 1997. 598 с.
3. Лукьянова Г.В. Особенности предвыборного политического дискурса в государственной и частной российской прессе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 2. С. 261–275.
4. Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // А.Г. Пастухов. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел : ОГИК, 2008. С. 6–11.
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М. : Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
6. Желтухина М.Р. Масс-медиаальный дискурс и массовая культура // Научные записки Луганского национального университета. Луганск : Изд-во ЛНПУ, 2008. Вып. 7. С. 145–156.
7. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 24 с.
8. Вершинина Е.Н. Когнитивно-дискурсивная репрезентация имиджа вуза в специализированном периодическом издании : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. С. 238.
9. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или О пользе спора // Логический анализ языка. Вып. 3 : Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
10. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
11. Тарасов Е.Ф., Безменова Н.А. [и др.] Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М. : Наука, 1990. 136 с.
12. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 458 с.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
14. Агаркова О.А. Коммуникативные стратегии и тактики комплиментарных высказываний // Филологические науки в России и за рубежом : материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб. : Реноме, 2012. С. 95–97.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 февраля 2016 г.

COMMUNICATIVE STRATEGY OF ATTRACTING AND RETAINING ATTENTION IN MEDIA DISCOURSE ON THE MATERIAL OF POPULAR SCIENCE SERIES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 5–9. DOI: 10.17223/15617793/403/1

Vityazeva Yulia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: j.vityazeva@mail.ru

Keywords: communication strategies; communication tactics; genre; media discourse; text.

The article examines the strategy “attracting and retaining attention” of media discourse in the genre of popular science series. The aim is to describe the features of representation of the communicative strategy “attracting and retaining attention” in scientific and popular TV series. The material of the study is based on the texts of the BBC TV series in the volume of 73 pages of printed text, or 734 minutes. The rhetorical strategy “attracting and retaining attention” in media discourse is a key supporting strategy to facilitate the efficient organization of dialog interaction. It is implemented using the following tactics: rhetorical questions, question-answer, exclamation. The paper describes the tactics “rhetorical questions”, “question-answer”, “exclamation” in detail. Features of the language implementation of these tactics due to discursive tasks were identified in the analysis of the textual material. The tactics of rhetorical questions allows drawing the audience’s attention to an issue, a problem. The aim at the beginning of a text is to attract the attention of the recipient, to interest them. A series of rhetorical questions sets the reflection vector the addresser needs; the problem is raised through a number of questions. The attention focuses using interrogative words “how”, “why”, “which”. The tactics of rhetorical questions attracts attention in stages: 1) formulation of the problem in the addresser’s question; 2) discussion of the problem together with the addressee. This model meets the needs of the genre of popular science series and forms viewers’ ideas achieved in the course of joint discussions of the broadcaster and the viewer. The question-answer strategy is implemented in media discourse in a dialogue between a presenter and an expert in the field that is being discussed. This tactic is widely used in series, because it corresponds to the tasks of media discourse, implying a comfortable perception of information by the addressee like in live communication. It simulates the dialog interaction between a non-expert in question and an ordinary person in response. Another tactic specific to media discourse and actively used in the genre of popular science series is exclamation. It allows drawing attention to an important fact, to emphasize that what the viewer is watching right now is really worth their attention, is something unusual, something to focus on. Thus, the linguistic features of representing these tactics in the strategy “attracting and retaining attention” are described in the article.

REFERENCES

1. Solganik, G.Ya. et al. (eds) (2012) *Lingvistika rechi. Medialingvistika* [Linguistics of speech. Medialinguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
2. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (1997) *Teoriya ritoriki* [The theory of rhetoric]. Moscow: Dobrosvet.
3. Luk’yanova, G.V. (2011) *Osobennosti predvybornogo politicheskogo diskursa v gosudarstvennoy i chastnoy rossiyskoy presse* [Features of pre-election political discourse in the public and private Russian press]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS –Political Expertise: POLITEX*. 7:2. pp. 261–275.
4. Kibrik, A.A. (2008) *Obosnovano li ponyatie “Diskurs SMI”?* [Is the concept “discourse of the media” justified?]. In: Pastukhov, A.G. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in academic and media discourse]. Orel: OGIK.
5. Dobrosklonskaya, T.G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstv (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)* [The study of media texts (research experience of media speech in modern English)]. Moscow: Editorial URSS.

6. Zheltukhina, M.R. (2008) Mass-medial'nyy diskurs i massovaya kul'tura [Mass medial discourse and popular culture]. *Nauchnye zapiski Lulganskogo natsional'nogo universiteta*. 7. pp. 145–156.
7. Kostyashina, E.A. (2009) *Diskursivnoe vzaimodeystvie v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala* [Discursive interaction in the text of the popular scientific medical journal]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Vershinina, E.N. (2015) *Kognitivno-diskursivnaya reprezentatsiya imidzha vuza v spetsializirovannom periodicheskom izdanii* [Cognitive-discursive representation of the image of the university in a specialized periodical]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Arutyunova, N.D. (1990) Fenomen vtoroy repliki, ili O pol'ze spora [The phenomenon of the second replica, or about the use of dispute]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
10. Baranov, A.N. & Kreydlin, G.E. (1992) Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary force in the structure of the dialogue]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 84–99.
11. Tarasov, E.F. et al. (1990) *Rechevoe vozdeystvie v sfere massovoy kommunikatsii* [Linguistic manipulation in the field of mass communication]. Moscow: Nauka.
12. Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modeling in modern folk songs: cognitive discourse analysis]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
13. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
14. Agarkova, O.A. (2012) [Communicative strategies and tactics of complimentary statements]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philology in Russia and abroad]. Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg. February 2012. St. Petersburg: Renome. pp. 95–97. (In Russian).

Received: 02 February 2016

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИКИ КОМЕДИИ ДЕЛЬ АРТЕ В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» А. АХМАТОВОЙ

Анализируются реминисценции поэтики итальянской комедии дель арте XVIII в. в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой, присутствующие не только на мотивно-тематическом уровне, но и на уровне конструктивных принципов поэмы. Цель настоящей статьи – показать, что поэтика комедии дель арте является одним из структурно-смысловых элементов поэмы, хотя и воспринята опосредованно – через традицию и эстетику маскарада. Рассматриваются вопрос о соотношении жанровых источников поэмы, система персонажей, семантическое наполнение понятий «арлекинада», «гофманиана», «карнавал», «маскарад».

Ключевые слова: А.А. Ахматова; «Поэма без героя»; комедия дель арте; Серебряный век; театр; маскарад.

Посвящается П. В. М.

Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об Арлекинах, Коломбинах и Пьеро

Марина Цветаева [1. С. 658]

Италия в сознании русских поэтов – это не только реальная страна, но и образ иной культуры. Комедия дель арте – одна из несомненных составляющих общего представления не только русской, но и мировой культуры о высших достижениях творческого гения итальянского народа и итальянской словесности (в том случае, когда речь идет о текстах «сценариев» комедии дель арте).

Демократичность и зрелищность комедии дель арте, ее синтетический характер, веселая беспечность атмосферы спектакля, возможность импровизации и самовыражения актера¹, неудержимый полет фантазии не могли не привлекать к ней внимание всей Европы на протяжении XVII–XVIII вв. и позднее, когда сама комедия дель арте уже прекратила свое существование.

Родиной комедии дель арте считается Венеция. Венецианский текст в русской литературе актуализируется с особенной интенсивностью в начале XX в.; на рубеже веков Венеция стала восприниматься преимущественно как призрачный топос [2. С. 40]. Соответственно, начало XX в. отмечено и взлетом интереса к комедии дель арте – тоже до некоторой степени призрачного и обманчивого жанра в силу его масочности и импровизационности, которая оставила в текстовых свидетельствах его исторического существования только бледные следы².

В этот период в России наступает расцвет театрального искусства. Присущие эпохе эстетические искания руководствуются идеей взаимопроникновения искусств, недаром артистические кружки начала века объединяют в своем составе писателей, художников, музыкантов и актеров. Общее настроение эпохи, точнее, рубежа эпох, озаменовано увлеченностью мистицизмом, пророческими и эсхатологическими настроениями. Поэтому тема (и шире – концепт) маскарада – одна из самых распространенных в эту эпоху – получает различные трактовки: маскарад воспринимается не только как карнавальное веселье, но и как обман, искусство, мистика и даже как *dance macabre*. Понятие маски соотносится с функциями личности, лицедейства. Это как нельзя более подходит к эпохе Серебряного века, характеризовавшейся мно-

гообразными житнетворческими экспериментами. Деятели русской культуры подчиняли свое бытовое поведение выбранной маске или амплуа, желая, чтобы публика видела не столько их реальные лица, сколько созданные ими самими образы их реальных лиц.

В 1917 г. В.Э. Мейерхольдом был поставлен спектакль по драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» (сценография А.Я. Головина). На генеральной репетиции присутствовали многие «действующие лица» поэмы: А. Ахматова, Б. Анреп, О.А. Глебова-Судейкина, А.А. Блок, М. Кузмин и др. Действие охватывало и зрительный зал. В декорации были использованы зеркала, а на сцене действовали венецианские маски: Пьеро и Неизвестный в костюме бауты [3. Ч. 1]. Тема маскарада является общей для произведений Лермонтова и Ахматовой, отчасти соотносим и сюжет: в основе действия обоих произведений – любовный треугольник, отношения в котором заканчиваются трагически: смертью одного из участников.

Строки «Поэмы без героя» «Мейерхольдовы арапчата // Затевают опять возню» [1. С. 397], создающие ощущение inferнальной игры адских сил (чернолицые арапчата вполне способны вызвать ассоциацию с бесенятами), на самом деле лишь иллюстрируют особый сценический прием – использование слуг (это могли быть арапчата или «дзанни» итальянской комедии дель арте) для перестановки декораций на сцене прямо на глазах у зрителя.

В толпе ряженных наряду с персонажами, воплощающими «вечные» образы, возникает режиссер спектакля под маской Доктора Дапертутто. Трансформация реальности приемом двойничества человека и его тени-маски (ср. псевдоним В.Э. Мейерхольда³) имеет аналогии в поэме А. Ахматовой, для которой поэтика двойничества и зеркальности является одним из характерных творческих приемов [3. Ч. 3].

Следует заметить, что комедия дель арте не является единственной жанровой традицией в реализации карнавальной темы. Поэтика и семантика карнавала определены не только его античным (древнеримским, т.е. протоитальянским) генезисом, но и европейской средневековой традицией (в особенности французской). Кроме того, в поэме Ахматовой нередко возни-

кают мотивы шабаша ведьм как ассоциативная отсылка к гетевскому «Фаусту», где мотив карнавала преломляется весьма своеобразно. Таким образом, комедия дель арте, жанр изначально развлекательный, у Ахматовой обретает inferнально-трагическое наполнение («адская арлекиада»), и актерское перевоплощение может иметь семантику не смены личности, а ведьминского превращения, смены сущности. Жанровой основой послужила романтическая поэма, о чем прямо говорит автор:

*А столетняя чаровница
Вдруг проснулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брulloвским манит плечом*

[1. С. 410].

Таким образом, создается целый комплекс разнообразных эстетик, принадлежащих разным родам искусства, которые накладываются и влияют одна на другую – своего рода аналогия полилингвальности комедии дель арте, пользующейся разными диалектами итальянского языка.

Романтическая поэтика Ахматовой очевидна в использовании автором жанровой модели баллады, о чем свидетельствуют основные сюжетные мотивы поэмы (самоубийство, потусторонние явления), цитаты и эпиграфы к главам (из собственной «Новогодней баллады», из баллады Жуковского «Светлана»), стремительное развитие действия, время действия.

Ахматова пишет о веренице гостей из прошлого, по сути, о мертвецах. Их призрачность и нереальность подчеркнуты именно их масочностью: маска – это не лицо, а личина, вполне могущая прикрывать оскал черепа (ср. устойчивое выражение «маска смерти»). Свойственная романтическому двоемирию граница между мирами реальным и воображаемым, обыденным и маскарадным налицо, но она становится зыбкой, поскольку миры эти легко перетекают друг в друга («Только как же могло случиться, // Что одна я из них жива?») [Там же. С. 391]. Маскарад с потусторонним оттенком распространяется и на действительность, присутствие масок делает реальность ирреальной.

Мотив кукольности наряду с мотивом двойничества фигурирует в характеристике героини: «Что глядишь так смутно и зорко, // Петербургская кукла, актерка, // Ты – один из моих двойников» [Там же. С. 399]. Поэтому вполне логично – и по историко-культурной ассоциации с прошлым, и по смыслу создаваемого комбинированного реально-призрачно-массового мироздания – в поэме возникает и маска Петрушки (ср. балет И. Стравинского «Петрушка», 1911 г., вторая редакция – 1948 г., содержащий сюжет «оживания» куклы), намечая проекцию сюжета в будущее.

В «Поэме без героя», посвященной десяткам годам XX в., театральная тема связана с образом главной героини, актрисы Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной, история жизни и любви которой лежит в основе сюжета поэмы [4]. По признанию Ахматовой, изначально прототипами главной героини были и другие замечательные женщины эпохи: Т. Карсавина,

С. Андронникова, Т. Вечеслова [3. Ч. 3. Гл. 2]. Однако в конечном счете репрезентантом эпохи становится именно Глебова-Судейкина, на что указывает перифрастическая номинация героини «Коломбина десятых годов», свидетельствующая как об актуальности ассоциаций с комедией дель арте, так и об антропологизации эпохи через образ героини, который Ахматова сочла наиболее эквивалентным историческому времени [6, 7].

Роли Глебовой-Судейкиной, упомянутые в поэме, – Козлоногая, Путаница, Психа (Психея) (две последние сливаются у Ахматовой в одну «Путаница-Психея»).

При изображении Козлоногой (это, пожалуй, вторая по важности для формирования образа героини роль в поэме, она проецируется на все содержание) соединены два эмблематичных анималистических образа: голубица, несущая семантику кротости, чистоты и невинности, принадлежащая небу, и коза, воплощающая порочность, сладострастие, принадлежность стихии карнавала, сфере животного «низа»⁴:

*А смиренница и красота
Ты, что пеструю пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»*

[1. С. 395].

Все эти роли синтезирует образ Путаницы – это главный образ, в котором входит в поэму Ольга Глебова-Судейкина. Он соотносится и с тематикой поэмы (маскарадностью), и с ее поэтикой: «зеркальностью» и «непонятностью». Путаница – «Душа водевиля», поэма Ахматовой – «перевернутый» водевиль, трагический. Впрочем, сама Ахматова всячески подчеркивала отсутствие родственности образов Путаницы в пьесе и в поэме: «Кстати, о Путанице. Все, что я знала о ней до вчерашнего дня (6 июня 1958 г.), было заглавие и портрет О.А. в этой роли, сделанный С. Судейкиным» [Там же. С. 420].

Героиня показана воплощенной в этих ролях не на сцене, а в жизни, между тем как отличительная особенность венецианского карнавала – это вживание актера в образ и жизнь в этом образе, усвоение основных характерологических черт. Маска становится вторым лицом актера, его своеобразным двойником, столь же живым, полноправно существующим, сколь и сам человек.

В артистической среде бытовое поведение не было чисто бытовым. Искусство приносилось в повседневную жизнь. Этот своего рода постоянный маскарад – характерная черта эпохи. И только в посвящении, т.е. много лет спустя, главная героиня показана не «в маске», не в каком-либо художественном образе.

Образ реальной биографической героини порой все же «выглядывает» из-за примеряемых ею масок, но сейчас же происходит «ускользание» героини и вхождение ее в один из образов:

*Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов <...>*

[Там же. С. 399];

*Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли
Ты друзей принимала в постели <...>*

[Там же. С. 400].

Поэтика двойничества позволяет говорить о возможности преломления образа героини через образ автора.

В стихах Вс. Князева часто упоминается маска Пьеро⁵ и очевидно самоотжествление с ней поэта; рядом возникает образ Коломбины, в то же время появляются черты «голубой героини» («палевый локон», «вы милая, нежная Коломбина, вся розовая в голубом»), что отсылает к эстетике комедии дель арте (образы «голубой героини» и «розового кавалера», протагонистической пары). Однако возможность такого сравнения сомнительна: здесь также налицо влияние французской версии карнавала (Пьеро вместо итальянского Педрилло, трансформация его образа и образа Коломбины) – впрочем, французские карнавальные образы Пьеро, Коломбины и Арлекина генетически восходят именно к итальянской комедии дель арте.

Еще одна венецианская маска, упоминаемая в поэме – Арлекин. Не воплощенная в конкретном персонаже, она служит метафорой или толпы гостей-призраков, или атмосферы самого действия, или духа времени («Этой адской арлекинады // Издалека слышав вой» [1. С. 406]). При этом актуализируется именно inferнальное значение маски, а не традиционная ипостась «второго дзання», или глупого слуги, или усилившиеся поздние плутовские коннотации образа.

Существует большое количество работ, где рассматривается соотношение автора и героини, которое в основном определяется ахматовской цитатой «Ты – один из моих двойников» [Там же. С. 399]. Собственно, двойничество тоже есть свойство поэтики комедии дель арте, но не является ее отличительным признаком, также наличествуя в романтизме, реализме и народном творчестве. Однако в комедии дель арте система двойников строго иерархична, что связано с двухплановостью сюжета (не предвестие ли это романтического двоемирия?). «Высокой» паре влюбленных – «голубой героине» и «розовому кавалеру» на «низком», профанном плане – соответствует пара слуг, помогающих им и устраивающих попутно свои собственные любовные дела⁶. Однако именно слуги, их проделки и трюки были двигателем сюжета, источником комизма и обеспечивали занимательность представления, выходя на первый план (ведь комедия дель арте была жанром демократическим), а пара влюбленных обеспечивала сюжету «чувствительность» и поэтичность, реализуя потребность зрителей в катарсисе.

Что же для Ахматовой стоит за понятием «маска»? Словоупотребления в поэме, связанные с семантикой маски, – маскарад, тени, ряженые, карнавал. Авторские определения: арлекинада (адская), гофманиана, «Петербургская чертовня».

В тексте поэмы упомянута баута. В примечаниях сказано: «маска с капюшоном». Не указана локальная отнесенность маски, ее сугубо венецианский характер неважен. Основное назначение капюшона – скрыть лицо. Именно эта маскирующая функция является особенно важной для маски у Ахматовой.

В маскараде, изначально имеющем также итальянские корни, иная семантика ношения маски по сравнению с комедией дель арте: не отождествление себя

с амплуа, а сокрытие истинного лица ивольное поведение в связи с безнаказанностью. При своем возникновении маскарад имел ритуальные корни, будучи частью карнавала, но затем получил статус светского развлечения. Таким образом, в семантике маскарада дифференциальными становятся понятия «обман», «шутка». Можно утверждать, однако, что у Ахматовой сохраняются оба оттенка значений: так, с темой Дон Жуана (о чем свидетельствует эпиграф), так же как и с темой Фауста, связана тема возмездия, наказания за вседозволенность, что исключено в современном понимании маскарада. Эпиграф к первой главе первой части отсылает к раннему стихотворению Ахматовой «После ветра и мороза было...» (1914), которое содержит строки «Угадать нетрудно было вора // Я его узнала по глазам» [1. С. 68]. Допускается возможность двоякого прочтения, когда речь идет не только о психологизме, но и о маскараде, ведь при ношении маски у человека остаются открытыми именно глаза, что делает возможным узнавание ряженого. Кроме того, наименование «вор» соответствует семантике «совершение неблагоприятного поступка под прикрытием маски».

Тема ряженых связана и с русской национальной традицией. Ряженые наиболее характерно для рождественского поста и особенно святок, что совпадает с указанными в поэме датами: 5 января (le jour des tois и «крещенский вечерок»). В отличие от карнавала, ряженые сопровождалось колядками и просьбами и имело сакральный смысл, а именно установление связи между двумя мирами (ср. представления о приходе душ умерших с того света на землю, о разгуле нечистой силы в середине зимы).

Здесь возникает сходство с сюжетом Дон Жуана, к которому возмездие пришло в виде ожившей статуи. Кроме этого «оживления», оживает изображение на полотне, оживает и сама поэма. Жанровая форма превращается в женщину. Создание поэмы – магическое действие, оживление предметов и призраков, всплывающих в сознании автора, чтобы затем вновь умереть: таким образом, в поэме происходит своеобразный ритуальный обряд. Во вступлении Ахматова говорит: «Как будто прощаюсь снова // С тем, с чем давно простилась, // Как будто перекрестилась // И под темные своды схожу» [1. С. 388]. Написанное в осажденном Ленинграде⁷ вступление звучит поистине трагически.

Еще одно определение маскарада в поэме: «Праздник мертвой листвы» [Там же. С. 391] (ср: «Новогодний праздник длился пышно...» [Там же. С. 68]). Праздник сам по себе не имеет к листве никакого отношения (такое сочетание – своего рода оксюморон), следовательно, метафора преющей листвы появляется по отношению к происходящему в поэме, к диалектике развития времени. Значит, словом «праздник» (синонимы – карнавал, маскарад) обозначено именно действие в поэме.

Что же напрямую указывает на связь ахматовских масок с венецианской комедией дель арте? Очевидно, это прежде всего строки «Вы ошиблись: Венеция дождей – // Это рядом...» [1. С. 390]. Однако это не современная Венеция – дожди, как и комедия дель арте, отошли в прошлое. Но авторская ремарка указывает на

то, что это топос-призрак, так же как и тени, появившейся из прошлого, чтобы затем вновь исчезнуть.

Еще одна черта комедии дель арте – импровизационность. Был заранее известен лишь общий сценарий действия, остальное (реплики, трюки) принадлежало области творчества и импровизаторского дара актера. Демократический характер комедии диктовал возможность взаимодействия актеров и зрителей, вовлечение последних в представление.

В поэме действие (особенно это касается сцен с участием масок) развивается скачкообразно и обладает непредсказуемостью, поминутно ставя в замешательство автора, выступающего в роли как-бы-зрителя⁸. Непредсказуемо их появление (это подчеркивает авторская сноска «Три к выражают замешательство автора» [1. С. 391]), так же как и их исчезновение: «Что ж вы все убегаете вместе...» [Там же. С. 393].

Общение с масками характеризуется спонтанностью («Вас я вздумала нынче прославить...» [Там же. С. 390], хотя до этого автор ждет других гостей; появление масок, их уход) и их автономностью относительно воли автора (непослушание). Таким образом, автор здесь предстает не как режиссер произведения, но как зритель спонтанного действия, не зависящего от его воли.

Паратекст заслуживает особого внимания как своего рода авторская интермедия к основному действию поэмы. Ремарки способствуют восприятию текста как театрального действия, разворачивающегося на сцене. Сноски и примечания, принадлежащие автору, носят в некоторой степени пародийный характер («до смешного правдивые», по выражению Ахматовой).

Во второй части «Решка» действие происходит в 1941 г. Мотивы маскарада появляются и здесь, но все направлено на его (маскарада) отрицание и дискредитацию (не оттого ли заглавие «Решка»?).

Ремарка содержит характеристику 1913 г.: «Только что пронеслась адская арлекинада 13 года, разбудив безмолвие великой молчалиницы-эпохи и оставив за собой тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры» [1. С. 405]. Осознание «беспорядка» как последствия маскарадного праздника становится характеристикой эпохи. По этому поводу Алла Демидова заметила: «Я думаю, это не собственная вина Ахматовой, а ее двойника, ее лирического героя, скорее даже ее поколения, жившего так беспечно в предгрозовые годы <...> двойничество выявило очень важную для Ахматовой нравственную тему. Она и ее современники не удержали новый век на должной нравственной и духовной высоте – и поплатились за это вместе со всей страной теми испытаниями, которые начались с Первой мировой войной и революцией 1917 года» [3. Ч. 4. Гл. 2]. Именно поэтому в третью главу входит широкий исторический контекст. Возможно, это и составляет главный пафос поэмы.

О соотношении времен – прошлого и настоящего – говорится в строках:

*Между «помнить» и «вспомнить», други
Расстояние как от Луги
До страны атласных баут*

[1. С. 408].

По свидетельствам современников, баута – не только символ карнавала, но и вполне конкретная деталь интерьера в «Привале комедиантов», рядом с портретом Ольги Глебовой-Судейкиной.

Противопоставляя времена, Ахматова пишет:

*Карнавальная полночь римской
И не пахнет*

[1. С. 407].

Отрицание наличия хоть какой-то частицы Италии в современной жизни наводит на воспоминание о традиции итальянского текста в русской культуре: восторженного отношения к Италии в период его формирования – в начале XIX в., разочарования – в середине и второй его половине. Двадцатый век в полной мере повторил эту тенденцию. Легкомысленное увлечение Серебряного века Италией и итальянским карнавалом несовременно и вызывает осуждение. Автор в этой части словно бы оправдывается перед читателями:

*И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издали слышав вой*

[Там же. С. 406];

или:

*А столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем*

[Там же. С. 410].

Неожиданно сравнивается с маской Седьмая симфония Шостаковича, ставшая одним из культурных «символов» блокады:

*И со мною моя «Седьмая»
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит*

[Там же. С. 407].

Сороковые годы – эпоха настоящих, «некукольных» страданий, когда умирают даже произведения искусства. Как контрапункт к «арлекинаде» появляются, усиливаясь к финалу, мотивы античной трагедии:

*Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет...*

[Там же. С. 398];

*Я же роль рокового хора
На себя согласна принять*

[Там же];

*Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира
На пороге стоит Судьба*

[Там же. С. 408].

Если первые две приведенные цитаты еще можно отнести на счет героев поэмы, то третья явно говорит о самоотожествлении автора с трагиками Античности и Возрождения. Подлинная трагедия – не любовный треугольник Арлекина, Коломбины и Пьеро, а грядущая история. Автор, надевающий маску античного трагика (показательна игра созвучий «рок – хор»), – это, вероятно, не столько видение Ахматовой самой себя, сколько сознание, поднявшееся над временем и понявшее значение будущих катастроф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Комедия дель арте не имела предзаданного сценария, заранее был известен только общий ход действия, остальное во многом зависело от мастерства актера, его находчивости и способности к импровизации.
- ² К образам и эстетике комедии дель арте обращались И. Анненский, В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, М. Кузмин, Вяч. Иванов, Н. Гумилев и др. Ставились спектакли с такими названиями, как «Шарф Коломбинь», «Венецианские безумцы», «Маскарад», «Покрывало Пьеретты», «Ящик с игрушками» и др. Известны картины К.А. Сомова «Арлекин и дама», «Арлекин и Смерть», «Язычок Коломбины».
- ³ Псевдоним Мейерхольда был взят из повести Гофмана «Приключения накануне Нового года». Необходимость появления псевдонима была вызвана запретом работать в других театрах под своим именем режиссеру, состоящему на государственной службе. Под этим же псевдонимом Мейерхольд издавал журнал «Любовь к трем апельсинам».
- ⁴ Ср. в сцене свидания: «И *волочит* полость козья» (курсив мой. – А.Н.) [1. С. 398].
- ⁵ На рубеже XIX–XX вв. в Европе и России получил особую популярность сюжет любовного треугольника Пьеро – Коломбина – Арлекин. Именно неудача Пьеро становится основанием для самоотжествления с этим образом лирического героя Князева.
- ⁶ В этом отношении показательна, например, комедия Карло Гольдони «Слуга двух господ», воспринявшая многое от традиций комедии дель арте.
- ⁷ Авторская датировка «Вступления»: «25 августа 1941 года. Осажденный Ленинград» [1. С. 388].
- ⁸ О таком сложном отношении творца и его произведения см. в статье [5. С. 155–156].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Стихотворения и поэмы. М., 2009.
2. Цивьян Т.В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других *русских Венеций* // Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 40–50.
3. Демидова А. Ахматовские зеркала. Ч. 1–5. URL: <http://www.akhmatova.org/bio/demidova3.htm>
4. Чуковская Л.К. Герой «Поэмы без героя» // Знамя. 2004. № 9. С. 128–141.
5. Лебедева О.Б. Традиции commedia dell'arte в лирике и драме Александра Блока // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 145–164.
6. Тименчик Р.Д. Заметки о «Поэме без героя» // Поэма без героя : в 5 кн. / вступ. ст. Р.Д. Тименчика. М. : Изд-во МПИ, 1989. С. 3–25.
7. Тименчик Р.Д. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113–121.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 февраля 2016 г.

ELEMENTS OF COMMEDIA DELL'ARTE POETICS IN *POEM WITHOUT A HERO* BY ANNA AKHMATOVA

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 10–14. DOI: 10.17223/15617793/403/2

Neznamova Anna Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: paradoxoid@inbox.ru

Keywords: Akhmatova; *Poem Without a Hero*; commedia dell'arte; 20th century; theater; masquerade.

The article tells about the problem of using elements of poetics of Italian commedia dell'arte (13th century), a specifically Italian phenomenon of a universal cultural importance, in *Poema bez geroya* [Poem Without A Hero] by A. Akhmatova. During the first decade of the 20th century the theater flourishes in Russia. The common climate of the era (or, rather, the turn of the era) is marked by an avocation to the spirit of mysticism, prophecy and eschatology. The theme of masquerade is one of the most common in this period. Therefore, masquerade has different interpretations, it is not only the carnival fun, but also deception, art, mysticism, even dance macabre. The concept of the mask corresponds to the concept of magnitude, hypocrisy. It most suited the Silver Age characterized by numerous life-building experiments. Russian artists submitted their everyday behavior to a mask or a role they selected wanting the audience to see the image of their real faces they created themselves rather than their real faces. It should be noted that commedia dell'arte is not the only genre tradition in the implementation of the carnival theme. Poetics and semantics of the carnival are determined not only by its antique (of the ancient Rome, thus proto-Italian) origin, but also by the European Medieval (especially French) tradition. In addition, there are motifs of the coven that refer to Goethe's *Faust*. Thus, commedia dell'arte, originally an entertaining genre, acquires tragic and infernal nature ("infernal harlequinade") in Akhmatova's work, where actor's dramatic identification may have the semantics of witch metamorphosis, change of the essence, not of change of masks. In *Poem Without a Hero*, dedicated to the 1910s, the theatrical theme is associated with the image of the protagonist, Olga Glebova-Sudeykina, whose life and love story is the basis of the poem. However, the main character represents the epoch, as indicated by her nomination "Colombine of the '10s". The multidimensional image of the character which consists of the "top" and the "bottom" carnival elements is described using the motif of the doll, provoking the reader to ethically evaluate the "carnival" of the 1910s and of its participants. The love triangle is a traditional story interpreted through figures of commedia dell'arte. In the story, there are several levels, the line of the heroine is projected on the storyline of the author. This theme of duality and mirror is also in the artistic code of commedia dell'arte. In this article, the author concludes that poetics of commedia dell'arte is one of the structural and semantic elements of the poem, although it was perceived via the tradition and the esthetics of masquerade.

REFERENCES

1. Akhmatova, A. (2009) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. Moscow: PROZAIK.
2. Tsiv'yan, T.V. (2001) *Semioticheskie puteshestviya* [Semiotic travel]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. pp. 40–50.
3. Demidova, A. (2010) *Akhmatovskie zerkala* [Akhmatova's mirrors]. Parts 1–5. [Online]. Available from: <http://www.akhmatova.org/bio/demidova3.htm>
4. Chukovskaya, L.K. (2004) Geroy "Poemy bez geroya" [Hero of the Poem Without a Hero]. *Znamya*. 9. pp. 128–141.
5. Lebedeva, O.B. (2014) The traditions of commedia dell'arte in Alexander Blok's lyric and drama ("Verses about the Beautiful Lady" – "The Fairground Booth" – "Mask of snow"). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. pp. 145–164. (In Russian).
6. Timenchik, R.D. (1989) Zаметки о "Поэме без героя" [Notes on the Poem Without a Hero]. In: Akhmatova, A. *Poema bez geroya: V 5 kn.* [Poem Without a Hero: in 5 books]. Moscow: Izd-vo MPI.
7. Timenchik, R.D. (1984) Rижский эпизод в "Поэме без героя" Anny Akhmatovoy [The Riga episode in the Poem Without a Hero by A. Akhmatova]. *Daugava*. 2. pp. 113–121.

Received: 08 February 2016

ВЫБОР РОДИТЕЛЬНОГО / ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АБСТРАКТНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ С ОТРИЦАНИЕМ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДАВАТЬ, НАХОДИТЬ, ОБНАРУЖИВАТЬ)

Рассматриваются причины выбора родительного или винительного падежа абстрактных существительных при глаголах «давать», «находить», «обнаруживать». Исследуется структура конструкций, образуемых указанными глаголами и абстрактными существительными. В зависимости от структуры конструкции делятся на группы: односубъектная (описательные предикаты) и двусубъектная, отдельно рассматриваются каузативные конструкции. Рассматривается зависимость причин выбора падежа от типа глагольно-именной конструкции.

Ключевые слова: отрицание; абстрактные существительные; отвлеченные существительные; описательный предикат; выбор падежа при отрицании.

Выбор падежа при отрицании – это такая лингвистическая проблема, которая создает трудности как для обычного носителя языка, так и для лингвиста. Носитель языка должен решить, какую форму существительного – родительного или винительного падежа – выбрать при переходном глаголе с отрицанием: следовать ли строгому правилу или в соответствии с собственным языковым чутьем выражать определенные значения с помощью одной или другой формы. Лингвист должен, во-первых, понять, что происходит в речевом узусе, что изменилось по сравнению с XIX и первой половиной XX в., каково соотношение винительного и родительного падежей в современной языковой системе, и, во-вторых, решить, стоит ли сохранять жесткое правило для употребления падежа при отрицании или сформулировать новое правило-рекомендацию с учетом произошедших изменений.

Нарушения правила строгого употребления родительного падежа фиксируются в литературных текстах начиная с первой трети XIX в. Однако еще в середине XX в. мы находим следующую формулировку: «В современном русском литературном языке общим правилом является употребление при одном и том же глаголе имени существительного в винительном падеже в словосочетаниях без отрицания и в родительном падеже в словосочетаниях с отрицанием» [1. Ч. 1. С. 121].

В Русской грамматике 1980 г. говорят уже не об «общем правиле», а о возможности замены падежа при переходном глаголе с отрицанием: «При переходных глаголах с отрицанием сильноуправляемое имя со знач. объекта может иметь форму род. или вин. п. Единая старая норма обязательного род. п. при глаголах с отрицанием в современном языке под влиянием разговорной речи не выдерживается: во многих случаях употребление вин. п. не только предпочтается, но и является единственно правильным» [2. С. 415]. И далее: «При этом одни факторы диктуют обязательное употребление только вин. или только род. п., другие предопределяют лишь предпочтительное употребление того или другого падежа» [Там же].

К факторам, диктующим обязательное употребление родительного падежа, грамматика относит устой-

чивые глагольные сочетания с существительными абстрактной (отвлеченной) семантики (абстрактными / отвлеченными существительными): «Родительный падеж обязателен в следующих случаях... В ряде устойчивых глагольных сочетаний с отвлеченными существительными (перечни не исчерпывающие): *не играет роли, не производит впечатления, не обращает внимания, не приносит ущерба, не уделяет внимания, не придает значения, не находит отражения, отклика, не получает признания, отклика, отражения*» [2. С. 416].

Подобное указание – на предпочтительность родительного падежа абстрактных существительных при отрицании – дается и в популярных научных изданиях, ориентированных на широкую аудиторию. Так, в частотно-стилистическом словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» [3] говорится «о предпочтительности формы» родительного падежа у существительных с отвлеченным значением [3. С. 35]. В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя [4] указано, что «родительный падеж, имеющий в рассматриваемой конструкции значение подчеркнутого отрицания, обычно употребляется... при выражении дополнения отвлеченными существительными: *не дает оснований, не обнаруживает понимания, не теряет надежды, не скрывает радости, не осуществляет контроля, не упускает случая, не делает уступок*» [4. С. 297–298]. (То же в [5. С. 264] и [6. С. 112].)

Действительно, по материалам Национального корпуса русского языка примеров указанных конструкций с существительными отвлеченной семантики в родительном падеже больше, чем с теми же конструкциями с винительным падежом¹. Но чем объяснить далеко не единичные случаи появления винительного падежа? И по какой причине в одних конструкциях родительный держится прочнее, чем в других?

В справочниках, как видно из приведенных цитат, говорится не только об устойчивых сочетаниях, но и о любых конструкциях с отвлеченными существительными. Падеж при отрицании в устойчивых сочетаниях в РГ-80 объясняется тем, что «без отрицания такие сочетания утрачивают идиоматичность» [2. С. 416]. Другими словами, в устойчивых сочетаниях связь

между их частями неразрывна, и для поддержания этой связи нужна форма родительного падежа.

Однако причинной единства глагола и абстрактного существительного может быть не только устойчивый характер конструкции. При сравнении примеров (1) и (2)² становится ясно, что одно и то же абстрактное существительное может образовывать более или менее тесную связь с разными глаголами.

(1) Книга Морисон на эти вопросы *не даёт ответа* [Эдуард Вирапян. Разорванный маршрут // Знание – сила. 2003].

(2) Громким хриплым голосом он трижды позвал жену, но *не услышал ответа* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого. 2000].

Конструкция в примере (1) – *не даёт ответа* – представляет собой **описательный предикат**³ – такое сочетание глагола с синтаксически зависимым от него пропозициональным именем существительным (т.е. обозначающим событие, по семантике соотносимое с глаголом), которое можно заменить однословным предикатом (ср. *давать ответ* = *отвечать*, *давать объяснение* = *объяснять* и под.). В таких сочетаниях лексическое значение – ситуации – выражается существительным, а грамматическое – глаголом. При этом и глагол, и существительное относятся как единое целое к одному лицу – в данном случае подлежащему, книге.

Такой связи в конструкции в примере (2) нет. Ситуация ответа существует отдельно от подлежащего и с глаголом единого предиката не образует. Ситуация, выраженная существительным, существует сама по себе, а действие, выраженное глаголом, осуществляется субъектом-подлежащим. Родительный падеж здесь результат **пресуппозиции несуществования** – предположения о том, что объект, выраженный существительным, зависящим от переходного глагола с отрицанием, не существует в мире или в сфере восприятия субъекта. То, что субъект, выраженный подлежащим, не находит ответа, может означать, что либо ответа не существует в мире (жена не ответила), либо его не существует в сфере восприятия субъекта (ответ был, но его не услышали). Родительный падеж в случае (2) не менее обоснован, чем в (1), но обусловлен он не внутриязыковой связью между существительным и глаголом, а пресуппозицией, содержащейся в высказывании.

Далее, если сравнивать конструкции в примерах (2) и (3), то видно, что связь между частями конструкции в них разная.

(3) Многие вопросы *не находили ответа*. Даже, казалось бы, обыкновенные, бытовые [Григорий Фукс. Двое в барабане // Звезда. 2003].

Конструкция в (3) – тоже описательный предикат, как и в (1), но **«обратный» («конверсивный»)**: действие совершается не субъектом, выраженным подлежащим, а наоборот, направлено на него: *не находили ответа* = *на них не отвечали*. Конструкция так же, как и в (1), заменяется на один предикат, но подлежащее при нем – объект, а не субъект.

Исходя из сказанного, конструкции с абстрактными существительными при переходном глаголе с отрицанием можно разделить на две группы:

1) **односубъектные конструкции**, в которых действия по глаголу и по существительному осуществляются одним субъектом;

2) **двусубъектные конструкции**, в которых действия по глаголу и по существительному осуществляются двумя разными субъектами.

В примерах обеих групп превалирует родительный падеж, но обусловлен он разными причинами, как и винительный падеж.

В данном исследовании анализируются примеры из НКРЯ за период 2000–2015 гг. с глаголами *давать*, *находить* и *обнаруживать* и существительными абстрактной семантики. Выбор глаголов обусловлен тем, что в сочетании с абстрактными существительными у них появляются особые значения, притом разных типов:

1) односубъектные конструкции: *дать* – «В сочетании с существительным выражает действие по знач. данного существительного. *Д. согласие (согласиться)*. *Д. трещину (треснуть)*. *Д. приказ (приказать)*» [17]; *найти* – «Испытать, получить что-н. со стороны кого-чего-н. *Н. утешение в занятиях*» [17];

2) двусубъектные конструкции: *дать* – «доставить, принести как результат чего-н. *Труд дал удовлетворение. Земля дала урожай*» [17]; *найти* – «Испытать, получить что-н. со стороны кого-чего-н. *Н. удовольствие в беседах с кем-н.*» [17].

Особое значение с абстрактными существительными появляется у глагола **обнаружить** – «Показать, сделать явным, видимым. *О. свою радость*» [17] – значит не просто быть радостным, но и показывать это.

Кроме того, с абстрактными существительными у глагола *дать* возможны конструкции с каузативным значением: *дать* – «Осуществить то, что приводит к значительному результату. *Эксперимент дал хорошие результаты*» [17].

1. Односубъектные конструкции.

К этой группе относятся конструкции, в которых глагол с существительным образуют описательный предикат или «конверсивный» описательный предикат.

Описательные предикаты часто встречаются с существительными речемыслительной семантики: *не даёт оценок* = *не оценивает*⁴ (1.1), не даёт команду = не командует (1.2), не даёт разрешения = не разрешает (1.3), не даёт информации = не информирует (1.4), не нашёл смелости = не осмелился (1.5) и т.п.

(1.1) Только не о том речь. Старая система даже при идеализированных условиях *не даёт* объективной оценки знаниям [коллективный. Ваше отношение к ЕГЭ (2008)].

(1.2) ...Медлительно готовя первую атаку, «зенитчики» с машинной точностью передавали и принимали мяч, свободно-безнаказанно – выбрасывать в прессинг высоко в чужую половину поля Свиридовский команды *не давал*... [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].

(1.3) Они – над нами! – указал он пальцем в потолок. – Если они *не дают разрешения* – мы ничего сделать не можем. Arbeitsamt – выше всех [Михаил Гиголашвили. Адский рай // Зарубежные записки. 2007].

(1.4) Полиция пока *не даёт* точной информации относительно причины смерти, однако источники уверя-

ют, что это было именно самоубийство [Самоубийственная ипотека. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/world/411919.shtml>].

(1.5) Он не мог различить ничего необычного, но признаться в этом Хану *не нашел смелости* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

В такой конструкции семантика действия выражается существительным, а грамматические характеристики – глаголом-компенсатором⁵, который, по сути, играет роль вспомогательную (впрочем, полностью свою семантику глагол не теряет, хотя основное его значение абстрагируется [19]).

Структура пропозиции в этом случае такова. Глагол и объект совокупно обозначают единый предикат, действие по которому выполняет субъект, выраженный подлежащим при данном глаголе. Так, в (1.1) глагол и зависимое от него существительное образуют единый предикат – «не оценивает»; действие выполняет субъект, выраженный подлежащим, – система.

На рис. 1 изображен механизм выражения пропозиции, где *X* – субъект, выраженный подлежащим и выполняющий действие по предикату.

Рис. 1

Таким образом, подобная конструкция образует единое грамматико-семантическое целое, и связь между частями конструкции крепче.

Поскольку в описательных предикатах функции выражения семантического и грамматического смысла распределены между частями конструкции, то связь между ними настолько же крепка, как связь между формой и содержанием в любом языковой знаке. Другими словами, в описательных предикатах с отрицанием накладываются две конструкции: отрицательная и описательного предиката. Отсюда – преобладание примеров с родительным падежом. Окончание **родительного падежа** существительного в этом случае – способ обозначить границу конструкции «не + глагол + существительное», в то время как начало ее маркируется отрицательной частицей.

В **«конверсивных» описательных предикатах** (конструкции типа *находит признание*) действие предиката осуществляет не участник ситуации, выраженный подлежащим, а некий другой субъект, как правило, не названный в предложении; при этом действие будет направлено на субъекта, выраженного подлежащим (оно – объект действия). Механизм пропозиции конверсивных предикатов изображен на схеме 2, где *X* – субъект, выраженный подлежащим, а *Y* – субъект, выполняющий действие по предикату.

Так, в примере (1.6) предикат – *не откликаются*, его субъект – *покупатели*, а объект – подлежащее, *попытки*. Действие совершает не участник ситуации, выраженный подлежащим, как в обычном описатель-

ном предикате, а другой субъект; действие же как бы возвращается на участника-подлежащее – и в этом конверсивность данной группы.

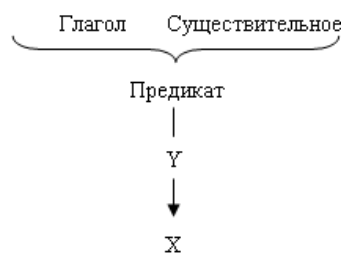

Рис. 2

(1.6) Робкие попытки конкурентов сотворить нечто подобное пока *не находят отклика* у покупателей [Владимир Гаврилов. Зимняя радость. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/01/12/cnews/451406.shtml>].

То же в примерах (1.7), (1.8), (1.9) и под.: не нашли объяснения = не были объяснены, не находят подтверждения = его не подтверждают, не находят трактовки = его не трактуют.

(1.7) Одновременно обнаружили ряд побочных эффектов, также *не находивших объяснения* [Недоспасов А.А., Беда Н.В. «Перфторан» – революционная комбинация // Природа. 2005].

(1.8) Однако в благополучной Москве, живущей по социальным стандартам среднестатистической западной столицы, этот тезис пока *не находит подтверждения* [Михаил Фишман. Место для оппозиции // Еженедельный журнал. 2003.04.14].

(1.9) Ни в одной из теорий, основанных на контактных взаимодействиях частиц, экспериментальный феномен бимодального гранулометрического состава *не находит* адекватной *трактовки* и, более того, им противоречит [Генрих Ходаков. Реология суспензий. Теория фазового течения и ее экспериментальное обоснование // Российский химический журнал. 2003].

Как видно, все глагольные формы, к которым относятся «конверсивные» описательные предикаты (не были объяснены, его не подтверждают, его не трактуют), отличаются от глаголов, заменяемых обычными описательными предикатами (*не оценивает*, не командует, не разрешает, не информирует, не осмелился), только залогом; они «обратны» друг другу. Описательные предикаты и их конверсивы объединяет то, что лексическая и грамматическая функции разделены между частями конструкции, потому совокупно они обозначают единую пропозицию, что удерживает родительный падеж.

Кроме того, и в описательных предикатах, и в их конверсивах отрицанию подвергается не существование объекта при отрицательном глаголе, как для конкретных существительных, а событие, которое лексически объект выражает. Другими словами, отрицается не существование объекта, а факт самого действия. Так, в примере (1.1) отрицается не наличие оценки, а факт ее выражения; в примере (1.6) говорится не о том, что отклика нет, а о том, что покупатели не откликаются.

Появление родительного падежа в описательных предикатах обоих типов будет объясняться целостностью конструкции и нерушимостью ее границ.

Особо стоит оговорить описательные предикаты с глаголом *обнаружить*. В сочетании с абстрактными существительными у него появляется значение «Показать, сделать явным, видимым» [17]. В примерах, где глагол *обнаружить* употребляется в этом значении, он образует описательный предикат: в (1.10) «быть в замешательстве» (как состояние); в (1.11) «не быть знакомыми». Однако на значение предиката будет накладываться дополнительная сема: «показать». Таким образом, в этих примерах появляется Наблюдатель.

(1.10) Чтобы *не обнаружить* своего *замешательства*, она небрежно отбросила ее на траву, но шляпка покатила и – ой, как же быть! – оказалась в речке, где, поплыв, уткнулась в торчавшую из воды зеленую остренькую траву и стала слегка поворачиваться тихим течением [Асар Эппель. Дробленный сатана // Знамя. 2001].

(1.11) При этом, как замечает К.М. Гуревич, авторы постановления о педологических извращениях *«не обнаружили никакого знакомства с состоянием дел в мировой науке по изучению детства»* [А.Н. Лебедев. Отечественные специалисты о советском прошлом психологической науки // Вопросы психологии. 2003. 23 дек.].

Разница будет в существовании / несуществовании объекта: в (1.10) состояние есть, но оно не показано – акцент на дополнительной семе; в (1.11) состояния нет, и поэтому оно не показывается.

Винительный падеж в описательных предикатах при отрицании можно считать следствием тенденции к анализируемости в языке. Конструкция перестает рассматриваться носителями языка как нечто цельное, а «собирается» по частям. Поэтому отпадает необходимость маркировать начало и конец конструкции, важнее становятся значения ее элементов.

Как правило, винительный падеж в описательном предикате встречается в текстах разговорного характера, в которых авторы не слишком заботятся о стилистике текста, как в (1.12), (1.13).

(1.12) Полностью с Вами согласна, но, к сожалению, существуют правила, по которым если клиент *не дает* свое *согласие* на предоставление сведений в БКИ, то банки и не могут этого сделать... [коллективный. Бюро Кредитных Историй. Как найти Кредитную историю, как получить и прочие вопросы (2007–2008)].

(1.13) Аналитики *не дают оценку* сбытов практически вообще. Поэтому просьба сюда выкладывать свою методику расчёта [коллективный. Энергосбыты (2008)].

Однако этого нельзя сказать о примере (1.14). В этом предложении автор сознательно использует винительный падеж, но не для того, чтобы что-то подчеркнуть. Скорее здесь можно говорить об отсутствии восприятия отрицательной конструкции как единого целого, как это было представлено в старой прескриптивной норме родительного падежа.

(1.14) Это люди, которые собираются сделать определенное дело. Они *не дают клятву* на всю жизнь, что мы всегда будем вместе [Ольга Андреева, Сергей Юрский. Артель Юрского и мутация мира // Русский репортер. 2008. № 3 (33)].

Подобные винительные падежи – объясняемые невосприятием целостности конструкции, могут быть объяснены отсутствием четкого правила в школьных учебниках. Так, о том, что дополнение при переходном глаголе может стоять не только в винительном падеже, говорится только в двух учебниках [20. С. 110; 21. С. 146]; и в том и в другом не дается прескриптивного правила замены падежа. В результате носители языка могут узнать об этом правиле только из справочников, но к ним обращаются далеко не все.

Другое объяснение, не связанное с тенденцией к анализируемости, находят примеры (1.15) и (1.16). В (1.15) информация есть, но ее не предоставляют. В (1.16) винительный падеж объясняется референтностью ситуации, выраженной существительным: это эффе-мизм; оценка есть, и она понятна читателю.

(1.15) Позвонить туда или лучше приехать, так как по телефону часто *не дают* такую *информацию*, ну а если вы родственница и спросите лично в СИЗО, то вам обязаны ответить, куда его этапировали [Коллективный. КПЗ, СИЗО и суд. Суды (2010–2012)].

(1.16) Впрочем, некоторые мужчины, позвольте мне сейчас *не давать оценку* их умственным способностям, боясь признаться в том, что с удовольствием читают Маринину, Полякову, Устинову [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)].

Таким образом, винительный падеж при описательных предикатах появляется в тех случаях, когда автор не ощущает единства конструкции либо когда ему необходимо подчеркнуть референтность ситуации, выраженной объектом. Стоит, однако, отметить, что для описательных предикатов примеры с винительным падежом составляют меньшинство, что говорит о том, что носители языка не могут совершенно отказаться от единства и цельности подобных конструкций.

2. Двусубъектные конструкции.

В эту группу отнесем сочетания типа *давать время* – условно назовем эту группу «**глагол + объект**». В отличие от описательных предикатов, в сочетаниях этой группы глагол и существительное образуют разные пропозиции, субъектом для которых будут разные участники (см. рис. 3, где *X* – субъект, выраженный подлежащим; *Y* – другой субъект).

Например, в (2.1) субъект *X* – *я*; субъект *Y* – *они*. «Я» выполняет действие по глаголу *находила*, «они» характеризуются по существительному *веселье*. Обе пропозиции – поиск и веселье – существуют отдельно друг от друга.

(2.1) Наверное, им было холодно и весело, но я, смотревшая пристально, *не находила веселья* [Елена Чижова. Лавра // Звезда. 2002].

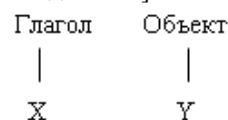

Рис. 3

Таким образом, абстрактное существительное *веселье* будет так же находиться вне предиката, как и любое конкретное существительное. Отрицаться будет наличие объекта. Следовательно, для этой группы можно говорить о действии фактора пресуппозиции несуществования – подразумеваемом отсутствии объекта в действительности или сфере восприятия субъекта [22]. Отсюда – **родительный падеж**.

Так, в примерах (2.2), (2.3), (2.4) можно говорить о несуществовании или отсутствии объекта. В (2.2) и (2.3) объекты – *упоминания* и *картина* – не существуют в мире вообще; в (2.4) – *противоречия* не существуют в сфере субъекта.

(2.2) Наверное может показаться странным, но в сибирском космо я практически *не нахожу упоминаний* Тюмени, не говоря уже о других северных городах⁶ [ЯНАО (форум) (2006)].

(2.3) В нашей стране аналогичные исследования выполнены в единичных случаях (например, В.Н. Дружининым и Н.В. Хазратовой), и они *не дают* ясной *картины* о склонности креативных людей к высокой тревожности и о степени распространения данного явления среди творчески одаренных личностей в России [Е.Ю. Лукаш. Отношение к социальной адаптации у творчески одаренных детей в России и в США // Вопросы психологии. 2004.08.10].

(2.4) Важно отметить, что Верховный суд США рассмотрел этот вопрос и *не нашел противоречия* с конституцией [Раддай Райхлин. Победителей не судят // Лебедь (Бостон). 2003.10.26].

Как можно объяснить появление в таких примерах объектов в **винительном падеже**? Очевидно, вместо пресуппозиции несуществования будет действовать другой фактор, а именно стремление автора подчеркнуть референтность объекта. В примерах (2.5), (2.6) объекты референтны: технология – то, которую дать могли бы, она существует и герой о ней предположительно знает; сравнительные показатели заездов, как предполагает автор, где-то существуют, но он их не может найти.

(2.5) Просто тому же Вестингаузу *технологиию* никто *не дает*, вот он и вынужден учиться на кошках... [коллективный. ТВС-Квадрат (2012)].

(2.6) Нигде *не найду* сравнительные *показатели* заездов болидов F2004 и F2005 команды Ferrari. Кто знает – пишите [Автогонки-1 (форум) (2005)].

О референтности можно говорить и применительно к (2.7). Под словом «подделка» здесь может пониматься как подделанный предмет, так и факт подделки (словарь С.И. Ожегова [17] предусматривает оба эти значения), тем более что широкий контекст дает возможность обеих интерпретаций⁷. При любом понимании винительный падеж объясняется референтностью объекта: субъект знал о том, что объект не подлинный (ср. с (2.8), в котором подделка нереперентна).

(2.7) За то, что они *не обнаружили*⁸ *подделку*, им было обещано полтора миллиона долларов [Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)].

(2.8) Мужик лет сорока с загорелым дочерна лицом лесосплавщика и мозолистыми руками плотника,

дальнозорко отстраняя паспорта, проверил личности гостей. Перебрал накладные. Вникал в качество документов. *Не обнаружив подделки*, потеплел глазами [Виктор Мясников. Водка (2000)].

Таким образом, к конструкциям, семантически включающим две пропозиции, может быть применен критерий пресуппозиции несуществования, как и к конструкциям с конкретными существительными [23]. Нивелироваться действие этого фактора может с помощью выраженной референтности объекта, при которой объект не может не существовать в мире или в восприятии субъекта – в момент совершения действия или в прошлом.

3. Каузативные конструкции.

Отдельную группу конструкций с переходным глаголом с отрицанием и зависимым от него абстрактным существительным составляют конструкции с каузативным значением. В таких конструкциях абстрактное существительное обозначает некоторое событие, а глагол имеет значение каузации этого события (см. рис. 4, где *X* – субъект, выраженный подлежащим; *Y* – другой субъект). Отрицание в них в первую очередь действует на глагол-каузатор, а через него – на событие, обозначаемое существительным: нет каузации – нет события.

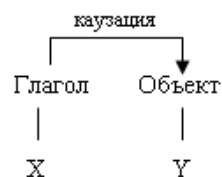

Рис. 4

Эта группа неоднородная; механизм выбора падежа в одних случаях будет таким, как в группе односубъектных конструкций; в других случаях – как у двусубъектных. На основании этого можно выделить две группы каузативных конструкций с абстрактным существительным.

К первой группе каузативных глаголов отнесем конструкции, в которых абстрактное существительное, обозначающее событие, вместе с глаголом может быть заменено одним глаголом (как в описательных предикатах), в семантику которого включено значение каузации. В (3.1) это конструкция *дает загрязнение* = *каузирует загрязнение* = *загрязняет*.

(3.1) Это зеленый атом, тот же принцип, что и во всех древних машинах. Она *не дает* *загрязнения* ни при каких обстоятельствах и стоит крайне дорого – такой батареи нет даже у моей «Хеннелоры» [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

То же в (3.2) (3.3) (3.4): не дает света = не каузирует светло = не освещает, не дают защиты = не каузируют защищенность = не защищают, не дает осложнений = не каузирует осложнения = не осложняет.

(3.2) Темно, только красный китайский фонарик совсем низко над кроватью, но он почти *не дает света* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

(3.3) Они, конечно, *не дают* стопроцентной *защиты*, но такого, чтобы прививка вовсе не влияла на

вероятность заражения, не было никогда [Борис Жуков. Эстафета наступания на грабли // Русский репортер. 2009. № 14 (93). 16–23 апреля].

(3.4) Прививка от кори безвредна и *не дает осложнений* [коллективный. В Москве приняты особые меры по профилактике кори. Что будет? (2012)].

Родительный падеж при отрицании в этих конструкциях так же частотен, как и в описательных предикатах, и объясняется тем же: тут так же одно значение разделено между разными словами.

Винительный появляется по тем же причинам: референтность (3.5) и тенденция к аналитизму.

(3.5) Температура в помещениях не превышает 7–9 градусов. Тепло не дает котельная, находящаяся на территории колонии [Коллективный. Колонии Нижегородской области (2009–2011)].

Составляющие каузативной конструкции другой группы не могут быть заменены на один глагол, как в примерах второй группы с двусубъектными конструкциями.

Отрицательную конструкцию в (3.6) можно прочесть следующим образом: *не давал развода* = *каузировал не разводиться*. Здесь отрицается глагол *давать*, а через него – и ситуация развода. Другими словами, ситуация не существует – то же, что пресуппозиция несуществования в примерах с родительным падежом в двусубъектных конструкциях.

(3.6) В одном из них я и узнала, что Щеглова рассталась со здешним мужем, очень, кстати, приличным человеком, который много лет *не давал* ей *развода*, но все-таки сдался... [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].

Так же в (3.7) (3.8) (3.9): нет каузации и, соответственно, нет блеска, повода и кайфа.

(3.7) Такой тонкий слой лака, частично впитанный поверхностным слоем древесины, *не дает* сильного *блеска*, но достаточно хорошо защищает поверхность [Алла Персияненко. Лесные фантазии // Народное творчество. 2004.08.16].

(3.8) А между тем материалы русской земской статистики *не давали повода* для таких ленинских обобщений [Гавриил Попов. Ошибка в проекте. Ленинский тупик // Наука и жизнь. 2009].

(3.9) Когда все уходило, он заново переваривал остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» *кайфа* практически *не давал*, но

ломку снять на время мог [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Определение причин появления в этих конструкциях винительного падежа пока представляет трудность. Говорить о референтности, как в двусубъектных конструкциях, применительно к таким примерам, как (3.10) (3.11) (3.12), нельзя; в этих контекстах ожидается родительный падеж.

(3.10) Конечно, людям без сердца она позволяет предполагать, что они всё знают об этом сочинении, но она же, как темные очки, *не дает возможность* разглядеть мир в истинных красках... [Сергей Есин. Марбург (2005)].

(3.11) Точно так же как промах педагога *не дает право* применять к нему угрозы физической расправы [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)].

(3.12) А вот сверхспособности *не дают счастье*, скорее наоборот [Дети индиго (обсуждение публикации) (форум) (2006–2007)].

Так, применение фактора референтности к примерам этой группы не представляется совершенно бесспорным. Группа каузативных конструкций представляет собой материал для отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи оставим ее в стороне.

Таким образом, абстрактное (отвлеченное) значение имени существительного само по себе не может считаться фактором, требующим родительного падежа при переходном глаголе с отрицанием. В отрицательных конструкциях с абстрактным существительным действуют другие факторы, зависящие от семантической структуры конструкции. Так, в односубъектных конструкциях (описательные предикаты и «конверсивные» описательные предикаты) родительный падеж – часть отрицательной конструкции, маркер ее границы наряду с частицей *не*; винительный падеж появляется под действием тенденции к аналитизму и распада отрицательной конструкции как единого целого или при появлении более сильного семантического фактора (тематической позиции имени в тема-рематической структуре высказывания или фактора референтности). Такой же механизм обнаруживают описательные предикаты с каузативным значением. В двусубъектных конструкциях родительный падеж определяется пресуппозицией несуществования ситуации или действия, выраженного именем существительным, в то время как в винительном падеже стоят референтные объекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, соотношение количества примеров с родительным и винительным у конструкций разное: у одних примеры с родительным падежом в подавляющем большинстве (соотношение для *не обнаруживает понимания* – 3:0; *не теряет надежды* – 16:1, *не скрывает радости* – 39:1, *не делает уступок* – 101:1); для других примеров с винительным сравнительно больше (*не дает оснований* – 25:7, *не упускает случая* – 5:3).

² Примеры из НКРЯ.

³ В научной литературе также встречаются термины: лексикализованные сочетания [7], глагольно-описательные выражения [8], устойчивые глагольные сочетания [9], субстантивные описания [10], перифразы [11], глагольно-именные сочетания [12], перифрастические устойчивые сочетания [13], аналитические предикаты [14], глагольно-именные перифрастические обороты [15], описательные предикаты [16].

⁴ У существительных типа *заключение* появляется второе значение, конкретно-предметное – «документ».

⁵ По терминологии коммуникативной грамматики [18].

⁶ Пунктуация автора сохранена.

⁷ «Операцией руководили Масами и Ешиаки. Нам стало известно, что эти двое вступили в предательский сговор с китайцами. В их обязанности входило тщательно, при помощи специального оборудования, проверить передаваемые наличные деньги. За то, что они не обнаружили подделку, им было обещано полтора миллиона долларов» [Ростовский А. Русский синдикат. Цит. по: www.litmir.co].

⁸ Здесь глагол обнаружить в первом значении – «найти».

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. Т. II : Синтаксис. М. : Наука, 1954. 511 с.
2. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. 2. 714 с.
3. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М. : Наука, 1976. 456 с.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.Б. Голуб. 16-е изд. М. : Айрис-пресс, 2012. 368 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М. : Айрис-пресс, 2003. 832 с.
6. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке : словарь-справочник для работников печати. М. : Книга, 1981. 207 с.
7. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 31–53.
8. Мордвилко А.П. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний // Русский язык в школе. 1961. № 4. С. 24–29.
9. Силукова В.А. Переходные типы устойчивых глагольных словосочетаний с винительным падежом существительного в современном русском языке // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена. 1963. Т. 248. С. 115–123.
10. Дмитриева Н.С. Процесс десемантизации глагола в составе субстантивных описаний // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. С. 27–37.
11. Шубина А.В. О специфических особенностях функционирования перифразы и однокоренного глагола-синонима // Русский язык в школе. 1973. № 2. С. 89–92.
12. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка : словарь-справочник. Изд. (1, 2-е), 3-е, испр. и доп. М. : Рус. яз., (1975, 1979), 1983. 256 с.
13. Жулинская Л.К. Значения перифрастических устойчивых сочетаний глагольного характера и форма их распространения // Русский язык в школе. 1975. № 2. С. 93–96.
14. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М. : Высш. шк., 1976. 141 с.
15. Похмельных В.В. Некоторые особенности функционирования глагольно-именных перифрастических оборотов // Русский язык в школе. 1985. № 3. С. 72–77.
16. Канза Р. Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 253 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 тыс. слов и фразеологических выражений / Российская АН. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.
18. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
19. Макович Г.В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке. Челябинск, 1995. 152 с.
20. Русский язык. 6 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : в 2 ч. Ч. 2 / [М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. 5-е изд. М. : Просвещение, 2015. 175 с. : ил.
21. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 кл. Углубл. изуч. : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : Дрофа, 2012. 415 с.
22. Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–43.
23. Беляева А.В. Генитив при глаголах обладания и восприятия // Объектный генитив при отрицании в русском языке / [ред. кол.: А.Б. Лещинский, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова; сост. Е.В. Рахилина]. М. : Пробел-2000, 2008. С. 57–77.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2016 г.

THE ABSTRACT NOUN GENITIVE / ACCUSATIVE CASE CHOICE IN TRANSITIVE VERBS UNDER NEGATION (CORPUS STUDY OF CONSTRUCTIONS WITH VERBS *DAVAT'*, *NAKHODIT'*, *OBNARUZHIVAT'*)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 15–22. DOI: 10.17223/15617793/403/3

Fesenko Vera P. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: verun4ik_18@mail.ru

Keywords: negation; abstract nouns; descriptive predicate; case choice under negation.

The object case choice in transitive verbs under negation is one of problem questions in modern Russian linguistics. Modern grammars and reference books in Russian recommend to use abstract nouns in negative constructions in the genitive case. The reason for the recommendation is the stable character of constructions with abstract nouns for the firmer stability inside of the construction. But the reason could be not only in the construction stability. One of the alternative reasons is that many constructions with abstract nouns constitute descriptive predicates (*ne daet otveta* = *ne otvechaet* [gives no answer = does not answer]). In such a construction the semantics of the action is expressed by a noun, and grammatical characteristics are expressed by a verb-compensator which plays a supporting role. Since the function of semantic and grammatical meaning expression in descriptive predicates is distributed between parts of the construction, the relationship between them is as strong as the link between form and content in any language sign. In other words, two constructions overlap: the negative and the descriptive predicates. Hence the predominance of examples with the genitive case takes place. The genitive case ending in noun in this case is a way to demarcate the construction “*ne* [not] + verb + noun”, while its beginning is marked by a negative particle. A verb and a noun in a descriptive predicate refer to the same subject. That is why these structures with descriptive predicates are referred to as *one-subject constructions*. The same mechanism works in constructions like *ne nakhodit otveta* [does not find an answer]: they can also be replaced by a single verb, but in a passive form; this is the same descriptive predicate, but “reverse”, “conversive”. The verb and the noun in the “conversive” descriptive predicate, like in the ordinary one, belong to the same subject, but the subject is the object rather than the subject. The accusative case in descriptive predicates under negation can be considered as a consequence of the tendency to analytism in language. The construction begins to be considered by native speakers not as a whole, but as parts that are brought together. Therefore, there is no need to mark the boundaries of the construction, its elements are much more important. Negative constructions with a verb and an abstract noun do not constitute a descriptive predicate (*ne uslyshal otveta* [did not hear the answer]), the genitive case is a consequence of non-existence presupposition: if no response is heard, it probably does not exist. At the same time, the verb and the noun refer to different subjects: one subject responds while the other one hears the answer. These constructions are referred to as *two-subject constructions*. The accusative case appears in two-subject constructions when the author wants to mark the referential status of an object. The study deals

with examples taken from the National Corpus of the Russian Language for 2000–2015 with verbs *davat'* [give], *nakhodit'* [find] and *obnaruzhivat'* [discover] that in combination with abstract nouns allow both types of the construction. The examples of both groups mostly contain genitive nouns, but it is caused by different reasons, like accusative ones.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (ed.) (1954) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Vol. II. Moscow: Nauka.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
3. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (1976) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkiy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. Experience of the frequency stylistic dictionary of choices]. Moscow: Nauka.
4. Rozental', D.E. (2012) *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoy pravke* [Handbook of spelling and literary editing]. 16th ed. Moscow: Ayrispress.
5. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (2003) *Slovar' trudnostey russkogo yazyka* [The Dictionary of the difficulties of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Ayrispress.
6. Rozental', D.E. (1981) *Upravlenie v russkom yazyke: slovar'-spravochnik dlya rabotnikov pechati* [Patterns in the Russian language: Glossary for printing workers]. Moscow: Kniga.
7. Ozhegov, S.I. (1957) O strukture frazeologii: (v svyazi s proektom frazeologicheskogo slovary russkogo yazyka) [On the structure of phraseology (in connection with the project of a phraseology dictionary of Russian)]. *Leksikograficheskii sbornik*. 2. pp. 31–53.
8. Mordvilko, A.P. (1961) Glagol'no-imennye opisatel'nye vyrazheniya kak osoby tip ustoychivyykh slovosochetaniy [Descriptive verbal-nominal expressions as a special type of stable word combinations]. *Russkiy yazyk v shkole*. 4. pp. 24–29.
9. Silukova, B.A. (1963) Perekhodnye tipy ustoychivyykh glagol'nykh slovosochetaniy s vinitel'nym padezhom sushchestvitel'nogo v sovremennom russkom yazyke [Transitional types of stable verbal phrases with the accusative case of a noun in the modern Russian language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena*. 248. pp. 115–123.
10. Dmitrieva, N.S. (1971) Protseess desemantizatsii glagola v sostave substantivnykh opisaniy [Desemantization of the verb as a part of substantive descriptions]. In: Nesterov, A.F. (ed.) *Ocherki po semantike russkogo glagola* [Essays on the semantics of the Russian verb]. Ufa: BGU im. 40-letiya Oktyabrya.
11. Shubina, A.B. (1973) O spetsificheskikh osobennostyakh funktsionirovaniya perifrazy i odnokorennoy glagola-sinonima [On the specifics of the functioning of periphrases and single-rooted verb synonyms]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 89–92.
12. Deribas, V.M. (1983) *Ustoychivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka: slovar'-spravochnik* [Stable verb-noun phrases of the Russian language: a reference book]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Zhulinskaya, L.K. (1975) Znacheniya perifrasticheskikh ustoychivyykh sochetaniy glagol'nogo kharaktera i forma ikh rasprostraneniya [Meanings of periphrastic stable combinations of verbal nature and their distribution]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 93–96.
14. Lekant, P.A. (1976) *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Pokhmel'nykh, V.V. (1985) Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya glagol'no-imennykh perifrasticheskikh oborotov [Some features of the functioning of verbal-nominal periphrastic phrases]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3. pp. 72–77.
16. Kanza, R. (1991) *Opisatel'nyy sposob vyrazheniya semanticheskogo predikata v sovremennom russkom yazyke (predikat so znacheniem sostoynaniya cheloveka)* [The descriptive method of the semantic predicate expression in the modern Russian language (the predicate with the meaning of the human condition)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
17. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 80 tys. slov i frazeologicheskii vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian language. 80 thousand words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: A TEMP.
18. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian language]. Moscow: V.V. Vinogradova Institute of the Russian Language, RAS.
19. Makovich, G.V. (1995) *Opisatel'nye predikaty so znacheniem konkretnogo deystviya, povedeniya, kognitivno-poznavatel'noy i rechevoy deyatel'nosti v sovremennom russkom yazyke* [Descriptive predicates with the meaning of a particular action, behavior, cognitive and speech activity in the modern Russian language]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
20. Shanskiy, N.M. (ed.) (2015) *Russkiy yazyk. 6 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy: v 2 ch.* [Russian language. Grade 6: for general education organizations: in 2 parts]. 5th ed. Pt. 2. Moscow: Prosveshchenie.
21. Babaytseva, V.V. (2012) *Russkiy yazyk. Teoriya. 5–9 kl. Uglubl. izuch.* [Russian language. Theory. Grades 5–9. In-depth study]. Moscow: Drofa.
22. Paducheva, E.V. (2006) Genitiv dopolneniya v otritsatel'nom predlozhenii [The genitive of the object in the negative sentence]. *Voprosy yazykoznananiya*. 6. pp. 21–43.
23. Belyaeva, A.V. (2008) Genitiv pri glagolakh obladaniya i vospriyatiya [The genitive with verbs of possession and perception]. In: Rakhilina, E.V. *Ob'ektnyy genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [Object genitive under negation in Russian]. Moscow: Probel-2000. pp. 57–77.

Received: 26 January 2016

ИСТОРИЯ

УДК 94(510.4)

Е.Б. Барина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматриваются разные аспекты отношений Китая с кочевниками Центральной Азии, которые связаны с переселением соседних народов на северные границы Империи. Важнейшей особенностью сложившейся этнополитической ситуации было то, что государственно-политическое объединение северного Китая обеспечило объективные условия и возможности для наиболее тесного взаимодействия и постепенного культурного объединения различных народов империи на основе более древней и высокоразвитой китайской культуры.

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; этнокультурные контакты; Средние века.

Политика Китая в отношении окружающих его кочевых народов, прежде всего Центральной Азии, значительно различалась в отдельные исторические эпохи, хотя стратегия всегда была одна – максимально расширить сферу влияния на окружающие территории и в то же время обезопасить население своего государства от внешней агрессии¹.

На начальном этапе Китай решал эту задачу, стремясь отдалить кочевников от своих границ и максимально отгородиться от их проникновения. С этой целью при династии Цинь была построена Великая стена, а при династии Хань создана укрепленная линия. Однако защита границ с использованием оборонительных сооружений требовала больших материальных затрат и не приносила желаемых результатов.

Тогда политика в отношении кочевников была пересмотрена. В правление ханьского императора У-ди была использована новая тактика борьбы с кочевниками. В 119 г. до н.э. военачальник Хо Цюйбин (140–117 гг. до н.э.) переселил к укрепленной линии в пяти округах – Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляодун и Ляоси – часть кочевого народа ухуаней², которые традиционно находились во враждебных отношениях с сюнну³. Их задачей было следить за передвижениями кочевых народов на приграничных территориях. Переселение ухуаней было произведено не на китайские земли, а к укрепленной линии, поэтому это переселение еще нельзя рассматривать как появление кочевников на территории Китая⁴.

В период правления ханьского императора Сюаньди (74–49 гг. до н.э.) началось переселение кочевников непосредственно в Китай. В 51 г. до н.э. шаньюй⁵ сюнну признал себя слугой китайского императора, а в ответ династия Хань выделила для сюнну северную часть области Бинчжоу (северные районы современных провинций Шаньси и Шэньси). В итоге более 5 тыс. сюннских юрт явились во входившие в эту область округа, в том числе округ Шофан (на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия), и стали смешанно жить с ханьцами [б. С. 151].

Следующее крупное переселение произошло в начале Поздней Хань. Оно связано с тем, что в 48 г. среди сюнну произошел раскол, в результате которого они разделились на северных и южных. Южные сюнну выразили покорность китайскому императору

и стали защищать границы Хань от набегов северных сюнну. Численность сюнну, оказавшихся на китайских землях, быстро росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными сюнну, а также за счет перебежчиков [7. С. 13]. В начале правления цзиньского императора У-ди (265–290 гг.) в связи с сильным наводнением более 20 тыс. юрт явилось в Китай, и им было указано жить под уездным городом Иян, лежавшим в 70 ли к юго-западу от современного Лояна в провинции Хэнань. В 308 г. предводитель сюнну Лю Юань объявил себя императором, а его преемник Лю Цун взял через три года столицу империи Цзинь и захватил в плен Сына Неба.

Помимо ухуаней и сюнну на территории Северного Китая проживали и другие кочевые племена: цзе⁶, сяньбийцы⁷, дисцы и цяны⁸. Их появление на китайских землях, так же как и появление сюнну, было связано, во-первых, с политической переселения, проводимой китайским двором с целью использования изъязвивших покорность кочевников в борьбе с внешними врагами, а во-вторых, с вооруженными вторжениями, которые совершали кочевые соседи Китая в периоды его ослабления. Непосредственной причиной, положившей начало периоду правления на территории Китая почти двух десятков государственных образований кочевников, явилась борьба за власть, происходившая при дворе династии Цзинь.

Цзе появляются на исторической арене Китая в период с 304 по 439 г. На территории Китая они основали царство Поздняя Чжао (319–351 гг.).

Сяньбийцы, относившиеся к монголоязычной группе народов, делились на племена, из которых наиболее сильными были мужун (мююн)⁹ и тоба (табгачи)¹⁰. Племя тоба создало династию Северная Вэй (386–556 гг.), которая в дальнейшем сумела объединить под своей властью весь Северный Китай.

Дисцы явились создателями династий Ранняя Цинь (351–394 гг.) и Поздняя Лян (385–403 гг.).

Цяны создали династию Поздняя Цинь (384–417 гг.) [12].

Таким образом, в Восточной Азии начиная с III в. часть сюнну, цзе, сяньби, ди, цяны и другие ближайшие соседи древних китайцев начали постепенно перемещаться на Среднекитайскую равнину. Под давлением кочевников в 316 г. китайская власть

здесь на долгий период перестала существовать. Дальнейшие полтора столетия для Северного Китая были периодом постоянной смены кочевых племен, приходивших с северных и западных территорий. Основываясь на данных письменных источников, В.С. Таскин произвел примерный подсчет количества кочевого и оседлого населения, проживающего одновременно на территории Северного Китая в IV в. Общая численность кочевников составляла 200 тыс. юрт, или 1 400 000 человек. Численность оседлого населения, представленного китайцами, по приблизительным подсчетам, составляла 1 450 000 человек, т.е. примерно равнялось кочевому населению [7. С. 14–15].

Особенность этого периода состоит в том, что прежде враждовавшие с Китаем племена (которые раньше жили за пределами собственно китайских земель и только время от времени совершали набеги, а затем снова уходили в родные степи) обитали уже не за пределами Китая, а на китайских землях и получили возможность выступать против Китая в наиболее благоприятное для них время.

В отличие от ситуации, которая была характерна для древнекитайского этноса в эпохи Цинь-Хань, когда, несмотря на тенденцию к совмещению этнических и политических границ, вторые в течение длительного периода времени были шире первых, в III–VI вв. соотношение этнических и политических общностей оказывается прямо противоположным. На Севере, где начиная с IV в. господствовали «варвары», исконное древнекитайское население в основном занимало подчиненное положение. На Юге, напротив, древние китайцы в политическом смысле главенствовали над местным населением, оказавшимся в роли этнического субстрата. Несовпадение этнических и политических границ становится в этот период важным фактором этнических процессов. Однако материальные свидетельства отражают тот факт, что общение китайцев на Севере активней происходило с разноэтничным некитайским пришлым населением, чем с китайцами, которые переселились на юг [13. Р. 15–58; 14].

Эти события повлекли за собой начало массового переселения китайцев на юг, в бассейн Янцзы. В движение пришли и «южные варвары». Миграции различных этнических групп коренным образом изменили облик населения на огромных территориях Восточной Азии¹¹. Для этого времени характерно взаимовлияние принципиально различных укладов жизни кочевой и земледельческой цивилизаций [16].

В пестрых по этническому составу государствах, которые сложились на территории Китая в IV в., естественно, существовали разные нравы, обычаи и верования. В духовной сфере это проявилось в распространении большого числа суеверий, связанных со всеми сторонами жизни. В сфере материальной жизни это выразилось в распространении занятий, близких по духу кочевникам. Во-первых, охота, служившая не только развлечением и способом добывания пищи, но и практикой воинов в ведении военных действий. Оседлое население, т.е. китайцы, этот вид деятельности не поддерживало, поскольку он лишал его плодородных земель, занятых под посевы, и наносил ущерб сельскохозяйственному

производству, так как для облавных охот отводилась огромная территория [7. С. 22].

В первые годы кочевых династий в Китае широко был распространен традиционный для них обычай левирата. Однако он был довольно быстро запрещен, скорее всего, в связи с недовольством китайского оседлого населения¹².

Важным примером этнокультурных взаимодействий этого периода можно считать изменения в похоронном обряде. Кочевники хоронили своих покойников так, чтобы место погребения оставалось неизвестным, но с очень богатым сопровождающим инвентарем. Эта традиция, по-видимому, связана как с желанием предохранить могилу от разграбления, так и со страхом перед душой умершего, с которым живые стремились порвать все связи. Китайцы, наоборот, очень бережно и аккуратно относились к могилам предков, соблюдали траур после похорон, который сопровождался многочисленными бытовыми запретами вплоть до необходимости на время траура оставлять службу. Периодически обязательным считалось проводить поминки, сопровождающиеся жертвоприношениями. Однако в предсмертном указе Ши Лэ (274–333 гг.)¹³ предписывалось: «Похороните меня на третий день после смерти, пусть чиновники, как при дворе, так и вне его, снимут траурные одежды по окончании похорон; не запрещайте свадеб, жертвоприношений, вкушение вина и мяса; военачальники с карательными функциями, пастыри областей и правители округов не должны покидать места службы, чтобы принять участие в похоронах; меня положите в гроб в обычной одежде, тело поставьте на обычную колесницу, в могилу не кладите золота и драгоценностей, различные изделия и безделушки» [8. С. 207]. Указ этот можно рассматривать как направленный против похоронных обрядов кочевников и китайцев.

Раскопки погребений, относящихся к разным этапам продвижения сяньбийцев в Китай, дают нам возможность проследить трансформацию образа жизни кочевых племен под влиянием земледельческого окружения [17, 18].

Специфика раннесяньбийских захоронений в районе Чжалайнора отражает этап истории народа, когда он вел традиционный кочевой образ жизни. Для погребений раннего периода сяньбийцев характерно сопровождение умершего важными для жизни кочевника атрибутами: сопогребение коней, а также отделенными от туловища конскими, коровьими, собачьими головами, большим числом костяных наконечников стрел и накладок на лук, берестяной посуды, типично кочевническими бронзовыми котлами. Все это говорит о том, что в I в. н.э. сяньбийцы еще не подверглись значительному влиянию со стороны древних китайцев. Однако в захоронениях сяньбийцев этого времени уже найдены ханьские бронзовые зеркала.

Следующий этап ранней истории сяньбийских племен нашел отражение в археологических памятниках в районе Линьдуна, где найдены не только захоронения, но и жилища. Культурный облик этих памятников во многом схож с чжалайнорскими¹⁴. Но наряду с этим встречаются такие предметы, как железные орудия и костяные пряслица, свидетельству-

ющие о развитии ткачества. Различия в количестве и качестве инвентаря погребений свидетельствуют об усиливающемся имущественном расслоении сяньбийского общества во II в.

Восточная ветвь сяньбийцев – муюны – также вступили в непосредственный контакт с древними китайцами. Муюнские погребения III–IV вв., раскопанные близ Бэйпяо (Ляонин), позволяют судить о культуре этой части сяньбийцев после их переселения в долину Далинхэ. Здесь мы уже не видим сколько-нибудь отчетливых следов кочевого быта. Оседлый образ жизни, свидетельством которого является, в частности, обильная керамика, изготовленная на гончарном круге, заметное имущественное расслоение, распространение некоторых предметов древнекитайской материальной культуры – все это говорит о трансформации социальной и этнической специфики муюнского общества.

Воспринимая отдельные черты древнекитайской культуры, муюны распространяли свои знания и навыки на окружающее китайское население. В Бэйпяо были обнаружены погребения младшего брата северояньского правителя Фэн Су-фу и его супруги. Могильные ямы выложены отесанными каменными плитами, что совершенно не характерно для китайских погребений того времени. Один из основных мотивов фресок, украшающих стены саркофага, – изображение собак, а в погребение жены Фэн Су-фу было положено два

щенка¹⁵. Среди других предметов, найденных в захоронениях, помимо традиционных древнекитайских лаковых изделий и бронзовых печатей, найдены и сяньбийские вещи – котел «кочевнического» типа, украшения, оружие из кованого железа.

Аналогичные процессы происходили в IV в. и на территории расселения другой ветви сяньбийцев – табгачей. Археологические данные позволяют установить, что первоначальный облик культуры табгачей значительно трансформировался под воздействием, с одной стороны, древних китайцев, с другой – сюнну. В погребениях III в. близ Цзинина на границе между Внутренней Монголией и провинцией Шаньси обнаружены многочисленные китайские вещи (зеркала, монеты, керамика), а также ажурные бронзовые бляхи сюннуского типа.

Таким образом, проблема этнокультурных контактов с некитайскими народами на территории самого Китая в период раннего Средневековья выявляет важную особенность китайской цивилизации, заключающуюся в том, что все привнесенные элементы постепенно адаптируются, китаизируются и становятся элементами самой китайской культуры. С другой стороны, правление сяньбийцев, как и других степных народов, вторгавшихся на север Китая, оказало существенное воздействие на формирование единого китайского этноса в период раннего Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перемещения отдельных групп кочевников, приведшие к появлению их на землях, населенных китайцами, не всегда носили характер военного вторжения. Наиболее развитые из кочевых народов севера Восточной Азии (в частности сюнну) уже в последние века до нашей эры устанавливали с древним Китаем постоянные контакты, благодаря которым у них появилась возможность получать такие продукты земледельческого производства и ремесла, как зерно, вино, ткани, лаковые изделия и пр. Некоторые другие группы кочевников (например, сяньби) начали испытывать острую потребность в такого рода контактах несколькими веками позднее. С середины I в. н.э. отдельные группы сяньби стали перемещаться в район округов Юйян и Шангу, где совершали нападения на древнекитайское население. Однако после создания в г. Нинчэне специального места для «сезонных торгов» более 40 лет военных столкновений между сяньби и Хань не отмечалось.

² Ухуани были образованы из остатков племени дунху, разгромленного шаньюем Модэ (Маодунем) на территории юга Монголии, в IV в. они были завоеваны сяньбийцами.

³ В эпоху шаньюя Модэ, который на востоке разбил дунху, на севере покорил динлинов и предков современных киргизов, а на западе прогнал юэцжей, границей сюннуских земель на западе стал современный Синьцзян, на востоке – р. Ляохэ, на юге – империя Хань, пограничная линия с которой проходила по Великой стене. На севере владения сюнну достигали Байкала [1].

⁴ Однако само погребение Хо Цюйбина, расположенное в 1 км к северо-востоку от усыпальницы императора У-ди, и 16 изваяний, которые были расставлены перед могильным холмом или на его склонах, по многим позициям отличаются от принятых для того времени погребальных стандартов и художественных стереотипов. Такие скульптуры, как «обезьяна, борющаяся с медведем» и «конь, топчущий варвара-гунна», не имеют аналогов в известных образцах древнекитайского декоративно-прикладного и изобразительного искусства, хотя сам по себе образ коня был распространен в ханьском погребальном художественном творчестве. Изваяния высечены из твердых гранитных глыб с помощью железных и стальных инструментов и отличаются монументальностью размеров (до 2,5 м в длину) и воспроизводят как единичные фигуры: человека (в стоящей позе, высота 2,22 м), животных – быка, тигра, лошади, слона (в лежащих позах), а также жабы, лягушки и рыбы, так и сюжетные композиции [2]. Изображение головы и лица «варвара» в изваянии коня почти полностью повторяет изображения отрубленных голов гуннов в виде деревянных подвесок на конской узде из Пазырыцкого кургана (Южный Алтай) [3]. Возможно, мастера, выполнявшие скульптуры для погребения Хо Цюйбина, использовали в качестве образца какие-то изделия юэцжи, поскольку гора Цзянь, связываемая с победами и смертью Хо Цюйбина и послужившая, по преданию, прообразом его погребального ансамбля, находилась на территории исконных владений одного из племен юэцжи [4. С. 95–100].

⁵ Шаньюй – титул верховных правителей сюнну – появился в Китае не позднее периода Чжаньго (403–221 гг. до н.э.). После распада сюннуского государства этот титул употреблялся ухуанями, сяньбийцами и др. Как верховный правитель шаньюй представлял сюнну в отношениях с другими государствами и народами. Эта функция шаньюя особенно ярко проявилась в отношениях с империей Хань. Ханьские императоры вели переговоры, заключали договоры, обменивались дипломатическими письмами и т.д. не с отдельными знатными лицами, а только с шаньюем. Он выполнял также обязанности верховного военачальника. Совершая нападения на соседние страны, шаньюй одновременно принимал меры по охране своей территории. По-видимому, они были также и верховными судьями [5. С. 67]. В 402 г. вождем жожуаней первый официально провозгласил себя каганом, с этого времени верховные правители различных племен Центральной Азии перестают именовать себя шаньюями. Тем не менее термин «шаньюй» не исчез окончательно. Он еще долгое время находил применение в Центральной Азии и Китае, но уже не в качестве официального титула, а просто как почетное звание верховного вождя. Например, правители владений уйгуров в период их зависимости от киданей именовались шаньюями.

⁶ Цзе кочевали к юго-востоку от сюнну. В вопросе о происхождении народа цзе пока нет окончательной ясности. М.В. Крюков, не касаясь этногенеза цзе, отмечает, что они были выходцами с территории Средней Азии, а на Среднекитайской равнине оказались вместе с сюнну [8. С. 72, 256]. Более подробно, ссылаясь на Э. Шаванна, рассказывает о цзе Л.Н. Гумилев, считая, что это племя образовалось при распаде хуннского (сюннуского) общества (25–85 гг.). Они нетождественны племенам Запада, которые принадлежали к Вэйби (сяньби). Они не одной расы – среди них имеются танху, и динлины, и цянэ (тибетцы), которые живут вместе с ними [9. С. 28]. Однако В.С. Таскин считает ссылку Л.Н. Гумилева на Э. Шаванна ошибочной, поскольку Э. Шаванн говорит не о цзе, а о цзы, или цзылу, о которых имеются сведения в источниках. Сделав перевод и проведя ана-

лиз сведений, содержащихся в источниках, В.С. Таскин пришел к выводу, что по многочисленным прямым и косвенным свидетельствам цзе составляли одно из сюннских кочевий и выделались из кочевья цянцзюй. Этноним цянцзюй связан с именем Цянцзюя, шаньюя южных сюнну, занимавшего этот пост с 179 по 188 г. Следовательно, этноним «цзе» связан с названием местности Цзеши (современный уезд Юйшэ в пров. Шаньси), и, таким образом, цзе – это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья [7. С. 5–7].

⁷ Сяньби занимали территорию от Цинхя на западе до р. Ляохэ на востоке.

⁸ Дисцы и цяны кочевали в западных областях Китая, на территории Шаньси, Ганьсу, Цинхя. В конце III в. до н.э. цянские племена были западными соседями Циньского государства. Граница между территорией государства Цинь и цянами проходила в районе городов Линтао и Цанчжун (провинция Ганьсу). При династии Хань западные цяны заселяли местности к югу от гор Цилян по берегам верхнего течения реки Хуанхэ и ее притоков и степи по берегам озера Кукунор. В конце I тыс. до н.э. западные цяны находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Это связано с тем, что в это время у них происходит переход к кочевому скотоводству. По легенде, приводимой в китайских источниках, скотоводству и земледелию цянов научил их легендарный родоначальник Угюань (по сообщениям Хоу Хань шу, Угюаньцзянь был рабом в Китае, бежал из плена и встретил в пути женщину с отрезанным носом. Стыдясь своего уродства, женщина распускала волосы и покрывала ими лицо. Угюаньцзянь женился на этой женщине, и от нее у цянов появился обычай носить волосы распущенными) [10. Ч. 1. С. 14–15; 11]. Позднее этот обычай был характерен для многих тибетских племен и упоминается различными источниками. Слово «уг» в имени Угюаньцзяня значило раб. Так как уже в иньское время цяны славились своими лошадьми, а материалы из могильника Сыва показывают, что цяны занимались овцеводством в начале I тыс. до н.э., вероятно, в данном случае речь должна идти не о переходе к скотоводству вообще, а о переходе к кочевому скотоводству. На рубеже нашей эры цяны уже были знакомы с поливным земледелием, которое процветало в районе г. Синин. К концу I тыс. до н.э. цянские племена проникли далеко на запад. На рубеже нашей эры в Цайламе и юго-восточной части современной провинции Синьцзян существовал ряд самостоятельных цянских владений.

⁹ Мужун создали четыре династии: Ранняя Янь (337–370 гг.), Поздняя Янь (384–409 гг.), Западная Янь (386–394 гг.) и Южная Янь (398–410 гг.).

¹⁰ Изначально тоба кочевали в степях Внутренней Монголии.

¹¹ Китайские специалисты уделяют большое внимание исследованию этого периода и результатам переселения северных кочевых народов в Среднекитайскую равнину и северных китайцев на юг. Они (в частности, Тань Цисян) подходят к данному вопросу с точки зрения экономического развития. Переход части населения Среднекитайской равнины через Янцзы и распространение его в южном Китае имели огромное историческое значение для последующего превращения этих районов в один из двух экономических центров китайского государства. Одновременно этот процесс стал сам по себе важным результатом эволюции отношений между населением Великой равнины и пришедшими с севера кочевыми народами. Эти итоги заложили, как показал Тань Цисян, основы развития отношений экономической взаимозависимости и сотрудничества между населением севера и юга Китая в Средние века, что сыграло решающую роль в слиянии китайского и северного этноса в IV–VI вв. [15. С. 104].

¹² Ши Лэ (второе имя Ши-Лун) – один из основателей Позднего Чжоу (319–352 гг.), запретил обычай жениться на женах умерших братьев.

¹³ Основатель Поздней Чжао (319–351 гг.).

¹⁴ Ориентировка могил на северо-запад, сопребенне конских, коровьих и собачьих голов.

¹⁵ У ухуань и сяньби было представление о том, что собаки сопровождают усопшего в место его окончательного успокоения на горе Чишань [8. С. 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. Barfield T.J. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad frontier // *Empires: Perspectives from Archaeology and History. Conference "Imperial designs: Comparative Dynamics of Early Empires"*, held in Mijas, Spain, in the autumn of 1997 / eds. S.E. Alcock, T.N. D'Alroy, K.D. Morrison, C.M. Sinopoli. Cambridge ; New York, 2001. P. 10–41.
2. Luo Zhenwen. China's Imperial Tombs and Mausoleums. Beijing, 1993. P. 55–58.
3. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предьстории хунно-юэчжуйских войн // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург* : материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 169–177.
4. Кравцова М.Е. О генерале Хо Цюйбине и истории возникновения в Китае традиции каменной монументальной скульптуры // *Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 95–100.
5. Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань : Мастер Лайн, 2000. 188 с.
6. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1 : Сюнну / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1989. 297 с.
7. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1990. 255 с.
8. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М. : Наука, 1979. 328 с.
9. Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. М. : Наука, 1974. 236 с.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф) *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1–3. М. ; Л. : ИЭ АН СССР, 1950–1953.
11. Чжан Хойкан. *Hou hanshu jin zhu jinyi* (История поздней Хань с современной аннотацией и современный перевод). Сюэли чубаньшэ, 1997.
12. Куликов Д.Е. К вопросу об истории древних цянов // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М. : Наука, 2001. С. 38–41.
13. Shelach G. Early Pastoral Societies of Northeast China: Local Change and Interregional Interaction during c. 1100–600 BCE // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World* / ed. R. Amitai, M. Biran. Brill's Inner Asian Library. Leiden and Boston, 2005. Vol. 11. P. 15–58.
14. Shelach G. Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BC. London and Oakville, Conn. : Equinox, 2009.
15. Сюй Тао. Китай и северные варвары (III в. до н.э. – VI в. н.э.) взаимодействие народов и культур : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
16. Zhongguo gudaì běifāng mínzú wénhuà shǐ (История культуры этнических групп на севере Китая в древности) / ред. Чжан Бибо, Донг Гуояо. Harbin : Heilongjiang People's Press, 2001.
17. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. X, ч. I : материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. С. 194–199.
18. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя у номадов долины р. Эдиган в сяньбийско-жужаньское время (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух в 2002 г.) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая*. Барнаул : Изд. АГУ, 2005. Вып. XIV. С. 23–26.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2015 г.

TRANSFORMATION OF CHINA'S RELATIONS WITH THE NOMADIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE MIDDLE AGES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 23–27. DOI: 10.17223/15617793/403/4

Barinova Elena B. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Keywords: China; Central Asia; ethno-cultural contacts; Middle Ages.

This article considers various aspects of China's relations with the nomads of Central Asia, which are associated with the relocation of neighboring peoples to the northern border of the empire. The major feature of this ethno-political situation was that the state and political union of northern China provided objective conditions and opportunities for close interaction and most progressive cultural unification of various peoples of the empire on the basis of the ancient culture. China's policy in relation to the surrounding nomadic peoples, especially in Central Asia, is significantly different in some historical periods, although the strategy was always the same: to maximize the sphere of influence in the surrounding area and, at the same time, to protect the population of their state against external aggression. At the initial stage, China solved this problem trying to distance the nomads from their borders and to maximally fence off from their penetration. However, protection of the borders with defensive constructions was expensive and did not bring the desired results. Then policy towards nomads was revised and a new tactics of struggle was used. For its implementation some of the tribes were moved to the borders of China. Their coming to the Chinese land was due to the resettlement policy carried out by the Chinese court in order to use nomads in the fight against external enemies. This helped to reduce the armed invasion that China's nomadic neighbors made in times of its weakening. However, it was the direct cause which marked the beginning of the rule in China of nearly two dozen public entities of nomads. These events led to the beginning of mass migration of the Chinese to the south of the Yangtze basin. The "southern barbarians" also moved. The migration of different ethnic groups fundamentally changed the population in large parts of Eastern Asia. This time is characterized by mutual coexisting of fundamentally different ways of life of nomadic and agricultural civilizations. Thus, the problem of ethnic and cultural contacts with the non-Chinese peoples on the territory of China in the early medieval period reveals an important feature of the Chinese civilization that consists in the fact that all the introduced elements gradually adapted and became elements of the Chinese culture. On the other hand, the rule of the steppe peoples who invaded the north of China had a significant impact on the formation of the Chinese ethnicity in the early Middle Ages.

REFERENCES

1. Barfield, T.J. (2001) The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Conference "Imperial designs: Comparative Dynamics of Early Empires", held in Mijas, Spain, in the autumn of 1997. Cambridge; New York. pp. 10–41.
2. Luo Zhewen. (1993) *China's Imperial Tombs and Mausoleums*. Beijing: Foreign Languages Press.
3. Klyashortnyy, S.G. & Savinov, D.G. (1998) [Pazyryk bridle. On the history of Yuezhi-Xiongnu wars]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg* [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg]. Proceedings of the conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of A.D. Grach. St. Petersburg. pp. 169–177. (In Russian).
4. Kravtsova, M.E. (2004) [On Gen. Huo Qubing and the history of China's tradition of monumental sculpture in stone]. *Pervye Torchinovskie chteniya. Religiovedenie i vostokovedenie* [First Torchinov Readings. Religious studies and Oriental studies]. Proceedings of the conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 95–100. (In Russian).
5. Fayzrakhmanov, G. (2000) *Drevnie tyurki v Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Ancient Turks in Siberia and Central Asia]. Kazan: Master Layn.
6. Dmitriev, S.V. (ed.) (1989) *Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae III–V vv.* [Materials on the history of nomadic peoples in China of the third – fifth centuries]. Vol. 1. Translated by V.S. Taskin. Moscow: Nauka.
7. Dmitriev, S.V. (ed.) (1990) *Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae III–V vv.* [Materials on the history of nomadic peoples in China of the third – fifth centuries]. Vol. 2. Translated by V.S. Taskin. Moscow: Nauka.
8. Kryukov, M.V., Malyavin, V.V. & Sofronov, M.V. (1979) *Kitayskiy etnos na poroge Srednikh vekov* [Chinese ethnicity on the threshold of the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
9. Gumilev, L.N. (1974) *Khunny v Kitae* [Xiongnu in China]. Moscow: Nauka.
10. Bichurin, N.Ya. (Iakinf). (1950–1953) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about peoples that lived in Central Asia in ancient times]. Vols 1–3. Moscow; Leningrad: IE USSR AS.
11. Zhang Huikang. (1997) *Hou han shu jin zhu jinyi* [History of the Later Han with modern abstract and modern translation]. Syueli chuban'she. (In Chinese).
12. Kulikov, D.E. (2001) [On the history of the ancient Qiang]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. XXXI Scientific Conference. Moscow: Nauka. pp. 38–41. (In Russian).
13. Shelach, G. (2005) Early Pastoral Societies of Northeast China: Local Change and Interregional Interaction during c. 1100–600 BCE. In: Amitai, R. & Biran, M. (eds) *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Vol. 11. Leiden and Boston: Brill's Inner Asian Library.
14. Shelach, G. (2009) *Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BC*. London and Oakville, Conn.: Equinox.
15. Xu Tao. (1996) *Kitay i severnye varvary (III v. do n.e. – VI v. n.e.) v zaimodeystvie narodov i kul'tur* [China and the northern barbarians (III century BC – VI century AD): the interaction of peoples and cultures]. History Cand. Diss. Moscow.
16. Bibo Zhang & Dong Guoyao. (eds) (2001) *Zhongguo gudai beifang minzu wenhua shi* [Cultural history of ethnic groups in northern China in ancient times]. Harbin: Heilongjiang People's Press. (In Chinese).
17. Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2004) [Belts of Edigan nomads in the Syanbi period]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Materials of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. Vol. X. Pt. I. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 194–199. (In Russian).
18. Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2005) Oruzhie distantsionnogo boya u nomadov doliny r. Edigan v syan'biysko-zhuzhan'skoe vremya (po materialam raskopok mogil'nika Ulug-Choltukh v 2002 g.) [Remote battle weapons of the nomads of the Edigan valley in the Syanbi-Rouran time (based on the excavations of the Ulug-Choltukh burial in 2002)]. In: *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaya* [The preservation and study of the cultural heritage of the Altai]. Vol. XIV. Barnaul: Altai State University. pp. 23–26.

Received: 11 November 2015

«НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ» СВЯЩЕННИКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРИХОДОВ: ПРИЧИНЫ И СПЕЦИФИКА

*Статья подготовлена в рамках Программы «Научный фонд Д.И. Менделеева
Томского государственного университета» по направлению «Наука в Сибири и о Сибири» («TSSW»).*

Тема девиации приходского духовенства интересует все большее число исследователей истории повседневности. Тем не менее в сибирской историографии причины формирования поведенческих стратегий священнослужителей, не отвечающих общепринятым нормам, не выделялись в специальную тему. В настоящей статье предпринята попытка восполнить пробел с помощью материалов по истории сибирских переселенческих приходов и выяснить, влияла ли специфика служения в условиях переселения на неканоническое поведение священнослужителей.

Ключевые слова: приходское духовенство; таежная Сибирь; «неканоническое поведение»; переселение; история повседневности.

История повседневности притягивает к себе внимание все большего числа исследователей, которое обусловлено интересом к «обыденным и частным аспектам современного культурного бытия» [1. С. 97] и возможностью представить исторический процесс как сферу «микросоциальных отношений, целостного социокультурного жизненного мира». Являясь «единичным проявлением жизни общества» [2. С. 56], повседневная жизнь в то же время всегда отражает более глобальные процессы.

Рассматривая работы, посвященные истории РПЦ и духовного сословия, можно отметить, что помимо изложения «типичной» характеристики приходского духовенства разных регионов (Московской, Рязанской, Ярославской, Якутской и других губерний [3–6]) исследователи обращаются к таким «повседневным» темам, как социокультурный облик священника, отражение его в периодической печати, взаимоотношения с паствой или «мирская» деятельность священников (например, врачевание [7]). Помимо этого историков интересуют вопросы девиации духовного сословия [8–10]. В частности, А.Р. Павлушков концентрирует свое внимание на причинах правонарушения духовенства и приводит классификацию используемых в научной литературе подходов, выделяя юридический, социологический, исторический и биологизаторский. Вместе с тем им отмечено, что в исторической школе проблема правонарушений клира не рассматривалась как собственно «научно-историческая», а авторы обращались к ней «подспудно при оценке более масштабных социальных явлений» [11. С. 14].

В региональной историографии причины формирования поведенческих стратегий священнослужителей, не отвечающих общепринятым социальным нормам, не исследовались специально. Тем не менее авторы в рамках общих исследований по реконструкции социокультурного облика сибирского священника, характеристике Томской епархии и деятельности РПЦ в организации приходской жизни переселенцев частично затрагивают эту тему [10, 12, 13]. Стоит отметить, что к настоящему времени выявлены специфика служения в Сибирском регионе, влияние переселенческого процесса и общих социокультурных изменений общества на деятельность духовенства, его соци-

альное положение, но непосредственная связь всего этого комплекса вопросов с причинами девиантного поведения пока остается «за кадром». В настоящей статье предпринята попытка восполнить пробел с помощью материалов по истории сибирских переселенческих приходов и выяснить, влияла ли специфика служения в условиях переселения на неканоническое поведение священнослужителей?

На протяжении длительного времени в общественном сознании духовенство считалось вторым по значимости привилегированным сословием, выполняющим роль «наставника народа» и «ангела хранителя царской власти и государства». Трансформация роли РПЦ в общественной жизни в начале XX в., связанная, помимо прочего, с введением свободы вероисповедания, привела к тому, что священникам приходилось идентифицировать себя поновому» [14. С. 40] и выстраивать отношения с паствой с учетом изменений.

А.В. Скутнев предположил, что на эти процессы влияла специфика профессии: необходимость оставаться «духовным поводырем» как во время богослужений, проповедей и совершения таинств, так и своей бытовой, повседневной жизни. В результате любое действие священника становилось публичным, а самый незначительный проступок или отклонение от нормы даже в быту могли трактоваться как нарушение профессиональных норм [8. С. 63]. Именно поэтому, поступив на службу в переселенческий приход, священнику было необходимо найти правильный психологический подход к прихожанам, совмещая его с выполнением служебных обязанностей. Это объясняется тем, что переселенческие приходы в большинстве случаев по социальному и вероисповедальному составу были разношерстны и частые конфликты и столкновения, возникавшие в связи с этим, требовали привлечения третьей стороны – священника. Для крестьян было важно, чтобы батюшка был добрым, отзывчивым, готовым к самопожертвованию, смелым, вежливым, мог должным образом убеждать и, главное, понимать нужды переселенцев. Несоответствие этим требованиям, вероятно, формулировалось в жалобах на «ззорное», «неблаговидное» поведение и «непастырское отношение к прихожанам».

Зафиксированные в журналах Томской духовной консистории жалобы на священников позволяют представить некий образ «идеального», по мнению крестьян, духовного наставника переселенческого прихода. Примечательно, что в этих документах, помимо перечисления обычных «прегрешений» (пьянство, азартные игры, сквернословие, распутство), можно увидеть еще *не*-веротерпимость священников. Если в приходах центральной части России, состоящих в основном из русского населения, конфликты священников с инославными были явлением редким, то на переселенческой территории, где количество инородцев могло составлять 26–33% от общего числа прихожан, их число могло увеличиваться. В частности, это выражалось в жалобах на избиение инородцев духовными лицами, причем иногда в церкви и при полном облачении [15. Л. 318 об., 687].

Прихожане, требуя от священника находиться в рамках постоянного нравственного самоконтроля, сами были далеко не идеальны и подвержены многим порокам. Их девиантное поведение в ряде случаев усложняло выполнение профессиональных обязанностей священнослужителями. Например, в приходе с. Аюонинское 14-го благочиния Кузнецкого уезда неизвестными злоумышленниками было ограблено сразу два молитвенных дома в течение одной недели. И если в первом случае воры действовали аккуратно – вскрыли замок, взяли деньги из жертвенной кружки и максимально скрыли свое присутствие, то во втором все случилось с точностью наоборот: вся церковная утварь и иконы оставлены не на своих местах, в полном беспорядке, а помимо денег из кружек пропала и «лжица» для причащения. Главной причиной этих событий явилось отсутствие должной охраны: «Сторожей постоянных нет, а бывают они только при требоисправлениях причта» [15. Л. 461]. Виновными стали прихожане, поскольку охрана священных объектов считалась их обязанностью, и уклонение от «дачи сторожей» в молитвенные дома и церкви можно расценивать как неуважительное отношение к православной вере и деятельности священника по ее поддержанию в приходе. Несомненно, это оказывало влияние на психологическое состояние духовенства и провоцировало ответное негативное отношение священника как к прихожанам, так и своим обязанностям.

Не только преступная деятельность прихожан, но и их открытая неприязнь к пастырю становилась существенным препятствием благополучного служения. Так, в 1907 г. в консисторию была прислана телеграмма сельского священника Всеволода Попова следующего содержания: «указом Консистории запрещен без следствия, прошу разрешения или уезжаю, жить невозможно, чуть не зарезали» [16. Л. 1271]. Обстоятельства дела были таковы, что Попова запретили в целях сохранения его безопасности и для успокоения живущих в его приходе староверов-«единоверцев», возмущенных служением его по «новому» обряду. Видимо, подобные явления были не редкостью для переселенческих приходов, и существование рядом нелегальных старообрядческих скитов, предлагавших православному населению «альтернативную храмовую культуру», вообще могло осво-

ждать прихожан от необходимости содержать полноценный причт [17. С. 686].

Помимо общественного контроля значительная часть жизни духовного лица находилась под наблюдением духовной консистории. И ее контроль порой доходил до абсурда. Духовным лицам приходилось отчитываться по каждому незначительным событиям, происходившим в их приходах, и просить разрешения на осуществление большинства своих действий. Странно, например, выглядит прошение священника с. Орлеан Барнаульского уезда Алексея Иванова Архиепископу Макарию разрешить ему ношение черной скуфьи во время богослужения в храме. Она подкреплялась пространным объяснением, из которого ясно, что храм не приспособлен к проведению нормальных богослужений, поскольку построен некачественно: «Во все углы и пазы дует ветер, а во время бывших буранов нанесло снегу во всем храме, особенно в алтаре, так что стоять невозможно и довелось выгрести лопатой» [18. Л. 33].

Добавим, что повседневные бытовые условия проживания священника были не особо благоприятными – ему пришлось жить в недостроенном доме, «где страшный холод, так что и день и ночь нужно быть в меховой одежде, вода мерзнет, от топки печи почти нет пользы, в фундамент дует ветер, а на потолке мало земли» [Там же]. Попытки Иванова улучшить положение с помощью сельского схода не увенчались успехом: прихожане отказались ремонтировать дом и переложили вину на давно уехавшего строителя-подрядчика. Неудивительно, что после подобного служения «во благо православной веры» священник заболел и в отчаянии написал прошение.

Вопрос о девиации в среде сельского духовенства достаточно сложен, противоречив и требует рассмотрения целого комплекса причин и событий, достоверность которых – на основе имеющихся источников информации – зачастую трудно установить. В то же время есть неоспоримые объективные факторы, оказывающие влияние на поведение священно- и церковнослужителей при поступлении на службу. Особое место в их ряду занимала система подготовки духовных лиц к выполнению своих служебных обязанностей. Первой ступенью являлось духовное училище, несколько лет пребывания в котором изменяло «юных поповичей» до неузнаваемости: «...деформировался характер, уродовалась психика, терялись надежды на будущее» [14. С. 40]. Т.Г. Леонтьева пришла к выводу, что подобная обстановка в начальной духовной школе провоцировала «дурной поворот мыслей и чувств», из-за чего «вчерашие богобоязненные мальчики начинали курить, пропускать занятия, конфликтовать с учителями», а семинарии на рубеже XIX–XX вв., перестав быть «рассадником веры», со своим особым бытом попросту исключали «подготовку подлинных служителей культа» [Там же]. К схожим выводам пришел и Д.В. Пospelовский, отмечавший, что «атмосфера семинарий в плане благочестия оставляла желать много лучшего», а «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным» [19. С. 62].

Стоит отметить, что истоки подобного явления в духовной образовательной среде были тесно связаны с церковными реформами XVIII в., превратившими семинарии в учебные заведения исключительно для выходцев духовного сословия и, соответственно, священников – в замкнутую социальную касту. Позже это привело к насильственному удерживанию в их стенах искавших выхода в светское звание. Видный духовный деятель протоирей Флоровский оценивал эту ситуацию так: «Всего опаснее было то чувство экономического закрепощения, которое все больше развивалось в духовном сословии и уже перерождалось в чувство классовой горечи, обиды, социальной несправедливости. Духовенство, особенно сельское, жило в крайней скудности, бедности, часто в прямой нищете. И своих детей могло воспитывать только в своих сословных “духовных школах”, да и то обычно с крайним экономическим напряжением, почти надрывом. Отсюда именно та болезненная психология, которую обличительно называли “корыстолюбием” нашего духовенства, болезненная мечта о житейском благополучии и достатке, ради семьи, что обычно бывает отражением бытового пауперизма. Но эта единственная доступная школа готовила только к одному поприщу. Трудно было ожидать, что вся масса “духовного юношества” будет охвачена одним пастырским порывом. Этого никогда и не бывало» [20. С. 479–480].

В конце XIX в. бегство молодежи духовного звания из «ведомства православного вероисповедания» приобрело пугающие размеры, а оставшиеся делали это «по нужде, по принуждению, от страха, без вдохновения, но со скрытой горечью, часто и без веры» [Там же. С. 480]. Тем не менее церковные власти не замечали этого и решали проблему способом сомнительной эффективности. Если в уставе 1884 г. разрешалось поступать в академии выпускникам любых учебных заведений, то уже в 1902 г. к экзаменам допускались только успешно прошедшие семинарские испытания по богословским предметам. Эти меры были связаны с желанием оградить академии от влияния светской школы. Позднее, осознав, что подобная политика лишь усугубляет ситуацию, церковные реформаторы начинают искать другие пути преобразования семинарского образования. В результате была высказана идея о создании разных типов пастырских школ в зависимости от задач пастырской практики, но преобразования не состоялись, а число квалифицированных священно- и церковнослужителей с богословским образованием в среде духовенства стремительно уменьшалось. Наряду с низкой оплатой труда и выгодной альтернативой гражданской службы это привело к падению качества выполнения духовными лицами своих профессиональных обязанностей и деформации их морально-нравственного облика.

К концу первого десятилетия XX в. в связи с новым этапом переселенческой политики Столыпина, открытием новых приходов и увеличением их количественного состава происходят некоторые изменения в кадровом вопросе духовного сословия. Например, в Сибири, Поволжье и на Дальнем Востоке было разрешено занимать должность приходского священника

без полного семинарского образования. Однако это не привело к существенным изменениям.

Рассматривая приходы, расположенные на территории чулымского таежного массива, мы находим следующие подтверждения этому:

В благочинии № 3, центром которого традиционно считалось с. Ново-Кусково, на 1909 г. насчитывалось 33 духовных учреждения: 18 одноклассных приходских церквей, 6 приписных, 9 часовен и молитвенных домов. Эти храмовые сооружения обслуживали 36 человек, среди которых получивших образование было всего шестеро: 5 священников и 1 протоирей. В таблице представлены данные о наличии образованных священников в 5 благочиниях Томского уезда, которые дают основание для заключения: процент сельских священников с образованием, служивших в таежных районах Сибири в 1909 г., был примерно одинаков и совпадал с общим процентом образованности по Томскому уезду, который составлял около 20%.

Доля образованных священников в переселенческих приходах*

№ благочиния	2	3	5	6	39	По Томскому уезду
% священников с образованием	28	17	17	0	21	20

* Составлено по данным отчетов благочинных о церквях и белом духовенстве.

О.Н. Устьянцева, исследуя данный вопрос, пришла к выводу, что на территории Томской епархии в период с 1883 по 1916 г. происходило непрерывное сокращение количества священнослужителей с богословским образованием с 40,6 до 25,1%. Главными причинами этого стали нежелание выпускников семинарий становиться на путь духовного служения и расширение спектра учебных заведений [13. С. 102].

Рассматривая причины отклоняющегося поведения духовных лиц, необходимо отметить еще один важный аспект – материальное обеспечение духовенства. Оно складывалось из нескольких источников: жалование из государственного казначейства и различных ведомств, денежные поступления от частных предпринимателей, благотворителей и прихожан, хлебная руга и доходы от земельных наделов, совершения треб, преподавание закона Божьего в школах, пользование общественными домами и проценты с причтового капитала. Представленный список – общий для городского и сельского клира, но в большинстве случаев в распоряжении обычного сельского пастыря было лишь 2–3 способа материально обеспечить себя – государственное жалование, хлебная руга и плата за требы.

Например, из 933 причтов Томской епархии к 1917 г. только 76,6% были обеспечены стабильным казенным жалованием. К выплате хлебной руги прихожане таежных районов Сибири, как свидетельствуют данные О.Н. Устьянцевой, относились «холодно», «враждебно», «часто уклонялись от уплаты, а если и платили, то с крайним нежеланием, неохотой и укоризнами». Так, в 1883 г. хлебная руга совсем не выплачивалась в 3-, 18-, 26- и 28-м благочиниях

[13. С. 107]. Получение дохода от треб было не менее проблематичным, поскольку официально эти платы считались добровольными пожертвованиями прихожан и цены их зависели от уровня жизни в населенном пункте. Необходимо отметить, что особую роль в задачах по содержанию духовенства играли церковно-приходские попечительства, которые собирали пожертвования, но они не могли решить проблему обеспечения духовных лиц, поскольку собранные средства прихожане тратили на постройку и ремонт храмов, а не на поддержку членов причта. Таким образом, ситуация с нестабильностью финансового обеспечения священнослужителей приводила либо к вымогательству завышенных плат за требы и нарушению заповеди «не укради» путем присвоения кружечных сборов, либо к занятиям «коммерческой деятельностью во вред пастырской» (например, продаже и покупке лошадей») [16. Л. 1152, 1271].

Сопоставив данные о финансовом обеспечении сельских пастырей с информацией об условиях их проживания (например, к 1914 г. причтовые дома имелись в 83% приходов, в 15% были наемные квартиры, зачастую ветхие, холодные и требующие ремонта [13. С. 109]), можно увидеть, что условия жизни представителей сельского духовенства Томской епархии могли стать весомой причиной различных правонарушений и «упущений по службе». Учитывая неутешительные цифры епархиальной статистики, когда 1/3 священников, прежде всего, сельских приходов находилась за чертой прожиточного минимума [Там же. С. 109–111], сложно рассуждать о связи неканонического поведения духовных лиц с их личностными характеристиками.

В этом смысле многие проступки, в том числе: упущения по службе, грубое обращение, оскорбление словами и действиями, клевета, вымогательство, образ жизни, не соответствующий пастырскому, совершались под действием объективных причин, от безысходности, несправедливости, а в некоторых случаях от собственного бессилия и невозможности улучшить ситуацию.

Иногда условия жизни духовных лиц были настолько тяжелы, что их служение в приходе становилось непосильным бременем. Например, трагично сложилась судьба псаломщика Басандайской Преображенской церкви, которая находилась далеко от жилых домов, была окружена густым лесом и пустыми

дачными строениями и ко всему прочему имела «в своем активе» убийство трех служителей. Совмещение обязанностей псаломщика, трапезника и сторожа этой церкви в течение 10 лет вынуждали его вести ненормальный образ жизни – «обращать день в ночь, а ночь в день и находится всегда под страхом смерти». Это постепенно усугубляло его психологическое состояние. Обращаясь с жалобой в Томскую духовную консисторию, псаломщик писал, что такая жизнь в одиночестве довела его до «раздражительно-возбужденного состояния здоровья», наносила «душевные страдания», а это мешало сдерживать себя в отношениях с новым церковным старостой. В итоге, перебрав со спиртным, пытаясь «свое горе залить вином», он лишился рабочего места [15. Л. 565].

Таким образом, рассматривая причины отклоняющегося поведения в среде сельского духовенства Томской епархии и переселенческих поселков в частности, стоит учитывать несколько особенностей: а) специфику профессии, предполагавшую наличие двустороннего контроля: тотального – со стороны епархиального начальства, общественного – со стороны прихожан; б) изменение статуса духовенства в глазах верующих, которые начинают воспринимать священника не как «отца – настоятеля прихода», а необходимый атрибут для удовлетворения своих духовных потребностей; в) падение образовательного ценза в среде духовенства и низкокачественная подготовка кадров; г) отсутствие необходимых финансовых ресурсов для должного материального обеспечения сельского духовенства и возможностей для улучшения его священниками самостоятельно.

Томская епархиальная власть возлагала большие надежды на приходское духовенство как посредника при воздействии на православное и неправославное население переселенческих приходов. Наряду с этим светская власть с помощью священника надеялась решить некоторые задачи по управлению недавно созданными населенными пунктами. В подобной ситуации можно говорить о «многопрофильности» и «многофункциональности» деятельности сельского священника в переселенческих приходах, что увеличивало их физическую и психологическую нагрузку и требовало особой поддержки со стороны государства и высшей церковной власти, которая в действительности таковой не была.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скульмовская Л.Г., Назарова Н.В. Повседневность как культурно-историческая категория // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 97–100.
2. Радугина О.А. Повседневность как сфера микросоциальных отношений жизни личности // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1 (5). С. 55–60.
3. Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX в.: быт и нравы сословия : на материалах Ярославской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 22 с.
4. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 203 с.
5. Мухин И.Н. приходское духовенство в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 18 с.
6. Юрганова И.И. Якутская духовная консистория (история становления и деятельности, 1870–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2003. 236 с.
7. Караваева Е.В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 96–100.

8. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 63–77.
9. Леонтьева Т.Г. Жил-был поп... Духовенство в российской повседневности // Родина. 1999. № 11. С. 42–47.
10. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.
11. Павлушков А.Р. Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 13–20.
12. Батурина Т.В. РПЦ и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 204 с.
13. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.
14. Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника // Социальная история : ежегодник. М., 2000. С. 34–57.
15. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2910.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3428.
17. Dutchak E.E. Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 4 (34). С. 686–691.
18. ГАТО Ф-239. Оп. 9. Д. 26.
19. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 511 с.
20. Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 534 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2015 г.

“NONCANONICAL CONDUCT” OF CLERGY OF MIGRANTS’ PARISHES: CAUSES AND SPECIFICS

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 28–33. DOI: 10.17223/15617793/403/5

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Annet1010552@mail.ru

Keywords: parochial clergy; Taiga Siberia; “noncanonical conduct”; resettlement; history of everyday life and practices.

Many researchers of the history of everyday life are interested in the topic of deviation of the parochial clergy. However, in the Siberian historiography, reasons for the formation of conduct strategies of the clergy that do not meet generally accepted standards did not become a separate theme. In the framework of general research, scholars focus their attention on the study of the reconstruction of the socio-cultural image of the Siberian priest, on the description of the Tomsk diocese and the Church’s participation in the organization of the parochial life of the resettlers. It is worth noting that at present the issues of the specificity of clergy service in the Siberian region, the impact of the resettlement process and the general socio-cultural changes in society reflected in the activities of the clergy and their social position are well documented, but the connection of these complex questions with the causes of deviant behavior is still not adequately studied. This paper attempts to fill this gap with the help of materials on the history of Siberian parochial migrants and will attempt to study whether the specificity of service influenced the noncanonical behavior of priests in the context of migrants’ resettlement. The question of deviation among the rural clergy is quite complicated, controversial and requires an examination of the whole complex of causes and events, the accuracy of which on the basis of available sources of information is often difficult to establish. At the same time, there are undeniable objective factors that influence the behavior of clergymen at the beginning of service. In this sense, when considering the causes of deviant behavior among the rural clergy of the Tomsk diocese and resettled villages in particular, some features can be allocated: a) the specificity of the profession with a bilateral control: total by the diocese authorities and social from the congregation; b) the change in the status of the clergy in the eyes of believers who began to perceive the priest not as the priest of the parish, but as a necessary attribute to meet their spiritual needs; c) the degradation of educational qualifications among the clergy and the low-quality training; d) the lack of financial resources for adequate material support of the rural clergy. Tomsk diocesan authorities had high hopes for the parochial clergy as a mediator in influencing the Orthodox and non-Orthodox resettled population. In addition, the temporal power hoped to solve some problems and manage the newly established settlements with the help of the priest. In this situation, one can speak of the “versatility” and “multifunctionality” of rural priests in migrants’ parishes, which increased their physical and psychological burden and their need in special support from the state and the supreme ecclesiastical authority that was very negligible in reality.

REFERENCES

1. Skul'movskaya, L.G. & Nazarova, N.V. (2014) Everyday routine as a cultural and historical category. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 97–100. (In Russian).
2. Radugina, O.A. (2015) Everyday life as the field of microsocial relationships of a person’s life. *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 1 (5). pp. 55–60. (In Russian).
3. Belova, N.V. (2008) *Provintsial'noe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX v.: byt i nrauy sosloviya: na materialakh Yaroslavskoy eparkhii* [The provincial clergy in the late 18th – early 20th centuries: the life and manners of the class: on materials of the Yaroslavl Diocese]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Belonogova Yu.I. (2006) *Prikhodskoe dukhovenstvo Moskovskoy eparkhii v nachale XX veka i krest'yanskiy mir* [Parish clergy of the Moscow diocese at the beginning of the 20th century and the peasant world]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Mukhin, I.N. (2006) *Prikhodskoe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX v.: Po materialam Egor'evskogo uezda Ryazanskoy eparkhii* [Parish clergy in the late 18th – early 20th centuries: On the materials of Yegoryevsky Uezd of the Ryazan Diocese]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
6. Yurganova, I.I. (2003) *Yakutskaya dukhovnaya konsistoriya (istoriya stanovleniya i deyatelnosti, 1870–1919 gg.)* [Yakut spiritual consistory (the history of the formation and activities, 1870–1919)]. History Cand. Diss. Yakutsk.
7. Karavaeva, E.V. (2009) Training Clergymen to Render Sanitary and Medical Aid for Agricultural Population at the End of 19th - the Beginning of 20th Centuries (on the Example of Tomsk’s Eparchy). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*. 4–1. pp. 96–100. (In Russian).
8. Skutnev, A.V. (2007) *Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Parish clergy: features of mentality and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 16. pp. 63–77.
9. Leont'eva, T.G. (1999) *Zhil-byt pop... Dukhovenstvo v rossiyskoy povsednevnosti* [Was a pope... The clergy in the Russian daily life]. *Rodina*. 11. pp. 42–47.

10. Vasil'eva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
11. Pavlushkov, A.R. (2014) Problema izucheniya pravonarusheniy pravoslavnogo dukhovenstva v otechestvennoy istoriografii [The problem of studying the Orthodox clergy's offenses in domestic historiography]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences.* 2. pp. 13–20.
12. Baturina, T.V. (1999) *RPTs i krest'yanskie pereseleniya v Sibir' na rubezhe XIX – XX vv.* [ROC and peasant resettlement in Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
13. Ust'yantseva, O.N. (2003) *Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX veka* [The Tomsk Diocese in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Kemerovo.
14. Leont'eva, T.G. (2000) Zhizn' i perezhivaniya sel'skogo svyashchennika [The life and experiences of a village priest]. In: Anderson, K.M., Borodkin, L.I. & Sokolov, A.K. (eds) *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik* [Social history: a yearbook]. Moscow: ROSSPEN. pp. 34–57.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 1. File 2910. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 170. List 1. File 3428. (In Russian).
17. Dutchak, E.E. (2014) Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Bylye Gody.* 4 (34). pp. 686–691.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO) F-239. List 9. File 26. (In Russian).
19. Pospelovskiy, D.V. (1995) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika.
20. Florovskiy, G. (1991) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Vilnius: Tipografiya Vil'tis.

Received: 30 November 2015

«РАБОЧАЯ» ПЬЕСА НА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СЦЕНЕ: ПОСТАНОВКА «ЗАРЕВА» Е.П. КАРПОВА В МИХАЙЛОВСКОМ ТЕАТРЕ 15 АПРЕЛЯ 1917 г.

Статья посвящена единственной между Февральской и Октябрьской революциями попытке поставить на сцене государственных театров пьесу на «рабочую» тему. Спектакль по драме Е.П. Карпова «Зарево», написанной еще до революции, в 1917 г., несмотря на свою актуальность, вызвал холодный прием у критиков и членов Театрально-литературного комитета. Указывалось на целый ряд недостатков художественного характера, присущих и пьесе, и постановке. В результате Карпов отказался от введения «Зарева» в постоянный репертуар Александринского театра, который он возглавлял.

Ключевые слова: «Зарево»; Е.П. Карпов; Михайловский театр; Александринский театр; государственные театры России; революция 1917 года.

К 1917 г. российские императорские театры (Александринский, Мариинский и Михайловский в Петрограде, Большой и Малый в Москве), чья история насчитывала уже полтора столетия, поддерживая исключительный художественный уровень своих постановок, высоко ценились поклонниками сценического искусства. После падения монархии, сменив название на «государственные» театры, они по-прежнему сохранили монополию на казенное финансирование, недоступное сотням частных антреприз. Однако именно в 1917 г. им было суждено столкнуться с достаточно острой по тем временам проблемой, а именно – несоответствием репертуара запросам революционной эпохи. Если большинство частных театров России быстро вышло из затруднения за счет постановки во множестве тогда появившихся «фарсов», главными героями которых были, как правило, императрица Александра Федоровна, А.А. Вырубова и Г.Е. Распутин, то на государственной сцене, где появление подобной низкопробной драматургии было немислимо, сразу после революции обнаружили, что «ставить нечего» [1. С. 2]. В печати стали раздаваться предложения обновить репертуар за счет пьес, запрещенных при старом режиме цензурой [2. С. 241]. В итоге именно по этому пути и пошла труппа Александринского театра в своей единственной (и уникальной для государственных театров в целом) попытке в период между Февралем и Октябрем отразить «рабочую» тему на сцене.

Цель настоящей статьи – рассмотреть обстоятельства, которые сопутствовали данной постановке, выявить реакцию на нее театральной общественности, определить причины, по которым спектакль на столь уместную в революционное время тему так и остался в 1917 г. уникальным.

Вскоре после Февральской революции артисты Александринского театра избрали для воплощения на сцене драму Евтихия Павловича Карпова, видного драматурга и по совместительству их начальника (занимавшего пост управляющего труппой), «Зарево». Это произведение увидело свет еще в 1913 г. [3] и никогда ранее не ставилось на сцене из-за запрета, наложенного драматической цензурой [4. С. 4; 5. С. 6]. Сюжет малознакомой современному читателю пьесы, действие которой происходило «в наше время, в рабочей слободке Шлиссельбургского тракта», был

кратко изложен в протоколе заседания Петроградского отделения Театрально-литературного комитета от 17 апреля 1917 г.: «Старый слесарь Воронков и его жена перебиваются со дня на день, едва зарабатывая тяжелым трудом пропитание для своей семьи. У них два сына: старший, Андрей, тихий, молчаливый и рассудительный, мечтатель, отчасти поэт и, конечно, уже затронутый пропагандой, жадно прислушивается к горячей проповеди “интеллигентов”; младший, Константин, – пьяница и хулиган, совсем отбил от рук, ни в грош не ставит отца и мать и даже грозит им побоями и ножевой расправой. Дочь Воронковых, Лиза, живет в городе, промышляя проституцией, но не теряет связи с родителями и семьей и часто их навещает.

В этой-то среде появляется барышня-пропагандистка, “товарищ Соня”¹, снабжающая Андрея “литературой” и соответствующими объяснениями. Под ее влиянием рабочие предъявляют администрации завода повышенные требования и, получив отказ, устраивают забастовку, последствием которой является всех озлобляющая безработица. Соня старается помогать забастовщикам деньгами. Андрей перед нею благоговееет, тихо выслушивая крикливые упреки своей ревнивой и сварливой жены. Константин, влюбленный в Соню по-своему, заманивает ее в гостиницу, там насилует и убивает, а затем, мучимый угрызениями совести, добровольно отдается в руки полиции» [7. Л. 27].

В интервью, данном сотруднику «Биржевых ведомостей» незадолго до премьеры, Карпов рассказал об обстоятельствах создания пьесы: «Пьеса “Зарево” написана мною шесть лет тому назад, летом 1911 г. <...> Заинтересовавшись рабочим движением, вылившимся в революцию 1905 года, я задумал написать пьесу из жизни рабочих. Я решил писать, забыв о существовании цензуры, заранее уверенный, что моей пьесе “Зарево” не суждено увидеть свет рампы какого-нибудь театра, пока существует цензура. Мне хотелось изобразить в пьесе жизнь семьи петербургского рабочего в тот момент, когда вспыхнуло зарево того пожара, который только вчера испепелил и сжег русский царизм» [8. С. 6]. Карпов, таким образом, говоря о «Зарево», делал упор на революционное содержание пьесы (что, конечно, в условиях 1917 г. было вполне понятным). По этому вопросу, однако,

можно встретить и другие мнения. Например, советский театровед С.С. Мокульский много позднее так оценивал «Зарево»: «Хотя действие ее происходит в рабочей семье и вертится все время вокруг забастовки на заводе, хотя характеры ее обрисованы живо и обнаруживают знакомство автора с изображаемой средой, однако пьеса политически совершенно бесхребетна <...> революционное движение оказывается только внешним фоном для любовной интриги» [9. С. 20].

На выбор пьесы Е.П. Карпова, несомненно, повлияло видное положение, которое этот маститый драматург и режиссер занимал в театре. В то же время художественные идеалы Карпова-постановщика и Карпова-писателя, сформировавшиеся в эпоху передвижников, были далеки от модернистской эстетики начала XX в. В частности, в апреле 1918 г. Александр Блок иронически отмечал в своем «Письме о театре», что «...искусство кончается там, где начинается Евт. Карпов. Там начинается все, что угодно: педагогика, “светлые идеалы” и прочие болезни». Ф.Д. Батюшков, коллега Карпова по театру, отмечал в дневниковой записи от 28 октября 1917 г., что отсутствие художественного замысла «обезличивает все постановки» Карпова [10. С. 420; 11. С. 496–497; 12. С. 371]. Все это, разумеется, не могло не повлиять на восприятие пьесы публикой (значительную часть которой, несмотря на начавшееся проникновение в театр «нового зрителя» из социальных низов, по-прежнему составляла интеллигенция).

Решение о постановке «Зарева» было принято в Александринском театре во второй половине марта 1917 г., причем инициатива в данном случае исходила снизу. 26 марта директор государственных театров В.А. Теляковский записал в своем дневнике: «Сегодня ко мне опять обратились режиссеры Александринского театра с просьбой дать им за плату Михайловский театр в субботу 15 апреля; так [как] они уже получили сбор с генеральной репетиции Маскарада² – а спектакль предполагалось дать им как всегда вместе с режиссерами оперы и балета 1 мая – то вопрос этот еще не решен комиссаром. Особенно беспокоился на этот раз Карпов, и я не мог угадать почему. Сегодня ларчик открылся – режиссеры ставят его, Карпова, пьесу. Понятно!!!!» [14. Л. 79]. Таким образом, драму Е.П. Карпова выбрали (при горячем сочувствии автора) для своего бенефиса вторые режиссеры и суфлеры Александринского театра [5. С. 6]. Отметим, что в Михайловском театре, об аренде которого на время спектакля представители бенефициантов просили В.А. Теляковского, своей русской труппы не было – его делили александринцы и актеры французской труппы. 28 марта Карпов уже читал свою пьесу артистам Александринского театра [15. С. 4]. За день до премьеры, 14 апреля, С.И. Смирнова-Сазонова записала в дневнике о посещении ее дочерью, актрисой Л.Н. Шуваловой генеральной репетиции «Зарева»: «Эта пьеса до революции б[ы]ла нецензурной, а теперь помощники режиссера берут ее в св[ой] бенефис. В пьесе забастовка и бунт рабочих, она бьет по нервам и будет иметь больш[ой] успех» [16. Л. 281].

Постановка «Зарева» 15 апреля 1917 г. в Михайловском театре действительно стала событием в теат-

ральном мире. Не только театральные повременные издания, но и городские, и общенациональные газеты поместили рецензии на этот спектакль. В оценках как самой пьесы, так и ее сценического исполнения наблюдался большой разброс. Некоторые критики, давая в целом положительную оценку и тому и другому, отмечали, тем не менее, что пьеса «довольно грузная, тяжелая» [17. С. 10], что оно («Зарево») «уже устарело, что даже самому автору его пьеса должна казаться пресной» [18. С. 9], «...два месяца назад пьеса Е.П. Карпова была зажигательной прокламацией <...> Теперь это милая и наивная жанровая картинка из давно минувшей эпохи “старого режима”» [19. С. 5], а выведенные в ней «образы нового мира» «неярки и мало убедительны» [6. С. 8]. В прессе подчеркивалось, что в наибольшей степени автору удалось не драматические коллизии, а бытовые зарисовки из жизни рабочей семьи [20. С. 4].

Другие рецензенты подвергли пьесу Карпова и ее постановку уничтожающей критике: «В длинных, тягучих четырех актах ничего своего не поведал нам автор. <...> Сценического действия – никакого. На психологический конфликт ни намека. В общем, пьеса недостойная государственных театров и принижающая великую тему момента» [21. С. 4]; «...действующие лица пьесы бледны и шаблонны, психология прямолинейна и бедна, диалог – то рассудочен, то тривиален, а фабула – история любви полусознательного рабочего к прекрасной социал-демократке, которую он, в порыве животной страсти, насилует и убивает, – производит впечатление тягостное <...> спектакль в целом казался слишком дешевой данью переживаемому историческому моменту, ни в чем не отражая при том его высокой поэзии и величавой, и светлой, и трагической красоты» [22. С. 5]. Об эпизоде с солдатом много лет спустя вспоминал и сам Ходотов.

Критики в то же время отмечали, что публика хорошо приняла постановку, в конце спектакля много раз вызывали автора, которого не оказалось в театре (С.И. Смирнова-Сазонова объясняла отсутствие Карпова его расстройством из-за произошедшей ранее ссоры с артистом Г.Г. Ге [16. Л. 285 об.]), а один из солдат, находившийся в зрительном зале, подарил розу игравшему в спектакле Н.Н. Ходотову³, после чего они оба произнесли краткую речь (Ходотов завершил свою здравицей «в честь героев-солдат, добывших России свободу») [6. С. 8; 17. С. 10; 19. С. 6; 20. С. 4].

17 апреля пьесу Карпова рассматривало Петроградское отделение Театрально-литературного комитета при Дирекции театров в составе своего председателя Ф.Д. Батюшкова, которому несколько дней спустя предстояло возглавить государственные театры [24. С. 182–183], и членов, видных ученых-филологов – академика Н.А. Котляревского и члена-корреспондента Академии наук П.О. Морозова. Подобное рассмотрение произведения через два дня после премьеры может быть объяснено тем, что пьесу для бенефиса по традиции выбирали бенефицианты, но для закрепления ее в основном репертуаре требовался положительный отзыв Театрально-литературного комитета.

Несмотря на высокий пост, занимаемый Е.П. Карповым в театре, и на то, что он в течение многих лет был их сослуживцем, члены комитета отнеслись к «Зареву» критически. «Пьеса г. Карпова написана в ярких, можно сказать кричащих тонах решительного, ничем не прикрашенного натурализма. Все действующие лица очерчены резко: автор, видимо, желал дать правдивую, несколько не смягченную картину быта хорошо знакомой ему среды – и не поспешил на подробности, придающие этой картине реальное содержание. Нельзя, однако, не заметить, что этот прием нередко доводится автором до крайности, едва ли оправдываемой требованиями художественного творчества и литературного вкуса. <...> Такие литературные приемы едва ли могут служить к увеличению художественного достоинства произведения, которое не может иметь целью грубо бить по нервам зрителя фотографическими снимками самых неприглядных сторон действительности. То обстоятельство, что подобные приемы встречаются иногда и у Толстого (“Власть тьмы”) не может считаться достаточным основанием для их повторения во всякое время и на всяком месте, так как у Толстого они до известной степени оправдываются глубокой нравственной идеей, положенной в основу произведения, и смягчаются обаянием огромного таланта, их создавшего. Уже одно это соображение обязывало бы в подражании Толстому (и притом – далеко не лучшим сторонам его творчества) соблюдать всяческую осторожность и уже ни в каком случае не идти дальше его в реалистическом изображении жизни».

В конце протокола заседания первоначально значилось: «Не отрицая возможности постановки пьесы г. Карпова на сцене Государственных Театров, Комитет, однако, не может не заметить, что эта постановка едва ли является желательной». Затем, однако, резюме было исправлено (от руки) и приобрело более мягкую формулировку: «Комитет не отрицает возможности постановки пьесы г. Карпова на сцене Государственных Театров» [7. Л. 27–28]. Эти исправления свидетельствуют о внутренней борьбе в комитете, о колебаниях его членов, которым непросто было выбрать между невысокой художественностью пьесы Карпова и ее острой политической актуальностью, усиленной тем положением в театре, которое занимал автор «Зарева».

Вероятно, критический, хотя и оставлявший возможность для постановки на сцене, отзыв Театрально-литературного комитета вкупе с в целом прохладной оценкой рецензентов способствовал тому, что пьеса так и не попала в основной репертуар Александринского театра (в доброжелательно настроенной к Е.П. Карпову «Петроградской газете» отмечалось, что автор «из скромности, сам не пожелал ставить пьесу» [25. С. 6]). На заседании Художественно-репертуарного комитета Александринского театра, состоявшемся 28 августа, при рассмотрении репертуара сезона 1917–1918 гг., Карпов, как гласит протокол, сам «снял свою пьесу “Зарево”» [26. Л. 2]. Таким образом, единственная между Февралем и Октябрем попытка поставить на бывшей «императорской» сцене драму из жизни рабочих оказалась малоудачной.

Рассмотрев фактическую сторону истории этой постановки, представляется возможным сделать ряд выводов. Во-первых, следует констатировать, что введение в репертуар «рабочей» темы было для государственных театров в 1917 г. вызовом времени, на который следовало дать ответ. Во-вторых, выбор пьесы Е.П. Карпова был в значительной степени продиктован тем высоким положением, которое ее автор занимал в Александринском театре, будучи управляющим труппой. В-третьих, эстетические идеалы и художественные приемы Карпова в глазах многих современников были анахроничными, и это оказало определенное влияние на неуспех постановки. В-четвертых, несмотря на критические отзывы рецензентов, в целом публика приняла пьесу хорошо. Вероятно, это объяснялось тем, что в зрительном зале, наряду с интеллигентами, находились и «солдатские депутаты», гораздо более восприимчивые к революционной фабуле «Зарева». Наконец, в-пятых, следует отметить, что спектакль пошел в бенефис второстепенных работников Александринского театра (вторых режиссеров и суфлеров), и для закрепления его в основном репертуаре нужно было получить положительный отзыв Петроградского отделения Театрально-литературного комитета. Члены комитета не без колебаний признали драму Карпова пригодной к постановке, при этом указав на большое количество недостатков произведения; такая рецензия, несомненно, повлияла на решение Карпова отказаться от введения «Зарева» в репертуар Александринского театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя главной героини – Софья Верховская, как отмечал один из рецензентов, «по созвучию напоминает Софью Перовскую, великомученицу за русскую свободу» [6. С. 8].

² Имеется в виду платная генеральная репетиция знаменитого спектакля «Маскарад» 25 февраля 1917 г., сбор с которой предназначался в пользу «помощников режиссеров, суфлеров и библиотекарей Императорской оперы, драмы и балета» [13. С. 5].

³ «В апреле в Михайловском театре была поставлена новая пьеса Карпова “Зарево” <...> В бывшей царской ложе сидели солдатские депутаты, и один из них обменялся со мной приветствием. Из этой ложи я в первый раз в своей жизни был награжден цветами» [23. С. 382].

ЛИТЕРАТУРА

1. Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 6 марта.
2. Леонидов В. Письмо в редакцию // Театр и искусство. 1917. № 15. С. 241.
3. Карпов Е.П. Зарево: Пьеса в 4 д. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1913. 112 с.
4. У рампы. Эхо // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 29 марта.
5. Новые постановки // Петроградская газета. 1917. 5 апреля.
6. Носков Н. Михайловский театр. «Зарево», драма Е.П. Карпова // Петроградский листок. 1917. 16 апреля.

7. Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 497. Оп. 10. Д. 1343.
8. Ф. «Зарево». Пьеса в 4-х действ. Е. Карпова // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 11 апреля.
9. Мокульский С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра: Очерки развития. Л. : Ленгикл, 1933. Т. 1. С. 1–80.
10. Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. 556 с.
11. Гушанская Е.М., Хализев В.Е. Карпов Евтихий Павлович // Русские писатели. 1800–1917. М. : Большая Российская Энциклопедия; Фанит, 1992. Т. 2. С. 496–497.
12. Дневниковые записи и мемуарный очерк Ф.Д. Батюшкова о его пребывании на посту главноуполномоченного по государственным театрам в 1917 году (из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома). Публикация П.Н. Гордеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 360–379.
13. Бинобль. На генеральной репетиции «Маскарада» // Петроградская газета. 1917. 25 февраля.
14. Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Ф. 280. № 1325.
15. Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 29 марта.
16. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 285. № 65.
17. Михайловский театр // Петроградская газета. 1917. 16 апреля.
18. Старк Э. Михайловский театр. («Зарево») Е. Карпова // Обзорение театров. 1917. 17 апреля.
19. Острожский К. «Зарево», пьеса в четырех действиях Евтихия Карпова. (Михайловский театр) // Новое время. 1917. 17 апреля.
20. – ин. «Зарево», пьеса Евт. Карпова. (Михайловский театр) // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 16 апреля.
21. «Зарево». Евт. Карпова // Русская воля (вечерний выпуск). 1917. 17 апреля.
22. Гуревич Л. Михайловский театр. «Зарево» Е.П. Карпова // Речь. 1917. 17 апреля.
23. Ходотов Н.Н. Близкое – далекое. М. ; Л. : Academia, 1932. 147 с.
24. Гордеев П.Н. Ф.Д. Батюшков – главноуполномоченный по государственным театрам в 1917 году // Русская литература. 2013. № 2. С. 180–190.
25. Е.П. Карпов и «Зарево» // Петроградская газета. 1917. 18 апреля.
26. Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 67. КП 7042/8.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

“WORKER’S” PLAY ON THE REVOLUTIONARY STAGE: PRODUCTION OF *THE BLAZE* BY E.P. KARPOV IN THE MIKHAILOVSKY THEATRE ON APRIL 15, 1917

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 34–38. DOI: 10.17223/15617793/403/6

Gordeev Petr N. Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: petergordeev@mail.ru

Keywords: *The Blaze*; E.P. Karpov; Mikhailovsky Theatre; Alexandrinsky Theatre; state theatres of Russia; the 1917 revolution in Russia.

This article considers the only attempt between the February and the October revolutions to stage a play on the “worker’s” theme in the state theatres. In 1917, the former imperial theaters, renamed state ones, urgently needed the “revolutionary” repertoire. The press began to call for staging plays banned by the tsarist censorship. The second directors and prompters of the Alexandrinsky Theatre chose one of such works, *Zarevo* [The Blaze] by E.P. Karpov, for their benefit performance. The choice of the author was not accidental, for Karpov was the then manager of the troupe of the Alexandrinsky Theatre. The plot of *The Blaze* describing the life of a working class family and relationship between workers and a young woman, a propagandist of revolutionary ideas, seemed very relevant at that time. The premiere took place on 15 April 1917 at the Mikhailovsky Theatre, which was used as a second stage by the Aleksandrinsky’s actors. Despite the fact that the public accepted the performance well, the reviewers’ statement was critical enough. Karpov was blamed for the overall heaviness of the play, the routine nature of characters, the roughly naturalistic character of particular scenes. It should be noted that Karpov as a playwright formed in the era of the Peredvizhniki, and his aesthetic techniques seemed outdated to the people of the Silver Age. By tradition, the beneficiaries themselves chose the play on the day of their benefit performance, but to have it in the core repertoire the play was to have a positive review of a special body, the Theatre and Literature Committee. Members of the Petrograd branch of the Theatre and Literature Committee discussed Karpov’s play on April 17. As the theatre critics, they noted numerous shortcomings of the play, including “decisive, stark naturalism”. The preserved protocol of the meeting recorded fluctuations of the committee members who, on the one hand, for many years were colleagues of E.P. Karpov, on the other, were aware of the low artistic merit of *The Blaze*. In the original version, the protocol states that the inclusion of Karpov’s play in the repertoire “is hardly desirable”, but later these words were crossed out. Thus, the formal opportunity for future productions *The Blaze* was preserved, but its author, facing the critical stance of the reviewers and members of the Theatre and Literature Committee, refused from it himself. Thereby, the only attempt in 1917 to stage a play on the “worker’s” theme in the Russian state theatres was of little success.

REFERENCES

1. Petrogradskiy listok. (1917) Teatral’nyy kur’er [Theatre Courier]. *Petrogradskiy listok*. 6 March.
2. Leonidov, V. (1917) Pis’mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. *Teatr i iskusstvo*. 15. p. 241.
3. Karpov, E.P. (1913) *Zarevo: P’esa v 4 d.* [The Blaze: a play in 4 acts]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov.
4. Birzhevye vedomosti. (1917) U rampy. Ekho [Before the lights. Echo]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 29 March.
5. Petrogradskaya gazeta. (1917) Novye postanovki [New productions]. *Petrogradskaya gazeta*. 5 April.
6. Noskov, N. (1917) Mikhailovskiy teatr. “Zarevo”, drama E.P. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. The Blaze, a drama by E.P. Karpov]. *Petrogradskiy listok*. 16 April.
7. Russian State Historical Archive (RGIА). Fund 497. List 10. File 1343.
8. F. (1917) “Zarevo”. P’esa v 4-kh deystv. E. Karpova [The Blaze: a play in 4 acts by E. Karpov]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 11 April.
9. Mokul’skiy, S. (1933) Petrogradskie teatry ot Fevralya k Oktyabryu [Petrograd theaters from February to October]. In: Rafalovich, V. E. (ed.) *Istoriya sovetskogo teatra: Ocherki razvitiya* [The history of the Soviet theater: Essays on the development]. Vol. 1. Leningrad: Lengikhl.
10. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Works in 8 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: GIKhL.
11. Gushanskaya, E.M. & Khalizev, V.E. (1992) Karpov Evtikhii Pavlovich. In: Nikolaev, P. A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917* [Russian writers. 1800–1917]. Vol. 2. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya Entsiklopediya; Fianit.

12. Gordeev, P.N. (2014) Dnevnikovye zapisi i memuar'nyy ocherk F.D. Batyushkova o ego prebyvanii na postu glavnoupolnomochennogo po gosudarstvennym teatram v 1917 godu (iz sobraniya Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma) [Diary notes and a memoir essay of F.D. Batyushkov about his tenure as the head of state theaters in 1917 (from the collection of the Manuscript Division of the Pushkin House)]. In: Ivanova, T.G. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Division of the Pushkin House in 2013]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
13. Petrogradskaya gazeta. (1917) Binokl'. Na general'noy repetitsii "Maskarada" [Binoculars. At the dress rehearsal of the Masquerade]. *Petrogradskaya gazeta*. 1917. 25 February.
14. Archive and Manuscript Department of the State Central Theater Museum n.a. A.A. Bakhrushin. Fund 280. No. 1325. (In Russian).
15. Petrogradskiy listok. (1917) Teatral'nyy kur'er [Theatre Courier]. *Petrogradskiy listok*. 29 March.
16. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. Fund 285. No. 65. (In Russian).
17. Petrogradskaya gazeta. (1917) Mikhaylovskiy teatr [The Mikhailovsky Theatre]. *Petrogradskaya gazeta*. 16 April.
18. Stark, E. (1917) Mikhaylovskiy teatr. ("Zarevo") E. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. (The Blaze) by E. Karpov]. *Obozrenie teatrov*. 17 April.
19. Ostrozhskiy, K. (1917) "Zarevo", p'esa v chetyrekh deystviyakh Evtikhiya Karpova. (Mikhaylovskiy teatr) [The Blaze, a play in four acts by E. Karpov. (The Mikhailovsky Theatre)]. *Novoe vremya*. 17 April.
20. – in. (1917) "Zarevo", p'esa Evt. Karpova. (Mikhaylovskiy teatr) [The Blaze, a play by E. Karpov. (The Mikhailovsky Theatre)]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 16 April.
21. Russkaya volya. (1917) "Zarevo". Evt. Karpova [The Blaze by E. Karpov]. *Russkaya volya* (evening issue). 17 April.
22. Gurevich, L. (1917) Mikhaylovskiy teatr. "Zarevo" E.P. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. The Blaze by E. Karpov]. *Rech'*. 17 April.
23. Khodotov, N.N. (1932) *Blizkoe – dalekoe* [The close and the far]. Moscow; Leningrad: Academia.
24. Gordeev, P.N. (2013) F.D. Batyushkov – glavnoupolnomochennyy po gosudarstvennym teatram v 1917 godu [F.D. Batyushkov, the head of state theaters in 1917]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 180–190.
25. Petrogradskaya gazeta. (1917) E.P. Karpov i "Zarevo" [E.P. Karpov and The Blaze]. *Petrogradskaya gazeta*. 18 April.
26. The Department of Manuscripts and Documents of St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Fund 67. No. 7042/8. (In Russian).

Received: 26 April 2015

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В XX–XXI вв.

В статье выявляются основные направления исследования понятия «национальное самосознание» в современной России. Показываются как вариативность подходов к изучению проблемы, так и размытость терминологии, использование разных терминов, затрагивающих единое поле исследования. Полученные результаты дополняют существующие теоретические представления об исторических, культурных, психологических аспектах российской государственности.

Ключевые слова: народ; национальное самосознание; культура; духовность; Россия; государственность; история; психология; социология.

Истоки размышлений о русском самосознании относятся ещё к XI в., к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, однако концептуальное оформление осмысления места и роли России получило в XIX в., в спорах славянофилов и западников, главным вектором которых стала оппозиция «Россия – Европа». Тема России, которая была центральной в русской философии истории вплоть до революции 1917 г., получила затем развитие в трудах мыслителей русской эмиграции. Эту эстафету принимают современные исследования, посвященные рассматриваемому вопросу. Не случайно в попытках «саморазгадывания» прослеживается апелляция к наследию дореволюционной и эмигрантской мысли. С 90-х гг. XX в. публикуются работы, замалчиваемые или запрещенные в советский период, среди которых труды мыслителей «русского зарубежья» – Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина и др. Интерес к наследию русской эмиграции объясняется тем фактом, что она явилась продолжателем традиции русской религиозной философии, сложившейся в XIX в. и прерванной в России после революции. Кроме того, революционные события способствовали актуализации проблемы преемственности и разрыва, что не удивительно – «на переломе культура всегда испытывает потребность в самопознании и занимается им» [1. С. 9], а также обострили идейные споры между основными направлениями философской мысли и способствовали появлению новых учений и движений, в частности таких, как евразийство и сменовеховство.

В последнее время появилось большое количество работ, посвященных проблеме русского национального характера, сознания, особого характера русской культуры. Условно их можно разделить на серьезные научные исследования, базирующиеся на реальном знании истории России, и популяризаторскую литературу, характеризующуюся поверхностными рассуждениями. В указанную схему укладываются работы, освещающие различные аспекты рассматриваемой проблемы. В частности, в изучении вопроса, посвященного русскому народному сознанию, его истокам, наблюдается «процесс демифологизации представлений о “русском народе” и тотальная его мифологизация, оперирование понятиями “народ – богоносец”, “народ – святой чудотворец”» [2. С. 64].

Миф является результатом фиксации общественного опыта, негативного или позитивного – «кодиру-

ется посредством эмоционально убедительных для народа символических знаков “богоугодности” или “проклятости”» [3. С. 26], – интерпретации культуры её носителями либо представителями другой культуры. Достаточное количество стереотипов о России создано не только русскими, но и иностранцами, издавна обращающими внимание на «загадочную русскую душу». Бесспорность идеи о своеобразии русского национального характера, умонастроения, склада верований, делающим как русского человека, так и Россию чем-то таинственным не только для европейца, но и русского, воспитанного на западных понятиях, отмечалась, в частности, С.Л. Франком [4. С. 121]. Вопрос «загадочности» заключается скорее в антиномичности русского национального характера. Н.А. Бердяев писал: «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую её противоречивость» [5. С. 44]. Эта черта определилась историческим развитием страны, столкновением восточного и западного элементов.

Необходимо отметить, что мифотворчество свойственно всем народам и является «зеркалом его собственной же национальной идентичности» [3. С. 31] и, соответственно, является скрепляющим началом народа. Однако мифы могут представлять собой не только соответствие архетипам, заложенным в нравственном идеале народа, но и лжемифы, т.е. созданные искусственно мифы, не имеющие под собой реальной основы. Об этом писал А.Б. Горянин, который целью своей работы «Мифы о России и дух нации» поставил разрушение злонамеренных мифов о России и акцентировал интерес на тех мифах, которые «подрывают дух нации» [6. С. 5–8].

Формирование достаточного количества мифологем о России, по сути, является продолжением отечественной традиции. Так, «русская идея», получившая систематизированное философское обоснование в трудах В.С. Соловьёва, рассматривается рядом современных учёных как миф о России, даже как самый высокий уровень мифотворчества [7. С. 272; 8. С. 73]. В попытках выявления сущности русской идеи исследователями не раз отмечалось отсутствие полноценного раскрытия её содержания даже в трудах тех мыслителей, которые непосредственно занимались её изложением. В.С. Соловьёв писал, что «идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но что

Бог думает о ней в вечности» [9. С. 220]. Н.А. Бердяев обозначил её как «вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа» [5. С. 43]. И.А. Ильин видел смысл русской идеи в осуществлении следующей задачи – творение русской самобытной культуры – «из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность» [10. С. 328].

Сегодня «русская идея» приобрела второе дыхание – активизировались поиски особенного, национального. Так, Е.В. Барабанов отмечает проявление в философии «застарелого *невроза своеобразия*», симптомами которого являются ксенофобия, страх и нетерпимость к инакомыслию, «бред национального величия» [11. С. 116]. Это, однако, чревато ростом национализма. Соответственно, как замечает другой исследователь – А. Валицкий, освоение своего прошлого должно отталкиваться не только от своеобразия русской культуры, отличия её от культур Запада, но и рассмотрения того общего, что «делает ее своеобразной разновидностью общеевропейской культурной системы» [12. С. 72]. Таким образом, предмет «русской идеи» должен быть определен как выявление своеобразия русской истории в контексте истории мировой.

Как уже было отмечено, наряду с мифологизацией русского характера осознается необходимость «выйти из тумана мифов о русском народе и русской истории – выйти при свете досконального знания фактов, фактической истории, не затемненной туманом ложных обобщений» [13. С. 5]. То есть национальные мифы становятся предметом рефлексии. Разрешение проблемы видится в доскональном изучении истории страны. В связи с этим необходимо отметить появление не только художественно-публицистических по своему характеру работ [14, 15], но и научных исследований, посвященных изучению русского национального характера в философском, психологическом, культурном и прочих аспектах [13, 16–18]. Национальный характер в целом является предметом этнопсихологии и этносоциологии, где идет основательная проработка проблемы, исследуются вопросы национальной идентификации, самосознания [19–21]. Отметим появление достаточного количества диссертаций, посвященных изучению отдельных аспектов интересующего нас вопроса [22–24]. В последнее десятилетие XX в. в России наблюдается рост национального самосознания, а поскольку Россия является многонациональным государством, то вполне естественным является появление работ, характеризующихся изучением сознания отдельных этносов, идентичности отдельных регионов, входящих в состав России [25–27].

Сегодня вопрос ставится не о мифологичности или реальности национального характера (И.С. Кон в статье, выпущенной в 1968 г., сделал вывод, что национальный характер есть определённая историческая реальность, если рассматривается как «общность выработанных и усвоенных в ходе совместного исторического развития психических черт и способов действия, закреплённых групповым самосознанием»)

[28. С. 228], но о выявлении той неповторимой, уникальной совокупности общенациональных черт, которая присуща определённому народу.

Нередко категория «национальный характер» отождествляется со следующими терминами: «национальный менталитет», «дух народа», «душа народа» (Е.А. Ануфриев, Л.В. Лесная); часть авторов, напротив, разводит названные выше понятия (Н.В. Солмадина). А.Ю. Большакова заметила, что в исследованиях разных лет, посвященных изучению русского национального характера, в основном перечисляются его основные черты (дается своего рода портретистика), тогда как суть заключается в углубленном исследовании главных ментальных составляющих с точки зрения ценностно-личностных ориентаций» [29. С. 114]. Однако существуют работы, изучающие эту категорию с использованием западных методов исследования. Имеется в виду работа К. Касьяновой «О русском национальном характере», которая посвящена рассмотрению культурных и психологических особенностей русского народа. К. Касьянова предприняла попытку изучить этнический характер, архетипы поведения с помощью использования теста MMPI – Minnesota Multiphasic Personality Inventory (Миннесотский многомерный личностный опросник). Он представляет собой набор шкал, реализующих разнообразные подходы. В конкретном случае подобраны шкалы, позволяющие выявить влияние культурных детерминант личности. К. Касьянова, отмечая преимущество теста в возможности выявления иерархической системы ценностей, всё же констатирует, что современная наука не может на данном этапе ответить на такие вопросы, как возникновение личностных характеристик и соотношение внутри них генотипических и культурных составляющих [16. С. 93].

Осмысление проблемы национальной идентификации концентрируется не только в культурной сфере, но и в государственной – на прагматически-политическом уровне. Так, современные политические споры сосредоточиваются вокруг вопроса о будущей модели развития России. Содержание их можно выразить как «идеологические качели... “от империи к нации”, от эсхатологии и теологии к антропологии и биологии, от “великой миссии Третьего Рима” к “материальному благополучию белой расы”» [30]. По сути, актуализация проблемы привела к возрождению полемики начала XX в. Её участниками все также являются православные консерваторы (Д. Володин), приверженцы русского этнонационализма (А. Елисеев), евразийцы (А.Г. Дугин), национал-либералы (П. Святенков).

Актуальность проблемы русского национального самосознания подтверждается достаточным количеством литературы, посвященной данной теме. Ее междисциплинарный характер обусловил как вариативность подходов, как и размытость терминологии, использования разных понятий, таких как национальное самосознание, идентичность, характер, затрагивающих единое поле исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999.
2. Климова С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб., 2004.
3. Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1999.
4. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
5. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
6. Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М., 2001.
7. Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998.
8. Барабанов Е.В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8.
9. Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 2.
10. Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов : в 2 т. М., 1992. Т. 1.
11. Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8.
12. Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. 1994. № 1.
13. Лихачёв Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
14. Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М., 2001.
15. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005.
16. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
17. Брюшинкин Н.В. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. № 1.
18. Шелехов И.Л., Постоева В.А., Пахомов В.П. Этнические стереотипы современных женщин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Сер. Педагогика и психология. Вып. 10 (73).
19. Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 1999.
20. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
21. Шелехов И.Л., Гумерова Ж.А. Основы этнологии и этнопсихологии : учеб. пособие. Томск, 2013.
22. Трофимов В.К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2001.
23. Мурунова А.В. Социокультурные детерминанты русского менталитета : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005.
24. Гумерова Ж.А. Проблема русского национального сознания в творчестве Г.П. Федотова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009.
25. Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская религиозная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (3), ч. 1.
26. Бочаров А.В. Методологические и эмпирические аспекты изучения региональной сибирской идентичности в информационном поле региональных СМИ // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18).
27. Бойко И.И. Локальная, региональная и общероссийская идентичности в Чувашской республике // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 25–27 сентября 2007 г. Курск, 2008.
28. Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность // Иностранная литература. 1968. № 9.
29. Большакова А.Ю. Феномен русского менталитета: основные направления и методы исследования // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3 : Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999.
30. Межуев Б. Антиимперская мобилизация // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru>, свободный.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 декабря 2015 г.

THE STUDY OF RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS: BASIC APPROACHES IN THE 20TH AND 21ST CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 39–42. DOI: 10.17223/15617793/403/7

Gumerova Zhanna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Shelekhov Igor L. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brief@sibmail.com

Keywords: nation; national consciousness; culture; spirituality; Russia; history.

A great number of studies about Russian national character, consciousness, specific Russian culture have been published lately. Conditionally, this literature can be divided into research studies based on real facts of Russian history, and promotional poorly researched literature. Particularly in the question devoted to Russian national consciousness, we can observe a process of demythologization of the vision of the Russian nation and its total mythologization. Formation of a fair number of mythologems about Russia continues the national tradition. Thus, some modern scholars consider the “Russian idea” as a myth. At present, the “Russian idea” is becoming popular again. The study of unique and national features has become more intense. National myths are the subject of reflection. We can observe not only fiction and journalistic literature but also academic studies devoted to the analysis of Russian national character in philosophical, psychological, cultural and other aspects. National character as a whole is the subject of ethnopsychology and ethnocosiology that profoundly study the problem, analyze questions about national identification and consciousness. There are studies devoted to the consciousness of a particular ethnos, identity of Russian regions. The main question of modern studies is to identify the unique complex of national characteristics inherent to a particular nation. Frequently the term “national character” is identified with such definitions as national mentality, national spirit, national soul; some authors separate these definitions. The central subject of Russian national character study is concentrated on listing its main features. At the same time we can observe single studies that use western research methods, such as the Minnesota Multiphasic Personality Inventory that can help to determine the hierarchic value system. The study of national identification problem is concentrated not only in the culture sphere but also in the state one, on the political and pragmatic level. Thus, modern political debates are concentrated on the development model of Russia: empire or nation, the messianic role of Russia or the material welfare of Europeans. The actualization of the problem has led to the revival of the dispute of the early 20th century. Its participants are orthodoxies, followers of Russian ethnicism, Eurasianists, national liberals. The relevance of the Russian national consciousness problem is proved by the ample amount of literature. Its cross-disciplinary character has become a reason of the variety of methods, ambiguity of terminology, usage of diverse terms.

REFERENCES

1. Panchenko, A.M. (1999) Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian Culture on the eve of Peter the Great's reforms]. In: Panchenko, A.M. *Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznykh let* [Russian History and Culture: The works of different years]. St. Petersburg: Yuna.
2. Klimova, S.M. (2004) *Fenomenologiya svyatosti i strastnosti v russkoy filosofii kul'tury* [Phenomenology of holiness and passion in the Russian philosophy of culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Polosin, V.S. (1999) *Mif, religiya, gosudarstvo* [Myth, religion and state]. Moscow: Ladomir.
4. Frank, S.L. (1996) Religiozno-istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii [Religious and historical significance of the Russian Revolution]. In: Ermichev, A.A. (ed.) *Russkoe mirovzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka.
5. Berdyaev, N.A. (1990) Russkaya ideya [The Russian idea]. In: Maslin, M.A. *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of Russian post-October emigration]. Moscow: Nauka.
6. Goryanin, A.B. (2001) *Mify o Rossii i dukh natsii* [Myths about Russia and the spirit of the nation]. Moscow: Sretenskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr'.
7. Volkogonova, O.D. (1998) *Obraz Rossii v filosofii russkogo zarubezh'ya* [The image of Russia in the Russian emigre philosophy]. Moscow: ROSSPEN.
8. Barabanov, E.V. (1990) "Russkaya ideya" v eskhatologicheskoy perspektive ["Russian idea" in the eschatological perspective]. *Voprosy filosofii*. 8.
9. Solov'ev, V.S. (1989) Russkaya ideya [The Russian idea]. In: Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.
10. Il'in, I.A. (1992) O russkoy idee [On the Russian idea]. In: Smirnov, I.N. (ed.) *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov: v 2 t.* [Our Mission. The historical fate and the future of Russia. Articles of 1948–1954: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: MP "Rarog".
11. Barabanov, E.V. (1991) Russkaya filosofiya i krizis identichnosti [Russian philosophy and identity crisis]. *Voprosy filosofii*. 8.
12. Valitskiy, A. (1994) Po povodu "russkoy idei" v russkoy filosofii [On the "Russian idea" in Russian philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1.
13. Likhachev, D.S. (1990) O natsional'nom kharaktere russkikh [On Russian national character]. *Voprosy filosofii*. 4.
14. Goryanin, A.B. (2001) *Mify o Rossii i dukh natsii* [Myths about Russia and the spirit of the nation]. Moscow: Sretenskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr'.
15. Sergeeva, A.V. (2005) *Russkie: Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: Stereotypes of behavior, traditions and mentality]. Moscow: Flinta, Nauka.
16. Kas'yanova, K. (1994) *O russkom natsional'nom kharaktere* [On Russian national character]. Moscow: Institute of National Economic Model.
17. Bryushinkin, N.V. (2005) Fenomenologiya russkoy dushi [Phenomenology of the Russian soul]. *Voprosy filosofii*. 1.
18. Shelekhov, I.L., Postoeva, V.A. & Pakhomov, V.P. (2007) Etnicheskie stereotipy sovremennykh zhenshchin [Ethnic stereotypes of modern women]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya – Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Pedagogy and Psychology*. 10 (73).
19. Stefanenko, T. (1999) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Psychology, RAS, Akademicheskii proekt.
20. Khotinets, V.Yu. (2000) *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic self-consciousness]. St. Petersburg: Aleteyya.
21. Shelekhov, I.L. & Gumerova, Zh.A. (2013) *Osnovy etnologii i etnopsikhologii* [Basics of ethnology and ethno-psychology]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
22. Trofimov, V.K. (2001) *Istoki i sushchnost' russkogo natsional'nogo mentaliteta (sotsial'no-filosofskiy aspekt)* [The origins and nature of the Russian national mentality (social-philosophical aspect)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Ekaterinburg.
23. Murunova, A.V. (2005) *Sotsiokul'turnye determinanty russkogo mentaliteta* [Social and cultural determinants of Russian mentality]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
24. Gumerova, Zh.A. (2009) *Problema russkogo natsional'nogo soznaniya v tvorchestve G.P. Fedotova* [The problem of Russian national consciousness in the works of G.P. Fedotov]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
25. Dutchak, E.E., L'vova, E.L. & Nam, I.V. (2012) Whether Siberian Regional Identity is a Factor of Conflict or a Resource to Form the All-Russian Identity? *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. 2 (3):1. (In Russian).
26. Bocharov, A.V. (2012) Methodological and empirical aspects of studying of regional Siberian identity in information field of regional mass-media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (18). pp. 81–91. (In Russian).
27. Boyko, I.I. (2008) [Local, regional and all-Russian identity in the Chuvash Republic]. *Opyt podgotovki sotsiokul'turnykh portretov regionov Rossii* [Experience in preparing socio-cultural portraits of regions of Russia]. Proceedings of the III All-Russian Scientific-Practical Conference. Kursk. 25–27 September 2007. Kursk. (In Russian).
28. Kon, I.S. (1968) Natsional'nyy kharakter – mif ili real'nost' [National character: Myth or Reality]. *Inostrannaya literatura*. 9.
29. Bol'shakova, A.Yu. (1999) Fenomen russkogo mentaliteta: osnovnye napravleniya i metody issledovaniya [The phenomenon of Russian mentality: the basic directions and methods]. In: Gorskiy, A.A. et al. (eds) *Rossiyskaya mental'nost': metody i problemy izucheniya* [Russian mentality: methods and problems of studying]. Vol. 3. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
30. Mezhuiev, B. (2006) Antiimperskaya mobilizatsiya [Anti-imperial mobilization]. *Russkiy zhurnal – Russian Journal*. [Online]. Available from: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Antiimperskaya-mobilizatsiya-2006>.

Received: 07 December 2015

КУПЕЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ КРУПНЫМ КАПИТАЛОМ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследованы материалы купеческой переписки как эпистолярного источника изучения проблем развития пушной торговли во второй половине XIX – начале XX в. Анализ ранее не опубликованной деловой переписки представителей крупных фирм Северо-Восточной Сибири позволяет исследовать широкий круг вопросов организации и деятельности предприятий с крупным капиталом в пушной торговле периода модернизации, выявить особенности процесса акционирования отрасли в специфических условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: эпистолярные источники; переписка; торговый дом; Северо-Восточная Сибирь; пушная торговля; крупный капитал.

Важной целью научного исследования проблем экономического развития Сибири является выявление и введение в научный оборот ранее не исследованных и не опубликованных источников. Это могут быть делопроизводственные материалы центральных и местных органов управления, законодательные акты, статистические документы, а также мемуары, воспоминания и переписка современников изучаемых событий.

Следует отметить, что эпистолярное наследие ранее уже привлекало внимание российских ученых. В 80-е гг. XX в. была издана переписка Г.Н. Потанина, состоявшая из 662 писем, 630 из которых ранее никогда не публиковались [1. С. 7]. С.Ф. Коваль отметил, что изучение эпистолярного наследия Г.Н. Потанина позволяет исследовать проблемы развития в Сибири политических сил и экономических процессов. Автор указал, что Г.Н. Потанин в своих письмах к Н.М. Ядринцеву подробно разрабатывал вопрос капиталистического развития России и Сибири, раскрывал степень прогресса капиталистических отношений в сибирской торговле и промышленности [2. С. 22]. С.Ф. Коваль выявил, что, по мнению Г.Н. Потанина, капитализм в Сибири развивался интенсивно, особенно в сфере торговли. Этому способствовало строительство железной дороги, наличие морских портов и богатой ресурсной базы [Там же. С. 23].

В 2004 г. сотрудниками Томского государственного университета была осуществлена публикация более чем 250 писем Г.Н. Потанина, хранившихся в научной библиотеке Томского университета. Сам по себе факт публикации личных писем, не предназначенных для постороннего чтения, – явление уникальное. Однако не следует забывать, что в данном случае речь идет о переписке выдающегося сибиряка, «писателя, журналиста, общественного деятеля», которая не только по-новому раскрывает его общественные взгляды, но и помогает яснее понять мотивы самих поступков, дает представление о взглядах на политическую, общественную, культурную и научную жизнь Сибири начала XX в. [3. С. 3].

Широкий круг источников из цикла сибирской мемуаристики был введен в научный оборот Н.П. Матхановой [4. С. 12]. В сферу научных интересов Н.П. Матхановой вошли неопубликованные письма Н.М. Ядринцева [5], эпистолярное наследие

Корсаковых [6], мемуары и публицистика В.И. Вагина [7, 8]. Кроме того, внимание Н.П. Матхановой привлекло письма и воспоминания представителей сибирского купечества Н.Н. Пестерева [9] и Прокопия Похолкова [10]. Особую ценность для исследования проблем организации торговых отношений в городах Сибири имеют путевые заметки американского коммерсанта П.М. Коллинза, исследованные и опубликованные Н.П. Матхановой [11]. Введение в научный оборот новых источников, относящихся к циклу эпистолярного наследия, позволило Н.П. Матхановой исследовать широкий круг проблем истории Сибири, а также заложить методологические основы анализа источниковых данных и их применения в разработке научных проблем.

Приведенный небольшой анализ работы исследователей с эпистолярным наследием деятелей изучаемой эпохи свидетельствует о значительных информативных возможностях этого вида источников как с точки зрения пониманий поступков и взглядов отдельных личностей, так и с позиции этапов формирования их мировоззрения в целом. Думается, что обращение авторов к изучению купеческой переписки позволит высветить новые грани деятельности представителей крупного капитала Азиатской России, уточнить особенности формирования акционерных обществ в специфических условиях Крайнего Севера.

Для изучения проблемы развития пушной торговли предприятиями с крупным капиталом важную роль играет купеческая переписка делового характера, относящаяся по своему происхождению к эпистолярному наследию. Основная ценность купеческой переписки как источника по изучению проблемы деятельности фирм с крупным капиталом в пушной торговле заключается в том, что деловая переписка во многих случаях составляла основу коммерческого делопроизводства предприятий, содержала важные сведения об осуществлении операций с крупными партиями пушнины на внутренних и внешних рынках. Анализ купеческой переписки позволяет выявить особенности ценообразования в пушной торговле, динамику скупки крупных партий пушнины в промысловых районах Северо-Восточной Сибири и на ярмарках в Ирбите, Якутске, Нижнем Новгороде.

Кроме того, купеческая переписка затрагивала проблемы организации поставок ценных сортов пушнины в московские представительства крупных фирм, заключения сделок с иностранными покупателями, реализации мягкой рухляди в Китае через отделения фирм в Кяхте.

Следует отметить, что анализ деловой переписки представителей крупных фирм позволил выявить существование нового акционерного общества в пушной торговле, ранее не известного современной исторической науке. К купеческой переписке относятся деловые письма распорядителей торговых домов и их приказчиков, телеграммы, письма-отчеты, письма акционеров и многое другое. Купеческая переписка как источник изучения проблемы организации пушной торговли предприятиями с крупным капиталом содержит обширные количественные данные и цифровой материал. Следует отметить, что использование данных купеческой переписки при исследовании проблемы организации пушной торговли фирмами с крупным капиталом связано с их критическим анализом. Особенности ведения торгового дела в период второй половины XIX – начала XX в. были обусловлены существованием особой коммерческой тайны у каждого предприятия. Представители одних фирм в своих письмах старательно преуменьшали сведения о количестве скупленной пушнины, что воспринималось адресатом как вести о хорошей торговле. Другие использовали шифровки, известные только узкому кругу служащих.

Таким образом, целью данной публикации является анализ особенностей купеческой переписки как одного из основных неопубликованных источников эпистолярного вида по изучению проблем организации пушной торговли фирмами с крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири.

Купеческая переписка делового характера в достаточном объеме сохранилась в архивном хранилище Национального архива Республики Саха (Якутия). Это такие фонды, как торговый дом «М.А. Коковин и И.А. Басов», «Г.В. Никифоров», «А. и М. Молчановы и Быков», «Н.Д. Эверстов», Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников».

Прежде всего следует отметить переписку делового характера приказчиков торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов», анализ которой позволяет проследить особенности организации торгового дела одного из самых первых крупных предприятий в сфере организации пушной торговли на северо-востоке Сибири. Освоение отдаленных территорий с суровым климатом, но богатых ценными сортами пушнины представителями торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» шло одновременно с поиском дополнительных ресурсов для развития торгового дела. Такими ресурсами выступали золото, каменный уголь, лес, рыба и многое другое [12. С. 26]. По мнению С.Ф. Коваля, Г.Н. Потанин в своих письмах отмечал роль сибирского купечества в качестве основных колонизаторов обширных пространств Сибири. Так, в письме Н.М. Ядринцеву от 4–10 июля 1872 г.

Г.Н. Потанин указал, что свобода Сибири создавала простор для индивидуальной жизни, позволяла колонизовать определенные территории на собственное усмотрение. Развитие в Сибири свободной торговли, по мнению автора письма, могло стать основой для преодоления колониальной зависимости от метрополии, укрепления внешних и внутренних экономических связей [2. С. 95].

Наиболее ярким представителем торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» в начале XX в. являлся приказчик Владимир Иннокентьевич Фефелов, который вел дела фирмы в Колымске, Охотске, а затем в Аяне и Нелькане. В 1905 г. В.И. Фефелов приобрел статус купца 2-й гильдии [12. С. 25]. Именно переписка В.И. Фефелова с распорядителями торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» из Аянского отделения сохранила большое количество данных о работе служащих купеческого предприятия.

Почтовое сообщение Аяна и Нелькана с Якутском в начале XX в. носило нерегулярный характер [13. С. 67]. Свои письма в главную контору В.И. Фефелов отправлял один или два раза в год с началом навигации по рр. Алдану, Мае и Лене. То есть к моменту отправки писем в Главную контору они были подшиты в тетрадь, пронумерованы и датированы. Таким образом, исследуя переписку В.И. Фефелова с распорядителями торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов», мы имеем дело с несколькими циклами писем, каждый из которых может быть отнесен к мемуарам купца, посвященным определенной тематике.

Первый цикл писем В.И. Фефелова, относящийся к 1908 г., посвящен хозяйственной деятельности купца после прибытия в Аянское отделение торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов». В.И. Фефелов в своих письмах достаточно подробно описывал трудности организации торгового дела в Аяне. Например, 8 сентября 1908 г. В.И. Фефелов написал, что «метели здесь бывают по несколько дней. В это время нет возможности выйти во двор. Дом заносит снегом по самые окна. В углах дома сильная сырость, плесень и все продувается ветрами. Помещение лавки с низким потолком и кривыми окнами. Сама лавка поставлена в противоположную сторону от бухты. В лавке нет погреба и амбара. Торговать в лавке довольно трудно, так как часть товаров на улице заносит снегом. Мороз доходит до 50 градусов при сильном северном ветре» [14. Л. 10–11].

Далее В.И. Фефелов наладил транспортное сообщение Аянского отделения с торговыми пунктами Северо-Восточной Сибири, что зафиксировал в своем письме. «Необходимо заключить договор с торговым домом «Наследники А.И. Громовой» на доставку товаров конным транспортом до рр. Маи и Алдана, далее пароходами Громовой в навигационный период до Якутска и других населенных пунктов Якутской области» [Там же. Л. 14].

После упорядочивания дел в Аянском отделении В.И. Фефелов начал уделять свое внимание организации пушной торговли. Этим проблемам посвящен второй цикл писем В.И. Фефелова в главную контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» периода

конца 1908–1910 гг. Переписка В.И. Фефелова сохранила свидетельства одного из трудных переходов приказчика от одного отдаленного стойбища до другого. Приведем небольшую цитату из письма В.И. Фефелова от 7 декабря 1908 г.: «С партией пушнины и чая поехал я в Улькан. Не мог никак добраться до устья. Такой сильный ветер, что тунгуса с оленями роняет с ног. Я три раза пытался идти пешком, но сваливался с ног. Нет никакой возможности добраться до устья. Мой тунгус умолял меня вернуться, говорил, что замерзну. Алдомские тунгусы мне говорят, что ветер не пустит, а по самой реке на 40 верст вперед будет дуть еще сильнее» [14. Л. 21]. В 1909 г. большинство писем В.И. Фефелова в главную контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» содержали данные о количестве скупленной пушнины. Так, в письме от 5 марта 1909 г. В.И. Фефелов писал, что «партии пушнины состояли из ценных сортов темной белки, красной и черно-бурой лисицы, песца и горностая» [15. Л. 12]. В письме от 10 июня 1909 г. В.И. Фефелов указал, что «за промысловый период 1908–1909 гг. было собрано в партии и отправлено на имя торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» пушнины на общую сумму 50 тыс. руб. В счет сдачи пушнины было выдано наличными деньгами и товарами более 30 тыс. руб.» [15. Л. 13, 16, 29–30, 35–36, 48]. В 1910 г. в своем письме в Якутскую контору фирмы «М.А. Коковин и И.А. Басов» В.И. Фефелов отметил, что в Аяне им были выстроены два деревянных амбара для хранения разного рода товаров, теплый дом с кладовыми и сенями, магазин и разного рода дворовые и хозяйственные постройки [Там же. Л. 5].

Несколько иной характер имела торговая переписка якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова, который сформировал свой капитал на заграничных сделках с особо ценными сортами сибирской пушнины. Такая переписка имела сугубо деловой характер и освещала те стороны торговой деятельности предприятия, которые являлись наиболее актуальными в исследуемый период. Из деловой переписки Н.Д. Эверстова с доверенным лицом в Москве – И.Г. Шипачевым можно выявить и проанализировать направления и особенности организации торговли соболями с заграничными скупщиками пушнины [16. Л. 10–18]. Так, в 1866 г. И.Г. Шипачев писал Н.Д. Эверстову о ходе торгов на Нижегородской ярмарке. Приведем небольшую цитату из письма, сохраняя стиль автора: «Требование на пушное плохое. С лисицей туго, цена по 3 руб. за штуку. Старайтесь дорого не покупать, главное купить товара как можно больше и чтобы цены были выгодные. Здесь к тому же знают, что у Вас урожай соболей на следующий год будет большой и товар вследствие того будет дешев. Сюда на днях ожидается нашествие американских посланников, которые будут осматривать ярмарку и скупать пушное, а в особенности соболей» [Там же. Л. 38].

Заслуживает внимания деловая переписка Н.Д. Эверстова с сыновьями Петром, Василием, Иваном и Дмитрием. В письмах решались вопросы организации чайной торговли с Китаем, транспортировки пушнины через восточные границы, развития торгов-

ли из магазинов и лавок в Якутске, кредитования и многое другое [17. Л. 11]. В качестве примера организации чайной торговли приведем цитату из письма Н.Д. Эверстова сыну Василию в Нелькан от 17 марта 1890 г. с сохранением авторского стиля. «Любезный сын Василий Николаевич! Уведомляю тебя, что за 30 мест байхового чая по стоимости за оный я рассчитался в Петербурге с приемником дела Филиппеуса – с Господином Томом Вальш. За провоз же чаев из Аяна в Нелькан я рассчитался сам с Вальшем, а потому до моего приезда никаких расчетов и уплат относительно чаев не производить. С прошлой почтой я писал тебе о постройке амбара. Он нам необходим для склада товаров, повторяю и прошу тебя по серьезной заняться оным по твоему усмотрению. Товары из Москвы получаю и начал уже отправлять пушнину в Кяхту» [18. Л. 8 об.].

К числу деловой переписки следует отнести существенный объем телеграмм и писем распорядителей торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» и Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». Наличие широкого круга источников из цикла деловой переписки, принадлежавшей представителям данных предприятий, может быть объяснено тем, что главные конторы фирм находились в Москве, а скупка пушнины в промысловых округах Северо-Восточной Сибири осуществлялась через доверенных лиц и отделения в Якутске, Колымске, Верхоянске, Казачьем. Отметим, что ни одна сделка с пушнинной не могла быть заключена без одобрения руководства московской главной конторы. В связи с этим распорядитель Якутского отделения торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» – Быков, в 1910 г. в своем письме обратился в главную контору с просьбой предоставить определенную свободу в осуществлении коммерческой деятельности в период оживленного торгового оборота пушнинной. «Иначе конкуренты скупают все партии высоких сортов, а нам остаются лишь остатки по высокой цене и сожаления по упущенной выгоде» [19. Л. 22].

Определенный научный интерес представляет письмо Быкова в Московскую контору фирмы «А. и М. Молчановы и Быков» от 5 ноября 1908 г. после того, как торговый дом впервые начал операции с пушнинной на северо-востоке Сибири. Отметим, что Быков (Нью-Юкань) – китайский подданный, был совершенно не знаком с особенностями ведения торгового промысловым населением Якутской области. Свои первые впечатления после начала торгов пушнинной он выразил в письме. «Приехав сюда, я сделал визит фирмам, но никто из представителей фирм мне визитов не отдал, друг у друга не бываем, только при встречах здороваемся. Тут наше положение тем еще ухудшается, что другие фирмы относятся враждебно, по пословице: “где до прибыли коснется, не только там гусям, и людям достается”» [20. Л. 8–10]. Переписка Быкова с главной конторой относительно закупки пушнины имела шифровку. В письме от 7 марта 1908 г. Быков отправил в Главную контору торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» зашифрованные обозначения пушного товара. Белка обознача-

лась цифрой 1, горноста́й – 2, красная лисица – 3, белка с хвостом – 10, песец – 7 [21. Л. 43, 45]. В дальнейшем данные о скупке пушнины в письмах в главную контору обозначались в зашифрованном виде. Кроме того, шифрованные письма содержали информацию о количестве закупаемой пушнины конкурентами. Так, 16 августа 1909 г. Быков телеграфировал в Главную контору, что «по седьмому у Кушнаревых – 4, Громовых – 5, Черных – 200» [20. Л. 56]. Это означало, что с открытием торгов в промысловых районах торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева» скупил 4 тыс. шкурок песца, «Наследники А.И. Громовой» – 5 тыс. шкурок, скупщик Черных – около 200 шкурок.

Деловая переписка акционеров спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в начале XX в. состояла из существенного объема телеграмм, анализ текста которых показал, что акционеры уделяли большое внимание операциям с ценными сортами пушнины под заказ от зарубежных оптовых покупателей. Так, в 1916 г. Н.П. Рылов из Харбина телеграфировал в Якутское отделение акционерного общества о необходимости концентрации крупных партий пушнины с целью ее дальнейшей перепродажи. «Горноста́й, белку, лисицу покупку усильте. Ценой не стесняйтесь. Старайтесь купить 100 тыс. шт. белки. На нее заказ из Америки. Цена безразлична. Старайтесь купить партию песца енисейского Кушнарева. За партию платим до 2 000 руб. Старайтесь купить еще 10 тыс. шт. горноста́я. На него заказ из Америки. Цена безразлична. Сообщите в телеграмме цены на оймьконскую белку, лисицу и горноста́й. Смело можете платить, если цена будет дороже. Партию Никифорова старайтесь купить. Сообщите сколько куплено мамонтовой кости. Старайтесь отправить ее в Иркутск в эту навигацию» [22. Л. 230].

Следует отметить тот факт, что среди писем и телеграмм в главную контору Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» нами были найдены важные сведения об организации и функционировании нового акционерного общества, носившего в 1916 г. рабочее название «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области» [22. Л. 1–19]. Долгое время материалы переписки бухгалтера акционерного общества И.Д. Первалова с акционерами были мало исследованы учеными. Между тем они содержат информацию, до настоящего времени еще не введенную в научный оборот, на основании которой можно судить о том, что к 1918 г. на территории Северо-Восточной Сибири в сфере пушной торговли процесс акционирования отрасли набирал свои обороты [23. С. 130]. Так, после создания «Акционерного общества на севере Якутской области» бухгалтер предприятия И.Д. Первалов написал в главную контору Акционерного общества спичечной и меховой фабрики развернутый отчет о проблемах, которые возникли в организации пушной торговли предприятием в 1918 г. Одной из основных проблем деятельности нового «Акционерного общества на севере Якутской области», по мнению И.Д. Первалова, была внешняя конкуренция. «Нам нужно учесть конкуренцию со сторо-

ны американских шхун, которых появляется все больше и больше у нашего берега. В Колымском районе это дыхание Америки уже теперь чувствуется очень сильно. Все население, а торгующие в особенности, ждут прихода американских шхун, надеясь сбыть и приобрести товары. Нужно взять рынок в свои руки, иначе через несколько лет будет уже поздно и тогда нам придется завоевывать рынок» [24. Л. 4].

Деловая переписка Г.В. Никифорова с приказчиками торгового дома «Г.В. Никифоров» и «Г.В. Никифоров и И.П. Антипин» является тем примером, когда информация о скупке пушнины и результатах промысла передавалась «зеркально», т.е. чем хуже в письме описывались результаты промыслового сезона, тем большие объемы скупки пушнины существовали в действительности. Передача информации подобным образом была основана на стремлении сохранить данные о количестве приобретенной пушнины в тайне от конкурентов до начала ярмарочных торгов в Якутске, Ирбите и Нижнем Новгороде. Хозяином торгов становился тот купец, который сосредоточил наибольшее количество пушнины по основным видам в своих руках и сохранил сведения об этом в тайне. Научный интерес представляет одно из писем приказчика торгового дома «Г.В. Никифоров» – Ильи Егоровича Заболоцкого из Оймькона от 14 марта 1916 г. о ходе пушной торговли в промысловом районе, адресованное Г.В. Никифорову.

Отметим, что Оймькон являлся одним из северных промысловых районов, где добывались в большом количестве особо ценные сорта пушнины. Более того, именно в районе Оймькона в начале XX в. разгорелась острая конкурентная борьба за пушные рынки между фирмами с крупным капиталом. Итак, приведем небольшую цитату из письма И.Е. Заболоцкого Г.В. Никифорову: «В Оймьконе пушнины добыто очень мало. В Оймьконе промысла пушнины не имеется, а покупать на деньги можно лишь по случаю сильной голодовки. Скот рогатый и конный часто пропадает. Проезжали Швецовы через Оймькон и они подняли цену на пушное, а потому местные торговцы покупают лисицу красную по 14 руб., горноста́й по 1,40 руб., белку темную по 40 коп. В Оймьконе занял под натуру. Белок темных – 1 300 шт., 170 шт. горноста́я. Все это посылаю Вам и будем рассчитывать по ярмарочной цене» [25. Л. 32]. Смысл данного письма означал следующее. Прежде всего, промысел в Оймьконе был успешным. Это дважды подчеркивалось в письме. После окончания промысла началась скупка красной лисицы, горноста́я, белки. В связи с этим в район приехали доверенные торгового дома «А.В. Швецов и сыновья», которые подняли закупочные цены в надежде скупить на наличные средства крупные партии пушнины. Однако скупка велась в форме меновой сделки, и Швецовым на деньги пушной товар промысловики не отпускали. Крупные партии белки и горноста́я скупил доверенный Г.В. Никифорова по цене Якутской ярмарки.

Таким образом, исследование эпистолярных источников, состоящих из материалов деловой переписки представителей торговых домов и акционерных обществ, позволяет осветить широкий спектр проблем

организации пушной торговли фирмами с крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Степень достоверности данных купеческой переписки, на наш взгляд, достаточно высока. В первую

очередь это относится к той ее части, которая была предназначена для внутреннего пользования, т.е. письма приказчиков, акционерных и главных распорядителей, письма-отчеты, письма-программы и телеграммы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский : в 5 т. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
2. Коваль С.Ф. Г.Н. Потанин – общественный и политический деятель // Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. Т. 1. С. 10–35.
3. Есипова Н.А., Зиновьев В.П., Колосова Г.И. Эпистолярное наследие великого сибиряка // Г.Н. Потанин, М.Г. Васильева. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». Переписка. Томск : Изд-во ТГУ, 2004. С. 3–10.
4. Матханова Н.П. Воспоминания как источник по истории общественной мысли Сибири середины XIX в. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 102–115.
5. Матханова Н.П. Письмо Н.М. Ядринцева сибирскому землячеству в Петербурге // Земля Сибирь. Новосибирск, 1991. С. 69.
6. Матханова Н.П. Эпистолярный корпус Корсаковых как источник для реконструкции культурной жизни Восточной Сибири в середине XIX века // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни : материалы Третьей Всерос. науч. конф. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 298–306.
7. Матханова Н.П. Мемуары В.И. Вагина как источник по истории сибирского чиновничества XIX в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XIX вв. Новосибирск, 1998. С. 145–160.
8. Матханова Н.П. Мемуары и публицистика В.И. Вагина как источник по истории города Каинска и Каинского округа // «Между прошлым и будущим»: к юбилею исторического факультета НГПУ. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2000. С. 79–91.
9. Матханова Н.П. Сибирский купец Н.Н. Пестерев и его воспоминания (60-е гг. XIX в.) // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология, философия. Новосибирск, 1991. Вып. 3. С. 22–27.
10. Матханова Н.П. Купец Прокопий Похолков и его мемуары // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск, 2009. С. 137–143.
11. Матханова Н.П. Путевые записки американского коммерсанта П.М. Коллинза о городах Сибири середины XIX века // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 91–102.
12. Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Роль представителей торгового дома «Коковин и Басов» в освоении Северо-Востока Сибири в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та истории СО РАН, 2014. № 4. С. 23–27.
13. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М. : Наука, 1916. 95 с.
14. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НАРС (Я)). Ф. 414 (Торговый дом «М.А. Коковин и И.А. Басов»). Оп. 1. Д. 6.
15. НАРС (Я). Ф. 414 (Торговый дом «М.А. Коковин и И.А. Басов»). Оп. 1. Д. 3.
16. НАРС (Я). Ф. 500 (Торговый дом «Н.Д. Эверстов»). Оп. 1. Д. 7.
17. НАРС (Я). Ф. 500 (Торговый дом «Н.Д. Эверстов»). Оп. 1. Д. 16.
18. НАРС (Я). Ф. 500 (Торговый дом «Н.Д. Эверстов»). Оп. 1. Д. 42.
19. НАРС (Я). Ф. 418 (Торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков»). Оп. 1. Д. 10.
20. НАРС (Я). Ф. 418 (Торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков»). Оп. 1. Д. 6.
21. НАРС (Я). Ф. 418 (Торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков»). Оп. 1. Д. 27.
22. НАРС (Я). Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 5.
23. Кушнарева М.Д. «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области» как особая форма организации пушной торговли крупным капиталом в северо-восточной Сибири в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 129–133.
24. НАРС (Я). Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 32.
25. НАРС (Я). Ф. 415 (Торговый дом «Г.В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 января 2016 г.

MERCHANT CORRESPONDENCE AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE PROBLEMS OF FUR TRADE DEVELOPMENT BY COMPANIES WITH BIG CAPITAL IN NORTHEASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 43–48. DOI: 10.17223/15617793/403/8

Dameshek Lev M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Kushnaryeva Margarita D. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: epistolary sources; trading house; Northeastern Siberia; fur trade; big capital.

This article analyzes the unpublished materials of merchant correspondence, which refers to the epistolary form of sources. The main purpose of the article is to determine the characteristics of the correspondence of representatives of firms with big capital involved in the fur trade in Northeastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Merchant correspondence as a source of studying the problem of fur trade organizing by companies with big capital contains extensive quantitative information. Research of the stated problem implies critical analysis of the correspondence. The activities of big firms in the fur trade in Northeastern Siberia involved all sorts of economic risks. It caused the presence of each company's trade secrets. Information on the progress of the fur trade recorded in letters and telegrams was written in an encrypted form. Some companies used the method of digital signage for each type of fur raw materials, others broadcast information on the number of purchased furs in substantially lower values. The correspondence of the clerk of the trading house "M. A. Kokovin and I.A. Basov" with the chief administrators shows peculiarities of development of remote areas of Northeastern Siberia in severe climatic conditions. In addition to organizing the fur trade in the departments of the trading house in Ayan and Nelkan, clerk V.I. Fefelov engaged in the exploration of gold deposits, in finding convenient berths for steamships in the bays of the Okhotsk Sea, in the tea trade. The focus of the letters of N.D. Everstov to I.G. Shipachev, his authorized representative in Moscow, was on the arrangement of deals on the Siberian sable with foreign customers, on the fur trade at big fairs in Nizhny Novgorod and Irbit. N.D. Everstov resolved current affairs in correspondence with his sons,

who were engaged in the transportation of teas from the ports of Vladivostok and the Okhotsk Sea, as well as in domestic and foreign wholesale trade in consumer goods and furs. The correspondence of I.D. Perevalov, the accountant of a match and fur factory “N.P. Rylov and F.P. Lesnikov”. The correspondence has information on the new company’s functioning in the fur trade in Northeastern Siberia. The correspondence of the clerks of the company “G.V. Nikiforov” contains information about the competition in the fur trade between firms with big capital and the dynamics of pricing for the main types of fur raw materials. In conclusion, the authors note that the study of epistolary sources consisting of correspondence of big company representatives shows a wide range of problems in the organization of the fur trade in Northeastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. This merchant correspondence, intended for internal use, has a high degree of reliability.

REFERENCES

1. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina: v 5 t.* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Koval', S.F. (1987) G.N. Potanin – obshchestvennyy i politicheskiy deyatel' [G.N. Potanin as a public and political figure]. In: Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. *Pis'ma G.N. Potanina: v 5 t.* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
3. Esipova, N.A., Zinov'ev, V.P. & Kolosova, G.I. (2004) Epistol'noye nasledie velikogo sibir'yaka [The epistolary heritage of the great Siberian]. In: Kolosova, G.I. (ed.) *G.N. Potanin, M.G. Vasil'eva. "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu". Perepiska* [G.N. Potanin, M.G. Vasilyeva. "I want to serve you, clothe you with my love." Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Matkhanova, N.P. (1992) Vospominaniya kak istochnik po istorii obshchestvennoy mysli Sibiri serediny XIX v. [Memoirs as a source on the history of social thought in the middle of the 19th century in Siberia]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii* [Studies in the history of literature and social consciousness of feudal Russia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Matkhanova, N.P. (1991) Pis'mo N.M. Yadrinseva sibirskomu zemlyachestvu v Peterburge [Letter of N.M. Yadrinsev to the Siberian fraternity in St. Petersburg]. *Zemlya Sibir'*. 0. p. 69.
6. Matkhanova, N.P. (1996) [The epistolary of the Korsakovs as a source for the reconstruction of the cultural life of Eastern Siberia in the middle of the 19th century]. *Rossiyskaya provintsiya XVIII–XX vv.: realii kul'turnoy zhizni* [Russian province of the 18th–20th centuries: cultural realities]. Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference. Vol. 2. Penza. pp. 298–306. (In Russian).
7. Matkhanova, N.P. (1998) Memuary V.I. Vagina kak istochnik po istorii sibirskogo chinovnichestva XIX v. [Memoirs of V.I. Vagin as a source for the history of Siberian officials of the 19th century]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XIX vv.* [History of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
8. Matkhanova, N.P. (2000) Memuary i publitsistika V.I. Vagina kak istochnik po istorii goroda Kainska i Kainskogo okruga [Memoirs and essays of V.I. Vagin as a source for the history of Kainsk and Kainsk District]. In: Zverev, V.A. (ed.) *"Mezhdru proshlym i budushchim": k yubileyu istoricheskogo fakul'teta NGPU* ["Between Past and Future": on the anniversary of the Faculty of History of Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
9. Matkhanova, N.P. (1991) Sibirskiy kupets N.N. Pesterev i ego vospominaniya (60-e gg. XIX v.) [Siberian merchant N.N. Pesterev and his memoirs (1860s)]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Istoriya, filologiya, filosofiya*. 3. pp. 22–27.
10. Matkhanova, N.P. (2009) Kupets Prokopy Pokholkov i ego memuary [Merchant Prokopy Pokholkov and his memoirs]. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* [Problems of socio-economic and cultural development of Siberia in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk: RIPEL.
11. Matkhanova, N.P. (1992) Putevye zapiski amerikanskogo kommersanta P.M. Kollinza o gorodakh Sibiri serediny XIX veka [Travel notes of American merchant P.M. Collins on Siberian towns of the middle of the 19th century]. In: Vilkov, O.N. & Rezun, F.Ya. (eds) *Naselelynye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya (XVII – nachalo XX v.)* [Towns of Siberia: the historical development experience (17th – beginning of the 20th centuries)]. Novosibirsk: Assotsiatsiya sib. i dal'nevostochnykh gorodov.
12. Dameshek, L.M. & Kushnareva, M.D. (2014) The role of representatives of the firm “Kokovin and Basov” in the development of the north-east of Siberia in the early XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 23–27. (In Russian).
13. Zenzinov, V.M. (1916) *Ocherki torgovli na severe Yakutskoy oblasti* [Essays on trade in the north of Yakutsk Oblast]. Moscow: Nauka.
14. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 414 (Trade House “M.A. Kokovin and I.A. Basov”). List 1. File 6. (In Russian).
15. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 414 (Trade House “M.A. Kokovin and I.A. Basov”). List 1. File 3. (In Russian).
16. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 500 (Trade House “N.D. Everstov”). List 1. File 7. (In Russian).
17. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 500 (Trade House “N.D. Everstov”). List 1. File 16. (In Russian).
18. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 500 (Trade House “N.D. Everstov”). List 1. File 42. (In Russian).
19. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 418 (Trade House “A. & M. Molchanov and Bykov”). List 1. File 10. (In Russian).
20. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 418 (Trade House “A. & M. Molchanov and Bykov”). List 1. File 6. (In Russian).
21. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 418 (Trade House “A. & M. Molchanov and Bykov”). List 1. File 27. (In Russian).
22. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 420 (Joint-Stock Company of a match and fur factory “N.P. Rylov and F.P. Lesnikov”). List 1. File 5. (In Russian).
23. Kushnareva, M.D. (2015) The Projected Corporation in the North of Yakut Region as a special form of organization of the fur trade by a big capital in the north-eastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 129–133. (In Russian).
24. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 420 (Joint-Stock Company of a match and fur factory “N.P. Rylov and F.P. Lesnikov”). List 1. File 32. (In Russian).
25. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 415 (Trade House “G.V. Nikiforov”). List 1. File 5. (In Russian).

Received: 11 January 2016

САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-11-19003 а/Т и Правительства Республики Хакасия.

Освещается санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. На основе широкого круга источников рассмотрены организация и проведение санитарного контроля, мероприятий по личной гигиене горожан и благоустройству городов. Комплекс проводимых санитарно-гигиенических мер позволяет сделать вывод об улучшении экологической обстановки в городах и снижении роста инфекционных болезней среди населения.

Ключевые слова: города; Енисейская губерния; эпидемии; санитарное состояние; горожане.

Санитарно-гигиеническая культура населения является важной составляющей процесса жизнеобеспечения. Изучение данной проблематики приобрело особую важность в последние годы. Слабоизученной темой остается история санитарно-гигиенического состояния провинциальных городов. Создание и поддержание новых гигиенических норм, общее санитарное состояние городов, роль и участие жителей в проведении санитарно-гигиенических мероприятий играют важную роль в повседневной жизни людей.

Во второй половине XIX в. в российской городской инфраструктуре произошли значительные изменения, направленные на сближение с европейской моделью благоустройства. Стремительная урбанизация и индустриализация российских городов способствовали загрязненности, ухудшению санитарного состояния и напряженности экологической обстановки. В это время повышенное внимание к ольфакторной стороне повседневности сопровождалось воспитанием самоконтроля и особого отношения к санитарии и гигиене. Важной движущей силой для распространения гигиенического контроля стали эпидемические заболевания [1. С. 199]. В российских городах проведение санитарно-гигиенических мер на законодательном уровне стали проводиться согласно Городовому положению 1870 г. Местная власть несла ответственность за благоустройство и безопасность городской среды, а также была призвана создавать и развивать специализированные санитарные службы. Повсеместно в городах на органы местного самоуправления возлагалось тщательное и регулярное изучение санитарной обстановки, а также организация мер по предупреждению и прекращению заразных болезней и эпизоотий [2. С. 312].

Медико-санитарное состояние провинциальных городов России оставляло желать лучшего. В отчете за 1877 г. генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредерикса указывалось, что восточносибирские города «отличаются низким санитарным уровнем, полной апатией жителей в соблюдении гигиенических правил в бытовой своей жизни, слабым наблюдением местных властей за чистотой, опрятностью и удалением вредных элементов, а также равнодушным отношением к своим обязанностям санитарных врачей» [3. Л. 48]. На этом основании П.А. Фредерикс попытался принять энергичные меры по улучшению санитарной обстановки в городах и селах Восточной Си-

бири. Местные губернаторы должны были оперативно действовать и оказывать содействие городским властям. Городские управы и полицейские управления обязывались строго выполнять все предписания по санитарной части [3. Л. 48 об.].

По мнению ряда исследователей, во второй половине XIX – начале XX в. в сибирских городах неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка оказывала непосредственное влияние на демографическое состояние и провоцировала естественную убыль населения [4. С. 134–139; 5. С. 150–153; 6. С. 599–608 и др.]. Подобное неблагоприятное положение стало характерным для жителей приенисейских городов. С 1885 по 1890 г. в пяти городах Енисейской губернии родились 9 711 чел., умерли – 11 036 чел., убыль населения составила 1 325 чел. Массовый приток населения, интенсивный рост численности жителей и скученность способствовали росту числа инфекционных болезней. Периодически в Красноярске происходили вспышки острозаразных заболеваний: сыпной и брюшной тиф, грипп, дифтерит, скарлатина, корь. Нередко инфекционные болезни заканчивались смертельным исходом, особенно высокой была детская смертность. По официальным данным, с 1887 по 1890 г. в Красноярске от дифтерита умерли 133 ребенка [7. 16 дек.]. Минусинск и Канск представляли образец неряшливости и беспечности. «Неподготовленность городов устоять перед эпидемией, – писал местный житель, – говорит о том, что в санитарном деле иногда “волки стерегут стадо”» [8. 21 сент.].

В провинциальных городах России было неудовлетворительно поставлено оказание медицинской помощи населению. Местные власти неоднократно ставили вопрос о малочисленности медицинского персонала в Восточной Сибири. Недостаток врачей и фельдшеров особенно остро ощущался при появлении эпидемических заболеваний. Даже наличие вакантных мест медиков в Восточной Сибири не решало проблему повсеместной нехватки медицинского персонала. Специалисты отказывались ехать в столь далекий край, мотивируя свой отказ «незначительным содержанием врачей и дороговизной жизни» [9. Л. 29]. Типичные городские больницы того времени были тесны, не имели всех необходимых удобств и были лишены специального оборудования, чувствовалась острая нехватка врачей и фельдшеров. По сравнению

со многими городскими больницами Восточной Сибири Красноярская городская больница находилась в удовлетворительном состоянии. В 1877 г. при ней открылось повивальное училище с родовспомогательным отделением [3. Л. 52]. Но будет неверным считать, что в Красноярске была хорошо поставлена врачебная помощь местным жителям. До середины 1880-х гг. в городе отсутствовала серьезная медико-санитарная организация. Городская больница не имела особого значения для красноярцев. Она обслуживала всю Енисейскую губернию и была переполнена больными, преимущественно ссыльными. Врачебную помощь горожанам оказывали частнопрактикующие врачи, но они были доступны только обеспеченным слоям населения. Бедным обывателям были не по карману услуги частного врача и лекарства из частной аптеки. За медицинской помощью малоимущие горожане обращались обычно к знахарям, иногда к фельдшерам. Со стороны городской управы оказывалась минимальная поддержка, она включала средства только на содержание оспопрививателя и субсидии, вносимые в увеличение жалования фельдшеров заразного отделения казенной больницы [10. 1–15 сент.].

Антисанитария в сфере питания провоцировала массу разнообразных инфекционных заболеваний. На базарах тенденцией стали устраиваемые торговцами распродажи и уценки просроченных продуктов питания. Главной причиной того, что горожане покупали по льготной цене испорченные товары, являлась бедность, а не невежество, как считалось в обществе. Рискуя получить сильное отравление, малоимущие слои населения готовы были приобрести дешевые продукты питания даже в таких местах, где, по словам очевидцев, «от кадок и корыт идет сильное зловоние протухшего мяса» [11. 2 июля]. Часто из-за несоблюдения гигиенических норм источником заразных болезней становились торговые бани. Например, Ильинские бани в Красноярске оставляли неприглядное впечатление. По воспоминаниям очевидца, «там было очень грязно, особенно в дешевых номерах, они чистились не чаще одного раза в неделю. Комнаты для раздевания напоминали свинной хлев, а ни разу не мытые полки пропитались грязью» [12. 20 янв.]. В Минусинске в торговой бане Сорокина в чистоте содержался только один номер, рассчитанный на состоятельных посетителей. В остальных номерах было грязно, подавалась еле теплая и вонючая вода [13. 20 марта]. Несоблюдение правил гигиены и санитарных норм отдельными горожанами также усугубляло санитарное состояние. Из-за неопрятности некоторых домовладельцев в жаркую погоду по улицам распространялись отвратительные запахи, у прохожих было ощущение, что они попали в зловонную яму [14. 21 июля]. Обычным явлением было увидеть возле городских съестных лавочек разбросанные арбузные корки, обглоданные кости, грязные тряпки, отбросы и расплесканные помои [15. 7 сент.].

На рубеже XIX–XX вв. отсутствие водопровода и канализации в приенисейских городах отрицательно сказывалось на санитарной обстановке. Горожане получали воду из рек и колодцев. Установление водо-

проводной сети в губернском центре было достаточно дорогостоящим предприятием. При общей загрязненности улиц и отсутствии во многих местах стока для воды воздух пропитывался испарениями, вредными для здоровья горожан. Особенно в невыгодном положении оказался Красноярск, прозванный «Ветропыльском» из-за сильных продолжительных ветров, обилия пыли и сухости воздуха. Он значительно отставал по благоустройству от других губернских городов России. В результате проверок было установлено, что в городе сложилась неблагоприятная экологическая обстановка. Загрязнение улиц и воздуха способствовало развитию легочных болезней, на их долю приходилось около 10% от всех заболеваний. Итогом стало решение городских властей провести озеленительные работы, увеличить число парков и скверов [16. С. 12].

В приенисейских городах согласно постановлениям городских дум был установлен порядок проведения санитарно-гигиенических мероприятий, содержания улиц и домов, уборки мусора и т.д. Городская дума Минусинска в 1875 г. постановила содержать в чистоте улицы, площади, мостовые и тротуары. Домовладельцы обязывались содержать в чистоте собственные дома и дворы, городские улицы, площади и скверы. Горожане обязывались ежедневно вывозить мусор за город, запрещалось сваливать или выливать нечистоты вне помойных ям, загрязнять близлежащие реки. Под запретом были загрязнение водоемов, свалка мусора и нечистот, сброс ядовитых или вредных веществ в реки, выделка овчин, кож в протоках и т.д. [17. Л. 1–2].

Городские санитарные врачи следили за выполнением санитарно-гигиенических норм. Те домовладельцы, которые уклонялись от соблюдения санитарных мер предосторожности, предписанных санитарным врачом, привлекались к санитарно-полицейскому надзору. Санитарные комиссии осуществляли проверку различных общественных заведений. Под особым контролем находились продуктовые торговые лавки, магазины, кухмистерские, столовые, рестораны и т.д. Запрещалось продавать недоброкачественные и испорченные съестные припасы [8. 12 июля]. Санитарный надзор за пищевыми продуктами на базарах давал возможность после взятых проб выявить фальсификацию молока, масла и других продуктов. Перед Первой мировой войной санитарный врач Красноярска Н.С. Гланц поставил вопрос о создании в городе специальной лаборатории для проверки качества пищевых продуктов [18. С. 30].

Обеспечение водой жителей приенисейских городов осуществлялось теми же способами, как и в других сибирских городах. Горожане получали воду из рек и колодцев. К началу XX в. водопроводы отсутствовали не только в уездных, но и во многих губернских городах страны. Установление водопроводной сети, как уже было отмечено выше, было довольно дорогостоящим предприятием. Городские власти рассматривали необходимость проведения водопровода в целях пожарной безопасности, оздоровления города и т.д. В хозяйственной жизни водопроводное сооруже-

ние могло бы стать доходной статьей. В Красноярске врачи связывали недостатки чистой питьевой воды с эпидемиями брюшного тифа. Так, например, с 1892 по 1897 г. в городе зарегистрировали 915 случаев заболевания брюшным тифом. При исследовании различных источников воды было установлено, что без предварительного фильтрования или кипячения вода непригодна для питья [16. С. 10–11]. Некачественная питьевая вода провоцировала желудочно-кишечные заболевания. Водовозы набирали воду в протоке р. Енисей, обычно там стирали белье больных и раненых солдат. Набранную воду развозили по домам обывателей для бытовых нужд [19. 11 ноября]. Жители Красноярска, не заботясь о чистоте водоемов, загрязняли их. Например, в течение всей зимы обыватели сваливали дворовые нечистоты на лед р. Качи, следовательно, эта вода могла спровоцировать серьезные заболевания и стала непригодной для питья [20. 10 марта].

В конце XIX – начале XX в. городские власти обратили внимание на состояние городской экологии, стали активно проводиться мероприятия по озеленению городских улиц. В городах появились сады, бульвары, аллеи, клумбы с цветами и т.д. В Красноярске действовал общественный сад (площадь – 14 дес.) и бульвар (протяженность – 497 саженей), в Енисейске – бульвар (протяженность – 75 саженей), в Ачинске – общественный сад (площадь – 22 тыс. кв. саженей), бульвар (площадь – 9 тыс. кв. саженей), в Канске – общественный сад (площадь – 2 дес.), в Минусинске – общественный сад (площадь – 2 дес.), бульвар (площадь – 1 дес.) [21. Л. 14, 42, 51, 67, 73].

Деревья, кустарники и клумбы с цветами являлись украшением городов. Насаждения умерили порывистые ветра и уменьшили пыль, которая оказывала вредное влияние на здоровье горожан. Обилие пыли можно было предотвратить при посадке деревьев по краям тротуаров. В Красноярске была создана специальная комиссия по устройству в городе древонасаждений. На многих улицах и в переулках были посажены деревья. Осуществляли посадку деревьев как казенные учреждения, так и частные лица. Начало городской посадке положил городской голова Красноярска И.А. Матвеев, он рассадил деревья на песчаном берегу около своего дома. Благодаря хлопотам директора мужской гимназии были посажены деревья в Гимназическом переулке у гимназии [8. 26 апреля]. Некоторые домовладельцы принимали активное участие в озеленении города, они рассаживали деревья возле своих домов. Инициативу в озеленении городской зоны проявили жители Минусинска. Сквер на Соборной площади не имел клумб с цветами и дорожек, в основном там скапливался мусор. Многие минусинцы стали садить перед своими домами деревья, пытаясь защититься от пыли. Вдоль протоки Енисея посаженные горожанами деревья образовали береговой бульвар, имевший несколько ухоженный вид [22. 23 июля].

Весной 1913 г. в Красноярске начались строительные работы первого в губернии водопровода. К концу сентября этого же года было проложено 7 верст труб. Трубы водопровода были деревянными, их обкладывали черноземом и навозом. Для обеспечения работы

водопроводной системы установили 90 смотровых колодцев. В Николаевской слободе построили водонапорную башню и две водозаборные будки. На острове Посадском в шахтном колодце провели монтаж центробежных насосов, подававших до 24 тыс. ведер в час. 28 декабря 1913 г. состоялось торжественное открытие городского водопровода [23. С. 62].

В 1886 г. в Красноярске образовалось общество врачей Енисейской губернии, призванное улучшить медико-санитарную обстановку в регионе. В ведении общества находилась созданная в это же время амбулатория для бедных слоев населения. Там можно было получить бесплатный медицинский совет, купить по льготной цене лекарства. Позднее при амбулатории открылись хирургический барак, фельдшерская школа и аптека [10. 1–15 сент.].

Медицинские учреждения, рассчитанные на беднейшие слои населения, появились в других городах Енисейской губернии. Образованная в 1896 г. в Минусинске лечебница для бедных была рассчитана на те слои населения, которые за неимением средств обращались к знахарям. Лечебница располагалась в здании, принадлежавшем предпринимательнице М.А. Гусевой, там же открылась аптека для бедных горожан. С появлением этого медицинского учреждения горожане стали чаще обращаться к практикующим врачам, в городе заметно уменьшилось знахарство. Лечебница ежедневно принимала по 20–30 чел. [13. 14 апр.]. В Минусинске санитарный врач М.В. Книжников по собственной инициативе посещал городские школы по два раза в неделю и осуществлял осмотр учеников. Специально для него подавались сведения о материальном положении учащихся. Книжников поставил перед городскими властями вопрос о строительстве новой амбулатории [24. 8 окт.].

С целью привития населению санитарно-гигиенических норм устраивались лекции просветительского характера для обывателей. Тематика лекционного материала отличалась разнообразием и была призвана ознакомить горожан с элементарными правилами личной гигиены. Важным считалось распространение среди населения таких обязательных правил гигиены, как ежедневное мытье рук и лица, частая смена белья, содержание в чистоте жилищ и т.д. Во время начавшегося распространения холеры населению разъясняли не употреблять сырую воду и незрелые овощи, также давались рекомендации по оказанию первой медицинской помощи заболевшему холерой [8. 12 июля].

В начале XX в. в случаях вспышек остроинфекционных заболеваний в городах стали проводиться санитарные мероприятия. Особенно активно противоэпидемическая работа велась в стремительно растущем Красноярске. Санитарные врачи обязывались периодически отчитываться о проведении санитарных осмотров, дезинфекции квартир, статистике заболеваний и т.д. Для борьбы с острозаразными болезнями была оборудована изоляционная квартира, куда эвакуировали здоровых. В ноябре 1912 г. во время вспышки скарлатины стала функционировать изоляционная квартира с дезинфекционной камерой.

В специально оборудованной дезинфекционной камере «Гелиос» проводили дезинфекцию белья, платья и прочих зараженных вещей. Квартиры больных скарлатиной и дифтеритом подлежали обязательной дезинфекции, преимущественно формалиновыми парами. Подобные меры имели большое значение в борьбе с инфекционными заболеваниями [18. С. 29].

Несмотря на комплекс санитарно-гигиенических мероприятий, проводимый в приенисейских городах, определенные недостатки в сфере санитарии сохранялись. В местной прессе неоднократно отмечалось, что города нуждаются в лучшем санитарном надзоре. Санитарные врачи не имели возможности охватить контролем все частные дома и общественные места. В Красноярске собрания санитарных попечителей собирались не чаще одного раза в год, что было явно недостаточно. Обычно на них присутствовали 2–3 члена общества [13. 20 сент.]. Как показала практика, общество санитарных попечителей не оправдало своих ожиданий, все также требовался эффективный медико-санитарный орган, возглавляемый санитарным врачом. В городах не хватало квалифицированных и специально подготовленных кадров [18. С. 30].

Нехватка средств ограничивала развитие медико-санитарной организации в губернии. Негативное влияние оказывала несогласованность по финансовым вопросам между городскими властями Красноярска и

обществом врачей. В 1903 г. на заседаниях красноярской городской думы было вынесено недоверие обществу врачей в расходовании средств, против них выступили даже либерально настроенные гласные. Городская управа отклонила просьбы общества на выдачу единовременного пособия для лечебниц в размере 1 800 руб. Все это отрицательно сказывалось на дальнейшей постановке медико-санитарного дела в приенисейских городах [10. 1–15 сент.].

В отчетах санитарных врачей и в периодике нередко указывалось, что многие горожане не всегда выполняли правила по уборке нечистот и мусора. Некоторые домовладельцы даже в центральной части городов не заботились о чистоте улиц около своих домов. На окраинах и слободах обыватели старались как можно меньше вывозить на свалочные места мусор [18. С. 31].

В целом в рассматриваемый период санитарное состояние приенисейских городов претерпело значительные изменения. Под воздействием модернизационных процессов происходило улучшение санитарной обстановки в городах. Санитарно-гигиенические мероприятия прочно входили в городскую повседневность. В то же время нововведения тормозились из-за недостаточного финансирования и нехватки квалифицированных кадров для проведения мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пироговская М.М. Ветлянская чума 1878–1879 гг.: санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 198–229.
2. Башкуев В.Ю., Башкуева У.В. Городское самоуправление и противозидемические меры в Забайкальской области в последней четверти XIX в. (на примере уездного города Верхнеудинска) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 307–313.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 68. Д. 446.
4. Башкуев В.Ю. О некоторых проблемах санитарного состояния уездного города Верхнеудинска в последней четверти XIX в. // Власть. 2014. № 3. С. 134–139.
5. Башкуев В.Ю. Эпидемическая безопасность окраинных регионов Российской империи во время пятой пандемии холеры (на примере Забайкальской области и г. Верхнеудинска) // Власть. 2013. № 1. С. 150–153.
6. Татарникова А.И. Санитарное состояние «провинциальных столиц» Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган : Курганский дом печати, 2015. С. 599–608.
7. Справочный листок Енисейской губернии. 1890.
8. Енисейский листок. 1892.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 413.
10. Сибирские врачебные ведомости. 1906.
11. Сибирские вести. 1906.
12. Енисей. 1902.
13. Енисей. 1896.
14. Енисей. 1900.
15. Красноярск. 1908.
16. Обзор хозяйства г. Красноярска за апрель – июнь 1903 г. Красноярск, 1903.
17. Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска». Ф. 18. Оп. 1. Д. 4.
18. Обзор хозяйства г. Красноярска за октябрь 1912 – январь 1913 г. Красноярск, 1913. С. 29–32.
19. Енисей. 1905.
20. Красноярск. 1909.
21. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 228.
22. Енисей. 1904.
23. Красноярск в четырех веках. Путеводитель по истории города 1628–2003 гг. Красноярск : Издательские проекты, 2003. 91 с.
24. Минусинский вестник. 1916.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 октября 2015 г.

SANITARY CONDITIONS OF TOWNS OF YENISEI PROVINCE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 49–53. DOI: 10.17223/15617793/403/9

Kiskidosova Tatyana A. Khakas Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: tak_74@mail.ru

Keywords: towns; epidemics; Yenisei Province; sanitary conditions; citizens.

Unfavorable sanitation and epidemiological environment in the towns of Yenisei Province had a direct impact on the demographic situation and provoked a natural population decline. Massive influx of population, people's increase and overcrowding contributed to the growth of infectious diseases. Typical town hospitals of that time were small, did not have all necessary conveniences and lacked special equipment. There was severe shortage of doctors and medical assistants. According to the rules of town councils in the towns near the Yenisei, a schedule of sanitary and phytosanitary measures, keeping streets and houses, garbage disposition, etc. was established. At the beginning of the 20th century, sanitary measures were carried out in cases of infectious diseases in the towns. Anti-epidemic actions were made most actively in the rapidly growing Krasnoyarsk. From time to time, public health doctors had to report on execution of health inspections, disinfection of flats and sick-list statistics. Absence of a plumbing system in the province's center was a rather expensive concern. In the late 19th and early 20th centuries, town authorities paid attention to the condition of town ecology. Planting of greenery in town streets was actively implemented. Medical institutions, which were intended for the poorest population, appeared in all district towns of Yenisei Province. Sanitary measures were carried out in cases of outbreaks of infectious diseases in the towns. Lectures for citizens were performed for teaching the population sanitary and phytosanitary standards. Despite the complex of sanitary-hygienic activities conducted in the Yenisei cities, there still were certain shortcomings in the field of sanitation. The local press repeatedly noted that cities needed better sanitary supervision. Sanitary doctors had no opportunity to cover all private homes and public places. As shown, the society of sanitary trustees did not meet the expectations, an effective health authority headed by a sanitary physician was required. The towns lacked qualified and specially trained personnel. Lack of funds restricted the development of health organizations in the province. In general, during the period under study, the sanitary condition of the towns near the Yenisei underwent significant changes. Sanitary environment became better under the influence of modernization processes. Sanitary and phytosanitary measures became part of towns' everyday life. At the same time, innovation was hampered due to insufficient funding and lack of qualified personnel.

REFERENCES

1. Pirogovskaya, M.M. (2012) The Vetlyanka Plague of 1878–1879: Sanitary Discourse, Sanitary Strategy and the (Re-)Making of Sensibility. *Antropologicheskii forum*. 17. pp. 198–229. (In Russian).
2. Bashkuev, V.Yu. & Bashkueva, U.V. (2014) Gorodskoe samoupravlenie i protivoepidemicheskie mery v Zabaykal'skoy oblasti v posledney chetverti XIX v. (na primere uездnogo goroda Verkhneudinska) [Municipal government and anti-epidemic measures in the Trans-Baikal region in the last quarter of the 19th century (in the county town Verkhneudinsk)]. In: Levchenko, V.M. et al. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP.
3. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 68. File 446. (In Russian).
4. Bashkuev, V.Yu. (2014) O nekotorykh problemakh sanitarnogo sostoyaniya uездnogo goroda Verkhneudinska v posledney chetverti XIX v. [Some problems in the sanitary condition of the county town Verkhneudinsk in the last quarter of the 19th century]. *Vlast'*. 3. pp. 134–139.
5. Bashkuev, V.Yu. (2013) Epidemicheskaya bezopasnost' okrainnykh regionov Rossiyskoy imperii vo vremya pyatoy pandemii kholery (na primere Zabaykal'skoy oblasti i g. Verkhneudinska) [The epidemic safety of the outlying regions of the Russian Empire during the fifth pandemic of cholera (in the Trans-Baikal region and Verkhneudinsk)]. *Vlast'*. 1. pp. 150–153.
6. Tatarnikova, A.I. (2015) Sanitarnoe sostoyanie "provintsial'nykh stolits" Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The sanitary condition of "provincial capitals" of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Zhiromskaya, V.B. & Stas', I.N. (eds) *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical urban studies: the past and present of the city]. Kurgan: Kurganskiy dom pečati.
7. *Spravochnyy listok Eniseyskoy gubernii* [The Data Sheet of Yenisei Province]. (1890).
8. *Eniseyskiy listok*. (1892).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. File 413. (In Russian).
10. *Sibirskie vrachebnye vedomosti*. (1906).
11. *Sibirskie vesti*. (1906).
12. *Enisey*. (1902).
13. *Enisey*. (1896).
14. *Enisey*. (1900).
15. *Krasnoyarets*. (1908).
16. Anon. (1903) *Obzor khozyaystva g. Krasnoyarska za aprel' – iyun' 1903 g.* [Review of the economy of Krasnoyarsk in April–June 1903]. Krasnoyarsk.
17. Archive of Minusinsk. Fund 18. List 1. File 4. (In Russian).
18. Anon. (1913) *Obzor khozyaystva g. Krasnoyarska za oktyabr' 1912 – yanvar' 1913 g.* [Review of the economy of Krasnoyarsk in October 1912 – January 1913]. Krasnoyarsk.
19. *Enisey*. (1905).
20. *Krasnoyarets*. (1909).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 31. List 1. File 228. (In Russian).
22. *Enisey*. 1904.
23. Burovskiy, A.M. & Zykov, V.P. (2003) *Krasnoyarsk v chetyrekh vekakh. Putevoditel' po istorii goroda 1628–2003 gg.* [Krasnoyarsk in four centuries. Guide to the city's history of 1628–2003]. Krasnoyarsk: Izdatel'skie proekty.
24. *Minusinskiy vestnik*. (1916).

Received: 08 October 2015

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ РУКОВОДИТЕЛЕ ГЛАВТЮМЕННЕФТЕГАЗА

Статья приурочена к 50-летию юбилею Главного управления по добыче нефти и газа в Тюменской области (Главтюменнефтегаза), посвящена начальному этапу развития нефтяной промышленности Западной Сибири. В центре внимания – два руководителя нефтяной промышленности Тюменской области – В.И. Муравленко и А.М. Слепян, стоявшие у истоков нефтяной отрасли региона. Основное внимание уделено незаслуженно забытому начальнику объединения «Тюменнефтегаз», одновременно и первому руководителю Главтюменнефтегаза А.М. Слепяну. Предлагается объяснение причин смены руководителей в 1965 г.

Ключевые слова: нефть; газ; добыча; руководитель; Тюменская область.

История как наука о прошлом, выступая результатом человеческой деятельности, оставляла на своих страницах ничтожно малое количество имен участников исторического процесса. Герои далеких и ушедших эпох по-разному созидали память о себе: одерживали победы на полях сражений, возводили города, создавали памятники духовной и материальной культуры. Не менее важным было увековечивание памяти о себе специально организованной работой летописца, хрониста, историка. Те, которые попадали в разного рода письменные памятники, зачастую и оставались в истории.

XIX, XX вв. оставили истории огромное число участников социальной деятельности. Сейчас требуются более масштабные усилия для того, чтобы отвести место в истории определенному персонажу. Именно в персональной составляющей исторического процесса прослеживается наибольшая степень субъективизма.

История Западной Сибири, связанная с развитием нефтегазовой сферы, столь близкая к нам по времени, отразившая масштабность процесса, значимость его в судьбе страны, включила в себя и формирование образов героев. История героев всегда граничила с мифами. Историки вместе с публицистами, журналистами советской эпохи оставили немало сочинений по истории нового этапа в развитии Тюменской области, связанного с началом добычи нефти и газа, которые нередко расходятся с исторической реальностью. В большей степени мифологизация коснулась исторических персоналий начального периода хозяйственного освоения региона. В работах, посвященных первому секретарю Тюменского промышленного обкома партии А.К. Протозанову, уже получил отражение процесс сокрытия на протяжении почти 50 лет имени фактически главного инициатора создания нефтегазовой базы в регионе [1–6]. Но оказалось, что это не единственный исторический персонаж, о котором история умалчивает. Такая же ситуация сложилась вокруг первого руководителя нефтяной промышленности Тюменской области.

Создателем нефтяной промышленности Западной Сибири со времен советской эпохи предстает В.И. Муравленко, что нашло отражение как в научной, так и научно-популярной, художественной литературе [7–9]. В.И. Муравленко начинал работу по созданию нефтяной промышленности Тюменской области тогда, когда из Урая от Сухоборского парка уже

отплывали один за другим нефтеналивные суда, в Сургуте действовало Сургутское НПУ [10. С. 79, 109], пос. Сургут получил статус города [Там же. С. 121], выросли поселки Мегион, Нефтеюганск и т.д. Никто из авторов книг о В.И. Муравленко не задавался вопросом: кто же за всем этим стоял? Так рождался один из мифов новейшей истории Западной Сибири. Книги о В.И. Муравленко «сыпались» как из рога изобилия [11–15].

В вышедшей в 2014 г. книге «Они были первыми», посвященной событиям 50-летней давности, в фотографиях представлен А.К. Протозанов [16]. В этой же книге появляется и имя А.М. Слепяна, упомянутое вскользь. Есть всего четыре строчки о Слепяне в книге «Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка» с привязкой к объединению «Тюменнефтегаз» [15. С. 15]. В разных публикациях, отражающих аппарат Главтюменнефтегаза, данных о Слепяне вообще нет [Там же. С. 15, 29, 30–31, 33].

Имени А.М. Слепяна в истории Главтюменнефтегаза нет, как нет его и в истории нефтяной промышленности Западной Сибири, в то время как А.М. Слепян был начальником объединения «Тюменнефтегаз», с деятельностью которого были связаны период пробной эксплуатации нефтяных месторождений в 1964 г. и начало промышленной добычи нефти в Западной Сибири в 1965 г. Он же был и первым руководителем Главтюменнефтегаза, стоял у истоков нефтяной промышленности крупнейшего за всю историю России нефтедобывающего района, выполнил огромный комплекс задач в первые два года разворачивающейся добычи нефти.

Обращение к биографии Арона Марковича Слепяна указывает дату его рождения – 23 сентября 1913 г., место рождения – г. Минск, затем переезд в 1926 г. семьи в Баку, в 1934 г. – поступление Арона Слепяна в Азербайджанский нефтяной институт на экономический факультет, который он окончил в 1940 г. по специальности «Экономика, организация и планирование нефтяной промышленности», получив квалификацию «инженер-экономист». После этого его биография на четверть века оказалась связана с Башкирией, сначала с Ишимбаевским, затем Туймазинским месторождениями. Первоначально А.М. Слепян работал начальником планового отдела, затем – заместителем директора конторы бурения треста «Ишимбайнефть». Уже в 1943 г. был избран парторгом конторы бурения и находился на этой выборной должно-

сти до 1946 г. В период с 1946 по 1949 г. Арон Слепян – парторг конторы бурения № 1 треста «Туймазанефть». С 1949 г. – директор конторы бурения № 1 треста «Туймазанефть», а два года спустя – управляющий трестом «Туймазанефть». На этом посту он оставался длительный период – с 1951 по 1964 г. [17]. При этом, согласно данным биографической справки, извлеченным из личного дела А.М. Слепяна и автобиографий, представленных Государственным архивом социально-политической истории Тюменской области, А.М. Слепян – управляющий трестом «Туймазанефть», однако в Интернете распространена информация о том, что он руководил трестом «Туймазанефть».

Отметим, что до 1955 г. Башкирия играла в послевоенной истории нефтяной промышленности страны ведущую роль, но уступила ее в середине 1950-х гг. Татарии. Однако благодаря открытиям геологов усиливал ресурсные возможности новый район – Тюменская область, где в 1953 г. было открыто первое газовое, а в 1960 г. – первое нефтяное месторождение. 4 декабря 1963 г. Н.С. Хрущев подписал Постановление, подготовленное тюменскими сторонниками скорейшей добычи нефти и газа. Оно получило название «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» [18]. Постановление определяло 1964–1965 гг. как период пробной эксплуатации открытых в Тюменской области месторождений нефти и газа, но цифры конкретизировались только по добыче нефти: 1964 г. – 100 тыс. т, 1965 г. – 200 тыс. т [19. Д. 2. Л. 6]. Ставилась задача подготовки к 1966 г. к промышленному освоению нефти и газа месторождений Тюменской области, и объединение «Тюменнефтегаз», которое предстояло создать в соответствии с этим постановлением, должно было провести «пробную эксплуатацию Усть-Балыкского, Мегионского, Шаимского месторождений».

Для выполнения решений, заложенных в Постановлении Совета министров СССР от 4 декабря 1963 г., Постановлением уже правительства РСФСР от 23 декабря 1963 г. № 1437 было создано объединение «Тюменнефтегаз» [Там же. Д. 16. Л. 41], которому предстояло вне подготовленных условий приступить к пробной эксплуатации нефтяных месторождений. В начале 1964 г., когда вплотную была поставлена задача осуществления пробной эксплуатации нефтяных месторождений в Тюменской области, опытный организатор нефтяной промышленности Урало-Волжского района Арон Маркович Слепян был направлен на работу в Тюмень, чтобы возглавить работу создаваемого объединения «Тюменнефтегаз».

Нет информации, когда А.М. Слепян прибыл в Тюмень, но документы, им подписываемые, показывают, как разворачивается работа по организации структуры, на которую и была возложена задача по проведению пробной эксплуатации нефтяных месторождений в Тюменской области. Первый приказ по объединению датирован 19 марта 1964 г. и касался

формирования НПУ «Сургутнефть» в пос. Сургут, Шаимского укрупненного нефтепромысла в пос. Урай, Усть-Балыкской разведочной конторы бурения № 1 в пос. Нефтеюганск с подчинением НПУ «Сургутнефть». Затем создавались новые подразделения: на базе Мегионского нефтепромысла № 2 НПУ «Сургутнефть» организуется НПУ «Мегионнефть» в пос. Нижне-Вартовском. В сентябре организуется трест буровых и разведочных работ «Тюменнефтегазразведка» с местонахождением в г. Тюмени, с передачей ему Усть-Балыкской, Шаимской, Мегионской, Игримской конторы бурения. Формировался и аппарат самого объединения. Заместителем начальника объединения и одновременно главным инженером стал Виталий Иосифович Тимонин, заместителем по бурению – Евгений Акимович Постнов, начальником отдела главного механика – Виктор Николаевич Коломацкий. В документах объединения названы: главный геолог Ю.И. Шаевский, зам. начальника объединения по строительству Н.Ф. Паничев, начальник отдела добычи нефти И.И. Шидловский, начальник отдела добычи газа Н.Ф. Мержа, начальник отдела по разработке нефтяных и газовых скважин Е.П. Ефремов, начальник геологического отдела Ю.В. Файн, начальник отдела капитального строительства П.В. Бессолов, начальник технического отдела Е.И. Голдырев, начальник планово-экономического отдела Н.В. Топорков [19. Д. 17 оц. Л. 24, 26].

В основу деятельности объединения был, как указано в документах, положен «опыт Татарии, Башкирии» [Там же. Л. 45, 54]. Кадры для нефтяной промышленности Западной Сибири набирались в результате командировок работников аппарата объединения в Куйбышев, Саратов, Волгоград, Альметьевск, Октябрьский, Белебей. Осуществлялся не только подбор кадров: в Татарии изучался опыт обустройства нефтяных промыслов, в Башкирии – подготовки промывочных растворов.

Деятельность объединения и его руководителя разворачивалась в невероятно сложных условиях, в которых требовалось в короткие сроки начать добычу нефти. А.М. Слепян решал большой круг вопросов, связанных не только с организацией добычи нефти, но и строительством торговых баз, доставкой и установкой энергопоездов, строительством причалов, ЛЭП от энергопоездов. Постоянно возрастали объемы строительства [Там же. Д. 69 оц. Л. 86]. Сложнейшими были условия быта рабочих. Начальник объединения требовал, чтобы представители отдела кадров выезжали в Усть-Балык, Сургут и занимались на местах вопросами улучшения жилищно-бытовых условий работников промыслов и контор бурения [Там же. Л. 111].

А.М. Слепян постоянно находился в командировках на Севере, на промыслах. Все работы проводились в «аварийном темпе» [Там же. Д. 20. Л. 1]. Только с началом навигации «началось поступление грузов, массовый набор рабочих, инженерно-технических работников, служащих», «рабочие и служащие после работы использовались при разгрузке барж, подготовке производства, занимались строительством жилья, выгрузке материалов и оборудования». Само

объединение, созданное в марте, не было учтено в планах по труду, финансированию, «все вопросы решались в течение года в ручном режиме, разовыми распоряжениями, постановлениями. Строительство велось одновременно с проектированием объектов [19. Д. 20. Л. 5]. Снабжение техникой, оборудованием, материалами осуществлялось в течение года с большими перебоями, не в полном объеме. Не было пробуренных эксплуатационных скважин. Все 15 промышленных скважин были взяты из разведочного бурения.

Схемы разработки на момент начала добычи нефти отсутствовали и находились в стадии разработки, сбор нефти осуществлялся по временным схемам, составленным и предложенным работниками промыслов, добыча сдерживалась несвоевременной подачей барж, которая определялась как «бессистемная», промыслы работали с частыми остановками скважин в «ожидании налива» и нарушением режима их работы. Не было установок по подготовке нефти, на Омский перерабатывающий завод нефть вывозилась с механическими примесями и водой [Там же. Л. 61–62, 65, 70–71]. Несмотря на все трудности, опытная эксплуатация нефтяных месторождений в мае–июне 1964 г. началась: 22 мая нефть стали загружать в танкеры в Шаиме [20], 2 июня 1964 г. газета «Тюменская правда» писала, что усть-балыкской нефтью заполнены 3 баржи [21], а 4 июня повезли нефть из Мегиона.

Первоначально в документах правительственного уровня объем добычи нефти на период пробной эксплуатации был определен в 100 тыс. т, однако имелся план в 300 тыс. т [19. Д. 69 оц. Л. 57]. Добыто было 208,9 тыс. т. Из этого объема на июль–август пришлось 131,020 тыс. т. [Там же. Д. 20. Л. 4, 6, 168].

Начальнику объединения приходилось уделять внимание не только вопросам добычи нефти, но и газа и структурам, которые этим занимались, так как первоначально в объединении «Тюменнефтегаз», как и некоторое время после создания Главтюменнефтегаза, работы по организации нефтедобычи и газодобычи объединялись под одним началом. Проблемы разработки газовых месторождений постоянно стояли на повестке дня, проводились заседания комиссий по рассмотрению проекта разработки Тазовского месторождения, планировался газопровод Тазовское – Норильск [Там же. Д. 20. Л. 46]. В начале июня 1964 г. Совет народного хозяйства Средне-Уральского экономического района принял распоряжение «О мерах по подготовке к промышленному освоению Тазовского месторождения природного газа» [Там же. Д. 16. Л. 63], предлагая ввести его в эксплуатацию в 1966 г. с подачи в 1967 г. природного газа в Норильск.

В числе вопросов, требовавших решения начальника объединения, заготовка дров на зиму, выбор площадок для аэропортов в пос. Сургут, Нижневартовске, проведение изысканий трасс под зимники, строительство зимников, обеспечение безопасного движения по ним, сооружения водных переправ, заготовка и закладка на зиму картофеля, овощей, обеспечение мясом, рыбой, молоком, проблема сохранности завезенных товаров.

Несмотря на огромный комплекс проблем, план по добыче нефти в 1964 г. был выполнен на 208,9%, по добыче газа – на 123,5%, получена сверхплановая прибыль в 445 тыс. руб. В то же время отмечалось, что объединение не справилось с выполнением планов по капитальным вложениям производственного назначения, вводом жилья, с планом по буровым работам, неудовлетворительной признавалась и работа по сбору попутного нефтяного газа [19. Д. 64. Л. 50–51].

Объединение «Тюменнефтегаз» вступило в следующий 1965 г. с плановыми заданиями добыть 700 тыс. т нефти. Объем выполняемых в Тюменской области работ вырос. Велось строительство нефтепровода Шаим – Тюмень, началось эксплуатационное бурение, законченные бурением скважины на нефть от геологов в феврале 1965 г. были переданы нефтяникам, на месторождениях создавались системы сбора нефти, проводилась пробная закачка воды для ППД (поддержание пластового давления), отрабатывалось бурение, типы долот, глинистые растворы, цементирование эксплуатационных колонн, скорости бурения. Сложно обстояло дело с бурением на газ, преследовала аварийность, планы не выполнялись. Но в бурении на нефть отмечалось начало бурения наклонно-направленных скважин кустовым способом. Рос коллектив нефтяников, создавались учебно-курсовые комбинаты для подготовки кадров. Большие трудности имелись в выполнении планов по жилищному строительству, сооружению объектов просвещения, культуры, здравоохранения. Однако главная задача состояла в выполнении планов по добыче нефти, с чем объединение успешно справлялось, и уже за 3 квартала план, установленный в 700 тыс. т, был перевыполнен, и добыча составила 746,4 тыс. т [19. Д. 64. Л. 58; Д. 77. Л. 27]. Существенно была снижена себестоимость нефти. Завершалось строительство нефтепровода, который вступил в строй 3 ноября 1965 г.

В самый разгар нефтяной навигации 12 июня 1965 г. союзное правительство приняло решение об организации в Тюмени Главного производственного управления по нефтяной и газовой промышленности, с подчинением СНХ РСФСР (Главтюменнефтегаз СНХ РСФСР) [Там же. Д. 64. Л. 153], определяя его задачу как руководство «нефтяной и газовой промышленностью Тюменской и Томской областей». Распоряжением от 10 июля 1965 г. за подписью председателя СНХ РСФСР В. Доенина исполнение обязанностей начальника Главтюменнефтегаза было возложено на начальника объединения «Тюменнефтегаз» А.М. Слепяна [Там же. Д. 63. Л. 23]. Приказы по созданному управлению «Главтюменнефтегаз» в июле–августе подписывает исполняющий обязанности начальника Главтюменнефтегаза А.М. Слепян, первый приказ датирован 31 июля 1965 г. [Там же. Д. 69 оц. Л. 2–3, 6–10].

То, что А.М. Слепян был назначен только исполняющим обязанности начальника Главтюменнефтегаза, свидетельствует о том, что он рассматривался на этом посту как фигура временная. В стране в тот период начался процесс ликвидации совнархозов и освобождалось много работников этих структур. Новое назначение оттягивали до завершения периода

навигации, когда основная задача, связанная с добычей нефти, будет выполнена. Так и случилось. Постановлением правительства от 3 сентября 1965 г. начальником Главного тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности СНХ РСФСР был назначен В.И. Муравленко, этим же постановлением он освобождался от обязанностей члена Совета народного хозяйства Средне-волжского экономического района [19. Д. 69 оц. Л. 57]. Председатель Средневолжского совнархоза А.Т. Шмарев был переведен на должность заместителя министра геологии СССР и имел крепкие связи с министром вновь созданного министерства нефтедобывающей промышленности В.Д. Шашиним и, конечно, используя свои связи, не мог не поспособствовать в трудоустройстве сотрудников Средневолжского совнархоза.

В этот период в нефтяной отрасли основные должности стали занимать выходцы из «Второго Баку», но с привязкой к Татарии. Начальник управления нефтяной промышленности Средневолжского совнархоза с центром в г. Куйбышеве В.И. Муравленко, работавший под руководством А.Т. Шмарева, который был тесно связан с Татарией и с все более усиливавшимися позициями В.Д. Шашиним, стал руководителем Главтюменнефтегаза. В этот же главк был переведен и главный инженер Управления нефтяной промышленности того же совнархоза В.Ю. Филановский. А.М. Слепян стал заместителем начальника главка [22. С. 10–12], как и В.Ю. Филановский, что изначально делало ситуацию очень зыбкой. В.И. Муравленко привел в главк своего человека, и А.М. Слепян изначально был лишним.

В чем же предпочтительнее для данного региона оказался В.И. Муравленко? В его биографии, написанной доктором исторических наук В.Н. Курятниковым, трудовой путь Муравленко не выглядит простым: он родился немного раньше, чем А.М. Слепян, – 25 декабря 1912 г., окончил Грозненский нефтяной институт, получил диплом по специальности «инженер по бурению нефтяных и газовых скважин», начал работать в Баку на промысле им. Молотова, после службы в армии работал на Сызранском нефтепромысле Куйбышевской области инженером по оборудованию, начальником комсомольской буровой, главным инженером конторы бурения, директором конторы бурения «Сызраннефть». Но в 1940 г. был снят с работы в связи с тем, что «некоторые скважины были заброшены из-за неперспективности», и переведен в главк. Вместо рекомендованного «привлечения к уголовной ответственности» откомандирован в Сахалинскую область, где стал начальником разведки треста «Сахалиннефть». Здесь, на Дальнем Востоке, В.И. Муравленко проработал до 1942 г. При этом В.Н. Курятников обратил внимание на расхождение в указании должностей самим В.И. Муравленко в период 1940–1942 гг.: в одном случае указывал, что работал начальником разведки треста «Сахалиннефть», в другом – директором конторы бурения на о. Сахалин и был снят с работы как «несправившийся с работой». Но затем он – главный инженер треста

«Дальнефтеразведка» в г. Оха Сахалинской области, в 1944 г. – заместитель начальника, затем начальник отдела добычи и бурения объединения «Дальнефть». В 1946 г. вернулся в Урало-Волжский район и стал директором конторы бурения, затем управляющим трестом «Ставропольнефть», в 1950 г. назначен на должность начальника объединения «Куйбышевнефть». Вехи биографии В.И. Муравленко, непосредственно предшествующей появлению в Тюмени: 1957–1960 гг. – начальник управления нефтяной и газовой промышленности совнархоза Куйбышевского экономического административного района, с 1963 г. – начальник управления нефтедобывающей промышленности Средне-Волжского СНХ [23. С. 5].

То, что и Муравленко, и Слепян являлись на тот момент профессионалами, не вызывает сомнения. Слепян 25 лет был связан только с одним добывающим центром страны – Башкирией, два года руководил нефтяной промышленностью Тюменской области; Муравленко имел более широкую географию своей трудовой деятельности. Но скорее всего, что не только профессионализм стал главной причиной смены руководителей. Биограф В.Д. Шашина Н.М. Гайказов пишет, что «говоря о взаимоотношениях В.Д. Шашина и В.И. Муравленко, следует иметь в виду, что они выходили за рамки отношений руководителя и подчиненного...» [11. С. 49]. Личные связи в кадровых вопросах никогда не играли последнюю роль.

В то же время в Тюмени причину смены руководителей нефтяного главка стали связывать с ситуацией, произошедшей в одном из его структурных подразделений – в конторе «Снабкомплектоборудование» треста «Тюментехснабнефть» 16 июля 1965 г., когда «стрелки ВОХР», выставленные для военизированной охраны, «создали условия для хищения метилового спирта», что привело к отравлению со смертельным исходом «ряда работников» [19. Д. 1. Л. 281]. Странная фраза в источнике – «стрелки ВОХР создали условия...». Вскоре после этих событий, 1 августа 1965 г. А.М. Слепян был вызван в Москву [Там же. Л. 298], и срочно был назначен новым начальником главка, а А.М. Слепян стал его первым заместителем [Там же. Д. 69 оц. Л. 86].

Представляется, что данная ситуация в одном из подразделений главка стала лишь удобным поводом, чтобы убрать с первых ролей А.М. Слепяна. Учитывая, что производственные результаты были безупречны, если не сказать более, нужен был повод вне дел производственных, и он или был создан, или возник случайно. Однако, назначая А.М. Слепяна 10 июля 1965 г. исполняющим обязанности начальника главка, вышестоящие лица просто нуждались в ситуации, которая бы позволила потеснить А.М. Слепяна с первых ролей. И она возникла. Как-то очень странно все получилось и очень быстро.

Очень скоро в главке на первый план вышли новые люди, в то время как А.М. Слепян все более отодвигался на второй план [Там же. Л. 111]. Статус А.М. Слепяна не совсем понятен по имеющимся документам. Чем он занимается в это время, понять трудно. Он именуется то просто заместителем, то первым заместителем. Но явно, что первые роли заме-

стителя и первого заместителя начальника главка принадлежали В.Ю. Филановскому. При установлении персональных окладов работникам главка, их неоднократных последующих повышений, Слепян в число тех, кому оклады повышались, не попадал. В созданный Технический совет Главка, будучи первым заместителем начальника главка, он входил, но в перечне – только в первой десятке членов Технического совета.

12 ноября 1965 г., после командировки А.М. Слепяна в Москву, он был назначен председателем комиссии по передаче управления «Игримгаз» в ведение Министерства газовой промышленности СССР [19. Д. 69 оц. Л. 173]. Определен он в это время в приказах «заместителем начальника главка», но 10 декабря 1965 г. в приказе о командировке на Украину Слепян вновь назван «первым заместителем начальника Главтюменнефтегаза» [Там же. Л. 230].

В этот период часто меняются исполняющие обязанности начальника объединения «Тюменнефтегаз», которое вошло в структуру Главтюменнефтегаза, имея в своем составе четыре треста (Тюменнефтегеофизика, Тюменнефтегазстрой, Тюменнефтегазразведка, Тюментехснабнефть), четыре управления («Сургутнефть», «Шаимнефть», «Мегионнефть», «Игримгаз»). В декабре 1965 г. приказом Министерства нефтедобывающей промышленности СССР объединение переводится в г. Сургут с постановкой задач по разработке нефтяных месторождений Среднего Приобья [Там же. Д. 65. Л. 12; Д. 152. Л. 7].

Согласно информации, предоставленной автору статьи Ю.В. Евдошенко, из выявленных им документов в фонде Миннефтепрома СССР в РГАЭ для освобождения Слепяна от должности первого заместителя начальника Главтюменнефтегаза министру нефтедобывающей промышленности СССР В.Д. Шашину пришлось обращаться с письмом в ЦК партии. Письмо датировано 2 февраля 1966 г., в нем говорится, что «Министерство нефтедобывающей промышленности

СССР просит освободить А.М. Слепяна от должности первого заместителя начальника Главтюменнефтегаза по его личной просьбе». Указывается, что личная просьба Слепяна связана с болезнью жены, которой «по медицинскому заключению нужна перемена места жительства в районах с более умеренным климатом». Подчеркивается, что министерство поддерживает просьбу А.М. Слепяна, обещает «принять меры по переводу его в районы с климатическими условиями, удовлетворяющими состоянию здоровья его жены». Есть ссылка и на то, что вопрос об освобождении Слепяна согласован с Тюменским обкомом партии [24]. Согласование с Тюменским обкомом партии – важный момент в этом письме. Ликвидирован Тюменский промышленный обком партии, А.К. Протозанов лишился статуса первого секретаря по промышленности, попытка его группы поддержки не дать выбрать на пост первого секретаря Тюменского обкома партии Б.Е. Щербину провалилась, Протозанов отошел на вторые роли. Стало легче проводить решения по кадровым изменениям в отношении тех, кто вместе с Протозановым начинал нефтяную эпопею. Гуманная составляющая обращения в ЦК партии с учетом всей предшествующей ситуации выглядит не очень естественно.

Вскоре, после того как в начале сентября 1966 г. в Тюмени побывал министр нефтедобывающей промышленности В.Д. Шашин, был подписан приказ о назначении А.М. Слепяна начальником объединения «Укрвостокнефть» – Управления нефтедобывающей промышленности при Совете министров Украинской ССР [19. Д. 18. Л. 62]. Дальнейшая биография А.М. Слепяна была связана с Украиной, где он и ушел из жизни 26 января 1986 г. в возрасте 72 лет. А.М. Слепян, уезжая, оставил после себя созданную в невероятно трудных условиях основу нефтяной промышленности Тюменской области. Однако его роль в этом процессе оказалась подвергнута «заговору умолчания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колева Г.Ю. А.К. Протозанов (к столетию со дня рождения). Тюмень : Вектор Бук, 2012. 254 с.
2. Колева Г.Ю. А.К. Протозанов и создание Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 206–214.
3. Колева Г.Ю. След на земле. А.К. Протозанов (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские родословные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Бакиной ; отв. ред. Г.Ю. Колева. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. С. 250–256.
4. Колева Г.Ю. Александр Константинович Протозанов: роль в истории Тюменской области // Геология и нефтегазоносность Западно-Сибирского мегабассейна (опыт, инновации) : материалы Девятой Междунар. науч.-техн. конф., посв. 100-летию со дня рождения Протозанова Александра Константиновича (10–11 декабря 2014 г.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. Т. 3. С. 147–151.
5. Колева Г.Ю. Человек, которому не нашлось места в «Большой Тюменской энциклопедии»: А.К. Протозанов: Начало биографии. К 100-летию со дня рождения А.К. Протозанова // Горные ведомости. 2012. № 7. С. 86–96.
6. Колева Г.Ю. Личность в историческом процессе: А.К. Протозанов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 114–119.
7. Копылов В.Е. Профессор бурения // Копылов В.Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Тюмень, 2001. Кн. 2. С. 204–207.
8. Грозова Н.В. Виктор Муравленко: запомните меня таким. М. : Олма-Пресс, 2002. 224 с.
9. Трапезников А.А. Виктор Муравленко. Серия «Жизнь замечательных людей» М. : Молодая гвардия, 2007. 317 с.
10. Юрасова М., Юрасова Г. В.И. Муравленко. Свердловск : Ср.-Урал. книжн. изд-во, 1986. 256 с.
11. Виктор Иванович Муравленко (к 100-летию со дня рождения). Тюмень : Эпоха, 2012. 168 с.
12. Буровики о главном буровике / ред. Ю. Переплеткин. Тюмень : Эпоха, 2012. 234 с.
13. Соратники: поколение Виктора Муравленко / сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 400 с.
14. Соратники-3: Поколение Виктора Муравленко / ред. Ю.И. Переплеткин. М. : Эпоха, 2010. 320 с.

15. Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / сост. С.Д. Великопольский и Ю.И. Переплеткин. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 336 с.
16. Они были первыми / ред.-сост. Ю. Переплеткин. Тюмень : Эпоха, 2014. 208 с.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 4. Д. 6873. Л. 1, 3 об., 5–9.
18. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 80. Л. 226.
19. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2146. Оп. 1.
20. Тюменская правда. 1964. 23 мая.
21. Тюменская правда. 1964. 2 июня.
22. Курятников В.Н. Начало пути // Соратники-3. Поколение Виктора Муравленко / ред. Ю.И. Переплеткин. М. : Эпоха, 2010. С. 10–12.
23. Основные вехи жизненного пути Виктора Ивановича Муравленко // Соратники-3. Поколение Виктора Муравленко / ред. Ю.И. Переплеткин. М. : Эпоха, 2010. 320 с.
24. Российский государственный архив экономики. Ф. 70. Оп. 1. Д. 377. Л. 15.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2015 г.

ON THE FIRST HEAD OF GLAVTYUMENNEFTEGAZ

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 54–60. DOI: 10.17223/15617793/403/10

Koleva Galina Yu. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: oil; gas; mining; Head; Tyumen Oblast.

The subject of this study is the personal aspect of the history of the oil industry in one of the leading extracting regions, Western Siberia. The success and the growing role of Western Siberia in oil and gas production in the country were accompanied by the creation of heroic images of the participants of these processes. The work involved not only historians, but also journalists, publicists, writers. Historical characters were often glorified by the permitted shift in emphasis in the historical reality. The historical process was narrowed to a small circle of main characters, which eliminated those who could in some way influence the greatness of the created image. This publication aims to highlight the role of A.M. Slepian in the oil industry development in Tyumen Oblast, to show that there is insufficient attention, both in historical literature and in journalism, to those who in difficult conditions began to work on the formation of a new extracting district. Names of people who played a key role in the initial formation of the oil and gas industry in Tyumen Oblast were undeservedly forgotten. Images of heroes were often created by eliminating those who could make the greatness of a specific historical figure less relevant. The author analyzed the historiography of the problem, identified and used a variety of sources, primarily archives, some of which are first introduced. An important role in the writing of the article belonged to talks with the contemporaries of the events referred to in the article. Analysis of the sources for similar situations shows some work to narrow the range of available sources on an undesirable historical character. The article compares two representatives of the oil industry management in the West Siberian oil and gas district; the name of one of them was immortalized in the names of streets, cities, fields, the name of the other was forgotten. The article describes the activities of A.M. Slepian in the first two years of the development of the oil industry in Tyumen Oblast. The author proposes her interpretation of the causes of changing the heads of the oil industry in Tyumen Oblast in 1965; among them is the tragic situation in one of the units of Glavtyumenneftegaz, and personal aspect of relations. In 2015, when public attention turns to the anniversary date in the history of Glavtyumenneftegaz, the name of A.M. Slepian must relate to the history of this company.

REFERENCES

1. Koleva, G.Yu. (2012) *A.K. Protozanov (k stoletiyu so dnya rozhdeniya)* [A.K. Protozanov (to the centenary of his birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
2. Koleva, G.Yu. (2013) *A.K. Protozanov i sozдание Zapadno-Sibirskogo neftegazodobyvayushchego rayona* [A.K. Protozanov and the creation of the West Siberian oil and gas region]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 4 (25). pp. 206–214.
3. Koleva, G.Yu. (2013) [Trace on earth. A.K. Protozanov (to the centenary of his birth)]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Problems of preservation of historical memory. Tenth Tyumen Genealogic Readings]. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. 27–28 September 2013. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. pp. 250–256. (In Russian).
4. Koleva, G.Yu. (2014) [Alexander K. Protozanov: role in the history of Tyumen Oblast]. *Geologiya i neftegazonosnost' Zapadno-Sibirskogo megabasseyna (opyt, innovatsii)* [Geology and petroleum potential of the West Siberian megabasin (experience, innovations)]. Proceedings of the Ninth International Scientific and Technical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Alexander K. Protozanov. 10–11 December 2014. Vol. 3. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. pp. 147–151. (In Russian).
5. Koleva, G.Yu. (2012) *Chelovek, kotoromu ne nashlos' mesta v "Bol'shoi Tyumenskoy entsiklopedii": A.K. Protozanov: Nachalo biografii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.K. Protozanova* [The man, who had no place in the Big Encyclopedia of Tyumen: A.K. Protozanov: Early biography. On the 100th anniversary of the birth of A.K. Protozanov]. *Gornye vedomosti*. 7. pp. 86–96.
6. Koleva, G.Yu. (2013) *Person in the historical process: Alexander K. Protozanov*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 114–119. (In Russian).
7. Kopylov, V.E. (2001) *Professor bureniya* [Professor of Drilling]. In: Kopylov, V.E. *Okrik pamyati (Istoriya Tyumenskogo kraya glazami inzhenera)* [Memory recollection (history of Tyumen Oblast through the eyes of an engineer)]. Vol. 2. Tyumen: Slovo.
8. Grozova, N.V. (2002) *Viktor Muravlenko: zapomnite menya takim* [Viktor Muravlenko: remember me this way]. Moscow: Olma-Press.
9. Trapeznikov, A.A. (2007) *Viktor Muravlenko. Seriya "Zhizn' zamechatel'nykh lyudey"* [Viktor Muravlenko. The Life of Remarkable People series]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Yurasova, M. & Yurasova, G. (1986) *V.I. Muravlenko* [V.I. Muravlenko]. Sverdlovsk: Sr.-Ural'skoe knizh. izd-vo.
11. Perepletkina, L. (ed.) (2012) *Viktor Ivanovich Muravlenko (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Viktor Muravlenko (the 100th anniversary)]. Tyumen: Epokha.
12. Perepletkin, Yu. (ed.) (2012) *Buroviki o glavnom burovike* [Drillers about the main driller]. Tyumen: Epokha.
13. Velikopol'skiy, S.D. & Perepletkin, Yu.I. (2002) *Soratniki: pokolenie Viktora Muravlenko* [Companions: Generation of Viktor Muravlenko]. Tyumen: Izd-vo Yuriya Mandriki.
14. Perepletkin, Yu. (ed.) (2010) *Soratniki-3: pokolenie Viktora Muravlenko* [Companions-3: Generation of Viktor Muravlenko]. Moscow: Epokha.
15. Velikopol'skiy, S.D. & Perepletkin, Yu.I. (2005) *Glavtyumenneftegaz: 40-letnyaya istoriya Glavka v svidetel'stvakh ochevidtsev, vospominaniyakh, dokumentakh i fotografyakh* [Glavtyumenneftegaz: the 40-year history of Head Office in the testimonies of witnesses, memoirs, documents and photographs]. Tyumen: Mandr i Ka.

16. Perepletkin, Yu. (ed.) (2014) *Oni byli pervymi* [They were the first]. Tyumen: Epokha.
17. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 4. File 6873. P. 1, 3 rev., 5–9. (In Russian).
18. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 2010. List 1. File 80. P. 226. (In Russian).
19. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 2146. List 1.
20. *Tyumenskaya pravda*. (1964) 23 May.
21. *Tyumenskaya pravda*. (1964) 2 June.
22. Kuryatnikov, V.N. (2010) Nachalo puti [The beginning of the way]. In: Perepletkin, Yu. (ed.) *Soratiniki-3: pokolenie Viktora Muravlenko* [Companions-3: Generation of Viktor Muravlenko]. Moscow: Epokha.
23. Perepletkin, Yu. (ed.) (2010) Osnovnye vekhi zhiznennogo puti Viktora Ivanovicha Muravlenko In: Perepletkin, Yu. (ed.) *Soratiniki-3: pokolenie Viktora Muravlenko* [Companions-3: Generation of Viktor Muravlenko]. Moscow: Epokha.
24. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 70. List 1. File 377. P. 15.

Received: 21 July 2015

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИМСКОЙ БРИТАНИИ В СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Рассматривается проблема репрезентации образа Римской Британии в британских школьных учебниках 1990–2010-х гг. Структура и содержание учебников по истории проанализированы с точки зрения отображения участия древнеримской цивилизации в формировании британской идентичности. В результате отмечено избегание оценочных и сравнительных характеристик и, за единственным исключением, отсутствие рассмотрения римского влияния на современное общество. Римская Британия репрезентируется как не связанный с британской идентичностью эпизод истории.

Ключевые слова: история Великобритании; историческое образование в Великобритании; историческое сознание; культурная память; национальная идентичность; репрезентация истории в современности.

Исследования воздействия государства или негосударственных организаций на национальное самосознание через образование вообще и учебники по истории в частности появляются в 2000-х гг. Это связано с углублением понимания идентичности как динамичной системы, на которую воздействуют политические силы. В большинстве своем подобные социально-антропологические исследования рассматривают азиатские, африканские или восточно-европейские прецеденты в связи с постколониальным или постсоциалистическим периодами, когда активизировалось национальное строительство [1–4]. Однако в настоящее время интерес исследователей привлекает и образовательная политика в области национальной истории таких ведущих западно-европейских стран, как Франция и Германия [5]. Учебники Великобритании в этом смысле не рассматривались, особенно в области древней истории. Данный текст призван заполнить эту лакуну.

Целью настоящей статьи является выявление места образа Римской Британии в формировании британской национальной идентичности на этапе школьного обучения. Ответ на этот вопрос также раскрывает тему соотношения национальной и общеевропейской истории в британском историческом сознании, что существенно в контексте изучения проблем участия Британии в Европейском Союзе.

Национальный учебный план Великобритании предусматривает тему «Римская Британия» как обязательную для изучения на втором ключевом этапе (7–11 лет). Значимые пункты в рамках преподавания данной темы – завоевание Римом Британских островов, сопротивление местного населения этому завоеванию и места памяти, связанные с присутствием римлян в Британии.

Таким образом, участие государства в определении содержания преподавания ограничивается немногочисленными рамочными рекомендациями. Большинство британских учебных пособий по истории им следует. Достоинства отдельных изданий определяются не количеством предлагаемых учащимся знаний, а особенностями оформления материала, его доступностью и легкостью освоения для детей.

Известным примером такого рода в книгоиздательской практике Британии является импринт Ladybird Books, нацеленный на издание массовых, относительно дешевых и богато иллюстрированных детских книг, в том числе и по истории. Основанный в 1867 г., он потерял самостоятельность в 1972 г. будучи куплен крупнейшим мировым медийным концерном Pearson PLC. В результате экономических проблем на рынке Великобритании издательство Ladybird Books в 1998 г. лишилось собственного офиса и типографии, было объединено с другими детскими импринтами и передано в подразделение массовой литературы в мягкой обложке Penguin Books. Вместе с последним в 2013 г. перешло под контроль немецкого издательского дома Bertelsmann. Книги издательства, в силу своей дешевизны, красочности и доступности, были популярны в период 1940–1999 гг., когда осуществлялся выпуск так называемой классической серии. В настоящее время эта серия приобрела культовый статус и является предметом коллекционирования, поскольку отражает круг детского чтения нескольких поколений. Особенности данной серии являлись карманный формат, фиксированная низкая цена и неизменный объем в 56 страниц (что делало производство безотходным, поскольку именно такое количество страниц входит на один печатный лист) [6].

К числу подобных изданий относится книга Тима Вуда «The Romans», вышедшая в 1989 г. и посвященная, несмотря на обобщающее название, конкретно вопросу присутствия римлян в Британии. При большом количестве иллюстраций и относительной компактности и немногословности это издание охватывает полный спектр соответствующих тем Национального учебного стандарта: жизнь римлян и бриттов до контакта, походы Рима на Британию и сопротивление местных кельтов, Адрианов вал, римские дороги, бани, дома, школы и виллы. Книга завершается обзором ухода римлян из Британии и их наследия в культуре местных жителей.

На последнем пункте необходимо остановиться и рассмотреть его подробнее, поскольку в нем отражены приоритеты культурной памяти, предлагаемые автором книги. Подчеркнуто, что римляне привнесли

много важных и полезных нововведений в жизнь коренного населения. В частности, отмечены общее повышение уровня жизни благодаря урбанизации, развитие торговли и введение римского законодательства, позволяющего решать споры мирным путем [7. P. 25, 30, 52]. Завоевание Британии и восстания бриттов против римского господства описаны максимально нейтрально, без каких-либо оценочных суждений и обеления или очернения сторон конфликта [Ibid. P. 12, 22]. Для характеристики местного населения не используется термин «варвары» (это касается кельтов, бриттов, скотов, ирландцев, саксов), хотя он встречается при упоминании падения Римской империи в результате нашествия племен [Ibid. P. 48–49].

Таким образом, заметны авторская позиция благожелательной корректности и непредвзятости по отношению к римлянам, а также попытка не оценивать в сравнении с ними развитие местного населения и не выставлять его в явно невыгодном свете. Отсутствие или умалчивание подразумеваемых оценок позволяет создать образ продуктивного взаимодействия двух равноценных культур. Впрочем, степень непосредственного влияния римского образа жизни на последующую историю Британии рассматривается как ничтожная. С уходом римских легионов констатируется забрасывание городов и исчезновение римских порядков и культурных паттернов [Ibid. P. 49]. Соответственно, то наследие, о котором шла речь выше, следует понимать скорее как общеевропейский культурный багаж, нежели как специфическую часть собственно британской истории и самосознания.

Для актуализации учебного материала на последней странице учебника перечислены места Британии, рекомендованные для посещения интересующимся римской античностью. Они сгруппированы в два раздела – музеи и остатки римских построек. В первом – двенадцать наименований, во втором – тринадцать. В обоих разделах используется алфавитный порядок перечисления, видимо, как наиболее нейтральный [Ibid. P. 56]. Таким образом, в данном списке отсутствуют предпочтения и особые рекомендации.

Однако крупнейшие столичные музеи имеют более обширную образовательную программу для школьников по истории Рима, нежели провинциальные, что, по всей видимости, объясняется разницей в масштабах коллекций. Так, Музей Лондона предлагает в рамках второй ключевой стадии восемь мероприятий, посвященных Римской Британии [8], а Британский Музей – пять [9]. По активности работы со школьниками с ними сравним Национальный музей Римского легиона в Каэрлеоне (Уэльс), где проводится восемь различных экскурсий для учащихся второй ключевой стадии [10], и музей при римском дворце в Фишбурне (Сассекс), предлагающий для первой–третьей ключевых стадий шесть прикладных семинаров, посвященных римской повседневности [11]. Остальные музеи и места памяти, перечисленные в учебнике, в основном выполняют роль выставочных комплексов. Упомянуты далеко не все сохранившиеся руины времен римского присутствия в Британии, а только, по всей видимости, наиболее известные и пре-

зентабельные. В целом на территории страны существует значительно больше мест, связанных с римским прошлым. Обнаружено более чем полторы тысячи фундаментов зданий и дорог и тротуаров периода римского управления. Подобные реликты есть во всех графствах Англии и Уэльса и в некоторых южных графствах Шотландии [12]. Следовательно, школьники провинциальных учебных заведений имеют возможность посещать и изучать места памяти в своих регионах, а не только посредством крупных национальных музеев и тематических парков.

Беря популярную линию массовых книг от Ladybird за основу, рассмотрим в сопоставлении с ней аналогичные издания других производителей. Так, известным импринтом учебной литературы для детей в Великобритании является Heinemann, в начале XX в. создавший известную инициативу по переводу греко-латинской литературы Loeb Classical Library (с 2007 г. входит в книгоиздательский конгломерат Pearson). Выпущенная в 1995 г. в рамках данного импринта книга «Roman Britain» целенаправленно предназначена для второй ключевой стадии школьного образования, о чем свидетельствует соответствующий логотип на обложке. Соответственно, она представляет период римского присутствия в Великобритании в контексте государственного стандарта и структурно практически идентична рассмотренной выше книге от Ladybird вплоть до наименования и тематического содержания глав. Так же, как и у Ladybird, текст выпуска Heinemann написан не профессиональным ученым-историком, а некоей Брендой Уильямс, создавшей скрипты и для других учебных пособий этого издательства из серии History of Britain. Текст максимально прост для усвоения, однако при богатстве иллюстраций его объем значительно больше, чем у аналога от Ladybird, за счет большего формата издания. Ключевые элементы нарратива практически идентичны – это жизнь кельтов до вторжения римлян, поход Юлия Цезаря, завоевание Клавдия, восстание Боудикки, романизация, в основном, в различных аспектах повседневной жизни и падение римской власти в Британии. Однако отсутствует заключительная глава о римском наследии [13. P. 3]. По сути, само по себе понятие наследия в данном пособии не фигурирует, будучи включенным в категорию цивилизованности Британии.

В отличие от книги от Ladybird, учебник, предложенный Heinemann, не пытается выдерживать нейтральный тон – напротив, он достаточно эмоционален и не чурается оценочных суждений. Влияние римлян на жизнь в Британии прямо названо цивилизующим, в подтверждение чего перечислены факторы, связанные с римским наследием, – дороги, строение, города, амфитеатры, развитие торговли и установление правового мира [Ibid. P. 22]. В то же время автор избегает именовать бриттов варварами. Это определение дается всем народам, завоевывавшим Римскую империю, более того, даже конкретизируется: это гунны, готы, вандалы, франки, а по отношению непосредственно к римской Британии – саксы, юты и англв [Ibid. P. 42].

При акценте на цивилизующую роль римлян описание римского завоевания сопровождается широко известной цитатой из «Агриколы» Тацита – «they create grief and ruin and call it peace (они создают скорбь и разруху и называют это миром» [Ibid. P. 18]. В оригинале фраза звучит как «...solitudinem faciunt, pacem appellant» (Agricola, 30) – «...создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (пер. А.С. Бобовича) [14. С. 328]. Заметно различие в переводах, связанное с заменой «пустыни» на «скорбь и разруху», что, видимо, обусловлено адаптацией для детей. Фраза взята из антиримской речи Калгака, вождя сопротивления каледонских племен. Данная речь является риторическим приемом Тацита и, возможно, даже не имеет отношения к ситуации в Британии [15. P. 168–169]. Использование в учебном пособии этой цитаты объясняется не столько релевантностью свидетельства Тацита, сколько потребностью эмоционального усиления негативного контекста завоевания и господства. В тексте формируется амбивалентный взгляд на присутствие римлян в Британии – порабощение и разорение, но затем установление мира и распространение благ средиземноморской цивилизации в виде поощрения сельского хозяйства и развития городов [13. P. 22].

В 410 г. Римская Британия приходит к своему концу из-за ухода легионов и вторжения варваров – англосаксов [Ibid. P. 43]. Никакой духовной или культурной преемственности автор учебника не отмечает, считая, по всей видимости, что образ жизни римлян был совершенно забыт и стерт новыми захватчиками. Однако в завершении текста присутствует раздел, в котором указываются места, рекомендованные для посещения. Они также выстроены по алфавиту, но акцент сделан на местоположении, а не названии. Кроме того, отсутствует рубрикация на музеи и исторические памятники. Характерно, что римские и кельтские места памяти никак не разделены (так, в общем ряду назван Стоунхендж). Из двадцати девяти наименований пять относятся к руинам доримского периода. Тем не менее количество и разнообразие перечисленных мест несколько больше издания Ladybird и каждое из них снабжено кратким, но содержательным комментарием об имеющихся достопримечательностях, что полезно для организации учебных экскурсий [Ibid. P. 47].

Еще одно издание под названием «Roman Britain», посвященное истории римской Британии, было выпущено в 1996 г. (и многократно переиздано) издательством Evans Brothers, специализировавшимся на литературе для учителей (и, несмотря на долгую историю, обанкротившимся и закрывшимся в 2012 г.). Книга, так же, как и рассмотренные выше, целенаправленно предназначена для второй ключевой стадии образования и выстроена по требованиям национального стандарта. Издание выгодно отличается от подобных ему тем, что автор текста – Фелисити Хебдитч – являлась преподавателем классических языков и археологии в средней школе и в Кембриджском и Лондонском университетах, о чем сообщается в аннотации. Впрочем, ее имя отсутствует в кадровом составе указанных университетов, что означает, по всей видимости, статус приглашенного лектора.

Однако, несмотря на неочевидность заявленной академической позиции автора, текст данного издания несет черты более глубокого и детального проникновения в предмет, нежели в других ему подобных. Текстовая часть является сравнительно большой по объему и явно доминирует над иллюстрациями. В стиле текста заметен приоритет научности, информативности и точности выражений над развлекательностью и занимательностью. Книга богато иллюстрирована, в основном фотографиями реальных исторических памятников и артефактов, а не рисунками-реконструкциями римского образа жизни в современном понимании. Это также придает изданию большую научность, верифицирует нарратив текста актуальной наглядностью.

Отличительной особенностью структуры книги является активное использование врезок в тексте. Таким образом оформлены словарь (который дополнен отдельным глоссарием на последних страницах), цитаты из источников, интересные факты. Тем самым достигается еще большая информационная плотность на страницу текста. Во врезках же приведены этимологии и переводы латинских слов и выражений, что не встречается в других учебниках. Даже собственно основной текст заканчивается латинским выражением, обычно завершающим письма, «Vale» – «Прощай» [16. P. 29]. Ф. Хебдитч максимально нейтрально описывает процесс завоевания Британии римлянами и сопутствующие восстания, не упоминая о жертвах и репрессиях. Точно так же, останавливаясь на позитивных аспектах, она повествует о романизации бриттов. По сути, весь соответствующий текст сводится к рассказу о достоинствах римских дорог и городов с банями, водопроводом и канализацией [Ibid. P. 12–13].

Автор, подобно изданию от Heinemann, приводит цитату из «Агриколы» Тацита, оформленную во врезке, для характеристики римского присутствия в Британии. Цитата другая, хотя и не менее известная: «They began to have... saunas and dinner parties. The Britons called it civilization when it was just a way of making them Rome's slaves» [Ibid. P. 15] – «У них появились... бани и застоля. Бритты называли это цивилизацией, в то время как это было просто превращение их в рабов Рима». В оригинале Тацит говорит: «...paulatimque discessum ad delentamenta vitiorum, porticus et balinea et convivorium elegantiam. Idque apud imperitos humanitas vocabatur, cum pars servitutis esset» (Agricola, 21), в переводе А.С. Бобовича: «...и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиришествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискусными и простодушными, образованностью и просвещенностью» [14. С. 324].

Несмотря на различие в переводах (следует отметить, вариант Ф. Хебдитч ближе к оригиналу по форме, а вариант А.С. Бобовича – по смыслу), пафос фразы одинаков: это критика Тацитом римских нравов и обычаев. Будучи вырвана из контекста и лишена каких-либо комментариев, эта цитата выглядит чужеродно на фоне хвалебного перечисления культурных и технологических новшеств, привнесенных римлянами в жизнь британцев. Ее присутствие можно объ-

яснить расхожестью и крылатостью, но не смысловой связью с основным текстом. Впрочем, это не единственный случай в данном издании.

Противопоставление городского образа жизни Рима и традиционной культуры бриттов не переходит в учебнике в оппозицию цивилизация – варварство. Автор посвящает варварам специальный раздел, отчего ее попытка уйти от именованья бриттов варварами более обоснована, чем в других изданиях. Определяя варваров как людей, живших за пределами границ Римской империи и совершавших набеги с целью грабежа на ее территорию, Ф. Хебдитч таким образом позиционирует варварство не как предцивилизационный этап общественного развития в духе Л.Г. Моргана, а как образ архетипического агрессивного Чужого. Изображая бриттов как относительно мирный и впоследствии романизированный народ, автор избегает негативного сравнения. В то же время пикты, скотты, саксы названы в одном ряду с готами и вандалами как варвары – разорители империи, а бритты в противостоянии с ними семантически объединены с римлянами как защитники мира и закона [16. Р. 27]. Исход этого противостояния недвусмысленно определен как уничтожение римской культуры варварами, поскольку постулируется, что к 500-м годам Британия уже была не римской или бритто-романской, а полностью принадлежала англам и саксам [Ibid. Р. 28], т.е. варварам, с соответствующим изменением образа жизни. Однако далее автор учебника посвящает отдельную главу римскому наследию в истории и культуре Британии, чем смягчает драматизм своего заключения.

Раздел о римском наследии представляет особый интерес в связи с проблемой взаимосвязи британской и европейской идентичности. По сути, весь раздел о наследии построен вокруг этой взаимосвязи:

1. Указано на преемственность в языке, приведены примеры английских слов латинского происхождения, и здесь же упомянуты континентальные романские языки как наследники латыни. Латинский язык также представлен как *lingua franca* христианской церкви (имеется в виду, очевидно, католической) и биологии (в рамках таксономической классификации видов). Такое внимание к латинскому языку объясняется, видимо, сферой деятельности автора в преподавании.

2. Отмечается сохранение на территории Европы римского законодательства – и особенность Британии в этом смысле, поскольку она построила свою юридическую систему на основе саксонского права. Но здесь же автор, намеренно нивелируя слова о специфике Британии, переходит к теме христианской церкви, которая «продолжала связывать Британию с остальной Европой» [Ibid. Р. 29]. Кельтские регионы оставались христианскими, а в 597 г. были крещены и саксы. Тем самым Британия вошла в европейскую христианскую общность будучи связана с континентом через церковную организацию во главе с тем же Римом.

От духовного наследия автор переходит к материальному, останавливаясь на непосредственных артефактах римского времени в повседневной жизни современных британцев. В этом контексте рассматри-

ваются города-центры ряда графств, возникшие из римских фортов и административных резиденций, дороги римского происхождения и архитектурные сооружения – триумфальные арки, бани, городские стены, сохранившиеся в Лондоне, Линкольне, Бате, Йорке и Каэрвенте. Примеры сопровождаются фотоиллюстрациями, подчеркивающими интегрированность римского наследия в современную жизнь.

Учебник традиционно завершается списком рекомендуемых для посещения мест. Этот список отличается продуманностью и утилитарностью. Так, места памяти в нем не просто перечислены, но дополнены почтовыми адресами и телефонами, что значительно облегчает организацию посещения. Кроме того, список организован по рубрикам, что также упрощает работу с ним. Указано 19 музеев, 1 римский форт, 6 вилл и 3 места памяти, что несколько больше, чем в других учебниках [Ibid. Р. 31].

В 2010-е гг. привычная структура учебников по истории римской Британии «иллюстрации – нарратив – глоссарий – список мест памяти» изменяется и дополняется через использование возможностей интернета. В качестве примера следует отметить учебное пособие «Roman Britain» 2013 г. издательства Usborne Publishing. Эта компания была основана относительно недавно, в 1973 г., и специализируется на литературе для детей, в том числе учебной. На данный момент, по информации на сайте компании, она является крупнейшим независимым издателем на британском книжном рынке. Книги Usborne создаются внутренней командой издательства и выдержаны в едином оформительском стиле [17]. Пособие по истории римской Британии снабжено многочисленными красочными иллюстрациями, отличающимися выраженной лубочностью (что соответствует корпоративному стилю издательства). Текст также имитирует сказочный нарратив, написан упрощенным языком и лишен каких-либо цитат из источников. Автор текста Рут Броклхерст – не профессиональный историк или преподаватель, а редактор издательства.

Основные содержательные элементы учебника повторяют подобные им от других издательств – завоевание Британии как привнесение римского мира, закона, городской жизни и инфраструктуры в разобщенную и конфликтную среду бриттских племен. Значительный объем учебника (64 страницы, что превышает средний размер подобных изданий в два раза) обусловлен не более детальным рассмотрением ключевых тем, а большим их количеством – так, отдельно рассматриваются Лондон, бани, спорт, взросление [18. Р. 4]. Истории повседневности традиционно уделена почти половина содержания учебника. Влияние римлян по контексту определяется как цивилизующее, однако здесь интересен аспект применения понятия «варвар» к автохтонному населению Британии. Р. Броклхерст относит его к бриттам, в отличие от других авторов, но подчеркивает, что это была позиция римлян. Автор учебника немедленно опровергает эту позицию, указывая на процветающую культуру бриттов, развитие ремесел и активную торговлю с континентом [18. Р. 8].

Таким образом, в этом издании снята проблема стадийного сравнения культур римлян и бриттов, невыгодного для формирования позитивной исторической идентичности современных британцев. При этом учебник сталкивается с другой проблемой – презентации исторического континуитета. В нем нет раздела, рассматривающего роль римского наследия в британской культуре; нет даже списка мест культурной памяти, рекомендованных для посещения школьниками. Последний заменен на технологию Quicklinks, означающую сопровождение издательством учебника ссылками на веб-сайты, посвященные истории римской Британии. Ссылок насчитывается 15, в основном это сайты музеев, а также исторические разделы сайта BBC. Не все из этих сайтов адаптированы для детей, а на момент обращения (17.08.2015) три были нерабочими. Вряд ли можно признать этот опыт синтеза книги и сетевых технологий полностью успешным.

Одно из самых новых учебных пособий по истории римской Британии выпущено в 2014 г. независимым издательством CGP Books под названием «Romans in Britain» [19]. Издательство CGP Books основано в 1995 г. школьным учителем Ричардом Парсонсом, который, благодаря большой популярности написанных им руководств для подготовки к экзаменам CGSE, к 2009 г. вошел в пятерку самых продаваемых авторов Великобритании [20]. Педагогический опыт Р. Парсонса стал основой для структуры и компоновки учебных пособий его издательства. В частности, это определяет особенности книги «Romans in Britain». На обложку вынесена четкая целевая ориентация: вторая ключевая стадия, третий и четвертый годы обучения. Также подчеркнута, что книга полностью отвечает требованиям Национального образовательного стандарта в редакции 2014 г. Наконец, собственно учебник (Study Book) представляет собой лишь часть учебного комплекса, состоящего также из рабочей тетради (Active Book) и книги для учителя (Teacher Book). При этом нигде не указано, что автор учебника имеет отношение к исторической науке или пользовался в своей работе услугами научного консультанта.

Традиционное сочетание ярких иллюстраций и сопровождающего текста максимально адаптировано для нужд обучения: ключевые слова в предложениях подчеркнуты, названия и имена собственные выделены цветом, абзацы для запоминания помещены в рамки, все иллюстрации сопровождаются вопросами, стимулирующими самостоятельное мышление и вырабатывающими навыки анализа (по два-три вопроса на страницу). Нарратив, хотя и содержит все основные разделы, свойственные учебникам других издательств, очень лаконичен, сведен к необходимому минимуму и имеет характер тезисности.

Кроме того, заметно некоторое сокращение доли истории романо-бриттской повседневности в пользу истории римского завоевания. Также отсутствуют разделы о римском наследии и о мемориальных местах на территории Британии. Отчасти это компенсируется в книге для учителя, которая по сути является

сборником ответов на задания рабочей тетради и рекомендаций по дополнительным вопросам и заданиям. Среди так называемых extension ideas, т.е. советов по углублению знаний учеников, упоминается о возможности посещения музеев и исторических реконструкций. Однако ни отдельного списка, ни адресов таких музеев не приводится [21]. Данное издание ориентировано на общие педагогические приоритеты, в то время как культурная память и формирование исторической идентичности учеников оказываются второстепенными задачами.

Как уже отмечалось, музеи Великобритании также участвуют в образовательном процессе в основном через организацию исторических перформансов и мастер-классов. Но этим ассортимент образовательной программы музеев не исчерпывается. Так, пособие для посетителей по римской Британии, предлагаемое Британским музеем, немногим уступает специализированным учебникам [22]. Оно представляет собой рекомендации для учителей по ведению тематического урока с использованием экспонатов музея для заданий школьникам. Текст является чрезвычайно подробным, близким к дословному, сценарием занятия, в который включены тесты и мини-исследования для учеников. Поскольку он не ориентирован на читателя-ребенка, информация о римской Британии изложена предельно сухо и кратко. Отсутствуют какие-либо оценочные высказывания. Также следует отметить, что понятия «цивилизация» и «варварство» не используются в тексте, как и другие термины, позволяющие сопоставить Рим и Британию по уровню развития. В тексте основное внимание обращено на археологические реконструкции артефактов римской культуры; приведены названия мест, где сохранились наиболее презентативные останки римских строений. Уход римлян из Британии и появление англо-саксов представлены как естественная смена одного образа жизни другим, равноценным с археологической точки зрения. Тесты и задания, формы для которых также включены в данный проспект, сформулированы как вопросы, касающиеся конкретных экспонатов музея. Эти вопросы направлены скорее на создание идентичности научного исследователя, чем на воспитание национального или европейского самосознания.

Подытоживая, следует дать обобщающую характеристику современным британским учебным пособиям по истории, рассматривающим период римского присутствия на острове.

1. Изучение отечественной истории в британской образовательной программе начинается значительно раньше по сравнению с аналогичными российскими стандартами (в 7–8 лет, а не в 11–12), что определяет адаптацию материала для младшего школьного возраста. Соответственно, в большинстве учебников иллюстративный материал преобладает над текстовым. Текст стилистически упрощен и лаконичен. Авторы текстов, за редким исключением, не имеют отношения к исторической науке, являясь профессиональными детскими писателями.

2. Иллюстрации позиционируются как реконструкции римской армии, зданий, одежды и предметов

быта. Однако они в большей или меньшей степени идеализированы и воспроизводят архетипический взгляд на римскую культуру, существующий в современном массовом сознании. Бритто-романская повседневность представлена картинками домов и вилл, нацеленными на позитивное сопоставление с современным уровнем жизни и через это акцентирующими цивилизованность римлян. Однако подобные иллюстрации являются абстрактными образами, историографическим мифом, поскольку не опираются на актуальный опыт учеников. Актуализация образов прошлого достигается благодаря фотографиям археологических артефактов и руин римского происхождения. Более академически ориентированные пособия опираются в изложении материала именно на фотографии. Но через этот подход реализуется другая крайность восприятия истории – как прошлого в настоящем, предмета изучения археологов, а не источника формирования идентичности.

3. Описание завоевания римлянами Британии и порядков, которые были установлены в результате завоевания, в большинстве учебников выдержаны в нейтральном стиле. Тем более выделяются приводимые в некоторых текстах цитаты из источника, гиперкритичные по отношению к римлянам. Поскольку смысл и исторический контекст цитат не раскрыт, то они создают семантическое напряжение своим противоречием с текстом, намеком на драматизм событий и угнетение бриттов. Данная ситуация объясняется тем, что эти цитаты являются расхожими в английских официальных речах и литературе и использованы, видимо, в общеобразовательном ключе, чтобы познакомить с ними учеников.

4. Противопоставление римлян как представителей и носителей цивилизации и бриттов как варваров присутствует практически в каждом из рассмотренных учебников, однако целенаправленно нивелируется различными методами. Таким образом, во-первых, ученикам транслируется представление о строгом различии бриттов и римлян, отсутствии интеграции социумов и чужеродности романской традиции для британской культуры. Собственно британская историческая идентичность, британскость, при этом по умолчанию отождествляется с бриттами. Во-вторых, имеет место этическая и политическая дилемма авторов учебников, связанная с признанием значительных цивилизационных достижений, культурного превосходства римлян и одновременно нежеланием презентовать бриттов как каким-либо образом уступающих Риму в общественном развитии. Отсюда обязательные оговорки, касающиеся самостоятельных успехов бриттов. Возможно, это сделано в контексте соревновательности Британии и континентальной Европы. Так или иначе это означает перформативное историческое традиций римлян и бриттов как автономных, самодостаточных, независимых друг от друга и равноценных. В то же время некоторые авторы считают возможным применять термин «варвары» к англо-саксам, вкладывая в это недвусмысленное негативное значение. В этом позиционировании трех народов отражены паттерны британского исторического сознания, связывающие историческую

и культурную идентичность Британии в первую очередь с кельтским прошлым.

5. Восприятие римского влияния на британскую историческую идентичность, место Рима в культурной памяти британцев выявляется через разделы учебников, посвященные римскому наследию. Первое, что следует заметить: не все учебники включают в себя этот раздел, что свидетельствует о его опциональности для образовательной программы. Второе: римское наследие в современной британской культуре представлено только в одном из рассмотренных изданий. В нем отмечены лингвистические, религиозные, архитектурные традиции, обязанные своим происхождением римскому завоеванию. Там же постулируется установление связей через эти традиции с общеевропейским культурным и историческим багажом. Однако это издание является скорее исключением из правила. Большинство учебников указывает, что переселение англо-саксов в Британию означало полное исчезновение римского образа жизни и прекращение римского участия в британской истории.

6. Актуализация памяти о римском присутствии в Британии достигается в учебниках за счет указания мемориальных мест и музеев, рекомендуемых школьникам для посещения. Во всех подобных списках присутствуют Британский музей и Музей Лондона, музей римской повседневности в Сент-Олбансе, а также руины Адрианова вала на территории Кента и римские бани в Бате. Несмотря на отдельные совпадения, списки не дублируют друг друга, организованы с разной степенью продуманности и очевидно никак не регламентированы по содержанию и структуре. В новых учебных пособиях они отсутствуют, заменены ссылками на интернет-ресурсы (не всегда рабочими) или общими рекомендациями для учителей. Возможно, это свидетельствует о снижении внимания к локальной истории в британском образовании. Так или иначе данная тенденция способствует «охлаждению» культурной памяти, ее монополизации академической средой, когда знание о римской Британии, о причастности острова к истории континентальной Европы становится герметическим и абстрактным. В то же время памятники римской эпохи разной степени сохранности присутствуют во всех графствах Англии и Уэльса, что делает именно историю мест полезной с точки зрения интеграции римского наследия в британскую национальную идентичность.

Исходя из особенностей рассмотренных учебников, можно сделать вывод, что в 2000–2010-е гг. большинство издательств Великобритании не ставило перед собой задачу представить британскую историю как часть истории общеевропейской римской цивилизации. Более того, отрицается какой-либо континуитет последующих эпох с римской Британией. Собственно британская историческая и культурная идентичность отождествляется с кельтской традицией; римское завоевание представлено как некий казус, флуктуация, не оказавшая заметного влияния и не оставившая значимых следов, кроме дорог и крепостей. Как следствие происходит дистанцирование Британии от средиземноморской культурной общности.

сти и ее презентация как самостоятельного и равноценного культурного ареала. Таким образом, романский мир оказывается чужеродным, в некоторых случаях даже противопоставленным британскости.

Характерно, что при этом в текстах учебников строго соблюдается корректность формулировок в описании римлян и бриттов; отсутствуют оценочные суждения как негативного, так и позитивного свойства, что коррелирует с ценностями культурной политики ЕС. Отсюда, в свою очередь, тенденция к восприятию истории римской Британии как академической, эмоционально нейтральной. Единственное исключение из этой тенденции представ-

ляет собой учебник, автором которого является преподаватель классических языков. Пристрастность автора заметна, среди прочего, и по сравнению большому вниманию, уделенному римскому наследию в настоящем; более того, автор прямо указывает на связь Британии через это наследие с континентальной Европой. Однако это исключение, которое подтверждает общее правило: период римского присутствия в Британии трактуется в школьном образовании как преходящий исторический эпизод, сам по себе занимательный, но не оказавший значимого влияния на британскую национальную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nation-Building, Identity and Citizenship Education: Cross-Cultural Perspectives. Berlin : Springer, 2009. 201 p.
2. Designing History in East Asian Textbooks: Identity politics and transnational aspirations. London : Routledge, 2011. 305 p.
3. The Politics of Educational Reform in the Middle East: Self and Other in Textbooks and Curricula. N. Y. : Berghahn Books, 2012. 284 p.
4. Connecting Histories of Education: Transnational and Cross-Cultural Exchanges in (Post)Colonial Education. N. Y. : Berghahn Books, 2014. 262 p.
5. School and Nation: Identity Politics and Educational Media in an Age of Diversity. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2013. 136 p.
6. Company History. Ladybird Books. URL: <http://www.ladybird.co.uk/about-us/company-history>, свободный.
7. Wood T. The Romans. Loughborough : Ladybird Books Ltd, 1994. 56 p.
8. Museum of London. Facilitated sessions for schools. URL: http://www.museumoflondon.org.uk/schools/schools-whats/?txtSearchForEvent=&school_event_location=0&school_event_key_stages=Key+stage+2&school_event_period=Roman&school_event_subject=0&school_type=0, свободный.
9. The British Museum. Ancient Rome and Roman Britain. Sessions. URL: http://www.britishmuseum.org/learning/schools_and_teachers/resources/cultures/ancient_rome.aspx, свободный.
10. National Roman Legion Museum. Key Stage 2. URL: <http://www.museumwales.ac.uk/roman/learning/ks2>, свободный.
11. The Sussex Archaeological Society. Workshops in Fishbourne. URL: <https://sussexpast.co.uk/properties-to-discover/fishbourne-roman-palace/learning-at-fishbourne/learning-programme-what-you-can-do-at-fishbourne-2/workshops-at-fishbourne>, свободный.
12. Lyell A.H. A Bibliographical List Descriptive of Romano-British Architectural Remains in Great Britain. Cambridge University Press, 1912. 156 p.
13. Williams B. Roman Britain. Oxford : Heinemann, 1997. 48 p.
14. Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1993. 736 с.
15. Braund D. Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola. Routledge, 2013. 232 p.
16. Hebditch F. Roman Britain. London : Evans Brothers Limited, 2004. 31 p.
17. About Usborne Publishing. URL: <http://www.usborne.com/about-usborne/usborne-publishing.aspx>, свободный.
18. Brocklehurst R., Wheatley A. Roman Britain. London : Usborne Publishing Ltd., 2013. 63 p.
19. Copley J. Romans in Britain. Study Book. Broughton House : CGP Books, 2014. 42 p.
20. Luck A. Former British teacher becomes top class author. URL: <http://gulffews.com/news/former-british-teacher-becomes-top-class-author-1.553142>, свободный.
21. Copley J., Park A., Little S. Romans in Britain. Teacher Book. Broughton House: CGP Books, 2014. 39 p.
22. The British Museum. Roman Britain. Visit resource for teachers. Key Stage 2. URL: http://www.britishmuseum.org/PDF/Visit_Roman_Britain_KS2b.pdf, свободный.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 ноября 2015 г.

REPRESENTATION OF ROMAN BRITAIN IN MODERN BRITISH SCHOOL TEXTBOOKS AS THE CONSTRUCTING OF NATIONAL IDENTITY

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 61–68. DOI: 10.17223/15617793/403/11

Konkov Dmitriy S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: history of Great Britain; education in history in the UK; historical consciousness; cultural memory; national identity; representation of history in the present.

The purpose of this article is to identify the place of the Roman Britain image in the constructing of the British national identity at the stage of schooling. The results of the analysis also help to reveal the relation between national and European history in the British historical consciousness, which is important for studying the problems of Great Britain's participation in the European Union. The studies of the impact on national identity through education in general and the history books in particular appeared in the 2000s. This is owing to the deeper understanding of identity as a dynamic system which is influenced by political forces. The majority of these socio-anthropological studies consider the Asian, African or Eastern European precedents. They deal with intensification of nation-building during the postcolonial or post-socialist periods. Currently, however, educational policy in the field of national history of such leading West European countries like France and Germany attracts the interest of researchers. Hitherto British textbooks have not been considered, especially in the area of ancient history. This text fills this gap. British government involvement in determining the content of education is limited to a few frame recommendations. Most textbooks on history follow them. It can be concluded based on the features of the examined textbooks that in the 2000s–2010s most of British publishers did not represent the history of Britain as part of the pan-European history of Roman civilization. Moreover, the textbooks denied any continuity between Roman Britain and subsequent historical periods. British historical and cultural selfness is identified mostly with the Celtic tradition; the Roman conquest is presented as a kind of mishap, a fluctuation which did not have a significant impact and did not leave

significant traces, except for roads and fortresses. A distance between Britain and the Mediterranean cultural community is created, each of them presented as an independent and equal cultural area. Also the texts in the textbooks are strictly reviewed to keep correctness of the description of the Romans and the Britons. Any judgments, negative or positive characteristics are absent, which correlates with the goals of the EU cultural policy. Hence, in turn, the tendency explicates to perceive the history of Roman Britain as academic, emotionally neutral. The period of Roman presence in Britain in school education is treated as a transitory historical episode, entertaining as itself, but not making a significant impact on the British national identity.

REFERENCES

1. Zajda, J., Daun, H. & Saha, L.J. (eds) (2009) *Nation-Building, Identity and Citizenship Education: Cross-Cultural Perspectives*. Berlin: Springer.
2. Müller, G. (ed.) (2011) *Designing History in East Asian Textbooks: Identity politics and transnational aspirations*. London: Routledge.
3. Alayan, S., Rohde, A. & Dhoub, S. (2012) *The Politics of Educational Reform in the Middle East: Self and Other in Textbooks and Curricula*. New York: Berghahn Books.
4. Bagchi, B., Fuchs, E. & Rousmaniere, K. (eds) (2014) *Connecting Histories of Education: Transnational and Cross-Cultural Exchanges in (Post)Colonial Education*. New York: Berghahn Books.
5. Carrier, P. (ed.) (2013) *School and Nation: Identity Politics and Educational Media in an Age of Diversity*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.
6. Ladybird Books. (n.d.) *Company History*. [Online]. Available from: <http://www.ladybird.co.uk/about-us/company-history>.
7. Wood, T. (1994) *The Romans*. Loughborough: Ladybird Books Ltd.
8. Museum of London. (c. 2015) *Facilitated sessions for schools*. [Online]. Available from: http://www.museumoflondon.org.uk/schools/schools-whats/?txtSearchForEvent=&school_event_location=0&school_event_key_stages=Key+stage+2&school_event_period=Roman&school_event_subject=0&school_type=0.
9. The British Museum. (n.d.) *Ancient Rome and Roman Britain. Sessions*. [Online]. Available from: http://www.britishmuseum.org/learning/schools_and_teachers/resources/cultures/ancient_rome.aspx.
10. National Museum Wales. (n.d.) *National Roman Legion Museum. Key Stage 2*. [Online]. Available from: <http://www.museumwales.ac.uk/roman/learning/ks2>.
11. The Sussex Archaeological Society. (c. 2015) *Workshops in Fishbourne*. [Online]. Available from: <https://sussexpast.co.uk/properties-to-discover/fishbourne-roman-palace/learning-at-fishbourne/learning-programme-what-you-can-do-at-fishbourne-2/workshops-at-fishbourne>.
12. Lyell, A.H. (1912) *A Bibliographical List Descriptive of Romano-British Architectural Remains in Great Britain*. Cambridge University Press.
13. Williams, B. (1997) *Roman Britain*. Oxford: Heinemann.
14. Cornelius Tacitus. (1993) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. St. Petersburg: Nauka.
15. Braund, D. (2013) *Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola*. Routledge.
16. Hebditch, F. (2004) *Roman Britain*. London: Evans Brothers Limited.
17. Usborne. (c. 2015) *About Usborne Publishing*. [Online]. Available from: <http://www.usborne.com/about-usborne/usborne-publishing.aspx>.
18. Brocklehurst, R. & Wheatley, A. (2013) *Roman Britain*. London: Usborne Publishing Ltd.
19. Copley, J. (2014) *Romans in Britain. Study Book*. Broughton House: CGP Books.
20. Luck, A. (2009) *Former British teacher becomes top class author*. [Online]. Available from: <http://gulfnnews.com/news/former-british-teacher-becomes-top-class-author-1.553142>.
21. Copley, J., Park, A. & Little, S. (2014) *Romans in Britain. Teacher Book*. Broughton House: CGP Books.
22. The British Museum. (n.d.) *Roman Britain. Visit resource for teachers. Key Stage 2*. [Online]. Available from: http://www.britishmuseum.org/PDF/Vi-sit_Roman_Britain_KS2b.pdf.

Received: 22 November 2015

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматриваются проблема участия представителей вузовской науки в конструировании нового советского общества и степень их влияния на протекавшие модернизационные процессы. Выявляются основные тенденции формирования социальных ролей советских учёных и преподавателей, стратегии их взаимоотношений с партийно-государственной системой в период конца 1920-х – начала 1950-х гг. Анализируются механизмы выстраивания социальной идентичности советского научно-педагогического сообщества.

Ключевые слова: советская наука; высшее образование; интеллигенция; советское государство; Сибирь; Томск.

В настоящее время в российском обществе идет дискуссия о необходимости и путях системной модернизации государственного и общественного организмов. Как следствие в историческом дискурсе вновь актуализируется теория модернизации.

Теоретическим фундаментом современных представлений о феномене модернизации является положение о том, что усложняющийся в геометрической прогрессии общественный организм неизбежно обнаруживает самостоятельные структурные модификации своих сегментов (подсистем). Как следствие в условиях очередного системного кризиса (точки бифуркации, пользуясь синергетической терминологией) перед социумом стоит задача комплексного обновления (модернизации) всех своих вспомогательных институтов и механизмов функционирования. Успех в решении обозначенной задачи обуславливает переход социальной системы на качественно новый уровень развития, неудача – к деградации или даже её гибели.

Стоит отметить, что долгое время применение данного подхода основной упор делало на изучении организационно-политической либо сугубо экономической сторонах модернизационных рывков. При этом научным вниманием, как правило, обделялись так называемые внутренние составляющие модернизационных процессов, прежде всего – политика государства в научно-образовательной сфере. Во многом это объясняется тем, что социальные аспекты фактически не являлись самоценными для государства как инициатора и основного (если не единственного) субъекта модернизации. В результате все попытки модернизации носили догоняющий характер, происходя не эволюционно, а революционно – в момент осознания не обществом, а государством объёма накопившейся отсталости.

В то же время вполне очевидно, что социальные аспекты модернизации не менее важны, нежели остальные. Именно успех в модернизации самого общества, формировании у него механизмов саморазвития, которые в дальнейшем будут задавать импульсы к очередным обновлениям, является главным залогом того, что последующие модернизации будут носить не догоняющий, а самостоятельно-эволюционный характер.

Применительно к отечественному опыту модернизационных попыток можно сказать, что наиболее ярким (и одновременно одиозным) примером является так называемая сталинская модернизация периода конца 1920-х –

начала 1950-х гг. Нет нужды говорить, что тогда советской системе был брошен весьма серьезный «вызов», полнота «ответа» на который была взвешена на весах очередной попытки модернизации. Дефиниции тойнбианской концепции в данном случае видятся вполне уместными. Во взятом выше ракурсе научно-образовательную политику советского государства и модель его взаимоотношений с интеллектуальной прослойкой общества можно рассматривать как социальные «ответы» системы на экономические и политические «вызовы» времени.

Рассмотрение проблем советской модернизации в подобном ключе невозможно без фокуса на уже успевшей стать достаточно банальной теме взаимоотношений власти и интеллигенции (в нашем случае – научно-педагогических кадров высшей школы). Другое дело, что поиск новых смыслов данного проблемного поля требует определённой новизны в подходах. В силу этого предпочтительнее не замыкаться в рамках традиционной дихотомии «тоталитарное государство и репрессированная наука», а основной акцент сделать на анализе коммуникаций советского социума в лице государственной власти и интеллектуальной элиты, частично представленной научно-педагогическим сообществом. Иными словами, пресловутую концепцию тоталитаризма в данном случае стоит дополнить (а в ряде моментов и заменить) всё той же теорией модернизации. Таким образом, исследуемое пространство будет наполнено двумя разновеликими, но при этом равнозначными в степени своего участия в модернизационном процессе объектами: государством как главным актором модернизации и научной элитой как её основным фактором и самовоспроизводящимся ресурсом. В общих чертах подобный подход был заявлен в своё время Э.И. Колчинским [1. С. 728–782], оспорен В.П. Макаренко [2. С. 86–110], что говорит о дискуссионной ёмкости данной проблематики и предполагает целесообразность дальнейших исследований в этом направлении.

Социально-политические процессы переломного времени в центре и на периферии всегда различаются как по своей динамике, так и по качественному содержанию. И в случае обозначенной выше проблематики особой задачей видится изучение и осмысление уникального опыта Сибири, ставшей и одной из главных ресурсно-производственных баз, и своеобразным «полигоном» модернизаций в течение всего XX в.

(Кузбасская топливно-металлургическая база и Томский научно-образовательный комплекс). Региональный аспект данной темы предполагает выявление конкретных механизмов, форм и методов взаимодействия государства с интеллектуальным ресурсом в рамках научно-образовательной политики, проследить, с одной стороны, диалектику отношений большевиков и интеллигенции, с другой – эволюцию взглядов самого научного сообщества, наличие либо же отсутствие у него ментальных сдвигов как реакции на происходящие трансформации. Подобный подход позволит отчётливее проследить то, как трансформировалась с течением времени в рамках адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям сама научно-педагогическая прослойка, и эволюцию той позиции, что занимал по отношению к своей интеллектуальной элите развивающийся советский социум в лице официальных властей.

Применительно к Томску данный политико-научный дискурс интересен ещё и тем, что научный центр Сибири, в силу ряда исторически сложившихся обстоятельств, долгое время был к столицам «ближе», нежели другие региональные центры. Помимо этого, и само местное научное сообщество (многие из членов которого прибыли сюда в своё время по разным причинам из Москвы или Ленинграда) никогда не порывало своих связей с центром и всегда было в русле всех новейших веяний и течений в отношениях с властью.

Особый акцент в рассмотрении места и роли томского научно-педагогического сообщества в модернизации эпохи сталинского СССР целесообразно сделать на анализе социально-политической эволюции представителей физической науки, ставшей своего рода локомотивом индустриализации. Физическое сообщество, став в дальнейшем своеобразной элитой советской науки, претерпело достаточно длительную и сложную диалектику своих взаимоотношений с властями. Несмотря на свою относительную «сословную» привилегированность, советские физики практически постоянно находились под определённым морально-психологическим прессом, в полной мере испытав на себе все стороны пресловутой политики «кнута и пряника». При этом многие из корифеев новой советской физической науки переживали этап своего становления (личностного и профессионального) именно в период рубежа 1920–1930-х гг. – момента решающего модернизационного рывка.

Физическое знание в бурно развивающемся советском государстве, с одной стороны, получало непропорционально большие вливания и поддержку со стороны власти (непропорционально по отношению к другим наукам и к общему уровню благосостояния). С другой стороны, физика и физики постоянно испытывали давление сверху, мощностное и направление которого варьировались время от времени. Кроме того, необходимо помнить и характерное для большинства физиков рубежа 20–30-х гг. относительно лояльное отношение к социализму (во всяком случае, к самой его идее, если не к реальной практике), которое спустя всего несколько лет будет предельно жёстко испытано на прочность.

Несмотря на то что данная статья носит скорее проблемный, нежели конкретно-исторический характер, позволительно будет остановиться всё же на некоторых сюжетах. Обозначенная уже выше специфика рассматриваемой проблемы обуславливает выбор методологии – достаточно хорошо себя зарекомендовавшей в последнее время микроаналитической стратегии исследований в социальной истории науки. Данный подход предусматривает взгляд на исследуемый объект «изнутри» – с точки зрения внутренней диалектики самого научно-педагогического сообщества.

Для начала следует обозначить исключительно важный для всех последующих построений нюанс: традиционное для отечественной историографии 80–90-х гг. прошлого века представление об отношениях советской науки и власти в «страдательном залоге» видится всё менее и менее адекватным. Тем не менее подобный подход до сих пор ещё не изжит. Очевидно, что в системе советской социальной стратификации учёные были поставлены достаточно высоко, а советская научная элита была даже определённым образом интегрирована во власть. Таким образом, можно и нужно говорить о советской науке как об одной из *групп власти*, которая сама по себе была способной оказать громадное влияние на осуществление определённых социальных изменений.

В этом отношении весьма показательна социально-политическая эволюция томского научного сообщества. Прежде всего, интересен период 1920 – середины 1930-х гг. Опуская период революции и Гражданской войны (признавая при этом его как пролог модернизации), стоит отметить лишь, что подавляющая часть местного научного истеблишмента на данном этапе относилась к большевикам крайне негативно. Тем более что разгорающаяся Гражданская война аккумулировала в провинциальных университетах консервативно либо либерально настроенную профессуру, жившую ожиданиями неизбежного падения большевистской диктатуры. Это и не удивительно, если учитывать тот факт, что дореволюционная научная и педагогическая элита, так или иначе, являлась одновременно и элитой социальной.

Репрессии же ранних 1920-х гг., по большей части, были «адресными», т.е. карались учёные не столько за свою классовую сущность, сколько в ответ за антисоветскую деятельность: сотрудничество с враждебными советской власти режимами, антисоветские выступления и т.п. В этом ключе можно говорить об этом, как об издержках переходной эпохи (ни одна модернизация не обходится без известной доли ущерба и потерь – в равной степени как для масс, так и для элиты).

Всё вышесказанное в полной мере относится и к томским физикам того времени. Партийные сводки о политических настроениях профессуры физико-математического факультета Томского государственного университета характеризуют их как крайне антисоветских. Согласно им, профессора В.Д. Кузнецов, П.Н. Крылов, И.Ф. Пономарёв в своих взглядах и практике были созвучны «несоветски» настроенному ректору университета В.Н. Савину [3. Л. 14–24].

Справедливости ради необходимо признать, что одной из объективных причин тому было и тяжёлое материально-бытовое положение учёных и преподавателей в первые годы после окончания Гражданской войны. Помимо этого, масштабность радикальных реформ высшей школы, затронувших жизненные интересы старой профессуры.

Ситуация начинает меняться с середины 1920-х гг., и связано это со взятием большевистским руководством курса на индустриализацию (модернизацию) и с сопряженными с этим определёнными изменениями политики в сфере науки и высшего образования. В истории советской науки это время завершения её институционализации. Причём во всех смыслах: институционализация новой советской науки завершилась созданием множества НИИ. В том числе и на такой стратегически важной периферии, как Сибирь.

В 1928 г. в Томске открывается Сибирский физико-технический институт (СФТИ) – первый за Уралом научно-исследовательский институт физического профиля, ставший со временем одним из крупнейших в стране центров как фундаментальной науки, так и прикладных исследований (вскоре вошедший в структуру Томского государственного университета). В поворотные для страны годы первой пятилетки СФТИ работал на нужды индустриализации Сибири и, в частности, вплотную занимался так называемой урало-кузнецкой проблемой (созданием второй в СССР угольно-металлургической базы). Это само по себе выводило местную физическую элиту на принципиально новый уровень: рост финансирования, создание необходимых условий для проводимых исследований и известные гарантии их стабильности. Как следствие некоторые из учёных-исследователей становятся учёными-администраторами. Наиболее яркий пример тому – уже упомянутый выше В.Д. Кузнецов (инициатор создания и многолетний директор СФТИ).

При этом следует указать ещё на одну немаловажную деталь: конец 1920-х – начало 1930-х гг. не принесли кардинальных перемен для томского научно-педагогического сообщества в материально-бытовом отношении. Томск, оставшийся «на обочине» индустриализации [4. С. 262], проигрывал другим центрам Сибири в плане централизованного снабжения. Снабжение его жителей должно было производиться преимущественно за счет местных источников. В результате потребности города хронически не удовлетворялись. Помимо всего прочего, это говорит и том, что достаточно долгое время благосостояние местных научных и преподавательских кадров не росло вместе с общим уровнем жизни по мере успехов модернизации – оно напрямую зависело от степени и скорости их интеграции в трансформирующийся социум, а в дальнейшем и в его элиту.

Всё это коренным образом меняло сам характер диалога между партийными и государственными властями и возвысившейся частью научно-педагогического сообщества – последние постепенно ощущали всю ценность своей инкорпорации в советскую элиту. Образно выражаясь, *власть* частично перетекала в стены институтов и других новых научных

учреждений. Обусловливалось это и откровенным технократизмом советского руководства, который не мог не импонировать физикам, продолжившим и расширившим исследования при поддержке новой власти. Сама томская физика, пребывавшая до этого в провинциальном (в прямом и в переносном смыслах) состоянии, решая масштабные задачи, приближалась к столичным стандартам. Прежде всего, благодаря притоку ценных научных кадров, главным образом из Ленинграда.

Об изменениях политического дискурса значительной части научно-педагогической элиты напрямую свидетельствует смена тона в их риторике на страницах региональной прессы (томская городская газета «Красное знамя»). Особый интерес в этом отношении представляют материалы 1927–1929 гг. Естественно, что со стороны властей, рупором которых была газета, мало что изменилось: всё тот же обвинительный пафос по отношению к «реакционно-настроенной старой профессуре». В то же время целый ряд видных томских учёных, отвечая зачастую на открытые обвинения и откровенные нападки, уже не пытался парировать их, выдвигая встречные претензии, как в начале 1920-х гг., теперь они отстаивают свою лояльность советской власти, вступая с оппонентами в «догматическую» полемику о том, как надо правильно понимать основные принципы социализма.

Помимо этого, томские физики всё чаще (по мере накопления опыта взаимодействия с партбюрократией) использовали саму советскую риторику, доказывая и подчёркивая всю ценность для социалистического строительства своих научных исследований [5]. Что характерно – прошло всего несколько лет с того времени, когда они чуть ли не с университетских кафедр отзывались о советской системе как о прискорбном недоразумении. Суть даже не в том, насколько искренни они были спустя эти несколько лет. Главное состоит в том, что разворачивающаяся модернизация при всех её текущих минусах и издержках большинством из них воспринималась (быть может, на подсознательном уровне) как нечто «своё» – закономерное, необходимое и долгожданное.

Следующий этап отношений с властями непосредственно связан с резкой сменой научно-образовательной политики государства в 1933 г. Период леворадикальных реформ в науке и системе высшего образования завершился очевидным крахом революционных надежд, уступив место консервативной (если угодно, национально-государственной) политике. Именно это стало «годом великого перелома» в социальной истории отечественной науки и высшей школы.

Большинство научно-педагогических кадров на тот момент всё ещё составляли люди, сформировавшиеся как учёные, исследователи, преподаватели в реалиях «старой» России. Отсюда вытекало и всё остальное. Успехи индустриализации (первого акта модернизации) – налицо, репрессии начала 20-х гг. уже успели позабыться, а до конца 30-х ещё далеко: более того, пролетарская реформа высшей школы и люмпен-атаки на науку обозначили свой полный про-

вал. И если у гуманитариев ещё оставались счёты с большевиками (они, впрочем, так никогда и не будут сведены), то представители физического сообщества чувствовали себя всё более уверенно. Дежурные обвинения в отступлении от диалектического материализма и профилактические попытки преодолеть «идеологический хаос в профессорских головах» не в счёт: в царской России динамично развивавшееся естествознание также соседствовало с официально насаждаемым православием, практика чего порою перетекала в откровенное мракобесие.

Делая промежуточный вывод, можно сказать, что наиболее способные и успешные физические кадры к середине 1930-х гг. сумели получить от советской власти известные профессиональные предпочтения, также к ним возвращались (не в буквальном смысле, конечно же, но тем не менее) привычный образ существования науки в обществе вообще и способ существования учёного в научном сообществе в частности. Именно с этого момента больше не встречаются сведения о публичных недружелюбных высказываниях томских профессоров и преподавателей в адрес советского государства и правящей партии.

Вместе с тем поворот в научно-образовательной политике советской власти, имевший место в начале 1930-х гг., при всех своих объективных плюсах в отношении научной и научно-технической интеллигенции, ни в коей мере не являлся ни временной уступкой старой профессуре, «перековка» которой требовала длительного времени и значительных усилий (если вообще представлялась возможной), ни, тем более, следствием осознанного поиска некоего компромисса в достаточно натянутых отношениях. В этом плане обращает на себя внимание то, что сокращение количества зафиксированных антисоветских выступлений со стороны членов научно-педагогического сообщества совпало с очередным витком репрессий против научной и технической интеллигенции (Шахтинское дело, Дело Промпартии и др.).

Большевистская практика, последовательно разрушавшая все основания прежней социальности, меньше всего была склонна рассматривать остатки прежней интеллигенции в качестве серьёзного социально-политического субъекта. Справедливости ради необходимо признать, что, по крайней мере, представители региональной вузовской науки сами давали на то вполне явные основания, продемонстрировав за предыдущее десятилетие известную аморфность, обусловленную прежде всего отсутствием чётко сформулированной общей корпоративной позиции в отношении происходящего в стране.

Таким образом, более корректным будет говорить не столько об изменении отношения советского государства к научно-педагогическому сообществу, сколько об окончательной выработке им долгосрочной позиции по отношению ко всей сфере науки и высшего образования в целом. Это же, в свою очередь, стало симптомом окончания поисков путей выхода страны из состояния неопределённости (прохождение своеобразной «точки бифуркации») и начала движения по выбранной, в силу разных причин,

траектории дальнейшего развития. Весьма показательно в этом плане то, что институционализация новой советской науки практически совпала по времени с началом индустриализации, в свою очередь связанным с окончанием последнего этапа внутрипартийной борьбы за власть.

Рассматриваемые тенденции накладывались на объективный процесс смены поколений в научном сообществе, которые и в менее экстремальные периоды проходят далеко не всегда безболезненно. К началу тридцатых годов большая часть вузовских преподавателей среднего звена (доценты) как раз вступала в пору творческой зрелости либо уже расцвета. Специфика же отечественной истории науки (и, главным образом, естественнонаучного знания) заключается в том, что на ничтожно коротком отрезке исторического времени оказались тесно переплетены четыре процесса: а) форсированная социально-экономическая модернизация, инспирированная (как это ни парадоксально); б) оформлением тоталитарной политической системы, ставшей ответом на кризис самого культурно-исторического проекта модерна в России; в) смена научных поколений, отличительной чертой которой стал разрыв не только в методологических, но и в ценностных установках «старых» и «новых» учёных; и, наконец, г) буквально взрывное развитие фундаментальной науки в период 1920–1950-х гг. (физика – ярчайший тому пример).

На этом фоне неизбежным стало оформление таких тенденций, как вольное или невольное втягивание наиболее активной части научно-педагогической корпорации в текущий политический дискурс (публичная демонстрация лояльности если не гарантировала, то во многом способствовала административно-материальной поддержке исследований и самих учёных), специфическая конкурентная борьба, причём как разных направлений внутри одной науки (к примеру, физиков-«практиков» и физиков-«теоретиков» после мартовской сессии 1936 г. АН СССР), так и между отдельными персоналиями, впрочем, грань между этими двумя формами провести было довольно-таки сложно.

Особый драматизм происходящему в 1930-х гг. придавало то, что вышеобозначенные тенденции так же тесно переплетались между собою: использование представителями науки и высшего образования политической риторики в удовлетворении своих профессиональных либо сугубо личных амбиций, с одной стороны, вынуждало власть вмешиваться в науку, с другой – делало саму науку заложницей в руках власти.

Свою специфику, как уже говорилось, имела томская физика (представлявшая на тот момент всю Сибирь). Прежде всего, она заключалась в синтетическом характере самой местной науки, формировавшейся из представителей самых разных школ и направлений. С одной стороны, это придавало местной научной мысли известный динамизм, с другой – в условиях этатизации науки, проявлявшейся в централизованном распределении ресурсов, обуславливало неизбежность ревностного отношения к сфере своих научных интересов и конкурентной борьбы между различными группировками учёных.

Приведённые особенности регионального научного сообщества нашли своё отражение в уже достаточно полно исследованных событиях 1933–1938 гг., напрямую затронувших томскую науку (не только физику) [6–10]. При этом именно события в Томске чаще всего приводятся в качестве примера того, что происходило в советской науке в целом. В очередной раз отметим лишь, что крайне интересны и показательны в этом плане взаимоотношения между такими крупными физиками того времени, как В.Н. Кессених и В.Д. Кузнецов, а также между В.Д. Кузнецовым и группой теоретиков, прибывших в Томск из Ленинграда, – П.С. Тартаковским, Д.Д. Иваненко, М.И. Корсунским. Здесь было всё: и взаимная неприязнь, и трения в рамках борьбы за власть в СФТИ (В.Н. Кессених – В.Д. Кузнецов), и инициирование идеологической кампании (В.Н. Кессених), и последовавшее обвинение В.Н. Кессениха и В.Д. Кузнецова во «вредительских» методах работы. Не менее драматичными были и отношения практика-экспериментатора В.Д. Кузнецова и теоретиков-ленинградцев, представлявших собою отдельную группировку в СФТИ: вступившись за подчинённых во время антилузинской кампании, директор института, тем не менее, не упустил случая, чтобы между делом не уязвить «чрезмерно увлекающихся абстрактной математикой» коллег в их отрыве от практики.

Пережила эти времена томская физика относительно благополучно – все указанные персонажи остались в живых, но Д.Д. Иваненко и П.С. Тартаковскому пришлось уехать из Томска. Это стало, пожалуй, главной причиной того, что теоретическая физика не получила здесь в дальнейшем мощного развития. Для сравнения: томской школе баллистики, базировавшейся в НИИ математики и механики (открытом при Томском государственном университете в 1935 г.), а также томским биологам повезло гораздо меньше – многие из них подверглись прямым репрессиям, многие погибли.

Несмотря на наличие спускаемых сверху идеологических установок, формировавших внутри научно-педагогического сообщества напряжённый климат подозрительности и нетерпимости, террор 1930-х гг. носил ярко выраженный алогичный характер – среди репрессированных томских учёных были выходцы из всех социальных слоев и всех возрастов. Тем не менее не стоит забывать и о том, что процессы, инициированные сверху, находили порою и отклик снизу. Огосударствлённая наука в ряде случаев не уступала перед соблазном использовать государственный террор (быть может, воспринимая его в качестве одного из видов ресурсов, предоставляемых государством) как средство разрешения своих внутренних противоречий – и это стало приметой времени.

Для выявления не только масштабов, но и направленности репрессий в отношении томского научно-педагогического сообщества приведем следующие данные (на примере Томского государственного университета). Так, по состоянию на начало 1938 г. в Томском государственном университете работали 135 профессоров, доцентов, старших преподавателей

и ассистентов, в их числе – 107 штатных сотрудников. В ходе репрессий 1930-х гг. погибли 19 человек, т.е. каждый 6–7-й сотрудник. Наибольшие потери понес состав доцентов. Соотношение погибших (10 человек) из работавших в ТГУ (штатных) в 1938 г. (27 человек) здесь составляет 1 : 2,7. Потери профессорской коллегии (в 1938 г. в штате ТГУ состояли 17 профессоров, в ходе репрессий погибли 5 человек и 1 был приговорен к заключению) выражаются приблизительным соотношением 1 : 3. В значительно меньшей степени пострадали молодые преподаватели. В 1938 г. в штате Томского государственного университета состояли 42 ассистента. В ходе репрессий погибли 4 человека. Таким образом, потери среди ассистентского корпуса можно выразить приблизительным отношением 1 : 10 [11. С. 82]. Вопрос о причинах таких соотношений остаётся открытым и нуждается в отдельном исследовании.

В то же время очевидно, что вторая половина 1930-х гг. не была исключительно мрачным царством крови и страха. Как уже было сказано, само научно-педагогическое сообщество было активным участником конструирования новой социальной реальности. В первую очередь на тот момент именно оно формировало и воспроизводило кадровый ресурс советской власти.

Наиболее ярко это проявлялось на окраинах страны. Научные и педагогические кадры видели, как, в том числе и их усилиями, осваиваются огромные территории и формируются целые промышленные районы. Темпы же хозяйственного освоения («внутренней колонизации») Сибири после установления советской власти были гораздо выше, нежели в императорской России. Ключевую роль здесь сыграло региональное научное сообщество, продолжавшее своего рода «научную колонизацию» края: научные «десанты» в Кузбасс для разведки залежей каменного угля, строительства Кузнецкого металлургического комбината и открытия Сибирского металлургического института, во время и после войны – в Новосибирск для открытия филиала, а затем и отделения Академии наук. В целом же логика развития науки и высшего образования в Сибири в межвоенный период в общих чертах соответствовала тем траекториям, что были намечены региональной научной элитой ещё задолго до революции. С той лишь, пожалуй, разницей, что если при царях развитие высшего образования в Сибири порою искусственно сдерживалось (взять хотя бы историю с полувекковой задержкой открытия Томского университета), то большевики в этом отношении выглядели в несколько лучшем свете.

Конечно же, не стоит питать иллюзий относительно целей (предельно утилитарных) и ценностей (либо слишком абстрактных, либо откровенно фальшивых) советской научно-образовательной политики. Её прямым результатом стал дряхлеющий по сию пору кризис науки и высшего образования уже постсоветских. Речь в данном случае идёт о том, что в среднесрочной перспективе (т.е. в рамках советской модернизации) социальная позиция научно-педагогической корпорации вполне органично вписывалась в общий внутриполитический ландшафт.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период складывался этот советский период. Ряд исследователей (прежде всего Б.Г. Юдин) склонны рассматривать затрагиваемые нами процессы в качестве «вторичной институционализации» отечественной науки [12]. Не оспаривая данную трактовку, добавим лишь, что становление новой советской науки как социального института превратило её несущую конструкцию – научно-педагогическое сообщество – в своеобразное «сословие». Так называемый сословный подход к анализу природы советского социума представляется весьма интересным и продуктивным. В нашем же случае членство в означенной корпорации определялось, конечно же, не правом рождения, а двумя факторами – практической эффективностью результатов научного поиска и степенью политической лояльности (причём, как правило, чем значительнее был первый фактор, тем меньше внимания уделялось второму).

Так, профессор Сибирского технологического института И.Н. Бутаков в 1920-е гг. неоднократно подвергался критике за многократные антисоветские высказывания. Идеологическому разбору учебника И.Н. Бутакова был посвящен целый раздел монографии Н.П. Загорского «Классовая борьба в сибирских вузах». Профессор И.Н. Бутаков подвергся критике за то, что писал «панегирики капиталистической системе организации труда, ни единым словом не упомянув об особенностях советской системы хозяйства». Он также обвинялся в попытках представить капиталистическую форму управления в «общечеловеческом» аспекте и игнорировании «социально-экономических особенностей советского хозяйства». Между тем в 1940 г. И.Н. Бутаков был награждён Орденом Трудового Красного Знамени, впоследствии удостоен этой награды ещё дважды (1946, 1961 гг.). Дважды профессор был награждён Орденом Ленина (1944, 1953 гг.), помимо этого, учёный стал обладателем других высоких наград и почётных званий [13].

Эти факторы и стали, по сути, основными компонентами нормативно-ценностной структуры советской науки.

В дальнейшем туда добавились и следующие вспомогательные элементы, созданные для внешнего (по отношению к самой науке) потребления.

Во-первых, это пресловутый научный «национализм» как следствие борьбы с «лузинщиной» в середине 1930-х гг., ставшей, в свою очередь, предтечей послевоенной борьбы с космополитизмом, отправной точкой в науке для которой стало знаменитое «дело КР» (дело профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина). В этом плане весьма примечательна статья-отклик лидера томских физиков В.Д. Кузнецова на статью в «Литературной газете» профессора Г. Шаумяна «На коленях перед Тейлором» – «Пора прекратить колнопреклонение перед Тейлором» (в названии – характерная для тогдашней риторики фразеология, только, пожалуй, несколько жёстче) [14]. Специалист по резанию металлов поддерживает своего столичного коллегу против именитого американца, несмотря на то что книга того «Искусство резать металл» устарела

ещё в 1944 г. к моменту выхода третьего тома кузнецовской «Физики твёрдого тела». В.Д. Кузнецов сам это признаёт – критика Тейлора была вполне по существу, но жар полемики, за давностью лет, был совершенно искусствен [15. Л. 17]. В разворачивание этой же темы, уже в самой «Литературной газете», перед этим выходит другая его статья – «Развивать славные традиции русской науки» [16].

Во-вторых, речь идёт о «державности» сознания, проявлением которого стал своеобразный «синдром служения» значительной части научного сообщества. Прежде всего это касается тех его представителей, что в уже достаточно сознательном возрасте застали Российскую империю и были при этом относительно молоды для восприятия новой национально-государственной риторики, пришедшей на смену оголтелому интернационализму первых послереволюционных лет. И здесь опять-таки нельзя не привести ряд высказываний «отца сибирской физики», в искренности которых крайне трудно сомневаться. Первое из них связано с триумфальным «советским блицкригом» – кампании против Японии в 1945 г.: «Жестокое чувство обиды и позора затаил я с тех пор против японцев и сорок лет с нетерпением ждал реванша. Реванш японцам дан, такой реванш, какой только могла представить пылкая фантазия моего оскорблённого патриотического чувства» [17. Л. 62]. Второе касается «нелюбимой» советской историографией «империалистической» войны: «Во время Первой мировой войны с Германией многие ответственные командные должности занимали генералы с немецкими фамилиями, а председателем Совета Министров был немец Штюмер. Моё патриотическое чувство глубоко возмущалось тогда, и я видел одно предательство за другим на фронте» [18. Л. 24].

Проявления державного национализма в обращениях части советских учёных к ретроспективе были вызваны, вероятно, так называемым социальным заказом на историю отечественной науки (одним из инициаторов был С.И. Вавилов), носившим явный отпечаток начинавшейся «холодной войны». И здесь они, как люди и учёные двух эпох, испытывали определённые трудности: с одной стороны, необходимо было помнить, что в полной мере наука стала развиваться только после установления советской власти, с другой же – нужно было подчеркнуть то, что русская научная мысль ничем не уступала европейской и американской и до революции.

Все эти процессы, как проходившие в центре, так и их проекции на периферии, помимо очевидной негативной стороны имели и ещё одну – объективно необходимое самопознание отечественной культуры. Дискуссии о проблемах самодостаточности советской науки, её возможности / необходимости связей с Западом по-прежнему имеют полное право на своё продолжение – до сих пор весьма спорной остаётся сама природа феномена науки в закрытом обществе. Другое дело, что слишком зыбкой оказалась грань между признанием приоритета и интересов отечественной науки и далеко не научным обликом научного «патриотизма».

Резюмируя, можно сказать, что этос советской науки (польза, лояльность, патриотизм, служение), оформившийся и достигший максимальной степени своего проявления в период 1930–1950-х гг., стал результатом взаимодействия двух субъектов: государства и научно-педагогического сообщества, параллельно решавших собственные задачи (первый – удержание власти посредством проведения масштабных социально-экономических преобразований; второй – реализация своего интеллектуального потенциала и удовлетворение личных карьерных амбиций). Точкой же приложения, в рамках которой проходило данное взаимодействие, и стали процессы так называемой сталинской модернизации. Иными словами, сами модернизационные процессы стали ведущей социальной функцией отечественного научно-педагогического сообщества.

Вместе с тем это явление вовсе не являлось нечто принципиально новым – оно протекало на уже достаточно привычных социоментальных основаниях, доставшихся в наследство от предыдущей эпохи. В этом смысле советская наука явилась наследницей науки имперской, равно как и советская власть, которая во многом стала наследовать предыдущей государственности. Иначе говоря, никакого сущностного разрыва между социально-политическими установками дореволюционной и советской научной элитой не было – изменились разве что внешние условия их проявления.

Определенным признанием следует считать и то, что в 1940 г. в связи с 40-летним юбилеем Томского индустриального института группа профессоров и преподавателей томских вузов была представлена к государственным наградам (всего 46 работников томских вузов). К наивысшей из них – Ордена Ленина – были представлены директор ТИИ профессор К.Н. Шмаргунов, директор Ботанического сада ТГУ А.Д. Бейкина, доцент ТГУ И.И. Колушев, а также – два старейших и авторитетнейших томских профессора – профессора ТГУ Ф.Э. Молин и М.Д. Рузский [19. Л. 2–74 об.].

Тексты представлений свидетельствуют, о том, что работники томских вузов были отмечены в основном за академические заслуги. Хотя отмечалась не только их профессиональная, но и административная (так, профессор К.Н. Шмаргунов, как уже отмечалось, был директором ТИИ, а многие профессора и доценты – заведующими кафедрами) и общественная деятельность, а также работа в органах советской власти. В пользу признания говорит и то, что представленные к высоким наградам профессора В.Д. Кузнецов и И.Н. Бутаков были депутатами Томского горсовета будучи беспартийными.

В итоге Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1940 г. был награжден лишь сам ТТИ и его работники: профессора И.Н. Бутаков, М.К. Коровин, А.В. Лаврский и К.Н. Шмаргунов – Орденом Трудового Красного Знамени; профессора А.В. Верховский, Б.В. Тронов и доцент А.Т. Логвиненко – орденом «Знак Почета»; профессора И.В. Геблера и доцента А.М. Розенберга – медалью «За трудовое отличие» [20].

Всё это вполне можно трактовать как некую социальную мобилизацию советской науки и высшего об-

разования, ставшую, в свою очередь, важнейшим элементом предвоенной консолидации советского общества в целом. Идеологические же кампании и репрессии в среде научно-педагогического сообщества, при всём своём трагизме, коренным образом не меняли характера этих тенденций.

Более того, кульминацией взаимоотношений между советской властью и интеллигенцией скорее стоит считать не мрачный период второй половины 1930-х гг. (в конце концов, террор затронул все без исключения категории населения и не в последнюю очередь саму политическую элиту), а годы войны, ставшей не только тяжелейшим испытанием на прочность для советской государственной системы, но и проверкой новой советской науки (как социально-государственного института) на способность к быстрой адаптации к экстремальным условиям, позволившей научно-педагогическому сообществу в полной мере проявить свою социально-государственную функциональность.

Здесь же стоит отметить, что победа в войне была во многом обеспечена именно теми модернизационными процессами, что проходили при непосредственном участии советской науки. Необходимо помнить, что в отечественном хронотопе феномен модернизации неотделим от внешней политики и войны, что лишний раз подтверждает закономерность структуры этоса советской науки.

В региональном фокусе сказанное наглядно демонстрирует пример Томского Комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время – уникального явления, явившего собою образец эффективной формы мобилизации и координации усилий ученых, направленных на помощь воюющей стране. Исключительность его заключалась ещё и в том, что Комитет стал результатом самоорганизации местного научного сообщества (возникнув не «по указке» сверху). Это был один из первых подобных комитетов в Советском Союзе. Он создавался на время войны и являлся филиалом Научного совета при Новосибирском облисполкоме (Томск в те годы входил в состав Новосибирской области) [21. Л. 1].

Председатель комитета профессор Б.П. Токин в недалёком прошлом стал жертвой репрессий. В ноябре 1937 г. Б.П. Токин был освобожден от обязанностей ректора, декабре 1937 г. исключен из ВКП(б) как «не внушающий политического доверия», «за связь с врагами народа и за развал работы в университете», в феврале 1938 г. арестован органами НКВД. Однако в феврале 1939 г. он был освобожден из-под ареста и восстановлен в партии, а вскоре и в должности профессора университета. Несмотря на «развал работы в университете», власть не возражала против деятельности Б.П. Токина на посту председателя Томского комитета ученых [22. С. 447].

В годы войны комитет, помимо регуляции и координации научно-исследовательской работы высших учебных заведений города, оказывал прямую помощь производству. Тесные связи с производством впоследствии окрепли настолько, что некоторые ученые сделались постоянными консультантами заводов, а вузовские лаборатории превратились в филиалы за-

водских, причём связи эти были налажены с предприятиями Томска, заводами других городов Сибири, Урала и Казахстана. По примеру Томска подобного рода научные объединения стали создаваться и в других городах. Так, постановлением бюро Новосибирского горкома ВКП(б) от 30 января 1942 г. был организован Новосибирский комитет ученых под руководством С.А. Чаплыгина в составе 30 человек. Комитеты ученых были созданы также в Новокузнецке, Кемерове и Омске. В годы войны большую роль в координации деятельности ученых играла и Комиссия Академии наук по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Для самого же регионального научного сообщества Томский комитет учёных явился не только и не столько эффективной формой интеллектуальной мобилизации, сколько предельно яркой демонстрацией достижений и преимуществ альтернативной (по отношению как к противнику, так и к союзникам) организации и содержательности стороны научного труда в Советском Союзе.

Нельзя обойти стороной и такой принципиальный в данном случае вопрос, как уровень жизни советской (в нашем случае – региональной) научной элиты в экстремально тяжёлые военные годы. Очевидно, что логика её отношений с властью, воспроизводящая традиционную для отечественной социальной матрицы схему «государство – служилое сословие», базировалась на вполне реальных основаниях. Даже в самые суровые годы лидеры томской науки могли обеспечить себя и свои семьи не только продуктами первой необходимости, но и такими «излишками», как мясо, яблоки, конфеты и даже английская водка и ликёр [23. Л. 64]. Также и в неурожайные послевоенные годы питание для них особой проблемой не было [Там же. Л. 106].

Прекрасно иллюстрирует всё вышесказанное мотивация вступления в партию основателя томской школы физики твёрдого тела и одного из самых активных членов Томского комитета учёных В.Д. Кузнецова (практически до самого конца войны он оставался вне несущей социальной корпорации – Коммунистической партии). Что характерно, в партию он вступил не до войны, что, скорее всего, могло несколько облегчить его отношения с советской бюрократией, ни после неё, когда на очереди было избрание его действительным членом АН СССР.

Сохранился черновик заявления В.Д. Кузнецова, датированный 13 ноября 1944 г.: «В течение многих лет, – писал он, – я убедился, что 1) мое философское мировоззрение вполне совпадает с тем, которое проповедовали и проповедуют Ленин, Сталин и другие вожди коммунистической партии, 2) практика моей деятельности совпадает с практикой деятельности членов коммунистической партии и 3) понимание международных событий и процесса развития Советского Союза совпадает с пониманием партии. Все это дало мне основание с полной искренностью и добро-

совестностью проводить мероприятия партии, убедившись сам лично и на основании разговоров с товарищами-коммунистами, что я являюсь по существу большевиком и желая еще теснее связать свою деятельность с партией и тем самым принести еще большую пользу моей Родине, я прошу первичную парторганизацию принять меня в кандидаты ВКП(б)» [24. Л. 13]. Если по первому пункту ещё можно предположить некоторое лукавство будущего первого академика из Сибири, то, что касается последующих двух, усомниться в искренности учёного весьма трудно.

В партию профессор В.Д. Кузнецов был принят в 1945 г. Тем самым ознаменовалось его полное вливание в ряды советской социальной элиты. Факт, на первый взгляд, вполне формальный, но знаковый в плане интеграции научных кадров в советское «дворянство».

Оценивая этот сложный и напряжённый период для науки и высшего образования в общем контексте отечественной истории, следует остановиться на следующих знаковых моментах.

Во-первых, очевиден факт того, что во многом (учитывая, разумеется, и объективно-исторические причины) именно благодаря усилиям местного научно-педагогического сообщества колоссальный геоэкономический потенциал Сибири стал использоваться если не в полном объёме, то, во всяком случае, в масштабах больших, нежели когда-либо ранее. И здесь опять же нельзя не признать те возможности, что были предоставлены советской властью – вне зависимости от её истинных целей и мотивов.

Во-вторых, уже имевшийся к моменту начала так называемой сталинской модернизации научно-образовательный задел, с одной стороны, получил значительный количественный и качественный прирост, с другой же – стал одним из ключевых факторов успеха индустриализации в Сибири, сократив разрыв в уровнях социально-экономического развития по сравнению с европейской частью страны.

В-третьих, сами научно-педагогические кадры оказались весьма адаптивными к стремительно менявшейся структуре местного научно-образовательного комплекса, проявив инициативу, открытость и готовность к коллективному творчеству в новых и не всегда благоприятных для работы условиях.

И, наконец, главный вывод состоит, пожалуй, в том, что, несмотря на все понесённые в 1930-е гг. потери, региональная научная элита воспринимала проходившие процессы и свою роль в них главным образом сквозь призму государственного «служения» – совместного участия в объективно необходимом деле просвещения и развития далёкой, но исключительно богатой окраины, начатом её предшественниками ещё в конце XIX в. Как результат – научно-педагогическое сообщество можно и нужно считать не только, и не столько ресурсом, сколько одним из факторов модернизации Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчинский Э.И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
2. Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 4.

3. ЦДНИ ТО. Ф-76. Оп. 1. Д. 330.
4. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1999. 432 с.
5. Кузнецов В.Д. В помощь сибирской промышленности. Сибирский физико-технический институт и его деятельность // Красное знамя. 1929. 2 июня.
6. Кликушин М.В., Красильников С.А. Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
7. Формирование советской системы высшего образования и научно-педагогические кадры Сибири (1919–1928 гг.) // Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. С. 132–159.
8. Реформы высшей школы конца 1920–1930-х гг. как средство огосударствления вузовской интеллигенции // Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. С. 160–184.
9. Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Д.Д. Иваненко в Томске (1936–1939 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 71–76.
10. Костерев А.Г., Литвинов А.В. Томское научно-педагогическое сообщество в 1930-е гг.: социально-политическая эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 85–90.
11. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
12. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83–106.
13. Бутаков И.Н. // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Бутаков,_Инноцентий_Николаевич (дата обращения: 14 августа 2015 г.).
14. Красное знамя. 1949. 30 нояб.
15. ГАТО. Ф. Р-1562 Оп. 1. Д. 516.
16. Литературная газета. 1949. 12 нояб.
17. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 884.
18. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 506.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 995.
20. Красное знамя. 1940. 15 дек.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 1.
22. Томский комитет учёных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 480 с.
23. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 428.
24. ГАТО. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 491.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2015 г.

THE PROFESSORIAL CORPUS OF THE HIGHER SCHOOL IN THE CONTEXT OF SOVIET MODERNIZATION

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 69–78. DOI: 10.17223/15617793/403/12

Kosterev Anton G. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Litvinov Alexander V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinovav77@yandex.ru

Keywords: Soviet science; higher education; intelligentsia; Soviet state; Siberia; Tomsk.

In this article the problem of participation of representatives of higher school science in the designing of the new Soviet society and extent of their influence on the proceeding modernization processes is considered. The main tendencies of the formation of social roles of Soviet scholars and teachers, strategies of their relationship with the party and state system in the period of the end of the 1920s – the beginning of the 1950s are described. Mechanisms of forming social identity of the Soviet academic and pedagogical community are analyzed. On the basis of the brightest plots from the life of the Siberian academic and pedagogical community, the development of this social corporation as one of the leading factors of the Soviet modernization is reconstructed. The main feature of the development is that under the influence of the changing environment the academic and higher school elite gradually changes its values and purposes. Over time, it is more and more involved in the large-scale social and economic transformations initiated by the Soviet state. As a result, the overwhelming part of representatives of higher school science turns from the object of social changes into their subject. In other words, modernization processes became the leading social function of the Soviet academic and pedagogical community. Thus, the process of the Soviet modernization can be considered as interaction of two subjects, the state and the academic and pedagogical community, in parallel solving their own problems (on the one hand, retention of power; on the other, realization of the intellectual potential and satisfaction of personal career ambitions). In turn, high social functionality of a considerable part of the faculty allowed it to be incorporated, finally, in ranks of the new Soviet elite. The final formation of standards and values of this social group, with a conscious need to serve to the state as its basic element, was another result of the faculty' participation in the Soviet modernization, which testifies to the fundamental relationship between the imperial and the Soviet sociocultural traditions. All this can be treated as a certain social mobilization of the Soviet science and higher education which, in turn, became the most important element of premilitary consolidation of the Soviet society in general. The highest point of relationship between the Soviet power and the intellectuals are the years of the war which became not only the hardest durability test for the Soviet state system, but also a check for the new Soviet science (as a social and state institution) on its ability to the fast adaptation to extreme conditions which allowed the academic and pedagogical community to fully show its social and state functionality.

REFERENCES

1. Kolchinskiy, E.I. (2003) *Nauka i konsolidatsiya sovetskoy sistemy v predvoennyye gody* [Science and consolidation of the Soviet system in the prewar years]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Makarenko, V.P. (2007) *Etatizatsiya nauki: sovetskiy opyt* [Statization of science: the Soviet experience]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5:4.
3. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 330.

4. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from the foundation up to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kuznetsov, V.D. (1929) V pomoshch' sibirskoy promyshlennosti. Sibirskiy fiziko-tekhnicheskiy institut i ego deyatel'nost' [To help the Siberian industry. Siberian Physical-Technical Institute and its activities]. *Krasnoe znamya*. 2 June.
6. Klikushin, M.V. & Krasil'nikov, S.A. (1992) Anatomiya odnoy ideologicheskoy kampanii 1936 g.: "luzinshchina" v Sibiri [Anatomy of a single ideological campaign in 1936: "luzinshchina" in Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: Challenges and Lessons]. Novosibirsk: Nauka.
7. Krasil'nikov, S.A. et al. (2007) Formirovaniye sovetsskoy sistemy vysshego obrazovaniya i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1919–1928 gg.) [Formation of the Soviet system of higher education and scientific-pedagogical personnel of Siberia (1919–1928)]. In: Krasil'nikov, S.A. et al. *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnyye tsennosti* [Intellectuals in Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
8. Krasil'nikov, S.A. et al. (2007) Reformy vysshey shkoly kontsa 1920–1930-kh gg. kak sredstvo ogosudarstvleniya vuzovskoy intelligentsii [Reforms of higher school of the end of 1920s–1930s as a means of nationalization of university intellectuals]. In: Krasil'nikov, S.A. et al. *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnyye tsennosti* [Intellectuals in Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
9. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (2008) D.D. Ivanenko v Tomске (1936–1939 gg.) [D.D. Ivanenko in Tomsk (1936–1939)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 71–76.
10. Kosterev, A.G. & Litvinov, A.V. (2012) Tomsk scientific and pedagogical community in 1930s: sociopolitical evolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 85–90. (In Russian).
11. Litvinov, A.V. (2002) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20–30-e gody KhKh veka)* [The professorial corps of Tomsk University (1920s–1930s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
12. Yudin, B.G. (1993) Istoriya sovetsskoy nauki kak protsess vtorschnoy institutsializatsii [The history of Soviet science as a process of secondary institutionalization]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. pp. 83–106.
13. Tomsk State University. (c. 2015) Butakov I.N. In: *Elektronnaya entsiklopediya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Electronic Encyclopedia of Tomsk State University]. [Online]. Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Butakov,_Innokentiy_Nikolaevich. (Accessed: 14 August 2015).
14. *Krasnoe znamya*. (1949). 30 November.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562 List 1. File 516. (In Russian).
16. *Literaturnaya gazeta*. (1949). 12 November.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 884. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 506. (In Russian).
19. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 995. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya*. (1940). 15 December.
21. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 1. (In Russian).
22. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchennykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk committee of scholars in the years of the Great Patriotic War, 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 428. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1562. List 1. File 491. (In Russian).

Received: 30 November 2015

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ФОЛЬКЛОРИЗМА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На основе анализа работ немецких, американских, словенских и российских этнологов выделены основные методологические подходы в изучении проблем фольклоризма. Термин «фольклоризм» был предложен в 1962 г. немецким этнологом Хансом Мозером для обозначения процесса видоизменения отдельных элементов фольклора с целью придания им более зрелищных форм для демонстрации публике.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; фольклоризм; методология исследования.

Методологические принципы исследования фольклоризма, как и любого иного культурного феномена, во многом определяются историко-социальными причинами.

По мнению ряда авторов, технологические нововведения, радикальная модернизация, массовая миграция, рост средней продолжительности жизни способствовали возникновению неуверенности в уже накопленном человеческом опыте. Эти процессы повлияли на отношение к традициям, которые стали вызывать ностальгические, романтические чувства и заставили искать новые источники информирования, которые позволили бы определить нестандартные коммуникативные пути с прошлым. Фольклоризм – социальный и культурный феномен, который представляет и возрождает народные культурные формы различными способами, ранжирующимися от научных реконструкций до народных спектаклей (performance). Отбор, распространение и продвижение отдельных аспектов традиций и культурного наследия (сфера исследований этнографов и фольклористов) особенно часто наблюдается в сфере туризма [1. С. 51].

Целью данной статьи является выявление доминирующих методологических подходов в исследовании феномена фольклоризма в зарубежной и отечественной историографии.

В работе использован ряд разработок на основе переводов, сделанных автором статьи немецких, словенских, американских и российских этнографов, содержащих историографические разделы, позволяющие проследить как историю, так и предлагаемые принципы исследования этого феномена. В силу ограниченности круга работ по проблематике, выбор историографических источников не носил случайного характера. Он осуществлялся на основе анализа теоретического и научно-прикладного вклада исследователей в изучение фольклоризма.

Впервые термин фольклоризм был предложен немецким этнологом, представителем мюнхенской школы Хансом Мозером в 1962 г. В своих работах он только поставил проблему фольклоризма как передачу и демонстрацию культуры из вторых рук [2. С. 179–180], не обозначив возможные подходы и методы его изучения.

Однако в дальнейшем тема стала разрабатываться в исследованиях немецких, словенских этнографов и фольклористов. Так, в статье «Фольклоризм в Европе. Опрос» немецкий ученый, основатель тюрбингенской школы культурной антропологии Херман Баузингер [3. С. 1–8]

дал общий методологический подход для рассмотрения фольклоризма как объекта исследования этнографии. Так, согласно Х. Баузингеру, основными методами изучения фольклоризма являются: анализ данных, в том числе контент-анализ СМИ, метод наблюдения, интервью, экспертный опрос, сравнительный анализ.

Рассматривая методологические подходы к изучению фольклоризма, Х. Баузингер приходит к выводу, что этнограф в первую очередь должен обращать внимание на *распространенные формы проявления фольклоризма*: сохранение национальных костюмов, формы сохранения обычаев, проявление первоначального фольклора в области искусства, музыки, литературы и имитация изделий народного творчества. Особое значение исследователь придавал коммерциализированным формам сохранения обычаев: фестивалям, встречам хоров (ансамблей), внесению этнической составляющей в рекламу магазинов.

Баузингер, вслед за Мозером, подчеркивал, что *демонстрация фольклора* как шоу, продажа фольклорных изделий, характерных для данной местности, в целях привлечения туристов являются наиболее показательными проявлениями фольклоризма. В связи с этим в развитии фольклоризма *значительная роль* отводится *средствам массовой информации*. Еще одним объектом изучения являются *носители фольклоризма*. К ним относятся:

- общины, объединения, организации;
- группы инициативных лиц;
- государственное сопровождение подобных проектов;
- партийно-политические фонды.

Х. Баузингер отмечал, что некоторые регионы более «восприимчивы» к фольклоризму. Например, таким регионом в Германии является Бавария [3. С. 8].

Значительное место в проявлениях фольклоризма занимают *научные институты* (особенно этнографические). Направлениями работы научных институтов могут быть мониторинг ремесленных и фольклорных центров, их классификация, которая должна выявить виды фольклоризма (по основным областям проявлений), меры их внедрения в процессы развития подлинного фольклора, особенности взаимовлияния двух областей.

Последующие шаги в разработке методологических подходов в изучении фольклоризма можно проследить в работах американских и словенских этнографов. Так, американский исследователь Майкл Дилан Фостер в работе «Метаморфоза каппы. Трансформация фольклора в фольклоризм в Японии» на примере традиционного

для японского фольклора мифологического существа каппа (водяного) проанализировал механизм перехода фольклора в фольклоризм. Следует особо подчеркнуть, что в своих исследованиях М.Д. Фостер настаивал на том, что фольклор и фольклоризм – это две автономные (самостоятельные) концепции, но наиболее важным является понимание того, что данные понятия представляют собой континуум [4. С. 12].

При исследовании каппы автор подчеркивает, что механизм превращения фольклорного персонажа в явление фольклоризма невозможен без понимания, кем он являлся в японском фольклоре. М.Д. Фостер провел глубокий анализ фольклорных материалов о персонаже, включая искусствоведческие (рисунки, гравюры) и лингвистические данные. Также он рассмотрел классификацию, фиксируя на карте варианты имен и происхождения слова «каппа». В результате он пришел к выводу, что основной причиной превращения каппы из «единицы» фольклора в «единицу» фольклоризма является индустриализация и урбанизация. М.Д. Фостер отметил три этапа этой метаморфозы:

1) придание фольклорному персонажу каппы черт, присущих человеку. В фольклоре «каппа» – *водное божество, призванное помочь объяснить мистический мир человеческой реальности извне*. «Каппа» фольклоризма же создан объяснить и более четко визуализировать *человеческую реальность*;

2) изначальное значение мифологического существа «исчезало» из памяти благодаря работе карикатуристов и мультипликаторов. В результате сексуально угрожающее, физически омерзительное существо мужского пола в фольклоре на данном этапе превратилось в дружелюбное, физически привлекательное и соблазнительное существо женского пола в фольклоризме. Новые функции каппы стали естественными для подрастающего поколения;

3) использование уже трансформированного художественного образа как рекламы идеального места отдыха горожан в сельской местности, использующей ключевые слова «домашний», «ностальгия по культурным ландшафтам».

По сути, «каппа» фольклоризма – это изобретение, выдумка, одомашненная версия, видоизмененная в течение определенного времени с помощью литературного и художественного маркетинга. Однако именно фольклоризм позволил «сохранить» данный персонаж вне музейных фольклорных экспозиций.

М.Д. Фостер полагает, что образ «каппы», вне зависимости от того, относим мы его к фольклору или фольклоризму, никогда не был статичен, он «отвечал» динамичной заинтересованности людей в данном образе. То есть наиболее важные функции его образа были «переизобретены» в разных контекстах. Как водное божество, считал исследователь, каппа поддерживал экономическую выживаемость общины, так как ранее функцией каппы была ирригация и обогащение почвы. В настоящее же время экономическая стабильность общины поддерживается благодаря туризму [4. С. 18–19].

Исходя из анализа работы М.Д. Фостера, можно выделить ряд методов, применяемых исследователем при

изучении вопросов фольклоризма на примере «каппы». Историко-генетический метод и анализ документов позволил автору восстановить изначальный облик каппы, начиная со Средневековья. Метод исторической периодизации сделал возможным определить основные этапы видоизменения единицы фольклора и фольклоризма. С помощью структурно-функционального и системного анализа были выявлены изменения функций фольклора и фольклоризма. В статье отражена и возможность использования метода картографирования при изучении данной проблематики.

В работах ряда словенских этнографов прослеживается формирование концепта «фольклоризм» начиная с 1930-х гг. Так, значительный интерес словенской исследовательницы С.П. Истенич вызывали разработки концепта аутентичности в областях экологического, этнического, альтернативного и этнокультурного туризма. При исследовании популярнейшего фольклорного фестиваля в Любляне «Сельская свадьба» С.П. Истенич использовала метод анализа данных, в том числе опубликованных в средствах массовой информации. Ею отмечены отличительные черты фольклоризма. Это принадлежность к различным социальным слоям и искажение в той или иной степени черт народного костюма, песни, танца. Анализ же работ других словенских исследователей по проблемам фольклоризма позволяет проследить общую направленность словенской школы в изучении фольклоризма как феномена, берущего свое начало в сельской местности и связанного с историко-культурным наследием [1].

Исследуя отечественную историографию, можно, во-первых, констатировать, что в советской и российской историографии исследования по поднимаемой проблематике единичны. Во-вторых, фольклоризм рассматривается как явление культуры, характерное только для литературы и музыки. В этой связи следует отметить работы В.Е. Гусева. Отличительной чертой методологических подходов его школы в рассмотрении фольклора и фольклоризма стала трактовка феноменов с точки зрения развития культуры, изменения социальной структуры. Он определяет фольклоризм как процесс, который *адаптирует фольклор к новому социальному контексту* [5].

Ситуация несколько изменилась в начале 2000-х гг. В этой связи следует отметить работы И.А. Колобковой, в том числе кандидатскую диссертацию «Проблема фольклоризма в современном народном декоративном искусстве (на материалах современной глиняной игрушки)» (2011). Избрав глиняную игрушку как вид современного народного декоративного искусства в качестве объекта исследования, И.В. Колобкова выделила подлинные исторические очаги традиционной глиняной игрушки, сведения о которых зафиксированы в экспедиционных данных о гончарных центрах. На основе экспедиционных, архивных и музейно-коллекционных данных автором были изучены четыре традиционных центра глиняной игрушки. Новообразованные центры были определены путем изучения материалов Всероссийских смотров-конкурсов и анализа материалов, представленных в сети Интернет [6. С. 3–4].

И.А. Колобковой за основу были взяты три основных критерия фольклорности: коллективность, традиционность, целостность художественной системы. При их применении была выявлена художественная специфика, отличающая анализируемые центры от внешне схожих, но не обладающих системной и содержательной глубиной явлений фольклоризма [Там же. С. 23]. В целом подходы И.В. Колобковой не противоречат методике, предложенной Х. Баусингером в 1969 г. Так, рассмотрев деятельность ремесленных центров, занимающихся производством глиняной игрушки, она впервые отметила восприимчивость традиционной культуры к фольклоризму, уделив немаловажную роль *государственному сопровождению подобных проектов* (деятельность «Государственного республиканского центра русского фольклора» и «Государственного Российского дома народного творчества» Министерства культуры РФ). В то же время диссертационная работа И.В. Колобковой, с нашей точки зрения, стала ярчайшим примером определения *места научных (особенно этнографических) институтов в проявлениях фольклоризма*.

Резюмируя анализ работ, можно отметить следующее:

- на основе анализа выборочных историографических источников можно сформировать рабочую гипотезу, что при исследовании феномена фольклоризма активно используются методологические подходы системного анализа (комплексность, выявление механизма трансформации системообразующих связей социальных институтов под воздействием «среды») и традиционный методический инструментарий исторических наук (полевые исследования, анализ первичных и вторичных источников, разные формы сравнительно-исторического анализа социальных процессов и явлений и т.д.);
- в исследованиях активно используются социологические и этнографические качественные и количественные методы (наблюдение, интервью, экспертный опрос, контент-анализ, анкетный опрос и др.);
- принципиальных отличий в методологических подходах и в научном инструментарии как в отечественной, так и в зарубежной историографии не прослеживается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Istenič S.P. Texts and contexts of folklorism // *Traditiones, Journal of the Institute of Slovenian Ethnology and Institute of Ethnomusicology SRC SASA*. 2011. № 40. P. 3.
2. Moser H. Vom Folklorismus in unserer Zeit // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1962. № 58.
3. Bausinger H. «Folklorismus» in Europa. Eine Umfrage // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1969. № 65.
4. Foster M.D. The Metamorphosis of the Kappa: Transformation of Folklore to Folklorism in Japan // *Asian Folklore Studies*. 1998. № 57. P. 1.
5. Гусев В.Е. Фольклор как универсальный тип субкультуры // В диапазоне гуманитарного знания. Серия «Мыслители». 2001. Вып. 4.
6. Колобкова И.В. Проблема фольклоризма в современном народном декоративном искусстве (на материалах современной глиняной игрушки) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 27 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 мая 2015 г.

METHODOLOGICAL APPROACHES IN RUSSIAN AND FOREIGN FOLKLORISM RESEARCH

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 79–81. DOI: 10.17223/15617793/403/13

Kurinskikh Polina A. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: p.sadovaja@gmail.com

Keywords: folklorism; methodology; cultural heritage.

The research is relevant due to ethnic elements popularization in social, political (use of electorate's local ethnic culture in political party's work) and economic (tourism) life spheres. The aim of this article is to show the main methodological approaches in foreign and Russian folklorism research. The term folklorism was suggested in 1962 by German ethnologist Hans Moser. He wrote that the folklorism is "second-hand mediation and presentation of folk culture". Moser meant most popular folklore elements transformation for shows and performances. But he did not suggest any methodological approach for the new concept. Several years later, another German scientist Herman Bausinger suggested his methodological approach in which he especially noted the role of media, scientific organisations, the most popular form of folklorism (e.g., use of indigenous dress), regional folklorism (e.g., Bavaria in Germany). More methodological approaches to folklorism are described in American, Slovenian and Russian ethnological research works. In his research on the kappa belief and its transformation from folklore to folklorism, American folklore researcher Michael Dylan Foster used a historical-genetic method, document analysis, mapping, a historical periodization method, structure functional and system analysis. Irina A. Kolobkova was interested in clay toys as a modern folk decorative art. She used observation, interview, photo fixation, comparative analysis. The following conclusions and summary can be made from the above: 1. According to historiography, the author has formed an operational hypothesis: folklorism research uses system analysis methodological approaches. It means integrity, transformation of social institution system constitutive relation under the environmental influence. Traditional historical methods (comparative analysis, document analysis, field work and other) are also used; 2. Folklorism study uses quantity and quality sociological and ethnological methods (overview, interview, public opinion polls, content analysis); 3. There are no principal differences in foreign and Russian folklorism methodological approaches.

REFERENCES

1. Istenič, S.P. (2011) Texts and contexts of folklorism. *Traditiones, Journal of the Institute of Slovenian Ethnology and Institute of Ethnomusicology SRC SASA*. 40. pp. 51–74.
2. Moser, N. (1962) Vom Folklorismus in unserer Zeit [On folklorism in our time]. *Zeitschrift für Volkskunde*. 58.
3. Bausinger, H. (1969) "Folklorismus" in Europa. Eine Umfrage ["Folklorism" in Europe. A survey]. *Zeitschrift für Volkskunde*. 65.
4. Foster, M.D. (1998) The Metamorphosis of the Kappa: Transformation of Folklore to Folklorism in Japan. *Asian Folklore Studies*. 57.
5. Gusev, V.E. (2001) Fol'klor kak universal'nyy tip subkul'tury [Folklore as a universal type of subculture]. *V diapazone gumanitarnogo znaniya. Seriya "Mysliteli"*. 4.
6. Kolobkova, I.V. (2011) *Problema fol'klorizma v sovremennom narodnom dekorativnom iskusstve (na materialakh sovremennoy glinyanoy igrushki)* [Folklorism problem in contemporary folk decorative art (on materials of modern clay toys)]. Abstract of Art History Cand. Diss. St. Petersburg.

Received: 28 May 2015

Д.Н. Москаленская

ЛИШЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Статья посвящена проблемам лишения и восстановления в избирательных правах православных церковнослужителей и реконструкции социокультурного облика данной группы. Работа базируется на материалах личных дел, хранящихся в региональных архивах. На основании заявлений «лишенцев» рассматриваются аргументы и тактики поведения изучаемой группы в борьбе за свои права. Делается вывод о том, что церковнослужители наравне со священнослужителями подвергались дискриминациям, сопутствующим лишению избирательных прав.

Ключевые слова: церковнослужители; церковь; «лишенцы»; псаломщики; дискриминация; репрессии.

Кардинальные изменения в положении русской православной церкви, произошедшие с приходом к власти большевиков, трагическим образом сказались на судьбах рядовых церковнослужителей. Одной из дискриминационных мер, которым подвергались представители причта, являлось лишение их избирательных прав. По Конституции 1918 г. среди категорий «лишенцев» значились «служители религиозного культа». В данную категорию попадали представители всех конфессий, в том числе православного духовенства, составлявшего большинство. Помимо собственно священнослужителей, т.е. лиц, имевших духовный сан епископа, священника или диакона, в списки «лишенцев» попадали и церковнослужители – те, кто работал в церкви, но без посвящения в сан (псаломщики, пономари, регенты, певчие). К данной группе примыкают также и лица, принимавшие участие в жизни церкви, но непосредственно не участвовавшие в богослужении: старосты, члены приходского совета, сторожа, просфирни. Лишению избирательных прав сопутствовали различного рода ограничения и дискриминации в социальных правах, пик которых пришелся на конец 1920-х гг., совпав с новым витком наступления на церковь.

Активное изучение проблематики «лишенчества» началось с начала 1990-х гг. Появились работы, посвященные «лишенцам» отдельных регионов, в которых наряду с другими категориями «лишенцев» рассматриваются и «служители религиозного культа» [1–3]. Публикации, посвященные именно данной категории «лишенцев», крайне малочисленны [4–6]. Анализ демографических, социокультурных, поведенческих характеристик «служителей религиозного культа» Урала представлен в статье Ю.А. Русиной [4]. Изучение заявлений священно- и церковнослужителей проводится в статье З.Ш. Мавлютовой [5]. Как отдельная категория «лишенцев» православные церковнослужители в историографии не рассматривались. Между тем данная группа имеет свои особенности. В отличие от священников, для церковнослужителей служба в церкви в указанный период чаще всего не являлась основным занятием. Тем не менее их также касались дискриминации, сопутствующие статусу «лишенца».

Целью работы является выявление специфики положения данной группы «лишенцев», а также рас-

смотрение проблем, связанных с восстановлением церковнослужителей в избирательных правах.

Статья основывается на материалах фондов трех городских и тридцати сельских исполнительных комитетов, находящихся на хранении в архивах Новосибирской, Томской областей и Алтайского края. В созданной по материалам личных дел электронной базе данных содержится информация о 326 персоналиях, 91 из которых являлись церковнослужителями (11 – городские, 80 – сельские). Основная часть данной группы состоит из псаломщиков, но в нее входят также несколько старост, певчие, регент хора, глава церковного совета и просфирня. Таким образом, была произведена выборка из выборки. Изначально отбирались дела всех лишенных как «служителей культа», затем из них выбирались представители православного клира, далее производилось разделение на священно- и церковнослужителей. Дополнительным источником являются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие процедуры лишения и восстановления в избирательных правах.

На протяжении первых десятилетий советской власти положение церковнослужителей-«лишенцев», как и всей категории лиц, лишенных избирательных прав, значительно изменилось. Лишение избирательных прав вводилось Конституцией 1918 г., но в ней не уточнялось, кто именно должен быть причислен к служителям культа. До середины 1920-х гг. эти вопросы оставались на усмотрение местных властей. Кроме того, особых притеснений и ограничений, связанных с лишением права голоса, в это время не ощущалось.

С середины 1920-х гг. ситуация меняется: согласно инструкции о выборах в Советы 1925 г., лишение избирательных прав распространялось «одинаково на монахов и духовных служителей религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых эта работа является профессией» [7]. Вспомогательный персонал церкви лишался избирательных прав лишь в том случае, если «основным источником существования являлся доход от исполнения религиозных обрядов» [Там же]. Соответственно, те лица, которые были псаломщиками, певчими и не получали за это плату, не подлежали лишению избирательных прав.

Однако уже инструкция о выборах 1926 г. значительно расширила круг священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Избирательных прав лишались

«служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков» независимо от того, получают ли они за исполнение этих обязанностей вознаграждение [8]. Таким образом, даже те, кто служил в церкви безвозмездно, теперь также лишались избирательных прав, и их приравнивали к «служителям религиозного культа». Данное дополнение значительно усложнило положение церковнослужителей, а также дало возможность местным властям причислять к данной категории и простых верующих – мирян. Так, прихожанин церкви в селе Мочище Новосибирского района М.И. Антонов был лишен избирательных прав как «руководитель религиозной группы» [9. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 56]. К «служителям культа» власти причислили также просфирню и по совместительству сторожа церкви с. Верх-Алеус Ордынского района Н.Г. Светозарскую [Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–36]. Данная ситуация была характерна не только для Сибири. Так, московские исследователи В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин отмечали, что встречались совершенно немыслимые формулировки мотивов лишения избирательных прав: «за религиозные убеждения», «за поездку в Иерусалим», «за звон в колокола» [10. С. 2].

Ужесточение критериев и сопутствующее нарушение вызвали массовый поток жалоб и ходатайств «лишенцев». И с 1927–1928 гг. начинают формироваться «личные дела» лиц, лишенных избирательных прав.

В 1930 г. произошла относительная либерализация законодательства о «лишенцах», выразившаяся в том, что, согласно инструкции о выборах 1930 г., избирательных прав не должны были лишаться «лица, которые по найму или выбору религиозных общин занимают административно-хозяйственным и техническим обслуживанием религиозных обрядов и зданий религиозных культов, как-то: певчие, сторожа, уборщики, звонари и т.п., а также члены приходских советов» [11]. Данная инструкция была призвана несколько сузить категорию лишаемых как «служителей культа» и устранить вопиющие нарушения. Действительно, некоторой части церковнослужителей удалось добиться восстановления именно в 1930 г. Но в целом восстановиться в избирательных правах было трудно и в 1930-е гг.

Формально лишение избирательных прав просуществовало до принятия Конституции 1936 г. Однако и в дальнейшем, до 1953 г., существовала разветвленная система социально-правовых ограничений и дискриминаций для значительной части общества, попадавшей под различного рода репрессии.

До революции в состав приходского причта входили священник и псаломщик, если число прихожан было менее 700 душ, если же более, то по штату полагался еще и дьякон [12. С. 162]. Кроме штатных псаломщиков могли привлекаться также вольнонаемные. В отличие от священников, большая часть которых начала службу в церкви еще до революции, среди церковнослужителей такие встречались редко. В созданной электронной базе данных (91 чел.) всего пять церковнослужителей (четыре псаломщика и один староста) исполняли обязанности в церкви еще до рево-

люции и продолжали служить в 1920-е гг. Данная ситуация объясняется еще и тем, что лица, служившие псаломщиками до революции, в дальнейшем были рукоположены. Штатных псаломщиков было крайне мало, поэтому обязанности псаломщика исполняли грамотные активные прихожане, иногда за плату, а часто и безвозмездно по просьбе общины. Сроки их службы варьировались от нескольких месяцев до нескольких лет.

По гендерному составу в подавляющем большинстве церковнослужители являлись мужчинами, хотя встречались и женщины, исполнявшие обязанности псаломщика [9. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 284; Ф. 471. Оп. 1. Д. 725]. Как и в ситуации со священниками, среди церковнослужителей по сравнению с дореволюционным временем увеличивалась доля старших возрастов. Если в 1914 г. преобладали лица в возрасте от 20 до 40 лет [13. С. 61–62], то в 1930 г. – от 40 до 60 лет. Молодое поколение, подвергавшееся массовой антирелигиозной пропаганде, уже не желало работать в церкви.

Сведения об образовании церковнослужителей крайне фрагментарны. Некоторые из них в своих заявлениях отмечали, что не могли являться псаломщиками из-за малограмотности. Тем не менее несколько церковнослужителей указали, что учились в сельских или церковно-приходских школах. О том, что псаломщики обладали определенным уровнем грамотности, свидетельствует тот факт, что в большинстве своем жалобы и ходатайства они писали самостоятельно.

По своему социальному происхождению церковнослужители в подавляющем большинстве являлись выходцами из крестьян. Исключение составили двое – один псаломщик [9. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 1266. Л. 1–6] и просфирня [Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–36], чьи родители принадлежали к духовному сословию. Большинство из тех церковнослужителей, кто оставил церковь, отказались от службы в 1928–1930 гг. Данное обстоятельство связано с новым витком наступления на церковь и усилившимися дискриминациями «лишенцев».

Одной из наиболее существенных дискриминаций, с которыми сталкивались сельские церковнослужители-«лишенцы», являлось повышенное налогообложение. Местным властям было свойственно в разы завышать доходы как священников, так и псаломщиков. Штатный псаломщик должен был получать от 1/4 до 1/3 дохода священника. Соответственно, рассчитывая доходы священника, власти пропорционально увеличивали доходы и псаломщика. В итоге невозможность уплатить налог приводила к распродаже имущества. В своих заявлениях псаломщики часто жаловались на незаконную конфискацию и просили вернуть имущество: «Продажа моего имущества произвелась... неправильно, а именно хозяйство мое ничуть не принадлежало к числу кулацких, потому что машин не имел, никакой эксплуатацией не занимался, а что касается относительно того, что мне приходится зарабатывать необходимый кусок хлеба при религиозном культе, так это я считаю не имеет такого значения, чтобы произвести за данное дело продажу имущества...» [Там же. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 380. Л. 20].

Для сельских церковнослужителей основным видом деятельности являлось сельское хозяйство. И после прекращения службы в церкви они продолжали «заниматься хлеборобством», если к тому времени не были «раскулачены». В некоторых случаях бывшие церковнослужители стали заниматься кустарничеством или шли в чернорабочие, а несколько человек оказались на иждивении родственников.

Бывшие городские церковнослужители устраивались работать на производство. В основном они были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Тем не менее шансов добиться восстановления в избирательных правах у них оказывалось больше, так как трудовой пятилетний стаж, необходимый для этого, в городе получить было проще.

Для того чтобы стать полноправным, «правовым» гражданином и избавиться от «позорного клейма лишения», церковнослужители обращались в избирательные комиссии разных уровней с просьбами о восстановлении. Основными условиями восстановления в правах для «служителей религиозных культов», как и для других категорий «лишенцев», являлись занятие общественно-полезным трудом в течение 5 лет и лояльное отношение к советской власти [8. Ст. 19]. Кроме того, существовала возможность быть признанным неправильно лишенным, на что и рассчитывали многие церковнослужители. В обращениях к членам избирательных комиссий половина церковнослужителей указывали на неправильность лишения их избирательных прав, апеллируя к действовавшим нормам и инструкциям, высказывая в большинстве случаев возмущение и негодование по этому поводу, и лишь несколько псаломщиков считали это просто ошибкой и недоразумением. Поэтому большинство заявлений следует отнести к жалобам, так как в них, в отличие от ходатайств, факт лишения признается незаконным. Данное обстоятельство схоже с поведением уральских церковнослужителей: З.Ш. Мавлютова также отмечает, что в большинстве заявлений представители клира стремились опровергнуть мотивы лишения и привести доводы в пользу своей непричастности к религиозному культу [5. С. 55].

Среди разнообразных аргументов, приводимых в попытках отмежеваться от статуса «служителя религиозного культа», можно выделить две основные тактики. Следуя первой из них, наиболее распространенной, псаломщики отрицали свою службу в церкви и утверждали, что были просто любителями пения. Типичным примером данной тактики является следующее заявление «...я себя не считаю псаломщиком, а был членом церковного совета и пел как любитель...» [9. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 506. Л. 36]. В статье Ю.А. Русиной, посвященной служителям религиозного культа Урала, лишенным избирательных прав, также отмечается, что псаломщики в заявлениях часто относили себя к «любителям пения» [4. С. 123].

Второй тактикой выступало утверждение, что должность псаломщика исполнялась временно и не являлась основной деятельностью. При этом некоторые церковнослужители апеллировали к статьям Конституции или инструкциям о выборах в Советы. Так,

псаломщик И.Т. Ефимов (с. Кунчурук Болотнинского района) утверждал в своем заявлении, что, согласно Конституции, лишаются избирательных прав те служители культа, для которых служба в церкви является источником существования, следовательно, те, у кого основное занятие сельское хозяйство, не должны лишаться избирательных прав. Далее автор заявления делал вывод, что «...я лишен избирательных прав за свои религиозные убеждения и нарушена ст. 68 Конституции...» [9. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 181. Л. 3 об.].

Кроме того, отдельные псаломщики в качестве доказательства того, что таковыми они не являлись, приводили собственную малограмотность: «...не могу быть штатным потому что малограмотный... школы никакой не проходил» [Там же. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 53. Л. 2].

С позицией уверенности в собственной правоте связано и то, что, в отличие от бывших священнослужителей, псаломщики не так усердствовали в доказательстве своей лояльности к власти. Между тем некоторые из церковнослужителей все-таки отмечали свои заслуги перед советской властью, к которым они в первую очередь относили службу в Красной армии и революционную деятельность (4 заявления).

Те же псаломщики, кто получал вознаграждение за службу, вынуждены были прибегать к оправдательной тактике. В своих ходатайствах они писали, что служили временно, из-за отсутствия штатного псаломщика, по настоятельной просьбе религиозной общины или же по причине тяжелых жизненных обстоятельств. Так, в частности, объяснял свою службу псаломщиком бывший церковный сторож села Верхний Майас А.В. Васильев: «...я поддался влиянию Сперанского (*священник*) предлагавшего мне читать псалмы и петь, обещая за это плату. На что я согласился т.к. выхода иного не было при бедности и отсутствии нормального зрения» [Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 81. Л. 12 об.]. Часть псаломщиков оправдывались тем, что служили в церкви по своей темноте и неведению: «...благодаря малограмотности, темноте и невежеству... исполнял обязанности псаломщика...» [Там же. Д. 444. Л. 14 об.]. Подобные стереотипы антирелигиозной пропаганды церковнослужители очень активно использовали, пытаясь представить себя в глазах членов избирательных комиссий жертвами «поповского дурмана».

В отличие от священнослужителей, псаломщики значительно реже сообщали об отказе от службы в церкви, тем не менее такие заявления тоже встречаются: «...желаю быть в рядах рабочего класса, отрекаюсь от всего старого...» [Там же. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 848. Л. 8]; «Я... никогда не возвращусь к этому проклятому поповскому дурману, этой вечной тьме...» [Там же. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 374. Л. 4 об.]. Тактика раскаяния не пользовалась такой популярностью у церковнослужителей, потому что в связи с особенностью их положения им проще было поставить под сомнение сам факт служения в церкви и принадлежности к «служителям религиозного культа».

Всего восстановления в избирательных правах удалось добиться примерно четверти (24,3%) от общего числа заявителей. Лучше складывалась ситуация

для городских церковнослужителей: в частности все, кто отказался от церковной службы, добились восстановления в правах. В сельской местности положительного решения добиться оказалось сложнее. Данная ситуация объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в сельской местности сложно было найти работу для получения пятилетнего трудового стажа. Во-вторых, сельских церковнослужителей часто могли лишать избирательных прав сразу по нескольким пунктам, в том числе таким, как «эксплуатация наемного труда», «эксплуатация сельскохозяйственных машин». Кроме того, начиная с 1930 г. часть из них оказалась уже высланными, и в случае восстановления в гражданских правах им полагалось вернуть конфискованное имущество, что органы власти стремились не допускать.

Всего различного вида репрессиям, в том числе высылке с конфискацией, подверглись 26,3% церковнослужителей. В годы Большого террора четверо псаломщиков были расстреляны. Еще одного регента хора рас-

стреляли в 1930 г., а за год до этого его восстановили в избирательных правах [9. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 705. Л. 1–2]. Данный случай ярко демонстрирует тот факт, что восстановление в избирательных правах не являлось гарантией безопасности от дальнейших репрессий.

Таким образом, церковнослужители-«лишенцы», не входя в духовное сословие, разделили все тяготы, связанные с дискриминациями, а в дальнейшем подвергались репрессиям наравне со священнослужителями. Внося в списки «лишенцев» как «служителей религиозного культа» хористов, просфирен, церковных старост, мирян, власть тем самым давала понять, что любая связь с церковью, имевшая место даже в прошлом, наказуема. Получив однажды клеймо «служителя религиозного культа», в дальнейшем крайне сложно было от него избавиться. Лишая избирательных прав церковнослужителей, власть данной мерой усиливала блокирование деятельности церкви, лишала последнюю социальной опоры и поддержки традиционных групп социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саламатова М.С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 3–37.
2. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. 392 с.
3. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.
4. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997. С. 119–129.
5. Мавлютова З.Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2009. Вып. 33, № 23 (161). С. 52–57.
6. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // Государственный архив г. Севастополя. URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 17.04.2010).
7. СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III. Ст. 19.
8. СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II. Ст. 15. п. «м».
9. Государственный архив Новосибирской области.
10. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. 256 с.
11. СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «о».
12. Леонов Д.Е. Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса // Вестник Тверского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 157–167.
13. Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки. Кемерово, 2007. 319 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 октября 2015 г.

DISFRANCHISEMENT AND RESTORATION OF VOTING RIGHTS OF ORTHODOX CLERGYMEN IN WESTERN SIBERIA IN THE MID-1920S – MID-1930S

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 82–86. DOI: 10.17223/15617793/403/14

Moskalenskaya Daria N. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: darosk@mail.ru

Keywords: clergymen; church; “lishentsy”; psalmists; disfranchisement; discrimination; repressions.

Disfranchisement existing in Soviet Russia from 1918 to 1936 created an artificial marginal group that included ministers of the church. Instructions on elections to the Soviets issued throughout the 1920s differently interpreted the term “servants of a religious cult”. At the end of 1920s, this category included not only priests, but also psalmists, singers and even the operating personnel of the church. The aim of the article is to identify the specific situation of this group of disenfranchised persons, as well as to consider problems associated with the restoration of the clergy in the voting rights. The work is based on the materials of private cases stored in Novosibirsk, Tomsk and Barnaul archives. Demographic and socio-cultural characteristics of the studied groups were analyzed using a created electronic database. We concluded that literate older men predominated among clergymen. They were peasant by birth, and service in the church was not their primary and permanent occupation. Arguments and tactics used by disenfranchised clergymen in the fight for restoration are considered by using their applications to election committees of different levels. One popular tactic is the denial of belonging to the “servants of a religious cult”. Acolytes called themselves “amateurs of singing” and denied receiving monetary compensation. Formally, a five-year working experience and loyalty to the Soviet power were necessary to restore the voting rights. About a quarter of the clergymen managed to achieve positive decisions of election committees. Petitions of urban clergy were more successful, while in rural areas the situation was more complex. First, it was difficult to find a job for a five-year seniority in the countryside. Second, rural clergy were often deprived of electoral rights for several reasons, such as “exploitation of wage labor” and “exploitation of farm machinery”. In addition, part of them were already exiled in the beginning of the 1930s, and in the case of restoration of civil rights they were supposed to have their confiscated property back, which the authorities sought to avoid. Thus, clergymen were discriminated after disfranchisement on a par with priests. Disfranchisement of clergymen and priests was one

of the measures of the authorities against the Orthodox Church. This measure suppressed the activity of the Church, deprived it of social support and the devotion of the traditional groups of society.

REFERENCES

1. Salamatova, M.S. (2007) "Lishentsy" ["Disenfranchised"]. In: Krasil'nikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginals in the society. Marginals as a society. Siberia (1920–1930-ies)]. Novosibirsk: Sova.
2. Krasil'nikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni i shepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots and wood chips. A peasant family in special settlements in Western Siberia (1930s – early 1950s)]. Novosibirsk: Sova.
3. Valuev, D.V. (2012) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [The disenfranchised in the system of social relations (1918–1936) (On materials of Smolensk Oblast and the Western Region)]. Smolensk: Madzhenta.
4. Rusina, Yu.A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religiozным kul'tom na Urale v 1920–1930-e gody [The disenfranchised for liaison with a religious cult in the Urals in the 1920–1930-ies]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)* [History of repression in the Urals: ideology, policy, practice (1917–1980s)]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Pedagogical Institute.
5. Mavlyutova, Z.Sh. (2009) "To deprive priests of suffrages . . ." *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya.* 33:23 (161). pp. 52–57. (In Russian).
6. Davydova, N.A. (2006) Otnoshenie organov Sovetskoj vlasti k sluzhiteleyam religioznykh kul'tov v Sevastopole v 1920–1930 gody [The attitude of Soviet authorities to ministers of religious cults in Sevastopol in the 1920s–1930s]. State Archive in Sevastopol. [Online]. Available from: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml>. (Accessed: 17 April 2010).
7. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1925). 79. Art. 603. Ch. III. P. 19.
8. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1926) 75. Art. 577. Ch. II. P. 15. p. "m".
9. State Archive of Novosibirsk Oblast. (In Russian).
10. Tikhonov, V.I., Tyazhel'nikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of voting rights in Moscow in the 1920s–1930s]. Moscow: Mosgorarkhiv.
11. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*. (1930) 54. Art. 654. Ch. II, P. 16. p. "o".
12. Leonov, D.E. (2015) The psalmist of the Russian Orthodox Church in early twentieth century: the features of the legal status. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Herald of Tver State University. Series: History.* 1. pp. 157–167. (In Russian).
13. Ust'yantseva, O.N. et al. (2007) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' yuga Zapadnoy Sibiri (XIX–XX vv.): istoricheskie ocherki* [The Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (the 19th–20th centuries): historical essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Received: 05 October 2015

«РИТУАЛЬНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ» В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 №14 В25.31.0009.

Обобщаются и анализируются материалы по Сибирскому региону относительно различных категорий шаманов и иных функционально близких к ним ритуальных деятелей с использованием терминологии, употребляемой (или употреблявшейся) носителями шаманского мировоззрения. В соответствии с проведенным анализом утверждается, что древнейшие представления позволяют говорить не о ритуальных деятелях как о собственно шаманах, а о системе мировоззрения как шаманской. Предполагается, что в условиях складывания мировоззренческой системы, основанной на осознании разделения культурного и природного пространств, на выделении «сакрального» и «профанного» миров, возникают и постепенно отделяются друг от друга несколько категорий ритуальных деятелей, которые представляют отдельные линии или направления дальнейшего культурно-исторического развития.

Ключевые слова: шаман; «шаманствующие лица»; мантика; ясновидение; колдовство (магия); сказительство.

Одна из важнейших функций исторического исследования – увидеть за разнообразием и кажущейся разнородностью эмпирического материала определенную логику культурного развития, позволяющую осмыслить исторический процесс как закономерный. Однако использование исторического метода (с попыткой реконструкции развития народов, не имеющих «письменной истории») в социальной антропологии имеет как своих сторонников, так и противников. С критикой исторического метода выступал А.Р. Рэдклифф-Браун, рассматривавший его как интерпретацию конкретного института или комплекса институтов через прослеживание этапов его развития и выявление по мере возможности конкретных причин или событий, вызвавших каждое из произошедших с ним изменений [1. С. 604]. Э. Эванс-Притчарду принадлежит идея синтеза социальной антропологии и истории. В рассуждениях о взаимоотношениях между этими научными дисциплинами он формулирует вопрос: помогает ли знание о происхождении той или иной социальной системы объяснить ее современное состояние? Сам Эванс-Притчард отвечает на этот вопрос следующим образом: «Мне кажется, что игнорирование вопроса об историческом развитии институтов мешает антропологам-функционалистам не только исследовать явления в диахронном разрезе, но и тестировать их собственные теоретические конструкции, которым они придают такое большое значение» [2. С. 265].

Сложности диахронного анализа в полной мере коснулись такого культурного феномена, как шаманизм. Эволюционная парадигма, рассматривающая шаманизм как определенную историческую стадию и социально-религиозную систему, по меткому замечанию В.И. Тишкова, до сих пор доминирует в отечественном шамановедении [3. С. 13–14]. Однако на сегодняшний день она уже не является единственной в осмыслении традиционных культур народов Сибири. С точки зрения диахронного анализа очень перспективной может быть идея О. Хюльткранца, предлагающего рассматривать шаманизм как религиозную конфигурацию, т.е. полунезависимый сегмент этнической религии, в котором все верования, обряды и эпи-

ческие традиции соответствуют друг другу и составляют интегрированное поле [4. С. 30]. Такой взгляд на проблему шаманизма позволяет объяснить сосуществование шаманских и нешаманских верований, а также вариативность проявлений шаманизма в различных культурных традициях.

Ученым-шамановедам хорошо известно, что в традиционных обществах народов Сибири сформировалось и действовало достаточно большое количество так называемых шаманствующих лиц, чья деятельность укладывается в рамки шаманской идеологии и подпитывается ею. Накоплено большое количество этнографических материалов и исследовательских работ по этой проблеме [5–10 и др.]. Предпринимались попытки с помощью терминологической дифференциации понятий (шаманизм, шаманство, бытовое шаманство) отделить систему шаманского мировоззрения от культовой деятельности определенного лица [11. С. 5; 12. С. 183–184]. Е.В. Ревуненкова считает, что решить проблему соотношения шамана и других сакральных лиц, причастных к его деятельности, это в значительной мере ответить на вопрос, как шло формирование шаманства: за счет постепенного распада и дифференциации функций, первоначально сосредоточенных в руках одного универсального специалиста, или за счет присвоения шаманских функций другими сакральными лицами, первоначально не имевшими отношения к шаманизму. Исследовательница приходит к выводу, что этот процесс может идти обоими путями [13. С. 158]. Проблема осложняется тем, что существующие наименования различных сакральных лиц не всегда точно отражают их функциональные особенности. Лицо, которое не считается шаманом, может быть носителем его свойств. То, что у одних народов связано с деятельностью только шамана, у других может оказаться рассредоточенным среди разных лиц [Там же].

Термины, употребляемые для обозначения шаманов и «шаманствующих лиц», могут не в полной мере отражать реальную картину соотношения различных ритуальных деятелей, поскольку язык гораздо менее гибок, чем живая реальность. Однако они могут быть полезны для диахронного анализа, выявляющего ло-

гику развития того или иного института. В рамках данной статьи предполагается обобщить материалы по Сибирскому региону относительно различных категорий шаманов и иных функционально близких к ним ритуальных деятелей с использованием терминологии, употребляемой (или употреблявшейся) носителями шаманского мировоззрения. Материалы относительно категорий ритуальных деятелей у разных народов представлены очень неравномерно. Поэтому надеемся, что их комплексный анализ сможет восполнить имеющиеся пробелы и выявить определенные закономерности. Учитывая сложность рассматриваемой проблематики, речь должна идти не об окончательных выводах, а скорее о выявлении новых исследовательских возможностей. Предполагается, что проведенное исследование позволит дополнить характеристику шаманов и «шаманствующих лиц», выявить функциональную связь между ними, а также наметить новые исследовательские перспективы для дальнейшего рассмотрения шаманизма в диахронной перспективе.

При анализе названий шаманов у различных народов Сибири мы можем выделить термины, употребляемые для обобщенного их обозначения и являющиеся общими для родственных групп народов. Так, во всех тунгусо-манчжурских языках мужчины- и женщины-шаманы имеют наименование – *сама* (*саман*). Кроме того, оно известно некоторым тюрко-монгольским народам: даурам (*самаи*), монголам (*самади*), уйгурам (*саматы*) [10. С. 56]. В хакасском языке слово *самаан* употребляется со значением ‘беснующийся’, ‘неугомонный’, ‘посылающий проклятия’ [14. С. 5]. Корень ‘*са*’ означает ‘знать’, ‘думать’, ‘понимать’ у всех народов тунгусо-манчжурской группы. *Сан*, *сана* в значении ‘думать’ есть также в монгольском и древнетюркском языках [10. С. 56].

В тунгусо-манчжурских языках есть другое слово для обозначения шамана – *яян*. Г.М. Василевич считает его производным от *яя* – песня-просьба о благополучии, обращенная к огню [15. С. 244]. У нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев также применялся термин *яя* в значении ‘шаманить, петь во время камлания’ [10. С. 56]. По преданиям сымских эвенков шаманы прежде камлали у больших костров, отсюда – *ядрапка* – ‘обращение к пламени’ и *янды* – ‘камлать у костра’ [15. С. 244].

Обобщенное название шаманов у самодийских народов – *тадебя* (*тадибей*, *тадибе*, *тэтыты* и т.д.). В ненецком языке есть глагол *тадарась*, который означает ‘сойти с ума’, ‘помешаться’, ‘стать помешанным’ [11. С. 16]. Термины *тодеб*, *точеб*, *тадыб* в значении ‘шаман’ были известны хантам [16. С. 643]. В целом у хантов и манси нет единой терминологии относительно лиц, которые выступали в качестве ритуальных деятелей в системе шаманских представлений. Возможно, что в качестве самого древнего названия шаманов у манси можно выделить *няйт*, которое, согласно К.Ф. Карьялайнену, соответствует финскому *noita* – ‘ворожей’ [17. С. 16].

Большой интерес представляет терминология, связанная с обобщенными названиями шаманов у тюрко-

монгольских народов. У тюркоязычных саяно-алтайских народов употребляется слово *кам* (*хам*). Древнетюркское происхождение этого термина доказано лингвистами. Вместе с тем существует достаточно интересная версия, согласно которой тунгусо-манчжурское *сам* (*шам*) представляет собой фонетический эквивалент тюркскому *кам* [18. С. 118]. В таком случае тюркское *кам*, как и тунгусо-манчжурское *саман* (*шаман*), можно связать со словами ‘понимать’, ‘знать’, ‘думать’. У якутов, долган, а также у бурят применяются разные термины для шаманов и шаманок. У якутов и долган шаман – *оһун*, шаманка – *удаган* (*утган*). У бурят шаман – *бө*, шаманка – *удаган*. Слово *оһун* можно перевести с якутского как ‘прыгун’ от глагольной основы ‘*ой*’ – ‘прыгать’, ‘скакать’ [7. С. 253]. Это же слово у других тюркских народов можно встретить в значениях: 1) игра, шутка, 2) обман, 3) искусство, хитрость, фокус [19. С. 118]. *Удаган*, по всей видимости, происходит от древнетюркского ‘*ут*’ (*от*) – ‘огонь’ и суффикса ‘*ган*’, употребляемого для обозначения имен женского рода [20. С. 89]. Слово *ут* исчезло из монгольских языков, но сохранялось, например, в молитвах, обращенных к огню: «Матерь Ут, царица огня, сотворенная из дерева ильма, растущего на вершинах (гор)... Ты, которая зародилась при отделении неба от земли...» [21. С. 75]. Происхождение бурят-монгольского термина *бө* до конца не выяснено. Возможно, что оно происходит от древнетюркского *bögi* в значении ‘мудрый’, ‘мудрец’ (иногда его переводят как ‘шаман’) или от китайского *ву* (*у*) – ‘гадатель, священнослужитель’, ‘кудесник’ [20. С. 198].

Особняком, т.е. вне связи с другими сибирскими народами, находятся названия шаманов у кетов, нгансан и чукчей. У кетов в качестве общих названий можно выделить *сениц* – шаман и *сеним* – шаманка [22. С. 23]. Е.А. Алексеенко добавляет еще один термин, обозначавший шамана у кетов, *куттын* (*хуттын*), *кутн* [23. С. 92]. Чукчи называли своих шаманов «имеющими духов» – *еҕеҕьит* (от *еҕеҕ* – шаманский дух) [24. С. 106]. У нгансан, в отличие от других самодийских народов, было свое наименование шамана – *но ~ нь ~ нь ~ на*’ [25. С. 128], которое, по всей видимости, отражало тесную связь нгансанского шамана с миром нго (нгуо). Отличие от других самодийских народов в шаманской терминологии связано с исторически сложившейся изолированностью кочевых оленных групп нгансан и с сохранением древней системы верований [9. С. 69].

Рассмотрение обобщенных обозначений шаманов у различных народов Сибири позволяет сделать некоторые предположения. В тюрко-монгольских и тунгусо-манчжурских языках сохранились, возможно, древнейшие, упоминания о шаманах как ритуальных деятелях, тесно связанных с огнем и его почитанием. Об этом говорят тунгусо-манчжурское *яян* и тюрко-монгольское *удаган*. Достаточно распространенными являются представления о шамане как о прыгающем, беснующемся, неугомонном, помешанном, сошедшем с ума. Здесь актуализируются личностные (психологические) особенности шамана и особенности его по-

ведения. Эти представления зафиксированы в тунгусо-манчжурском *тадебя*, хакасском *самаан* и якутском *ойун*. В чукотском и нганасанском языках главную роль в определении шаманов играет их связь с миром духов и наличие духов-помощников. Мансийское *няйт* и бурят-монгольское *бё* сближают шамана с другими религиозными деятелями и делают акцент на гадательных и колдовских способностях шаманов. И, наконец, тунгусо-манчжурское *саман*, тюркское *кам* и, возможно, древнетюркское *бёги* представляют шамана как человека, понимающего, думающего, мудрого, т.е. обладающего особым знанием.

Термины, обозначающие шаманское действие, – камлание, а также глаголы ‘камлать’, ‘шаманить’ по большей части являются производными от слова ‘шаман’ или наоборот. Для тунгусо-манчжурских, а также для некоторых монгольских и тюркских языков шаманить обозначается как *самалды* [15. С. 244]. У саяно-алтайских народов ‘шаманить’ – *камна* [18. С. 127]. При употреблении тунгусо-манчжурского *яя* в значении ‘шаманить’ появляются определенные и немаловажные нюансы. Так, по сведениям А.В. Смольяк, нанайцы и ульчи делают различия в употреблении терминов, характеризующих шаманские действия. *Яя* означает ‘камлать сидя и петь при этом’, *мэу* – ‘камлать стоя и танцуя’ [10. С. 57]. Термин *мэу* отсутствует в эвенкийском, эвенском, маньчжурском языках, но у восточносахалинских нивхов *мыудь*, *муд* означает ‘плясать, вихляя бедрами, кружиться’ [Там же]. Кроме того, у некоторых групп нанайцев и у ульчей отмечен еще один термин со значением ‘шаманить’ – *эен*, который восходит к древнеэвенкийскому ‘*гэйэ*’, ‘*гэйэн*’ – ‘звон от удара по металлу’, ‘звучать’, что ассоциируется с производимыми шаманом звуками при ударе по металлу [Там же]. Нанайцы употребляли этот термин в значении ‘шаманить, чтобы определить причину болезни’ [10. С. 182]. Возможно, в прошлом ритуально и терминологически четко разделялись различные варианты шаманских действий, имевшие разные функции, значение и последствия.

В.И. Анучин усматривал в кетском выражении *сениң дужот* – ‘шаман шаманить’ – некоторый намек на пение. Понятие *дужот* в прошедшем совершенном будет как ‘*дільот*’, песня – ‘*ил*’, а повелительное наклонение ‘*илхот*’ означает ‘пой’ [22. С. 23]. В лексиконе древних тюрков существовали такие слова, как *irla* – ‘петь’, ‘напевать’ и *irqla* – ‘гадать’, ‘предсказывать судьбу’, ‘пророчествовать’. В основе этих слов лежит корень ‘*ir*’ – ‘песня’ [26. С. 220]. У восточных хантов корень ‘*ir*’ составляет основу слов с ярко выраженной обрядово-мифологической окраской: *irγät* – былина, культовая песня, *iräyttä* – сглазить, *äräyttä* – исполнитель былин, предсказатель, врачеватель [27. С. 22]. У тунгусо-манчжурских народов кроме вышеназванных существовали еще два термина для обозначения шаманского камлания: *сэвэнчэ* и *нимңан*. Последний термин интересен тем, что имел два значения: ‘сказание’ и ‘камлание’ [15. С. 244]. По-нанайски *нингмачи* – ‘проводить поминки с шаманом’, у подкаменнотунгусских эвенков *нимнгатат* –

1) ‘рассказывать’, 2) ‘шаманить’ [10. С. 52–53]. Кроме того, корень *нингма* связан с глаголами, обозначающими ‘закрывать, зажмуривать глаза’ [28. С. 15].

У долган словом *кыыры* называлось сложное шаманское действие, которое совершалось в самых важных случаях и могло длиться несколько дней и ночей. Происходит оно от глагола *кыыр* – ‘скакать’, ‘делать беспорядочные движения’, ‘стучать чем-либо’ и фактически по смыслу аналогично глагольной основе ‘*ой*’ [7. С. 256]. У селькупов для обозначения шаманских действий использовались два основных слова: *қамытырқо* и *сумпықо*. *Сумпықо* характеризует действия шамана *сымпытыль қуп* (букв. поющий человек), камлающего в светлом чуме, *қамытырқо* – шамана *қамытырыль қуп* (ср. с тюркским ‘кам’), камлающего в темном чуме [29. С. 49; 30. С. 161–162, 268]. У чукчей существовал термин *аңытыркын*, обозначающий шаманский экстаз, который буквально можно перевести как ‘он погружается’ [24. С. 123]. У якутов существовало представление, что место, где сидит шаман во время камлания ‘*джелёрюэн хаалар*’ (проваливается) и шаман погружается, смотря по своей силе, или по верхнюю часть таза (слабый), или по подмышки (средний), или по шею (сильный) [31. С. 162]. У нганасан *һотодаты* – ‘шаманить’ буквально переводится как ‘обращаться, идти к нго’ [9. С. 79]. В одном диоромы (рассказ у нганасан) говорится о шамане, который, начав камлание, прыгает и при этом постепенно уходит под землю сначала по колени, потом по пояс, по плечи и, наконец, исчезает под землей [32. С. 201].

Анализ терминов, обозначающих шаманские действия, позволяет дифференцировать различные виды камланий в зависимости от поведения шамана. Возможно, одним из важнейших и древнейших вариантов является камлание, основу которого составляет пение, что еще раз доказывает функциональное объединение в прошлом сказителя, певца и шамана в одном лице. В основе другого варианта шаманских действий находится активное движение, выражающееся в танцах и прыжках и сопровождающееся различными звуковыми эффектами, благодаря чему происходит переход в иную реальность. Лексические данные позволяют говорить о том, что он воспринимался как реальный переход, древнейшей формой которого, возможно, является погружение шамана под землю. И наконец, терминологическое разделение шаманских действий, происходивших в светлом и темном чумах, отмеченное у селькупов, в определенном смысле коррелирует с тунгусо-манчжурской шаманской лексикой.

В большинстве шаманистических культур народов Сибири мы можем выделить более или менее разработанную классификацию шаманов. При этом надо иметь в виду, что далеко не всегда можно четко отделить собственно шаманов от других категорий «специалистов», которых принято называть «шаманствующими лицами». Очень часто это невозможно сделать как терминологически, так и функционально. Однако само наличие классификаций свидетельствует о процессе развития шаманизма и профессиональной дифференциации в шаманской среде.

Наиболее распространенным является разделение шаманов в соответствии с их «шаманской силой». По данному критерию у нанайцев и ульчей можно выделить три основные категории. Самые слабые шаманы – *мэти-сама* (ульч. хойракачи). Они лечили только себя ('*мэти*' – 'себя' или 'себя лечащие') и имели слабых духов-помощников. Обычно такие шаманы не проходили обряд посвящения и шаманили при помощи палочки, которой они отбивали ритм во время шаманского пения, ударяя ею по полу или по топору. К этим лицам применяли термин *хаундараву* (ульч.) – 'шаманить без бубна, петь'. Как правило, они не становились средними шаманами [10. С. 51–52]. Средние, «лечащие», шаманы у нанайцев назывались *таочини-сама* или *сиуринку-сама* (у ульчей – *сулмэ* или *сиулмэ-сама*). *Таочи, таоча* в переводе с нанайского имеет два значения: 1) поддерживать огонь, 2) исправлять, чинить [Там же. С. 52]. Первое значение вновь обращает нас к древнейшей функции шамана, связанной с камланием у костра и его поддержанием. А.В. Смоляк предлагает рассматривать его в значении поддержания жизни, что хорошо укладывается в функциональные обязанности шамана. Во втором варианте перевода шаман выступает в роли лечащего, исправляющего неисправности в организме [Там же]. *Сиуринку* переводится нанайцами так же – 'лечащий'. Представители категории «лечащих» шаманов проходили обряд посвящения, имели сильных духов-помощников, а также костюм и различные шаманские атрибуты. Высшая категория нанайских и ульчских шаманов – *касаты-шаман*. Представители данной категории могли возить души умерших в загробный мир во время грандиозного обряда – больших поминок *каса*. Женщин-шаманок подобной категории не было. Только у шаманов этого ранга были дух-помощник птица *коори*, на которой шаман возвращался из загробного мира, собаки-духи и специальные нарты для перевозки душ умерших [Там же. С. 53]. Среди особого снаряжения касаты-шамана можно выделить также специальный посох *боло* с изображением духа-помощника, указывающего путь в *бун*, особую шапку с металлическим каркасом и рукавицы [Там же. С. 227, 230, 244]. Все свои атрибуты шаманы высшего ранга получали от предков, поэтому простому шаману перейти в разряд касаты было невозможно, если у него не было нужной родословной [Там же. С. 53].

Вне вышеописанной классификации находятся нанайские шаманы, получившие свой дар не по наследству. Их называли *адацза-сама*, что приблизительно означает 'сделанный из кусков', 'наставленный' [Там же. С. 52]. Возможно, здесь есть некоторое указание на ущербное, неполноценное, (или вообще отсутствовавшее) пересотворение в результате шаманской инициации. *Адацза-сама* были слабыми, обычно шаманили для себя и не давали потомков-шаманов, хотя и имели духа-помощника [Там же. С. 52]. Еще одна своеобразная категория нанайских шаманов *хэргэнты-сама* (или *нингманди-сама*), которые проводили обряд поминок, совершаемый на седьмой день после смерти. Они должны были отыс-

кать, оживить и вылечить душу умершего и после этого вдунуть ее в маленькую деревянную антропоморфную фигурку, где душа умершего находилась вплоть до обряда *каса*. Оживление души умершего проводилось с помощью *бун* *гаса* (птиц загробного мира) и камешков *тавугда*, которые шаман *хэргэнты* выделял изо рта. Обычные шаманы сделать этого не могли [10. С. 52–53]. Поэтому *хэргэнты-сама* функционально наиболее близки к касаты-шаманам и вместе с ними являются специалистами обрядов поминального цикла. Важной особенностью разделения нанайских и ульчских шаманов на категории являлась фактическая невозможность перехода в более высокий ранг. Шаманское призвание изначально определяло силу и возможности шамана.

В.И. Анучиным было отмечено, что ранжирование кетских шаманов давало возможность продвижения по иерархической лестнице. Человек, ощутивший шаманское призвание и подчинившийся зову духов, получал название *дадй* – 'блаженный, одержимый'. В данном статусе можно было находиться от одного месяца до двух лет [22. С. 24]. В этот период необходимо было найти свою шаманскую дорогу, иначе призванному к шаманству ждала смерть или безумие. Это – время шаманского становления, испытания духами. Е.А. Алексеенко определяет его как шаманскую болезнь – *дарувет* (быть *дарй*), имеющую признаки психического расстройства [23. С. 101]. Найдя свою дорогу и став «хозяином духов», новоиспеченный шаман получал колотушку для бубна, а вместе с ней новое звание *хынысениц* – малый шаман. В этом статусе оставались не долго, не более года, затем, получив новую колотушку, повязку на голову и нагрудник малый шаман становился действительным шаманом *сениц* [22. С. 24]. Далее по настоянию духов шаман постепенно приобретал остальные шаманские атрибуты, которые являлись показателями его возрастающей шаманской силы. Весь цикл становления и обретения полного комплекта состоял из семи этапов и занимал двадцать один год. Постепенное добавление тех или иных частей и их обновление осуществлялись раз в три года [23. С. 104]. Однако далеко не все шаманы могли достигнуть вершины шаманского искусства и стать *касениц'ом* – великим шаманом. В.И. Анучин отмечал, что великий шаман – это большая редкость среди кетов, это всегда престарелые старики, и их характерным отличием является обладание двумя бубнами [22. С. 24–25]. По сведениям Е.А. Алексеенко, на 21-й год практики, т.е. на вершине становления, шаман получал 7-й бубен и впервые – посох [Там же. С. 105].

Среди кетских шаманов была отмечена и иная классификация. Самыми распространенными были шаманы *қадукс'* – олень, все облачение которых символизировало оленя. Кроме этого, можно говорить еще о четырех категориях: *кој* (медведь), *кандэл'ок* (мифическое медведеподобное существо), *дах* (мифическая птица) и *дун'д* (стрекоза) [23. С. 120]. Образы *қадукс'*, *кандэл'ок*, *дах* и *дун'д* связаны с верхним миром и образуют некоторую иерархию, в которой низшую ступень занимает *қадукс'*, вторую – *кандэл'ок* и *дах*, высшую – *дун'д*. Шаманы категории *кој*

имели духа-покровителя *којес'* – медвежьего бога, жившего на земле. Шаман-медведь считался сильным в промысловой сфере и в лечении [23. С. 120]. Шаманы *кандэл'ок* встречались редко, считались сильными, их главной функцией было лечение тяжелобольных, кроме того, им приписывалась способность влиять на погоду [Там же. С. 121]. Сведений о шаманах *дах* очень мало. Известно, что они имели тот же набор облачения и атрибутов, что и *кадукс'*, однако они символизировали собой птицу И, наконец, самыми значимыми были шаманы дун'д. Местом их обитания был недоступный другим шаманам пятый круг верхнего мира. Функции их находились за пределами обычной шаманской практики, возможно, они почитались только за способность общаться с Томам, которая считалась их матерью и одновременно занимала верховное положение в кетском пантеоне [Там же. С. 122]. Иногда один и тот же шаман мог совмещать в себе два или три образа [Там же. С. 123].

Эвенкийские шаманы делились на *хэрчиник тэкэчи* – происходящие из нижнего мира, и *угиник тэкэчи* – происходящие из верхнего мира. При этом первые имели облачение из медвежьей шкуры, а вторые – из шкуры лося или дикого оленя [15. С. 238]. Классификация шаманов в соответствии со сферами мироздания была характерна для ненцев. Сила шамана находилась в прямой зависимости от сферы его деятельности. Наиболее сильными считались шаманы категории *выдутана*. Выдутана имел дело с духами верхнего мира, поэтому другим его названием было *нув'няңы* – 'относящийся к небу', 'связанный с небом'. Они могли лечить тяжелобольных, предсказывать будущее, творить чудеса, а также осуществляли осенние и весенние камлания, связанные с началом и завершением оленеводческого и промыслового циклов [11. С. 14]. Шаманы второй категории *яняңы тадебя* (к земле относящийся шаман) могли лечить больных, разыскивать пропавший скот и помогать при затяжных родах. Они общались с духами земли и, по некоторым данным, камлали только ночью при свете костра. Шаманы третьей категории *самбана* общались с духами подземного мира, указывали место, где хоронить покойника, а также ведали проводами души умершего в загробный мир [Там же. С. 15]. Е.Д. Прокофьева дает несколько отличную от вышеприведенной классификацию. Она выделяет шаманов, общавшихся с небесными и подземными духами, и *самбана*, провожавших души умерших. При этом отмечается, что шаманы *самбана* не имели специального костюма. Такая же система представлений существовала у энцев и, возможно, у нганасан [29. С. 12–13].

У нганасан отмечено увеличение шаманской силы в процессе становления шамана и соответствующее изменение его статуса среди соплеменников. Так, пройдя посвящение сном, или будучи отмеченным одним из нго, или победив своего *дямада*, человек уже считается маленьким шаманчиком – *алыгаку надянку*. Через полгода-год у начинающего шамана (*надептате*) появляется *туоптуси* (подпевала, переводчик, зачинщик). Затем будущий шаман последова-

тельно получает головной убор, перчатки, нагрудник, обувь, бубен с колотушкой и, наконец, верхнюю одежду – кафтан или парку [9. С. 76–78]. По мере возмужания шамана меняется его место камлания в чуме. Сначала он шаманит на левой половине чума, по мере увеличения шаманской силы передвигается все ближе к месту *сыноние* (за очагом против двери на северной стороне). Только надев полный костюм, он имеет право сесть на это место [Там же. С. 78].

Относительно селькупов речь уже шла о шаманах категорий *сымпытыль куп* и *камытырыль куп*. К вышесказанному можно добавить, что *камытырыль куп* камлали в темном чуме без бубна, при этом они садились на медвежью шкуру, что означало их связь с духами нижнего мира. Шаманы этой категории не имели полного костюма, а лишь головной убор, фартук-нагрудник, колотушку, иногда бубен. Но этими предметами они никогда не пользовались во время камлания [30. С. 162]. Шаманы *сымпытыль куп*, камлавшие в светлом чуме, имели специальное облачение, камлали с бубном и колотушкой как в верхний, так и в нижний миры [Там же. С. 269]. Селькупских шаманов называли еще одним термином *күтәйттылыль куп* – грезящий, видящий необычное человек [29. С. 49]. Слово происходит от селькупского *күтапта* – 'сновидение, сон'. А толкованием снов и селькупов обычно занимались шаманы [30. С. 180–181].

Сложная система ранжирования шаманов была отмечена А.А. Поповым у долган. Ее особенностью является достаточно большое количество лиц, имеющих статус слабых шаманов. К числу таких шаманов относились *аку ойун* – бесполезный, «зря распевающий» шаман, и *мэнэрик ойун* – «безумно распевающий» шаман. Последний хотя и получал бубен, но имел слабосильных духов-помощников и поэтому приносил мало пользы. *Моулин ойун* – шаман, который получал свой дар от Ылгын айбы – Младшего айбы, считался доброжелательным, но тоже слабосильным. Он имел бубен и костюм, но не мог подниматься выше третьего неба. *Уостуган ойун* – шаман, имеющий удила, был сильнее первых трех, но тоже слабым, мог подниматься до четвертого или шестого неба, а также совершал путешествия в нижний мир. Болезни, после лечения уостуган ойуна, снова возвращались к людям. *Ылгын ойун* – младший шаман – мог излечивать только мелкие болезни, имел бубен, костюм и другие атрибуты и «вынянчивался» при жизни до семи раз. *Орто ойун* – средний шаман мог излечивать средние болезни, хотя «вынянчивался» при жизни тоже до семи раз. *Атыыр ойун* – великий шаман, или *улакан ойун* – большой шаман, или *һир тюннюге ойун* – 'окно земли шаман' не только излечивал все болезни, но после последнего девятого «вынянчивания» якобы мог воскрешать умерших [7. С. 254].

Несмотря на наличие большого количества общих черт в долганском и якутском шаманизме, у якутов не было отмечено такой разработанной классификации шаманов. При ранжировании шаманов якуты употребляли выражение '*биш мутук урдук ойун*' – 'шаман выше другого шамана на один сук' [33. С. 19]. Известно, что души якутских шаманов воспитывались

в ветвях или дуплах особого шаманского дерева и сила их зависела от того, где проходило воспитание: у сильных – на верхушке дерева, у средних – на середине, а у малых шаманов – у нижних ветвей [34. С. 55]. Якуты также различали шаманов, воспитывавшихся у духов верхнего, нижнего и среднего миров. Известно было и деление шаманов на добрых (*аҕы оҕуна* – шаман добрых божеств) и злых (*абасы оҕуна* – шаман злых духов, *сiймэх оҕуна* – поедающий, умерщвляющий шаман) [35. С. 283]. По фольклорным материалам можно установить наличие в прошлом белых и черных шаманок: *айыы удаган* и *сиэмэх удаган* [31. С. 141].

Среди тюркских народов, кроме долган и якутов, интересна классификация хакасских шаманов. Низшую и самую многочисленную часть шаманов представляли *чаланчики* (от *чаланча* – отправляться пешком). Они не имели шаманского костюма и бубна, не проходили посвящения, но обладали небольшим отрядом духов и занимались лечением людей при помощи обмахивания. В качестве ритуального инструмента они могли использовать черный платок, черную мужскую одежду или ветвь березы с лентами «чалама». К категории небольших, средних шаманов относились *пулгосы*, которые имели один бубен и простой шаманский наряд, занимались в основном лечебной практикой. *Пудгуры* считались великими камами, имели одновременно до 9 бубнов, особый костюм и огромную армию духов. *Пудгуры* лечили от бесплодия женщин, занимались предотвращением эпидемий скота, сопровождали души умерших в царство мертвых, руководили горными жертвоприношениями. *Пудгуры* и *пулгосы* назывались общим именем ‘*аттыг хамнар*’, т.е. ‘шаманы, имеющие бубны’ (букв. конные) [14. С. 15].

Относительно алтайского шаманизма нет достаточных данных, позволяющих говорить о существующей или существовавшей в прошлом классификации. А.В. Анохин делил алтайских шаманов на имеющих маньяк (шаманский кафтан) и тех, кто совершал служение без маньяков. Все алтайские шаманы и шаманки в первые годы совершают служение без маньяков. Шаманы, не совершающие камланий Эрлику, называются *ак кам* (белые шаманы) и не имеют маньяков (*манҕаҕы jok кам*). Шаманы, совершающие служение всем тёсям, имеют маньяки (*манҕакту jok кам*) и называются *кара кам* (черный шаман) [36. С. 33]. Согласно Е.Д. Прокофьевой, белые шаманы камлали в белом холщевом халате, украшенном нашивками и тремя лентами [37. С. 60]. Л.П. Потапов выделил термин *jelviči*, который был одним из наименований шамана в древнетюркское время, и предположил, что в названиях *кам* и *jelviči* могло быть отражено различие по линии ритуальной специализации шаманов в почитании божеств и духов небесного и подземного миров. Однако это осталось лишь предположением [18. С. 232–233]. Вместе с тем он отмечал, что каждый из шаманов, камлавших во всех зонах Вселенной, имел четырех персонифицированных духов-покровителей и помощников, три из которых относились к верхнему, среднему и нижнему миру, а четвертым был дух-предок умершего шамана [Там же. С. 146–147].

Шаманская традиция хантов и манси отличается своеобразием и, в частности, наличием большого количества лиц, выполнявших различные ритуальные функции в обществе. При этом очень сложно выделить тех лиц, которых действительно можно считать шаманами, и тех, кто только частично приобщен к шаманским таинствам. В.М. Кулемзин на материалах васюгано-ваховских хантов прежде всего выделяет *ёлта-ку* (*йол (jol)* – букв. ‘ворожить’, ‘колдовать’, ‘гадать’), которые имели бубен с колотушкой, ритуальный костюм, выполняли разнообразные функции и занимали значительное место в обществе [5. С. 64]. Именуемым много шаманских черт можно считать *ысылта-ку* (*јисилта* – плакать), который назначался на свое служение верховным божеством Торумом. Главной функцией *ысылта-ку* было лечение болезней с помощью духа-помощника – змеи. Он мог также воскресить преждевременно умершего человека, отправившись в царство мертвых, что сближает его с сильными шаманами у других сибирских народов [Там же. С. 56–59]. В лице *ысылта-ку* можно усмотреть не вполне оформившуюся категорию шаманов, камлающих в нижний мир [5. С. 124]. Шаманский мир манси выглядит более структурированным. Можно выделить основные категории: *мань-няйт* – малый шаман, камлавший при помощи ножа, *саграп няйт* – камлавший с топором, *койбынг-няйт* – шаман с бубном [16. С. 643], *потыртан-пуньыг* – (говорящий дух), гадавший с помощью священного ящика, *валтахнен пуньыг* – (вниз шаманящий дух), вызывающий духов с помощью музыкального инструмента *сангвылтан* [38. С. 103, 112]. (Причисление некоторых из перечисленных категорий к собственно шаманам вызывает большие сомнения.) Здесь основу специализации составляет наличие особого (главного) атрибута, при помощи которого шаман осуществлял свою деятельность.

Своеобразные черты имеет специализация шаманов у чукчей. В.Г. Богораз выделял три категории чукотских шаманов: «1) шаманы-чрево вещатели. Они ценились невысоко, и поэтому их действия нередко превращались в забаву; 2) шаманы-знахари. Они боролись с враждебным влиянием духов, уничтожали злые чары или сами наводили чары на свою жертву; 3) шаманы-предвещатели, занимавшиеся предсказанием будущего» [6. С. 186–187]. Чукчам были известны еще такие шаманы, как *ртыянауныльын* – шаманы, действующие во сне; *уйвэлыткуьыт* или *уйвэлыэуэуылыт* (от уйвэл – ‘порча’, ‘злокозненные чары’) – напускавшие на человека болезнь, беду при помощи злокозненных *лыгикэлыэт*; *ёотватылыт* – навлекающие и останавливающие непогоду [6. С. 188–189]. Интерес представляет также отмеченное В.Г. Богоразом деление всех шаманских действий на три категории. В первую категорию входят «сношения с духами» (*калаткourgьн*). Это – голоса духов, слышимые через посредство шамана, чрево вещание, различные трюки, составляющие главное содержание шаманского представления. Ко второй категории относится «смотрение внутрь» (*getalatgьргьн*), пользующееся у чукчей большим уважением. Шаманы, владеющие этим искусством, могут предсказывать удачу

или наоборот предостеречь от опасности, передать указания духов, которые необходимо выполнить. Третья категория включает «заклинания» (*ewganvatgьrgn*). Сюда входят все наиболее сложные и запутанные шаманские действия [24. С. 117–118]. Чукчи делят также шаманов на благожелательных, которые своим искусством помогают людям, и злобных («насмехающиеся шаманы»), которые только причиняют вред [Там же. С. 118].

Приведенные в начале статьи данные позволили выделить обобщенные обозначения шаманов у родственных групп народов, что говорит о возникновении этих терминов в период языкового и культурного единства. Создание классификаций шаманов – явление более позднее, как правило, терминологически уникальное в рамках культур отдельных народов, и характеризующееся значительной вариативностью культурных проявлений. Проанализированный материал позволяет условно выделить три основных вида классификаций: 1) разделение шаманов в соответствии с их «шаманской силой»; 2) разделение в соответствии со сферами мироздания (камлание в верхний, нижний, средний мир и / или призвание к служению духам верхнего, среднего или нижнего мира); 3) разделение в соответствии со специализацией и выполняемыми в обществе функциями. К числу дополнительных классификаций можно отнести: 1) деление шаманов на добрых и злых; 2) деление в зависимости от используемого орудия камлания; 3) деление в соответствии с тем, какой образ олицетворяет собой шаман. Все виды классификаций были нестрогими, и всегда оставалась возможность пересечения или совмещения функций. Кроме того, как правило, в обществе всегда были лица (или категории лиц), находившиеся за рамками классификаций, не включавшиеся в нее.

Среди проанализированных народов наиболее четкая классификация в соответствии с шаманской силой была выявлена у нанайцев, ульчей, долган и хакасов. У нганасан и кетов (возможно также у якутов и долган) прослеживаются представления о непрерывном становлении шамана в течение жизни, увеличении его силы и соответствующем изменении статуса. В одних случаях положение шамана на иерархической лестнице было четко зафиксировано в соответствии с шаманским даром (например, призывание сильным или слабым духом, воспитание на нижних или верхних ветвях шаманского дерева и т.д.), а значит, сама иерархическая лестница была достаточно устойчивой. В других случаях шаман имел закрепленную традицией возможность непрерывного профессионального роста (увеличение армии духов, получение новых атрибутов и т.д.), а значит, иерархия либо отсутствовала, либо была размытой. Разделение шаманов в соответствии со сферами мироздания тоже можно отнести к наиболее распространенному виду классификации. Оно отмечено у эвенков, ненцев, энцев и нганасан. Сюда же с определенной долей условности можно отнести алтайцев, селькупов и кетов. Распределение шаманов по различным мирам в значительной степени коррелирует с первой класси-

фикацией. Так, у ненцев самые сильные шаманы выдугана осуществляли камлание в верхний мир. Представители высшей категории нанайских и ульчских шаманов касаты, а также хакаские пудгуры осуществляли проводы душ умерших в загробный мир.

Специализация в соответствии с выполняемыми функциями была характерна для чукчей, частично хантов и манси. Данная классификация может быть результатом размытости критериев выделения шаманов среди иных специалистов. Она коррелирует с двумя классификациями, приведенными выше. Слабые или малые шаманы отличались узкой специализацией либо вообще камланием для себя или своей семьи. Средние по силе шаманы – это, прежде всего, лекари. У этой группы лечебная функция на фоне других выступает как основная. Наиболее сильными шаманами были те, которые камлали в верхний или нижний мир. Шаманы, камлавшие духам среднего мира, никогда не становились сильными. Среди самых сильных шаманов основной миссией были проводы душ умерших в загробный мир, так как предполагалось, что это самое опасное путешествие. Им приписывалась также способность достигать самых дальних небесных или подземных сфер и воскрешать умерших.

Среди второстепенных классификаций выделение шаманов, олицетворяющих разные образы, в наиболее законченном виде была зафиксирована у кетов, в более размытом виде – у эвенков. В целом она имеет архаичный характер и в наиболее полном виде может быть проанализирована в символике шаманских костюмов. Среди часто встречаемых образов можно выделить оленя, медведя и птицу. Классификация шаманов в зависимости от используемых атрибутов в чистом виде встречается только у манси, однако она также тесно связана с вышеприведенными основными классификациями. Так, например, выделение «пещих» и «конных» шаманов у хакасов указывает на степень их могущества, камлание с бубном или без него (например, у селькупов) могло характеризовать разные типы шаманских действий, а наличие или отсутствие шаманского кафтана могло указывать на ту сферу шаманского космоса, в которую отправлялся шаман. Деление шаманов на черных и белых (добрых и злых), распространенное у многих тюркомонгольских народов, так и не получило в науке окончательной интерпретации. Т.М. Михайлов считает, что деление на белых и черных шаманов существовало только у тех народов, которые в своем социально-экономическом развитии достигли государственного или племенного объединения [20. С. 268].

Существование большого количества сакральных лиц, находящихся вне рамок шаманской классификации, вызывает много вопросов. В системе традиционного мировоззрения они не противопоставлялись жестко шаманам (хотя могли соперничать с ними), а сосуществовали с ними в рамках единой мировоззренческой системы. Они не были поглощены в условиях развития шаманских классификаций, не растворились в них. Более того, традиция воспроизводила и продолжает воспроизводить их в условиях современного мира.

Большое количество лиц данной категории существовало у тюрков Саяно-Алтая. Еще В.И. Вербицкий в конце прошлого века обратил внимание на то, что наряду с камами существуют «алтайские пифии», которые разделяются на 1) *рымчи*, имеющий припадок, во время которого при ужасных мучениях видит сокровенное и предсказывает; 2) *тельгочи* – гадатель; 3) *ярынчи*, ворожащий по сожженной лопатке; 4) *кол-куреэчи* – по рукам узнающий и 5) *ядачи* – человек, управляющий погодой посредством камня яда-таш [8. С. 64]. А.В. Анохин выделил существование у алтайцев *кӱспӱкчи* – ясновидцев, способных видеть душу человека (сӱнӱ) [36. С. 19]. В отличие от шаманов они были не в состоянии вернуть отделившуюся сӱнӱ человека на место [39. С. 95]. Современные исследователи алтайского шаманизма отмечают появление большого количества новых групп шаманствующих лиц. У якутов также было несколько категорий лиц помимо шаманов, претендовавших на умение предсказывать и лечить болезни: 1) *алгӱччы* (заклинатель), 2) *мэнэрик* (истеричный), *кӱрбӱӱччӱ* (провидец), *ичэн* (знахарь) [40. С. 91]. Якутское *ичэн* близко эвенкийскому *ичэримни* (шаман, предсказатель, колдун) [31. С. 198]. У долган избранниками духов кроме шаманов считались *ырыаһыт* – певцы-врачеватели. Их было намного меньше, чем шаманов, они не имели костюма и бубна, и их лечение заключалось в пении. Они могли также общаться с духами, в том числе с духами болезни, и вытягивать их из тела больного губами [7. С. 262–264].

Большое количество ритуальных специалистов представлено в традициях обских угров. Более или менее близкими к шаманам у васюгано-ваховских хантов, по мнению В.М. Кулемзина, являются *арехта-ку*, исполнители былин, песен и легенд, а также *улом-верта-ку* (*улом* – сон, *верта* – делать, *ку* – мужчина) – лица, разгадывающие сны, предсказывающие будущее и излечивающие болезни [5. С. 47, 53]. Большим авторитетом в хантыйском обществе пользовались также *нюкульта-ку* (букв. ‘представление-человек’). Главной функцией лиц этой категории была организация своеобразного представления, заканчивающегося гаданием о предстоящем промысле. Они обладали также способностью к ясновидению и имели духов-помощников. У *арехта-ку*, *улом-верта-ку*, *нюкульта-ку*, как правило, отсутствовали некоторые признаки шаманства при наличии других. Это могло быть отсутствие экстаза при наличии избранничества духами, отсутствие ритуального костюма, отсутствие способностей путешествовать в иные миры или вселять в себя духов, но при этом наличие умения «беседовать с духами» и т.д. В определенном смысле эти категории можно сопоставить с малыми, слабосильными шаманами у других народов. В.М. Кулемзин вполне аргументированно предположил, что данные категории лиц являются переходной ступенью на пути формирования шаманов, являются их предшественниками [5. С. 128].

У хантов, помимо перечисленных выше, можно выделить: 1) *мантьё-ку*, *манть-вэлвэл-ку* (*манть* – сказка, *вэлвэл* – делающий, *ку* – мужчина), рассказы-

вающий сказки и иногда занимавшийся лечением; 2) *панкал-ку* (*панкал* – мухомор), который выпивал настой мухомора и в бредовом состоянии передавал присутствующим содержание своего сна; 3) *чинӱнӱн-ку* – колдун, врач, знахарь; 4) *мулте-ку* (мужчина, собирающий духов), произносящий молитвы во время жертвоприношений [5. С. 60–61]; 5) *царты-хо* (*царты ики* – гадающий мужчина, *царты нэ* – гадающая женщина) [16. С. 644]; 6) *сом-войян-хо* (видящий глазами человек) – созерцатель [17. С. 189].

У манси ритуальными деятелями были: 1) *пенынг хум* – прорицатель, гадатель, гадающий на топоре, ноже; 2) *самнаев*, *вонсых хотпа* – провидец; 3) *весар ванг нэ* – гадалка и т.д. [16. С. 643]. Шаманство у хантов и манси развивалось особым путем и имело менее выраженные формы, чем у других народов Сибири [Там же. С. 641]. Одни исследователи (В.М. Кулемзин) считают, что шаманизм у хантов и манси еще не сложился и потому не имел большого распространения. Другие считают обско-угорское шаманство, каким его застали исследователями, находящимся в ситуации ослабления и разложения под влиянием христианизаторской политики церкви и систем административного управления [Там же. С. 642]. Поэтому в системе ритуальных деятелей у обских угров, пожалуй, сложнее всего выделить собственно шаманов и иных деятелей, не являющихся шаманами.

У кетов помимо шаманов особо можно отметить категорию *баӱос*. По представлениям кетов, чтобы стать *баӱос*, нужно приобщиться к «миру земли». Для этого нужно было съесть высушенную змею или чтобы внутрь человека проникла землеройка. На поверхности тогда оставался особый знак (таковым считали бородавку) [23. С. 124]. Главной функцией *баӱос* было предсказание. Они могли предсказать погоду, предупредить человека о предстоящей болезни и ее исходе, предугадать, каким будет промысловый сезон, лечить некоторые болезни (ревматизм, желудочные боли), но также насыпать их на людей. Им приписывалась способность не только предсказывать, но и влиять на предстоящие события: смягчить неблагоприятные, способствовать желаемому, а также оказывать воздействие на предметы: сделать ловушку более добычливой или, наоборот, «испортить» ружье, т.е. они обладали магической (колдовской) силой. *Баӱос* обладали даром «видения» *ул’вэј* (душа, жизненная сила) простых людей и даже могли подсказать, где она находится [23. С. 124–125]. *Баӱос* и шаман соперничали друг с другом, и люди часто предпочитали обращаться к *баӱос’у*, что свидетельствует о его высоком положении в обществе. Особую группу составляли *даӱтоӱс’*. Единственным их отличием от простых людей было умение видеть *ул’вэј*. *Даӱтоӱс’* встречались редко, но пользовались большим уважением, к ним могли обратиться в том случае, если шаман не мог самостоятельно обнаружить *ул’вэј* [Там же. С. 125–126].

Особый статус ритуальных деятелей «нешаманов» был зафиксирован у отдельных тунгусо-манчжурских и самодийских народов. У нганасан выделяется особая категория лиц *дючили* – ясновидцы, толкователи снов. Роль *дючили* остается не выясненной до конца.

Ю.Б. Симченко считает, что они были наделены «маленьким шаманским даром» [32. С. 180]. Известно, что дючицы снились вещи сны. Но особенно интересна их роль в ходе камлания. Они помогали шаману. Считалось, что они хорошо видят дорогу, по которой идет шаман, могут разгадать встречающиеся препятствия и в случае необходимости остановить песню шамана, ударяя палочкой, чтобы предостеречь шамана об опасности [9. С. 81]. Таким образом, дючицы видели дорогу лучше, чем сам шаман. Считалось, что дючицы могли разобраться в действиях самых разных существ шаманского мира и растолковать их людям. При этом они не способны были противостоять дьямда и подчинить себе помощников [32. С. 180]. Это были лица, которые не имели специального костюма и могли только видеть, но не действовать [9. С. 81].

У нанайцев также были особые лица, которые занимали своеобразное положение между шаманами и простыми людьми – *тудины*, которых было гораздо меньше, чем шаманов. У орочей также существовали *тудины* (*туди*) [10. С. 46]. Подробное описание этих лиц дала А.В. Смоляк. Возможна этимологическая связь нанайского *тудин* с ульчским *туде* – священный столб. У нерчинских эвенков *тода* (*тоза*) – думать, у эвенов *туйде* – предсказывать, по-якутски *туй* – предвидеть [Там же]. Тудины не имели бубнов и особых костюмов, не проходили посвящение, но все они имели в прошлом родственников тудинов. Людей они лечили даже лучше, чем шаманы, и так же, как и нганасанские дючицы, помогали шаману во время камлания. Они видели путь, которым шел шаман во время камлания, проверяли правильность сообщаемых шаманом сведений, иногда подсказывали шаману, как ему поступить в отношении встретившихся духов, душ и т.д. [10. С. 47]. Тудины имели своеобразного духа-помощника *эдехэ*, некоторые считали, что духов-помощников у тудина было много и с их помощью он летал в другие сферы. Все тудины, по мнению нанайцев, могли ходить в загробный мир вместе с касаты-шаманом и даже самостоятельно [Там же. С. 48–49]. У ульчей отсутствовали тудины, но была особая категория – ясновидящие *исачила* (от *исал* – глаза). Их было очень мало. В жизни это были обычные люди, но с ними иногда случались припадки, во время которых они катались по полу с пеной у рта. В это время кто-нибудь из близких начинал сильно бить припадного ремнем по телу, лицу, чтобы прекратить припадок. Большой затахал и сразу начинал предсказывать, если люди в это время задавали ему вопросы [10. С. 50–51]. Ульчи рассказывали также о колдунах, насылающих порчу на людей, – *дякти*. Так могли называть и некоторых злых шаманов [Там же. С. 51].

Проведенный анализ «шаманствующих лиц» позволяет сделать некоторые предварительные выводы. «Шаманствующие лица» у тюркских народов Сибири по своему статусу находились ниже шаманов. Они считались менее сильными, и количество исполняемых ими функций было ограниченным. Шаманы угорских народов Сибири, наоборот, слабо выделялись на фоне других «специалистов», за исключением, пожалуй, хантыйского *элта-ку* и мансийского

койтынг-няйт, сила которых бесспорно признавалась соплеменниками. У нганасан и нанайцев существовали особые категории лиц – *дючицы* и *тудины*, у кетов – *бангос*, которые по своему статусу и авторитету не уступали шаманам, хотя и были менее многочисленными. Более того, они могли осуществлять контроль над деятельностью шаманов, давали им ценные указания, а в некоторых сферах деятельности были более сильными.

Анализ функций, выполняемых «шаманствующими лицами», позволяет выделить: 1) представителей различных видов мантики (гадали по сожженной лопатке, на топоре, ноже, по рукам и т.д.) – алтайские *ярынчи* и *курэечи*, *царты-хо* у хантов, *пенынг хум* и *весар ванг нэ* у манси; 2) предсказателей, имеющих припадки, после которых они обретали способность предвидения – *рымчи* у алтайцев, *исачила* у ульчей, *мэнэрик* у якутов; 3) сновидцев, видящих вещи сны и умеющих их разгадывать, – *улом-верта-ку* у хантов; 4) предсказателей, употреблявших мухомор, – *панкал-ку* у хантов; 5) певцов и сказителей, умевших лечить болезни, – *арехта-ку* и *мантьё-ку* у хантов, долганские *ырыаһыт*; 6) заклинателей, лиц, обращающихся к духам с молитвой, – *мулте-ку* у хантов, *алгӓчы* – у якутов; 7) колдунов, способных насыпать порчу, – *баңос* у кетов, *дякти* у ульчей; 8) лиц, способных управлять погодой, – *ядачи* у алтайцев; 9) ясновидцев, способных видеть души, существ шаманского мира, а в некоторых случаях шаманский путь и даже путешествовать вместе с шаманом – *кӓспӓкчи* у алтайцев, *кӓрбӓӓчӓ* у якутов, *сом-войян-хо* у хантов, *баңос* и *даңтоңс'* у кетов, *дючицы* у нганасан и *тудины* у нанайцев.

Традиционные мировоззренческие системы народов Сибири предполагают сосуществование большого количества ритуальных специалистов. Принципиальное различие между ними заключается в том, что их деятельность представляла собой культурные варианты коммуникации, различные способы установления и реализации диалогических отношений с «духовной» реальностью. Проводниками в мир духов могли быть: певцы (сказители), ясновидцы (способные видеть души, духов и иные миры), предсказатели различного толка (сновидцы, гадалы, лица, страдающие припадками, употребляющие мухомор и т.д.), колдуны (использующие различные магические приемы для воздействия на события и явления) и собственно шаманы, способные сопровождать души живущих и умерших и с этой целью путешествоющих в различных сферах мироздания. Происхождение всех этих лиц могло быть независимым и опираться на различные варианты взаимодействия с миром духов. В то же время общение с этим миром предполагает открытость, отсутствие жестких границ и возможность для совмещения и пересечения различных видов подобного опыта.

Шаманизм как особый вариант коммуникативного опыта в качестве сегмента может присутствовать в разных системах представлений, но в рамках Сибирского региона мы наблюдаем его как мировоззренческую доминанту. Об этом, прежде всего, говорят хорошо разработанные и выраженные в различных формах классификации шаманов. В то же время на

фоне усиления собственно шаманов продолжают активно действовать другие специалисты, чье происхождение является не менее древним. Некоторые из них были смещены на периферию ритуального пространства (разного рода гадалки, предсказатели), а некоторые (сказители и певцы у большинства народов Сибири, тудины и дючицы у нанайцев и нганасан, баюс у кетов) по степени престижа и востребованности среди соплеменников продолжали конкурировать с шаманами и в своей сфере деятельности даже считались более сильными. В современных условиях размытия классических форм шаманизма в Сибир-

ском регионе наблюдается ситуация увеличения числа разного рода специалистов, занимающихся лечебной и ритуальной практикой, которые делятся на лекарей, колдунов, предсказателей, ясновидцев и т.д. [39. С. 92–95; 41. С. 16–17]. Е.В. Ревуненкова отметила, например, что традиционные алтайские ясновидцы кӱспӱкчи (кӱсмӱчи) на современном этапе взяли на себя некоторые шаманские функции, в числе которых проводы умершего в страну предков [39. С. 96]. Все это свидетельствует о первостепенной значимости самой возможности коммуникации с миром природы и о второстепенности ее форм проявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рэдклифф-Браун Альфред Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 603–632.
2. Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература, 2003. 358 с.
3. Тишков В.И. Слово о шаманизме // Шаманизм и иные традиционные верования и практики (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 5, ч. 1). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. С. 12–16.
4. Hultkrantz A. Ecological and Phenomenological Aspects of Shamanism // Shamanism in Siberia. Budapest: Akademiai Kiado, 1978. P. 27–58.
5. Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 3–155.
6. Вдовин И.С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 178–217.
7. Попов А.А. Шаманство у долган // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 253–264.
8. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1993. 256 с.
9. Грачева Г.Н. Шаманы нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 69–89.
10. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
11. Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 5–41.
12. Функ Д.А., Харитонов В.И. «Шаманство» и «шаманизм»: к дифференциации понятий // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. М., 1999. С. 180–184. Т. 5, ч. 1.
13. Ревуненкова Е.В. Актуальные проблемы исследования шаманизма (Shamanism in Siberia, Budapest, 1978, 571 p.) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 154–161.
14. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. 254 с.
15. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
16. Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
17. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 3 / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 247 с.
18. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
19. Трошанский В. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 204 с.
20. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до VIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
21. Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 374 с.
22. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. СПб.: Типография императорской академии наук, 1914. Т. II, вып. 2. 90 с.
23. Алексеенко Е.А. Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 90–128.
24. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 195 с.
25. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – XX вв.). Л.: Наука, 1983. 174 с.
26. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
27. Алексеенко Е.А. К вопросу о синкретизме музыкального фольклора обских угров // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 22–27.
28. Лебедева Е.П. О фольклоре нанайцев // В.А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. С. 3–23.
29. Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 42–69.
30. Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
31. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – нач. XX вв. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
32. Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. М.: ГЕО-ТЭК, 1996. Ч. 1. С. 216.
33. Жеребина Т.В. Шаманизм и христианство (на материале религии народа саха XVIII–XX вв.). СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 175 с.
34. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с. URL: <http://vk.com/gvksenofontov>
35. Попов А.А. Получение «шаманского дара» у виллойских якутов // Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 282–293.
36. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л.: Изд-во Российской Академии наук, 1924. 152 с.
37. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 27: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – XX вв. Л., 1971. С. 5–100.
38. Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с.
39. Ревуненкова Е.В. Заметки о современной терминологии, связанной с шаманизмом, у теленгитов // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию д-ра ист. наук, проф. Л.П. Потапова: сб. статей. М.: ГЕО-ТЭК, 1995. С. 88–98.

40. Токарев С.А. Шаманство у якутов в XVII в. // Советская этнография. 1939. № 2. С. 88–103.
41. Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М. : Изд-во Российской Академии наук, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. 268 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 января 2016 г.

“RITUAL SPECIALISTS” IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE PEOPLES OF SIBERIA (TERMINOLOGICAL ANALYSIS)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 87–98. DOI: 10.17223/15617793/403/15

Nam Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: n.elvad@yandex.ru

Keywords: shaman; ‘shamaning persons’; mantics; clairvoyance; spellcraft (magic); storytelling.

The paper summarizes and analyzes materials on Siberia related to various categories of shamans that correspond to each other and make up an integrated field. This view of shamanism diachronic analysis reveals the logic behind the development of one institute or another. From the diachronic analysis perspective, an idea by A. Hultkrantz seems to be very promising: he proposed to consider shamanism as a religious configuration that is a semi-independent segment of an ethnic religion within which all the beliefs, rites and other ritual figures functionally similar to them through the terminology used (or that used to be used) by bearers of the shamanic worldview. The terminology may not fully reflect the real picture of the relationship of various ‘ritual actors’ as the language is far less flexible than the living reality. However, it can be useful for it helps explain the coexistence of shamanic and non-shamanic beliefs as well as the variability of manifestations of shamanism in different cultural traditions. The fundamental difference between different ritual specialists is that their activity represented cultural options of communication and various ways of establishing and realizing dialogical relations with the ‘spiritual’ reality. Guides to the world of spirits could be singers (story-tellers), clairvoyants (capable of seeing souls, spirits and other worlds), foretellers of different sorts (dreamers, diviners, persons suffering from seizures or consuming amanita, etc.), sorcerers (using different magic tricks to influence events and phenomena) and actual shamans capable of accompanying the souls of the dead and of the living and to this end travelling in various spheres of the universe. The origin of all these persons could be independent and rely on different ways of interacting with the world of spirits. Here, communicating with this world presupposes openness, absence of rigid boundaries and the possibility of combining and crossing various kinds of such an experience. Shamanism as a special kind of communicative experience can be present as a segment in different worldview systems but within the region of Siberia it is a dominant worldview. This is confirmed by shaman classifications, well-developed and expressed in various forms. At the same time, along with shamans becoming more influential, other specialists of no less ancient origin also continue to act. Some of them moved to the periphery of the ritual space (diviners of different sorts, foretellers), whereas some, according to the degree of their prestige and of the demand on the part of other tribesmen, went on competing with shamans and were considered even more powerful in their field of activity. Currently, with the classical forms of shamanism becoming blurred in the region of Siberia, there is a growing number of different specialists who are engaged in therapeutic and ritual practices, among them are healers, sorcerers, foretellers, clairvoyants, etc. All this indicates the paramount importance of the very possibility of communicating with the world of nature whereas its manifestation forms appear to be of secondary importance.

REFERENCES

1. Radcliffe-Brown, A.R. (1997) *Metody etnologii i sotsial'noy antropologii* [Methods of Ethnology and Social Anthropology]. Translated from English. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of Cultural Studies]. Vol. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
2. Evans-Pritchard, E. (2003) *Istoriya antropologicheskoy mysli* [History of anthropological thought]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
3. Tishkov, V.I. (1999) Slovo o shamanizme [A word about shamanism]. In: Funk, D.A. & Kharitonova, V.I. (eds) *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniya i praktiki* [Shamanism and other traditional beliefs and practices]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.
4. Hultkrantz, A. (1978) Ecological and Phenomenological Aspects of Shamanism. In: Dioszegi, V. & Hoppal, G. (eds) *Shamanism in Siberia*. Budapest: Akademiai Kiado.
5. Kulemzin, V.M. (1976) Shamanstvo vasyugano-vakhovskikh khantov (konets XIX – nachalo KhKh v.) [Shamanism of the Vasyugan-Vakhovo Khanty (end of 19th – early 20th centuries)]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Vdovin, I.S. (1981) Chukotskie shamany i ikh sotsial'nye funktsii [Chukotka shamans and their social functions]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
7. Popov, A.A. (1981) Shamanstvo u dolgan [Shamanism among the Dolgan]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
8. Verbitskiy, V.I. (1993) *Altayskie inorodtsy: Sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy* [Altai foreigners: Collection of ethnographic articles and studies]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
9. Gracheva, G.N. (1981) Shamany nganasan [Shamans of the Nganasans]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
10. Smolyak, A.V. (1991) *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: the identity, functions, outlook (Peoples of the Lower Amur River)]. Moscow: Nauka.
11. Khomich, L.V. (1981) Shamany u nentsev [Shamans of the Nenets]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
12. Funk, D.A. & Kharitonova, V.I. (1999) “Shamanstvo” i “shamanizm”: k differentsiatsii ponyatiy [“Shamanism”: the differentiation of concepts]. In: Funk, D.A. & Kharitonova, V.I. (eds) *Etnologicheskie issledovaniya po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniyam i praktikam* [Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs and practices]. Vol. 5. Pt. 1. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.
13. Revunenkov, E.V. (1981) Aktual'nye problemy issledovaniya shamanizma (Shamanism in Siberia, Budapest, 1978, 571 p.) [Recent problems of shamanism studies (Shamanism in Siberia, Budapest, 1978, 571 p.)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 154–161.

14. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional Khongor shamanism]. Abakan: Khakas State University.
15. Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX v.)* [The Evenki. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
16. Sokolova, Z.P. (2009) *Khanty i mansi. Vzgl'yad iz XXI v.* [The Khanty and the Mansi. Looking from the XXI century]. Moscow: Nauka.
17. Karjalainen, K.F. (1996) *Religiya yugorskiikh narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Vol. 3. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.
18. Potapov, L.P. (1991) *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka.
19. Troshchanskiy, V. (1902) *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the Black Faith (shamanism) of the Yakuts]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo un-ta.
20. Mikhaylov, T.M. (1980) *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshikh vremen do VIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 8th century)]. Novosibirsk: Nauka.
21. Banzarov, D. (1955) *Sobranie sochineniy* [Works]. Moscow: USSR AS.
22. Anuchin, V.I. (1914) *Ocherk shamanstva u eniseyskiikh ostyakov* [Essay on shamanism of the Yenisei Ostyaks]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 2:2.
23. Alekseenko, E.A. (1981) *Shamanstvo u ketov* [Shamanism of the Kets]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
24. Bogoraz, V.G. (1939) *Chukchi. Religiya* [Chukchi. Religion]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
25. Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taymyra (na materialakh nganasan XIX – XX vv.)* [The traditional outlook of Taimyr hunters (on materials of the Nganasans of the 19th – 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
26. Borovkov, A. et al. (1969) *Drevnyurkskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
27. Alekseenko, E.A. (1986) *K voprosu o sinkretizme muzykal'nogo fol'klora obskikh ugrov* [On the syncretism of folk music of the Ob Ugric peoples]. In: Ryuytel, I. *Muzyka v obryadakh i trudovoy deyateli nosti finno-ugrov* [Music in rites and work of the Finno-Ugric peoples]. Tallin: Eesti raamat.
28. Lebedeva, E.P. (1986) *O fol'klоре nanaytsev* [The Nanai folklore]. In: Avrorin, V.A. *Materialy po nanayskomu yazyku i fol'klору* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka.
29. Prokof'eva, E.D. (1981) *Materialy po shamanstvu sel'kupov* [Materials on the shamanism of the Selkups]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v.)* [Problems of history of the public awareness of the aboriginals of Siberia (based on the materials of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
30. Tuchkova, N.A. et al. (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Selkup Mythology]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Alekseev, N.A. (1975) *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nach. XX vv.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
32. Simchenko, Yu.B. (1996) *Traditsionnye verovaniya nganasan* [Traditional beliefs of the Nganasans]. Pt. 1. Moscow: GEO-TEK.
33. Zherebina, T.V. (2011) *Shamanizm i khristianstvo (na materiale religii naroda sakha XVIII–XX vv.)* [Shamanism and Christianity (in the religion of the Sakha people in the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA.
34. Ksenofontov, G.V. (1992) *Shamanizm. Izbrannyye trudy (Publikatsii 1926–1929 gg.)* [Shamanism. Selected works (Articles of 1926–1929)]. Yakutsk. [Online]. Available from: <http://vk.com/gvksenofontov>.
35. Popov, A.A. (1947) *Polucheniye "shamanskogo dara" u vilyuyskiikh yakutov* [Acquiring the "shamanic gift" of Viliui Yakuts]. *Trudy instituta etnografii im. Miklukho-Maklaya*. 2. pp. 282–293.
36. Anokhin, A.V. (1924) *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on shamanism in the Altai]. Leningrad: Russian Academy of Sciences.
37. Prokof'eva, E.D. (1971) *Shamanskiye kostyummy narodov Sibiri* [Shaman costumes of the peoples of Siberia]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 27. pp. 5–100.
38. Baulo, A.V. et al. (2001) *Mifologiya mansi* [Mansi Mythology]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Russian Academy of Sciences.
39. Revunenkov, E.V. (1995) *Zametki o sovremennoy terminologii, svyazannoy s shamanizmom, u telengitov* [Notes on modern terminology associated with shamanism of the Telengits]. In: Funk, D.A. (ed.) *Shamanizm i rannye religioznye predstavleniya. K 90-letiyu d-ra ist. nauk, prof. L.P. Potapova* [Shamanism and early religious ideas. On the 90th anniversary of Dr. of History, Prof. L.P. Potapov]. Moscow: GEO-TEK IEA RAN.
40. Tokarev, S.A. (1939) *Shamanstvo u yakutov v XVII v.* [Shamanism of the Yakuts in the 17th century]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 88–103.
41. Funk, D.A. (1997) *Teleutskoye shamanstvo: traditsionnye etnograficheskie interpretatsii i novye issledovatel'skie vozmozhnosti* [Teleut Shamanism: traditional ethnographic interpretation and new research opportunities]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

Received: 17 January 2016

ПОМОЩЬ РОССИИ НАРОДАМ ДАГЕСТАНА В ПЕРИОД БОРЬБЫ ПРОТИВ НАДИР-ШАХА

Показаны помощь и покровительство со стороны российских властей народам Дагестана в борьбе против иранского завоевателя Надир-шаха в 40-е гг. XVIII в., что привело к усилению внешнеполитической ориентации дагестанской правящей знати на Россию. Раскрываются причины поддержки Россией народов Дагестана, противостояния царского правительства планам иранского шаха покорить Дагестан, мотивы обращения дагестанских правителей за помощью и покровительством к России, а не к Турции.

Ключевые слова: Россия; Дагестан; Надир-шах; борьба за независимость; пророссийская ориентация; помощь; покровительство.

В начале 30-х гг. XVIII в. Россия была вынуждена вывести войска из Прикаспия, а затем, по условиям русско-иранского договора (Гянджинский трактат от 1735 г.), перенести границу с Сулака на левый берег Терека. Эти решения объяснялись угрозой войны с Оттоманской Портой и требованиями Ирана, где к тому времени укрепилась власть Надир-шаха. Воспользовавшись отходом русских войск за Терек, Оттоманская Порта объявила себя «покровительницей Дагестана» и направила через Северный Кавказ к Ирану новую армию. В середине июля 1735 г. персидские войска разгромили османов под Карсом и Ереваном, заставив капитулировать их гарнизоны на Южном Кавказе.

В ходе успешного завоевания Индии и других стран Востока планы Надир-шаха обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах персидского правителя к исходу Индийского похода стал занимать дагестанский вопрос. Не случайно на приеме высшей военно-феодалной знати в августе 1739 г., посвященной итогам Индийского похода, он заявил: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру» [1. С. 72–73]. Кроме того, покорением дагестанских народов Надир-шах, по словам британского исследователя Л. Локхарта, «желал продемонстрировать свою мощь России» [2. С. 127–128].

Над Дагестаном нависла смертельная угроза, завоеватели, беспощадно истребляя по пути аулы, вторглись в Страну гор. Но перед угрозой физического уничтожения жестоким врагом горцы проявили беспримерный героизм, твердость духа и, как всегда в тяжелые для Дагестана времена, небывалую сплоченность. В решающем сражении 1741 г. в Андалале объединенными силами дагестанцев «Грозе Вселенной» был нанесен сокрушительный удар, от которого он, несмотря на все попытки взять реванш, так и не смог больше оправиться. Весть о поражении Надир-шаха в Андалале эхом отозвалась в Петербурге. Даже политические соображения не могли заставить петербургский двор, связанный союзническим договором с Надиром, скрыть радость по поводу этой победы дагестанцев. По наблюдениям кавказоведов, именно с этого времени в политике России наблюдается заметный поворот и Дагестан приобре-

тает более важное значение в ее отношениях с Ираном и Турцией [3. С. 167].

Со времени разгрома Надир-шаха в Дагестане российское правительство стало более активно поощрять горцев в борьбе против Ирана, снабжая продовольствием, усиленно «лаская» владетелей и старшин, обнадеживая через лазутчиков о готовности поддержать их освободительную борьбу. Так, например, в феврале 1742 г., когда шах намеревался привести в покорность засулакских кумыков, в Кизляре, Астрахани и Царицыне войска были приведены в боевую готовность. 25 марта командующий Царицынской линией А.И. Тараканов отправил в Кизляр 2 000 донских казаков, дабы горцы «противу шаха в лучшее одобрение придти могли» [4].

Наряду с этим предпринимались более решительные меры, направленные на предотвращение наступления шахских войска на Север. Так, в августе 1742 г., когда Надир-шах пересек Сулак, подошел к границам Чечни и пытался навести мосты через речку Бораган, он вынужден был отступить ввиду официального протеста российской стороны с предупреждением о готовности «дать персиянам отпор» [5]. Кроме того, шах был официально предупрежден, чтобы впредь не переходил Сулак, так как северные границы шахских владений проходят по правому берегу этой реки. В результате, как признают современные иранские историки, нашествие иранских войска в Засулакскую область было предотвращено из-за опасения ответных мер со стороны России [6. С. 264; 7. С. 748–750].

Российские власти действовали осторожно, помогая горцам в борьбе против Надира, снабжая провиантом, тайно обнадеживая в помощи через дипломатические каналы [8. С. 110]. В указе императрицы Елизаветы Петровны в 1742 г. верным России горским владетелям приказывалось выделять «сверх жалования в прибавок по 500 руб. в год», оказывать им «тайную поддержку», «при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции и. в. не отлучать... под оной искусным образом стараться содержать» [9].

Политика правительства Елизаветы Петровны по отношению к кавказским владетелям и старшинам способствовала заметному расширению и укреплению российского влияния в регионе, особенно в Дагестане. Достаточно сказать, что только в первой половине 1742 г. с просьбой о покровительстве и помощи в Кизляр обратились 14 наиболее влиятельных владете-

лей и старшин Дагестана, а также представители 9 наиболее мощных союзов сельских общин. В своих обращениях они акцентировали внимание на том, что «ныне мы ухватились Е.И.В. за золотые полы и другой, кроме Е.И.В., помощи не имеем и по нашей верно-подданнической должности служить готовы» [10, 11].

В жестокой борьбе с агрессорами народы Дагестана все чаще искали покровительства России, что подтверждается многочисленными и неоднократными обращениями местных феодальных владетелей через кизлярского коменданта в Петербург. «Все горские люди нетерпеливо желают с российской стороны наступления на шаха, – извещал свое правительство российский резидент, – при котором случае, пришед в наивысшее ободрение и надежду, последний камень из всей Дагестании против персиян подвинуть готовы, как о том заявили и в Кизляре унцукульские и другие старшины и присланный от усмиева зятя Ахмед-хана нарочный» [12. С. 177].

Н.А. Сотапов в своем труде подчеркивает не единственный, а массовый характер подобных примеров, которые свидетельствуют о том, что в ориентации народов Дагестана на Россию происходил на тот момент новый качественный сдвиг [Там же].

Непосредственный очевидец тяжелых последствий политики Надира в Дагестане российский резидент В. Братищев свидетельствовал: «Дербентцы, другие мещане и деревенские обыватели будучи от тирана к искоренению подвержены, денно и ночью просят у Бога избавления и за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были: одним словом редко... от мала до велика какой человек найтись может, который бы к российскому подданству склонности не имел» [Там же. С. 181].

Известно, что Надир, подогреваемый западными державами, вынашивал далеко идущие планы. Геополитические амбиции «повелителя вселенной» фокусировались не только и не столько на Дагестане, а простирались в южные российские пределы до Астрахани и далее. Известный английский ученый Л. Локхарт был убежден, что если бы Надир в тот момент атаковал Россию, вместо того чтобы дать себя заманить в аварские горы, он мог бы легко вырвать у нее Кизляр и Астрахань [13. С. 265]. Однако удобный момент был упущен.

Россией были предприняты и более решительные меры для защиты южных границ. В Кизляре, Астрахани и Царицыне войска были приведены в боевую готовность. На Терскую кордонную линию были стянуты с Волги и Дона новые войска. Для оказания помощи «Шаховым неприятелям, яко то лезгинцам, тавлинам и прочим... дабы через то... против шаха в лутчее одобрение прийти могли» в Кизляр были переведены две тысячи донских казаков [12. С. 181]. В Астрахани было начато строительство военного флота на Каспии. В октябре 1742 г. на Сулаке был учрежден и укомплектован войсками форпост, а «в Эндирее и Костеках поставлены команды». Когда в начале февраля 1743 г. Надир-шах с 12-тысячным корпусом, 35 орудиями и 15 мортирами внезапно пересек Сулак, разорил Эндирей, Костек и Аксай и двинулся к Тере-

ку, российское командование предприняло срочные действия для защиты кумыков. Было «...послано 2 тыс. человек в подкрепление сих команд и для обережения кумыкских деревень от нападений шаха» [12. С. 177]. Терско-гребенские казаки усилили форпосты, расположенные на левом берегу Терека от Червленого городка до Каспийского моря [14. С. 57–58]. Эти шаги, предпринятые Россией, не могли не оказать отрезвляющего действия на «Грозу Вселенной» и, несомненно, способствовали стабилизации положения в регионе, а также благотворно сказались на настроении местного населения, поддерживая его готовность дать отпор агрессору.

Учитывая сложившуюся обстановку с продовольствием в войсках Надир-шаха и используя это обстоятельство, российское командование предприняло запретительные меры для ограничения вывоза провианта и лошадей в порты Каспия, занятые персами. Как писал С. Броневский, «...воспрещен выпуск съестных припасов к персидским портам Каспийского моря... равно и вывоз в Персию и в горские места лошадей. Скупщики шаховы хотели покупать у андреевцов и костоковцов и отправились туда... но кумыки столь высокие требовали цены, чем шаха огорчили...» [15. С. 206]. Скупщики и агенты Надир-шаха пытались производить закупки и у калмыков, но они из сочувствия к дагестанцам отказались продать персам лошадей и продукты [16. С. 235]. Проводник английской колониальной политики в отношении Ирана Перси Сайкс признает: «Остатки иранской армии спаслись благодаря подвозу продовольствия на английских судах... Российское правительство, встревоженное этими операциями, отправило войско, что поощрило лезгин обратиться под покровительство России» [17. С. 137].

Однако ситуация на Кавказе оставалась неустойчивой. Наступление Надира на Карс и осада им Мосула в июне 1744 г. умерили реваншистские устремления султана Махмуда. Однако даже эта победа не означала упрочения его власти в регионе, где продолжали усиливаться тяга к России и ненависть к Надир-шаху. Не случайно, касаясь прогрессирующего нарастания внешнеполитических устремлений народов Дагестана и Закавказья к России и столь же отрицательного отношения их к Ирану, Братищев доносил, что они ожидают «пришествия российских сил... в уповании, якоб тем способом от тирановых надир-овых рук избавиться» [Там же. С. 217].

Влияние России усиливалось и тем, что часть российских войск, находившихся в Кизляре, вместе с гребенскими и терскими казаками была расположена по реке Койсу для наблюдения за передвижением иранской армии. Шаги, предпринятые Петербургом, положительно сказались на настроении местного населения, укрепляя его готовность в борьбе против шахских карателей. Это же способствовало тому, что четвертый поход Надир-шаха в 1744 г., как и предыдущие три (1734, 1735, 1741), закончился полным провалом.

Получив достоверные сведения о смерти Надир-шаха и восшествии на престол его племянника Али

Кули-хана, 6 октября 1748 г. Тайный совет вынес решение рекомендовать правительству установить с ним добрососедские отношения, настраивать его против Турции, чтобы не допустить ее выхода на побережье Каспия. Выполняя эти установки, правительство предприняло действенные меры: проводились работы по укреплению Кизляра и терских казачьих городков, расширялись экономические и политические связи с жителями Северного Кавказа, Дагестана и прикаспийских областей. С особым уклоном на приморские области Дагестана и Азербайджана кизлярской администрации предлагалось иметь добрые отношения с местным населением, призывая владельцев и старшин в российское подданство, заботясь о том, чтобы они были «необозлительным содержанием их довольны» [18].

Эти меры российского правительства не остались без последствий, способствовали переходу местных владельцев и старшин в российское подданство. Сказанное подтверждается тем, что в конце 1740-х – начале 1750-х гг. обратились в Петербург и приняли российское подданство 10 виднейших деятелей Се-

верного Дагестана и многие старшины Южного Дагестана [З. С. 119].

Интересно отметить, что при оформлении своего подданства дагестанские владельцы определенно заявляли, что «турскому султану и персидскому шаху мы служить не желаем... а наше желание то, дабы Дербент достался российской государыне, а не другим государям» [19].

Таким образом, Россия оказывала значительную помощь и поддержку народам Дагестана в борьбе против завоевательной политики Надир-шаха, что объективно служило важным фактором усиления их ориентации на Россию и упрочения ее позиций на Северо-Восточном Кавказе. В данной ситуации произошло совпадение освободительной борьбы народов Дагестана со стратегическими интересами России, направленными на вытеснение из региона своих геополитических соперников – Ирана и Турции. Исходя из этого, правительство Елизаветы Петровны стало действовать более активно, препятствуя наступлению шахских войск на южные рубежи страны, поддерживая различными мерами антииранскую борьбу дагестанских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1976. С. 71–82.
2. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. : Наука, 1965. 392 с.
3. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М. : Наука, 1991. 221 с.
4. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/1, 1742. Д. 10. Л. 102.
5. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1742. Д. 6. Ч. 1. Л. 162–163.
6. Годдуси Мохаммед Хосейн. Надер-намэ. Хорасан (Мешхед), 1338/1961. 346 с.
7. Сардадвар Абу Тораб. Тарих-е незами ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Тегран, 1354/1975. 796 с.
8. Магарамов Ш.А. Борьба с Надир-шахом как фактор укрепления пророссийской ориентации дагестанской правящей элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10 (36). Ч. II. С. 109–112.
9. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 10. Л. 102 об.
10. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1742. Д. 10. Л. 226.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 12. Л. 10.
12. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 225 с.
13. Мусаев М.А. События 1741–43 гг. в Дагестане в англоязычной биографической литературе о Надир-шахе // Единение народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей : материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2013. С. 259–268.
14. Потто В.А. Два века Терского казачества (1557–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. 235 с.
15. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. 361 с.
16. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране в 30–40-х гг. XVIII в. М. : Изд-во вост. лит., 1956. 283 с.
17. Сайкс П. История Ирана / под ред. А. Беляева. М., 1939. Т. 2, ч. 1. 236 с.
18. Российский государственный архив древних актов. Разр. 15: Госархив – дипломатический отдел. Оп. б/н, 1743–1747. Ед. хр. 65. Л. 109.
19. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 339: Походная канцелярия генерал-лейтенанта Девица. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3 об., 5 об., 7 об., 15.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 апреля 2015 г.

RUSSIA'S HELP TO TO THE PEOPLES OF DAGESTAN DURING THE FIGHT AGAINST NADIR SHAH

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 99–102. DOI: 10.17223/15617793/403/16

Orudzhev Fakhreddin N. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: sharafutdin@list.ru

Keywords: Russia; Dagestan; Nadir Shah; fight for independence; pro-Russian orientation; help; protection.

Change of the foreign policy situation in the Caucasus in connection with transferring of the southern borders of Russia to the left bank of the Terek, according to the conditions of the Treaty of Ganja of 1735 between Russia and Iran, led to emergence of threat to the peoples of Dagestan from the Iranian governor, Nadir Shah. Dagestan was considered by the Iranian governor as the base for his further advance towards the southern borders of Russia up to Astrakhan. However, despite repeated numerical and military superiority of the Iranian troops, they did not manage to break the will of the mountaineers for independence. The peoples of Dagestan supported by the neighboring peoples of the Caucasus and Russia actively went to action against aggressors. Russia, giving essential help and support to the peoples of Dagestan in their liberating fight, proceeded first of all from the strategic objectives directed on ousting geopolitical rivals, Iran and Turkey, from the region. Elizaveta Petrovna's government worked more actively, interfering with

the approaching of Shah's troops to the southern borders, supporting the anti-Iranian fight of possessors and foremen of Dagestan with various measures. The foreign policy was fruitful: in the second half of 1742 14 most influential governors of Dagestan handled a request for the Russian protection and expression of readiness for joint fight against Nadir Shah in Kizlyar. The Russian authorities worked very carefully and encouraged the mountaineers to fight against Nadir, provisioned them, secretly assured in help through diplomatic channels. The Caucasian military authorities in the person of the Kizlyar commandant who communicated with the local population daily and knew the situation in the region well were ready to work and even in a more resolute way. In March, 1742, the Kizlyar commandant was informed that two thousand Cossacks were coming to serve under his command under the guise of Kizlyar fortress repair. Shortly, a significant amount of regular army came to Kizlyar to protect "the Kumyk villages from the attacks of Nadir Shah". Considering the developed hard situation with food in the troops of Nadir Shah and using this circumstance, the Russian commanders took prohibitive measures to restrict export of provisions and horses to the ports of the Caspian Sea occupied by Persians. The steps Russia took could not but have a sobering effect on Nadir Shah and, undoubtedly, helped stabilize the situation in the region, and also well affected the mood of the peoples of Dagestan, maintaining their readiness to fight back the aggressor. The amplified pro-Russian position of the Dagestan possessors compelled Nadir Shah to refuse from his intention to clash with Russia, to moderate the anti-Russian plan. The last attempt Nadir Shah made in such conditions to punish the inhabitants of the seaside strip of Dagestan at the end of 1744 – the beginning of 1745 turned still a big failure, hastening the death of Nadir Shah and his bloodless power.

REFERENCES

1. Kozlova, A.N. (1976) "Name-yi Alamara-yi Nadiri" Mukhammad Kazima o pervom etape pokhoda Nadir-shakha na Tabasaran ["Name-yi Alamara Nadir" Muhammad Qasim on the first stage of the campaign of Nadir Shah on Tabasaran]. In: *Osvoboditel'naya bor'ba narodov Dagestana v epokhu srednevekov'ya* [The liberation struggle of the peoples of Dagestan in the Middle Ages]. Makhachkala.
2. Gadzhiev, V.G. (1965) *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [Russia's role in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka.
3. Sotavov, N.A. (1991) *Severnyy Kavkaz v rusko-iranskikh i rusko-turetskikh otnosheniakh v XVIII v.* [North Caucasus in the Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century]. Moscow: Nauka.
4. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 77. List 77/1, 1742. File 10. P. 102. (In Russian).
5. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 77. List 77/1, 1742. File 6. Pt. 1. P. 162–163. (In Russian).
6. *Goddusi Mokhammed Khoseyn. Nader-name. Khorasan (Meshkhed)* [Goddusi Mohammad Hossein. Nader-name. Khorasan (Mashhad)]. 1338/1961.
7. Sardadvar Abu Torab. (1354/1975) *Tarikh-e nezami va siyasi-ye dovrane Nadershakh-e Afshar*. Tehran.
8. Magaramov, Sh.A. (2013) Bor'ba s Nadir-shakhom kak faktor ukrepleniya prorossiyskoy orientatsii dagestanskoy pravyyashchey elity [The fight against Nadir Shah as a factor of strengthening the pro-Russian orientation of the ruling elite of Dagestan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (36). Pt. II. pp. 109–112.
9. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 77. List 1. File 10. P. 102 rev. (In Russian).
10. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 77. List 77/1, 1742. File 10. P. 226. (In Russian).
11. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 20: *Sekretnaya chast' ekspeditsii voennoy kollegii* [Secret Part of the Military Collegium expedition]. List 1/47. Unit 12. P. 10.
12. Sotavov, N.A. (2000) *Krakh "Grozy Vselennoy"* [The collapse of the "Threat of the Universe"]. Makhachkala: GZHT MPRD.
13. Musaev, M.A. (2013) [Events of 1741–43 in Dagestan in English biographical literature on Nadir Shah]. *Edinenie narodov Dagestana v bor'be protiv inozemnykh zavoevateley* [Unity of Peoples of Dagestan in the fight against foreign invaders]. Proceedings of the International Scientific Conference. Makhachkala. pp. 259–268. (In Russian).
14. Potto, V.A. (1912) *Dva veka Terskogo kazachestva (1557–1801)* [Two centuries of the Terek Cossacks (1557–1801)]. Vol. 2. Vladikavkaz: Elektropечатnaya Tipografii Terskogo Oblastno Pravlenniya.
15. Bronevskiy, S. (1823) *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [Latest geographical and historical news on the Caucasus]. Pt. 1. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo.
16. Arunova, M.P. & Ashrafyan, K.Z. (1956) *Gosudarstvo Nadir-shakha Afshara. Ocherki obshchestvennykh otnosheniy v Irane v 30–40-kh gg. XVIII v.* [The state of Nadir Shah Afshar. Essays on public relations in Iran in the 1730s–1740s]. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury.
17. Sykes, P. (1939) *Istoriya Irana* [The history of Iran]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow.
18. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 15: *Gosarkhiv – diplomaticheskii otdel* [State Archive – the Diplomatic Department]. List n/n.1743–1747. Unit 65. P. 109.
19. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund 339: *Pokhodnaya kantselyariya general-leytenanta Devitsa* [Marching Office of Lieutenant General Devitsa]. List 1. Unit. 3. P. 3 rev., 5 rev., 7 rev., 15.

Received: 27 April 2015

БАРСЕЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ИММИГРАЦИОННОМ КРИЗИСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский союз сегодня переживает миграционный кризис, вызванный резко возросшим притоком нелегальных иммигрантов и лиц в поисках убежища, стремящихся покинуть территорию стран Северной Африки и Ближнего Востока, переживших Арабскую весну. На фоне этого в Евросоюзе разгораются споры о причинах такой ситуации, среди которых называются и неудачи Барселонского процесса. Его анализ призван выявить причины текущего обострения ситуации в регионе.

Ключевые слова: миграция; ЕС; Средиземноморский регион; Барселонский процесс.

С началом интеграции в Европе ее участники осознали необходимость обеспечения стабильности у своих границ, в том числе и в Средиземноморском регионе. Поэтому с конца 1960-х гг. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) начинает предпринимать фрагментарные действия по оказанию помощи развитию своих средиземноморских соседей через заключение преференциальных торговых соглашений с Марокко, Алжиром и Тунисом (1969 г.), Израилем (1964 и 1970 гг.), Ливаном (1965 и 1972 гг.) и Египтом (1972 г.) [1. С. 9]. Таким образом, единая Европа начала развивать отношения со странами Средиземноморья в русле политики развития.

В 1972 г. ЕЭС впервые разработало идею глобальной средиземноморской политики, включающей введение торговых преференций для сельскохозяйственной продукции из стран Южного Средиземноморья, предоставление им финансовой помощи и регулирование трудовой миграции между этими странами и ЕЭС, в частности через установление более либеральных правил для въезда трудовых мигрантов из стран Магриба [2]. В этой связи можно отметить, что в регионе Средиземноморья, как близко расположенном к единой Европе, ЕЭС начало регулировать миграцию в комплексе с осуществлением помощи развитию раньше, чем по другим географическим направлениям своей внешней политики.

В 1990 г. Сообщество обновило свою средиземноморскую политику, дополнив ее целями стимулирования частного бизнеса в странах Южного Средиземноморья, помощи в защите окружающей среды, привлечения к развитию региона университетов, СМИ и местных властей. В то же время Европейский парламент получил право заморозить финансирование сотрудничества с отдельными странами, если в них наблюдаются серьезные нарушения прав человека. Учитывая размытость такой формулировки и в целом плачевную ситуацию в данном вопросе в странах Южного Средиземноморья, можно сказать, что финансовая помощь развитию могла быть в любой момент прекращена по решению ЕЭС [2]. На такой поворот в средиземноморской политике ЕС оказало влияние изменившееся понимание развития, которое с 1990-х стало подразумевать не только экономический рост, но и более широкие социальные задачи, соблюдение прав людей на определенные возможности (например, в образовании) и получение определенных услуг от государства (например, социальных гаран-

тий), а также обеспечение безопасности и устойчивого развития [3. С. 191]. Содействие такому развитию было бы более эффективно и для сокращения эмиграции из стран третьего мира, основной причиной которой считается невозможность человека реализовать свой потенциал на родине ввиду отсутствия доступа к образованию, рынку труда, социальным гарантиям, политическим правам и т.п. [4. С. 73–74]. Такая политика развития с учетом целей миграционного регулирования становилась все более востребована, ведь если в 1980 г. в Европе проживало 23 млн иммигрантов, то в 1990 г. их количество достигло 49 млн [5].

Результатом перехода к новой средиземноморской политике стал запуск Евросоюзом такого регионального консультативного процесса, как Евро-средиземноморское партнерство, иногда называемое Барселонским процессом. Оно было инициировано принятием Барселонской декларации на Первой евро-средиземноморской конференции 27–28 ноября 1995 г. Сферы деятельности партнерства, утвержденные на конференции, включали сотрудничество: 1) в сфере политики и безопасности; 2) в финансовой и экономической сфере; 3) в социальной, культурной сфере и в области защиты прав человека [6]. Только в 2005 г. взаимодействие в сфере миграции было добавлено в список приоритетов работы процесса, но, учитывая другие направления работы, можно сказать, что с самого начала Барселонский процесс стал механизмом косвенного регулирования миграции из Средиземноморского региона в ЕС, поскольку был направлен на стабилизацию политической ситуации и экономическое развитие стран исхода мигрантов. В 1995 г. в Партнерство вступили 15 стран – членов ЕС и 12 стран Средиземноморья: Алжир, Кипр, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Мальта, Марокко, Палестинская Автономия, Сирия, Тунис и Турция. Целью сотрудничества в сфере политики и безопасности провозглашалось создание в регионе зоны мира и стабильности на основе многостороннего диалога между участниками, а в экономической сфере – проведение реформ в ключевых секторах экономики стран Южного Средиземноморья и установление в Средиземноморском регионе зоны свободной торговли к 2010 г. [7]. Новизна Барселонского процесса заключалась в его попытке охватить одновременно несколько направлений сотрудничества, тогда как ранее акцент делался на традиционные двусторонние торговые-экономические связи [1. С. 17].

С начала действия процесса страны обязались укреплять свое сотрудничество с целью уменьшения миграционного давления путем содействия профессиональному обучению и созданию рабочих мест в странах происхождения мигрантов. Прозвучал призыв заключать двусторонние соглашения о реадмиссии. Было решено налаживать сотрудничество и обмен информацией между органами безопасности, судебными органами, таможенными службами и другими ведомствами для борьбы с нелегальной иммиграцией [6].

19 февраля 1997 г. Еврокомиссия представила доклад о развитии процесса. Результаты сотрудничества в трех сферах были достаточно ограничены, поэтому основным условием продолжения оказания помощи Евросоюзом был назван прогресс стран-партнеров в деле модернизации их экономики, таким образом, ЕС стал постепенно внедрять принцип обусловленности своей помощи развитию [8]. В апреле того же года на Мальте состоялась Вторая Евро-Средиземноморская конференция, где участники подтвердили: результатами двухлетней работы Барселонского процесса стали лишь налаживание диалога между партнерами и проведение ряда семинаров и встреч. Они также высказались за углубление сотрудничества в вопросах регулирования миграции, для чего 1–2 марта 1999 г. в Гааге была проведена первая встреча экспертов по миграции [9].

В то же время с 1990-х гг. началась смена приоритетов ЕС во внешних отношениях, а именно – усиление внимания к государствам непосредственно у его границ. К началу нового тысячелетия Евросоюзом было признано, что государства Южного Средиземноморья стали странами исхода и транзита огромного количества иммигрантов в Европу. Так, например, в начале 2000-х гг. ежегодно 100–120 тыс. мигрантов пересекали нелегально морские границы ЕС через Средиземное море [10. С. 7].

В этой связи Европейский Совет 19 июня 2000 г. принял Общую стратегию по отношению к странам Средиземноморского региона, рассчитанную на четыре года, а затем продленную до января 2006 г. В документе подчеркивался стратегический характер сотрудничества в рамках Евро-средиземноморского партнерства с целью обеспечения мира, стабильности и процветания в регионе. Для достижения этой цели ЕС поставил перед собой такие задачи, как продвижение прав человека, демократии, эффективности системы управления и верховенства закона; установление зоны свободной торговли; борьбу с расизмом и ксенофобией и т.п., что соответствовало изменившемуся в 1990-х гг. пониманию политики развития. В сфере управления миграцией ЕС намеревался упростить выдачу виз, бороться с нелегальной миграцией, совершенствовать пограничный контроль, устранять причины миграции из третьих стран и способствовать интеграции иммигрантов в принимающее общество. Была обозначена необходимость пересмотра законодательства стран-партнеров в соответствии с европейскими стандартами. Необходимость помощи беженцам и борьбы с организованной преступностью в регионе также назывались в числе приоритетов средиземноморской политики ЕС [11].

Вскоре Европейская комиссия представила Совету и Европарламенту свое сообщение «Возрождение Барселонского процесса», где оценивались результаты и перспективы Евро-средиземноморского партнерства, а главное – его проблемы. Так, несмотря на то, что ЕС выделил за период 1995–2000 гг. более 9 млрд евро на поддержку своих партнеров по Барселонскому процессу, прогресс был замедлен по многим причинам. Например, переговоры и ратификация соглашений о сотрудничестве на деле занимали больше времени, чем предполагалось. Не удалось наладить торговлю между странами Южного Средиземноморья, а также привлечь туда крупные инвестиции. Для повышения эффективности партнерства Европейская комиссия представила свои детальные рекомендации с указанием сроков их имплементации, что было необходимо для стимулирования работы партнеров. Было вновь заявлено о том, что финансовая помощь участникам будет напрямую зависеть от их прогресса в проведении рекомендованных реформ [12].

В 2004 г. Европейским Советом был опубликован отчет, представивший обзор и корректировку целей стратегии отношений ЕС со странами Средиземноморья и Ближнего Востока. Приоритетом сотрудничества ЕС с данными регионами было названо стимулирование реформ, но особо подчеркивалось, что общества должны провести их сами, без принуждения извне. Возможно, причиной такой риторики стала недостаточность прогресса ряда стран Средиземноморья и Ближнего Востока в желаемом со стороны ЕС реформировании, поэтому Евросоюз решил снизить уровень своего вмешательства и свои финансовые издержки. Приводя длинный список трудностей, с которыми сталкиваются регионы Ближнего Востока и Средиземноморья, документ указывал и их источник – наличие огромного числа молодежи, чьи стремления к образованию и трудоустройству не могут реализоваться в текущих условиях. Соответственно, решение проблем региона должно быть комплексным и включать обеспечение стабильности и экономического роста, решение миграционных проблем, соблюдение норм права и надлежащее управление государством. Евросоюз обещал оказывать соответствующим странам техническую помощь для совместного управления миграционными потоками, включая совершенствование пограничного контроля и поддержку соответствующих ведомств [13].

Таким образом, ЕС постепенно осознал необходимость устранения таких причин массовой эмиграции из третьих стран, как бедность, политические гонения, отсутствие социальных гарантий, что повлекло за собой официальное утверждение комплексного подхода к регулированию иммиграции на общеевропейском уровне в конце 2005 г. Обеспечение стабильности и приобщение стран-партнеров к демократическим принципам, в свою очередь, как и сотрудничество с Евросоюзом непосредственно в деле регулирования миграции, должно, по мнению ЕС, создать вокруг него буфер от различных угроз, в том числе и нелегальной миграции [14. С. 423].

Тем временем прогресс в реализации целей Барселонского процесса был довольно скромным и выра-

жался скорее в установлении контактов, чем в реальном решении существующих проблем. Тем не менее, в рамках процесса в 2004 г. была запущена Первая евро-средиземноморская программа по миграции, рассчитанная на четырехлетний срок (2004–2007 гг.) и получившая финансирование в размере 2 млн евро. Программа охватывала страны Южного Средиземноморья и Ближнего Востока и была призвана помочь им в продвижении позитивного взаимовлияния миграции и развития и в управлении смешанными миграционными потоками, способствовать легальной миграции, объединить усилия государств в борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми. В ходе ее реализации было организовано около 40 тренингов для персонала из стран-участниц, 10 учебных поездок в страны ЕС, начато исследование роли женщин и миграции в Средиземноморском регионе, а также было предложено создать сайт для информирования общественности о прогрессе сотрудничества в данном направлении [15].

В 2005 г. был проведен юбилейный саммит, ознаменовавший десятилетие существования Барселонского процесса, где была принята пятилетняя программа действий. Во многом участники подтвердили принципы, оглашенные десять лет назад. Управление миграцией стало четвертой опорой Процесса, кроме того, большее внимание теперь стало уделяться вопросам расширения доступа к образованию и трудоустройству молодежи в странах Южного Средиземноморья. Однако в связи с отставанием от плана было решено отложить учреждение в регионе зоны свободной торговли до 2015 г. В целом же по абсолютному большинству направлений сотрудничества прогресс был гораздо меньше ожидаемого [16].

Эффективному решению проблем региона препятствовало, например, то что участники по-разному относятся к проблеме урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Кроме того, имплементации предлагаемых в рамках партнерства мер препятствует неэффективность системы управления в государствах Южного Средиземноморья. Например, по уровню коррупции во всем мире выделяются такие участники Партнерства, как Сирия (159-е место из 175), Ливан (136-е место), Алжир (100-е место), Марокко (80-е место), Тунис (79-е место) [17]. Поэтому вполне понятно, что проводить в таких условиях реформы катастрофически трудно. Барселонский процесс был парализован незначительностью достижений в осуществлении демократических и экономических реформ в странах Средиземноморья, а также в установлении зоны свободной торговли. Как следствие, не было достигнуто намеченное экономическое сближение ЕС и стран Южного Средиземноморья. Желанного значительного снижения иммиграции в ЕС, проходящей транзитом через Средиземноморский регион, достичь не удалось. Например, совокупная иммиграция в средиземноморские страны – члены ЕС Испанию, Португалию, Францию и Италию за период 1995–2008 гг. выросла в 10 раз: со 141 623 (1995 г.) до 1 414 934 чел. (2008 г.) [18].

Учитывая ограниченные достижения десятилетней деятельности в рамках Барселонского процесса, на

Европейском Совете 13–14 марта 2008 г. было решено, по предложению президента Франции Н. Саркози, изменить Барселонский процесс, переименовав его в Союз для Средиземноморья. Он во многом копировал прежний формат, хотя и был утвержден принцип совместного председательства двух стран – одного члена ЕС и одного государства Средиземноморского региона. Однако в рамках нового Союза не была предусмотрена деятельность по управлению миграцией напрямую, хотя принимаются действия по обеспечению занятости молодежи и согласованию профессиональной подготовки кадров с нуждами рынка труда в соответствующих странах, что в перспективе должно снизить уровень эмиграции из них [19]. Тем не менее, как элемент Евро-средиземноморского партнерства продолжали действовать Вторая (2008–2011 гг.), а затем Третья евро-средиземноморская программы по миграции (2012–2014 гг.), в рамках которых проводились тренинги для сотрудников миграционных ведомств стран-участниц, обучающие визиты и исследования [20].

Создание Средиземноморского союза стало компромиссом между его членами. Со стороны ЕС остро стоял вопрос об увеличении финансирования для его целей, однако большинство государств-членов считало приоритетом внешней политики восточное направление и расширение Евросоюза. Представители Арабского мира, страдающие от Ближневосточного конфликта, надеялись, что приоритетом Союза станет его урегулирование. В итоге создание Союза для Средиземноморья было скорее шагом политическим, призванным подчеркнуть важность ЕС в международных отношениях, а также удовлетворить внешнеполитические амбиции отдельных лидеров (президента Франции Н. Саркози, главы Палестины М. Аббаса и премьер-министра Израиля Э. Ольмерта), а не решить те проблемы, которые привели к провалу Барселонского процесса [21].

Барселонский процесс постепенно доказал свою несостоятельность, причинами которой стали разный уровень вовлеченности сторон в деятельность Процесса. Кроме того, Ближневосточный конфликт не был урегулирован и затруднил создание зоны безопасности и стабильности в регионе. Кроме того, Барселонский процесс не достиг поставленной экономической цели – создания зоны свободной торговли для стимулирования экономического развития стран, и в итоге увеличился разрыв в уровне экономического развития между северным и южным побережьем Средиземного моря, что в совокупности с рестриктивной миграционной политикой ЕС приводит к увеличению миграционного давления на Европу [1. С. 10, 21]. Другие причины неудачи Барселонского процесса включают недостаточную информированность заинтересованных слоев населения о возможностях и развитии процесса и медленную имплементацию заключенных в рамках процесса соглашений.

В результате Барселонский процесс не смог ликвидировать рост безработицы и отсутствие необходимых политических реформ в странах Южного Средиземноморья. Неудачи процесса стали одной из причин

Арабской весны – социальных волнений в этих странах с начала 2011 г. Арабская весна стала последствием противоречивой политики ЕС в регионе. С одной стороны, ЕС стал направлять свою помощь развитию эффективности экономических, политических и социальных реформ в третьих странах, что, однако, не мешало Евросоюзу сотрудничать с авторитарными режимами в целях поддержания видимой стабильности и сдерживания миграционного давления. С другой стороны, когда народы этих стран стали сами решать свою судьбу, западные страны охватила паника, по-

скольку этот процесс стал для них неуправляемым, в том числе и в ситуации с потоками беженцев, и в результате внешняя политика ЕС сосредоточилась на подавлении волнений, запугивании непокорных и поиске расположения новых лидеров. События Арабской весны продемонстрировали и неудачу миграционной политики в регионе: поскольку не были устранены первопричины эмиграции из стран Южного Средиземноморья, она не ослабла, а превратилась в настоящее бедствие, сопровождающееся гибелью мигрантов в Средиземном море [3. С. 138–143].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
2. Euro-Mediterranean Cooperation (Historical) [Electronic resource] // European Institute for research on Mediterranean and Euro-Arab cooperation (MEDEA), 2014. URL: <http://www.medea.be/en/themes/euro-mediterranean-cooperation/euro-mediterranean-cooperation-historical> (access date: 15.06.2015).
3. Fraser C. An Introduction to European Foreign Policy. 2nd ed. London, 2012.
4. Castles S. and Miller M.J. The age of migration. 4th ed. Palgrave Macmillan, 2009. 369 p.
5. International Migrants by Country of Destination // Migration Policy Institute. 2014. URL: <http://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/international-migration-statistics> (access date: 22.06.2015).
6. Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference // EU. 1995. URL: http://www.eeas.europa.eu/euromed/docs/bd_en.pdf (access date: 08.06.2014).
7. The Barcelona process // EEAS. 2014. URL: http://www.eeas.europa.eu/euromed/barcelona_en.htm (access date: 01.06.2014).
8. Progress report on the Euro-Mediterranean Partnership and Preparations for the Second conference of Foreign affairs ministers. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament // Commission of the European Communities, 19.02.1997. URL: <http://aei.pitt.edu/4291/1/4291.pdf> (access date: 08.06.2014).
9. Conclusions. Second Euro-Mediterranean Ministerial Conference // EU. 15–16.04.1997. URL: http://www.eeas.europa.eu/euromed/conf/malta_conc_en.pdf (access date: 08.06.2014).
10. Sorensen N.N. Mediterranean Transit Migration and Development: Experience and Policy Options [Electronic resource] / DIIS // Mediterranean Transit Migration. Copenhagen, 2006. URL: <http://subweb.diis.dk/sw24384.asp> (access date: 01.06.2014).
11. EU Common Strategy for the Mediterranean // European Council. 19.06.2000. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/external_relations/relations_with_third_countries/mediterranean_partner_countries/r15002_en.htm (access date: 11.06.2014).
12. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament to prepare the Fourth Meeting of Euro-Mediterranean Foreign Ministers 'Reinvigorating the Barcelona process' // Commission of the European Communities, 06.09.2000. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52000DC0497&from=EN> (access date: 11.06.2014).
13. Final Report on an EU Strategic Partnership with the Mediterranean and the Middle East // European Council, 2004. URL: <http://consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/Partnership%20Mediterranean%20and%20Middle%20East.pdf> (access date: 14.09.2014).
14. Lavenex S. and Uçarer E.M. The External Dimension of Europeanization: The Case of Immigration Policies // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39, № 4. P. 417–443.
15. Euro-Med Migration I // EU. 2014. URL: http://www.enpi-info.eu/mainmed.php?id_type=10&id=8 (access date: 02.09.2014).
16. Five year work programme // EEAS. 2005. URL: http://www.eeas.europa.eu/euromed/summit1105/five_years_en.pdf (access date: 06.03.2015).
17. Corruption by country // Transparency International. 2014. URL: <https://www.transparency.org/country> (access date: 30.04.2015).
18. International Migration Database // Organization for economic cooperation and development. 2015. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG> (access date: 12.06.2015).
19. Social & Civil Affairs // Union for Mediterranean Secretariat, 2015. URL: <http://ufmsecretariat.org/social-civil-affairs> (access date: 26.03.2015).
20. Euro-Med Migration III // EU Neighbourhood Info Centre. 2014. URL: http://www.enpi-info.eu/mainmed.php?id=391&id_type=10 (access date: 26.03.2015).
21. Zweiri M. and Pantaleo N. Will the Union for the Mediterranean learn from the Barcelona process? Research paper № 124 // RIEAS, 2008. URL: <http://rieas.gr/images/RIEAS124.pdf> (access date: 11.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 3 октября 2015 г.

THE BARCELONA PROCESS AND ITS RELEVANCE TO THE CURRENT IMMIGRATION CRISIS IN THE EU

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 103–107. DOI: 10.17223/15617793/403/17

Pogorelskaya Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Keywords: migration; European Union; Mediterranean region; Barcelona Process.

The single Europe entered into cooperation with its Mediterranean neighbours in the end of the 1960s with the development purposes. In 1972, it proceeded to the Global Mediterranean policy, which was updated in 1990. In 1995, the Euro-Mediterranean Partnership, or the Barcelona Process, was launched to enable cooperation between 15 EU members and 12 Mediterranean states. It was the first attempt to cooperate simultaneously in the spheres of politics and security, trade and economy, social and cultural affairs. Although migration was not at first among the Barcelona Process priorities, this mechanism regulated it in an indirect way. The Process was supposed to reduce emigration from the Mediterranean countries through their development, which had to create a wide range of opportunities for their population. The Process proceeded slowly with its main results being the establishment of the dialogue between partners and the organization of conferences and seminars. Therefore, the EU made the Mediterranean region one of its foreign policy priorities since 2000. Moreover, to urge its Mediterranean neighbours to carry out necessary political and economic reforms, the EU started to make its development aid conditional upon their progress and the will to cooperate in migration management. The EU also updated its Mediterranean strategy in 2004 and adopted the global approach to migration in 2005. In 2005, migration management was announced the forth priority of the Euro-Mediterranean Partnership. However, within 10 years the Partnership

did not achieve the expected results, which was caused by several reasons. The failure of the Barcelona Process was due to the unresolved Middle East conflict which separated the participants. The state machine inefficiency in most Mediterranean countries impeded the reforms implementation. In addition, the unsuccessful attempt to create the free-trade area in the Mediterranean region aggravated the gap in economic development between the northern and southern shores of the Mediterranean, which, in turn, resulted in rising migration from Northern Africa and the Middle East into Europe. In the sphere of migration, the first Euro-Med Migration programme was launched in 2004 to manage mixed migration flows in the Mediterranean region. It resulted in the organization of 40 staff trainings and 10 study visits, and the conduction of the research in female migration in the Mediterranean which were both completed within 4 years. The activity of the Barcelona Progress itself, however, was gradually falling. To maintain the opportunity to cooperate with its Mediterranean neighbours, the EU offered them to update the format of cooperation. Therefore, the Union for the Mediterranean was established in 2008. Although migration in the region was growing, migration management was not indicated among its priorities. However, the first Euro-Med programme was succeeded by the second and the third ones which also aimed at the migration service staff training and study visits organization. Despite the creation of the Union for the Mediterranean, the same obstacles the Barcelona Process faced earlier impeded it. The development gap between the two shores of the Mediterranean was growing as well as the number of people in Northern Africa and the Middle East demanding their fundamental rights to be observed. The failure of the Barcelona Process turned out to be one of the causes of the Arab Spring which shook the countries of Northern Africa and the Middle East in 2011. These events also showed the failure of the EU migration policy in the region since illegal migration is still growing. Today it is essential for the European Union to analyse the shortcomings of the Barcelona Process and reform its policy towards the Mediterranean region.

REFERENCES

1. Trofimova, O.E. (2011) *Evolutsiya sredizemnomorskoy politiki Evrosoyuzu: put' ot sotrudnichestva k integratsii* [The evolution of the EU Mediterranean policy: the path of cooperation to integration]. Moscow: IMEMO RAN.
2. European Institute for Research on Mediterranean and Euro-Arab Cooperation (MEDEA). (2014) *Euro-Mediterranean Cooperation (Historical)*. [Online]. Available from: <http://www.medeas.be/en/themes/euro-mediterranean-cooperation/euro-mediterranean-cooperation-historical>. (Accessed: 15 June 2015).
3. Fraser, C. (2012) *An Introduction to European Foreign Policy*. 2nd ed. London: Routledge.
4. Castles, S. & Miller, M.J. (2009) *The age of migration*. 4th ed. Palgrave Macmillan.
5. Migration Policy Institute. (2014) *International Migrants by Country of Destination*. [Online]. Available from: <http://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/international-migration-statistics>. (Accessed: 22 June 2015).
6. EU. (1995) *Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference*. [Online]. Available from: http://www.eeas.europa.eu/euromed/docs/bd_en.pdf. (Accessed: 08 June 2014).
7. EEAS. (2014) *The Barcelona process*. [Online]. Available from: http://www.eeas.europa.eu/euromed/barcelona_en.htm. (Accessed: 01 June 2014).
8. Commission of the European Communities. (1997) *Progress report on the Euro-Mediterranean Partnership and Preparations for the Second conference of Foreign affairs ministers*. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. 19.02.1997. [Online]. Available from: <http://aei.pitt.edu/4291/1/4291.pdf>. (Accessed: 08 June 2014).
9. EU. (1997) *Conclusions. Second Euro-Mediterranean Ministerial Conference*. 15–16.04.1997. [Online]. Available from: http://www.eeas.europa.eu/euromed/conf/malta_conc_en.pdf. (Accessed: 08 June 2014).
10. Sorensen, N.N. (2006) *Mediterranean Transit Migration and Development: Experience and Policy*. DIIS. *Mediterranean Transit Migration*. Copenhagen. [Online]. Available from: <http://subweb.diis.dk/sw24384.asp>. (Accessed: 01 June 2014).
11. European Council. (2000) *EU Common Strategy for the Mediterranean*. 19 June 2000. [Online]. Available from: http://europa.eu/legislation_summaries/external_relations/relations_with_third_countries/mediterranean_partner_countries/r15002_en.htm. (Accessed: 11 June 2014).
12. Commission of the European Communities. (2000) *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament to prepare the Fourth Meeting of Euro-Mediterranean Foreign Ministers 'Reinvigorating the Barcelona process'*. 06.09.2000. [Online]. Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52000DC0497&from=EN>. (Accessed: 11 June 2014).
13. European Council. (2004) *Final Report on an EU Strategic Partnership with the Mediterranean and the Middle East*. [Online]. Available from: <http://consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/Partnership%20Mediterranean%20and%20Middle%20East.pdf>. (Accessed: 14 September 2014).
14. Lavenex, S. & Uçarer, E.M. (2004) The External Dimension of Europeanization: The Case of Immigration Policies. *Cooperation and Conflict*. 39: 4. pp. 417–443. DOI: 10.1177/0010836704047582
15. EU. (2014) *Euro-Med Migration I*. [Online]. Available from: http://www.enpi-info.eu/mainmed.php?id_type=10&id=8. (Accessed: 02 September 2014).
16. EEAS. (2005) *Five year work programme*. [Online]. Available from: http://www.eeas.europa.eu/euromed/summit1105/five_years_en.pdf. (Accessed: 06.03.2015).
17. Transparency International. (2014) *Corruption by country*. [Online]. Available from: <https://www.transparency.org/country>. (Accessed: 30 April 2015).
18. Organization for Economic Cooperation and Development. (2015) *International Migration Database*. [Online]. Available from: <http://stats.oecd.org/In-dex.aspx?DataSetCode=MIG>. (Accessed: 12 June 2015).
19. Union for Mediterranean Secretariat. (2015) *Social & Civil Affairs*. [Online]. Available from: <http://ufmsecretariat.org/social-civil-affairs>. (Accessed: 26 March 2015).
20. EU Neighbourhood Info Centre. (2014) *Euro-Med Migration III*. [Online]. Available from: http://www.enpi-info.eu/mainmed.php?id=391&id_type=10. (Accessed: 26 March 2015).
21. Zweiri, M. & Pantaleo, N. (2008) Will the Union for the Mediterranean learn from the Barcelona process? Research paper 124. *RIEAS*. [Online]. Available from: <http://rieas.gr/images/RIEAS124.pdf>. (Accessed: 11 September 2014).

Received: 03 October 2015

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ (1941–1942 гг.)

Проблема увеличения военно-экономической помощи Китаю была одним из важнейших аспектов американо-китайских отношений во время войны с Японией. Цель исследования – изучение экономического сотрудничества между Вашингтоном и Чунцином. Результаты исследования выявили наличие разногласий между Вашингтоном и Чунцином, а также существование различных подходов в американском руководстве к вопросам экономической помощи Китаю.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество; кредиты; снабжение; ленд-лиз; военные поставки; сухопутные коммуникации; эффективность использования.

Преобразование США в непосредственного участника Второй мировой войны повлекло за собой существенное изменение характера американо-китайских отношений, в частности фактическое оформление военного союза между этими странами.

Необходимость такого союза осознавалась американскими военными, которые ратовали за тесное взаимодействие с Китаем в борьбе против общего врага – Японии. Так, органы военного планирования Вооруженных сил США исходили из того, что вклад Китая в борьбу с японской агрессией на Дальнем Востоке мог иметь исключительное значение. В то же время они были склонны сравнивать результаты возможного разгрома Китая и его выхода из войны в Вашингтоне с результатами разгрома Франции в континентальной Европе. Например, в меморандуме М. Гамильтона, руководителя отдела Дальнего Востока государственного департамента Соединенных Штатов, от 17 июня 1942 г. прямо указывалось, что «прекращение организованного китайского сопротивления сильно поднимет боевой дух японцев, высвободит значительное количество первоклассных японских частей, которые могут быть задействованы на других участках; в реальности можно говорить обо всех самых боеспособных моторизованных и механизированных частях, а также о подразделениях ВВС Японии; выход Китая из войны пагубно скажется на Объединенных нациях, поскольку это снизит боевой дух американцев, ударит по их авторитету и оставит без определенных видов стратегического сырья и союзнической поддержки в регионе, прилегающем к занятым врагом территориям, лишит их выгод от сопротивления, оказываемого оккупантам партизанами и всем населением занятых японцами районов». Таким образом, с первых дней тихоокеанской войны китайская политика США предусматривала всемерную поддержку Китая и предотвращение его военного поражения [1. Р. 75–78; 2. Р. 1583; 3. Р. 15; 4. С. 180].

Далеко не последнее место в формулировании американской политики по отношению к Китаю в рассматриваемый период занимали экономические мотивы. С точки зрения деловой элиты Соединенных Штатов, захват доминирующего положения на казавшемся очень емким внутреннем рынке Китая создавал возможность получения огромных прибылей в послевоенные годы. Китайская и американская экономики представлялись настолько взаимодополняющими, что

сотрудничество между ними могло стать источником колоссальных выгод для обоих партнеров. Многие представители деловых кругов США строили планы извлечения прибылей из эксплуатации природных ресурсов Китая – «его полезных ископаемых, плодородных почв и девственных лесов», эксплуатировать которые с должной эффективностью самостоятельно китайцы, будто бы, не могли. Ожидалось, что Китай способен потребить огромное количество американских технических изделий и потребительских товаров, не находивших сбыта в Соединенных Штатах. В частности, конгрессмен от Техаса Э. Госсет не скрывал надежд на преодоление безработицы и прочих социальных недугов представляемого им штата в результате продажи на китайском рынке техасского хлопка и прочих товаров. На наличие прочных торговых связей собственной семьи с Китаем часто указывал и президент США Ф. Рузвельт, один из предков которого по материнской линии сумел заработать на торговле в Китае крупный капитал, который заложил основу благосостояния рода Делано. Однако президент не скрывал опасений, что чрезмерное усиление американского экономического влияния в Китае может быть воспринято китайским народом не как стремление помочь этой стране «экономически встать на ноги», а лишь как усиление эксплуатации. Рузвельт считал, что следовало полностью устранить любые признаки неравноправия из экономических отношений Китая с западными государствами [5. Р. А238; 6. Р. 8582, 8623, А5656; 7. Р. 1529–1530; 8. Р. 251].

К началу 1942 г. такие наиболее передовые с точки зрения экономики китайские регионы, как Маньчжурия, север, центр и юг страны, большая часть морского побережья, крупнейшие торговые порты – Гуанчжоу (Кантон), Тяньцзинь и Шанхай – оказались под японской оккупацией. Не избежала этой участи и основная часть железных дорог Китая, включая почти весь подвижной состав. В результате китайцы были практически целиком отрезаны от внешнего мира, транспортное сообщение с которым могло теперь осуществляться только по проходившим через территорию Бирмы наземным коммуникациям, а также по авиалинии над Гималаями [9. С. 399; 10. С. 240].

Уже в 1941 г. состояние китайской экономики не внушало оптимизма, становясь все более сложным. Причины заключались в трудностях военного времени, огромных расходах на нужды армии, усилении

роли бюрократического капитала практически во всех сферах хозяйства. Несмотря на то что оставшаяся под контролем находившегося в Чунцине правительства Китая, возглавляемого генералиссимусом Чан Кайши, часть китайской территории имела богатую ресурсную базу, ее экономика имела сугубо аграрный характер и отличалась отсталостью – накануне войны там выпускалось менее 1% промышленной продукции Китая. В связи с организацией военного производства на этой территории китайское руководство встретило множество проблем. Так, практически вся тяжелая индустрия состояла из фабрик и заводов, передислоцированных сюда с восточного побережья в первые военные годы. В частности, было перебазировано свыше 340 предприятий машиностроения, металлургии, химической и текстильной отраслей. При этом самые передовые в техническом и организационном отношении производства были в государственной собственности. Следует отметить, что и в самой острой фазе войны с Японией производственные мощности Китая были загружены не более чем на 55%. Положение в сельском хозяйстве характеризовалось засильем феодально-помещичьих форм эксплуатации с наибольшим распространением натуральной ренты, размер которой равнялся половине урожая, но в отдельных случаях доходил до 70–80%. Пагубно влияли на китайскую экономику огромные темпы инфляции, вызванной ростом цен на самые необходимые товары и падением курса национальной валюты – юаня. Это было в значительной мере связано с тем, что правительство Китая лишилось основной доходной части бюджета на фоне существенного роста расходов государства. В военные годы китайский бюджет был дефицитным более чем на три четверти, а денежная эмиссия превратилась в основной способ финансирования военных расходов. Невзирая на большую эмиссию, реального роста государственных расходов не происходило. Например, в 1940–1942 гг. военные расходы с поправкой на инфляцию составили не более трети от их предвоенного уровня, в 1943 г. – не более одной пятой, а в 1944 г. – одной шестой. К 1945 г. денежная эмиссия превысила довоенную в 730 раз, цены возросли более чем в 1 600 раз, что имело крайне разрушительные последствия для реального сектора экономики. Данная ситуация привела к тому, что начиная с 1943 г. шло неуклонное снижение объемов производства, едва превысившего 12% довоенного уровня даже во время своего наивысшего подъема за весь военный период [1. Р. 4–5, 25–26; 11. Р. 288–289; 12. С. 395; 13. С. 73–76; 14. С. 246, 250; 15. С. 187, 189; 16. С. 175; 17. С. 121–122, 131–132; 18. С. 28].

Экономической базой политического господства возглавляемой Чан Кайши партии гоминдан во время войны явился так называемый бюрократический капитал, решающую роль в формировании которого сыграли «семьи» Чан Кайши, Сун Цзывэня, Чэнь Гофу, Чэнь Лифу и Кун Сянси. В военный период данная группировка контролировала практически все сферы китайского хозяйства. Во многом с усилением позиций бюрократического капитала было связано

создание крайне неповоротливого и неэффективного аппарата государственного вмешательства в экономическую и политическую жизнь Китая, поглощавшего огромную долю государственных расходов, что, помимо прочего, способствовало раскручиванию инфляции. Непосредственное участие государства в хозяйственной жизни стало средством обогащения бюрократической верхушки и близких к ней дельцов. Государственное регулирование экономики стало причиной невиданной коррупции во всех звеньях гоминдановской вертикали власти, выражавшейся во взяточничестве и незаконном присвоении государственных средств [19. Р. 2038; 20. С. 197].

Колоссальные масштабы коррупции и различных злоупотреблений наблюдались в Вооруженных силах Китая. Одним из главных способов обогащения коррумпированного офицерства являлась контрабандная торговля с находившимися под японской оккупацией районами страны. Так, весьма значительная часть потребляемого гоминдановской армией риса поступала из контролируемых врагом районов. Свою долю в этом имела и японская оккупационная администрация, получавшая таким образом многие необходимые ей товары. Согласно американскому журналисту Т. Уайту, в годы войны работавшему в Китае, японо-китайский фронт был похож на «решето, в отверстиях которого угнездилась одна из величайших контрабандистских организаций в истории человечества» [13. С. 92]. Через линию фронта шел обмен почтовыми отправлениями между оккупированными японцами и гоминданом китайскими провинциями, а гоминдановские чиновники даже могли переводить деньги своим семьям, находившимся на оккупированных врагом территориях. Естественно, что подобное положение не могло остаться секретом для высшего китайского руководства, которое не имело ни возможностей, ни желания что-либо изменить. По свидетельству посла США в Китае К. Гаусса, усилившиеся экономические проблемы уже в обозримом будущем могли привести к тяжелым последствиям, вплоть до падения правительства Чан Кайши [1. Р. 13–16; 8. Р. 197, 316–317; 13. С. 91–92; 21. Р. 27; 22. С. 102].

Первое официальное заявление об оказании экономической и военной помощи Китаю было сделано Рузвельтом 15 марта 1941 г. После того как американцы признали китайское сопротивление жизненно важным для их собственной безопасности, на Китай было распространено действие закона о ленд-лизе (6 мая 1941 г.). За этим последовало заключение двустороннего американо-китайского соглашения об оказании помощи в рамках закона о ленд-лизе (2 июня 1942 г.). Основы взаимовыгодного сотрудничества между Вашингтоном и Чунцином, включая экономическую и военную области, определялись договором о взаимопомощи, заключенном в июле 1942 г., который, несмотря на неопределенность некоторых своих положений, сыграл большую роль в оформлении американо-китайского союза. В результате в 1941–1945 гг. Китай получил от США поставок по ленд-лизу на общую сумму 631 млн долл. Еще раньше началось предоставление Китаю американской фи-

нансовой помощи. Так, в период с 1938 по 1941 г. Чунцин получил от США кредиты в размере 247 млн долл., которые были потрачены на закупку в Соединенных Штатах многих товаров, необходимых Китаю. За весь период войны правительство Чан Кайши получило четырнадцать американских кредитов на 1 млрд 314 млн долл. Расчеты по ним осуществлялись поставками вольфрама, олова, сурьмы, тунгового масла и прочих видов сырья и стратегических материалов, добывавшихся и производившихся в Китае. Усиление финансовой зависимости правительства Чан Кайши от США нашло выражение в изменении состава китайского внешнего долга. В частности, если в предвоенные годы основными кредиторами Китая являлись Великобритания и Япония, то после начала войны на первое место вышли Соединенные Штаты, что, помимо прочего, привело к увеличению роли американского капитала в китайской экономике. Этому во многом содействовала довольно многочисленная и сплоченная группировка настроенных проамерикански деятелей в правительстве Чан Кайши, а также в верхушке гоминдана, включавшая министра иностранных дел Сун Цзывэня, министра финансов Кун Сянси, министра информации Холлингтона Тонга. Проамериканские элементы имелись среди высших чиновников, представителей китайского бизнеса, профессоров высших учебных заведений, имевших американские дипломы о высшем образовании [15. С. 193–194, 198–199; 23. Р. 26; 24. Р. 2813, 2816; 25. С. 569].

Существенная доля поступавшей из США помощи расходовалась на улучшение состояния наземных коммуникаций, шедших через территорию Бирмы, в то время являвшейся британским владением. Это относится, прежде всего, к Бирманской дороге, которая вела от Рангуна, одного из крупнейших морских портов в регионе, почти через всю территорию страны, в юго-западный Китай. Значение этой дороги тем более возросло, что к началу 1942 г. она оказалась практически единственной наземной коммуникационной линией, соединявшей неоккупированную японцами часть Китая с западными союзниками. Полученные Чунцином в качестве кредитов суммы расходовались на приобретение в США грузовых автомобилей, горюче-смазочных материалов и запчастей к ним, а также асфальта и дорожно-строительной техники. В июне 1941 г. в ответ на официальный запрос правительства Чан Кайши Вашингтон направил в Китай экспертную группу, в задачи которой входила разработка рекомендаций по улучшению условий сообщения по Бирманской дороге. Деятельность группы способствовала увеличению объема перевозок с 4 тыс. т в январе 1941 г. до 15 тыс. т в ноябре. В июле 1941 г. в Чунцин прибыла американская военная миссия (сокращенно – АММИСКА) во главе с генералом Дж. Магрудером с целью оказания помощи в использовании американских военных поставок [23. Р. 26–27; 24. Р. 2813, 2816].

Для лидеров Китая не была секретом готовность США сделать крупную ставку на Чунцин в своей азиатской политике. Китайские верхи постарались сделать все возможное, чтобы воспользоваться данным

преимуществом ради упрочения положения своей страны в системе международных отношений, усиления позиций гоминдана внутри Китая, а также в интересах личного обогащения за счет поставок из Соединенных Штатов. В результате масштабы американской поддержки превратились едва ли не в главный вопрос американо-китайских отношений во время войны с Японией. Соответствующие запросы Чунцина неизмеримо возросли после японской атаки на Перл-Харбор. Так, китайские требования стали включать весьма обширный перечень новейших видов вооружения и боевой техники – от военных самолетов и самоходных артиллерийских установок до новейших танков и амуниции. Все более активно Чунцин требовал от Вашингтона и усиления налетов на японские позиции силами действовавших в Китае частей американской авиации. При этом подобные требования абсолютно не учитывали практически полное отсутствие в Вооруженных силах Китая специалистов по использованию данных видов вооружения, а также инфраструктуры и возможностей транспортировки такого количества грузов в Китай. Однако, стремясь избежать падения авторитета США среди китайцев, американские верхи не жалели обещаний «оказать любую возможную помощь», что, впрочем, вовсе не означало, что такая помощь на самом деле будет оказана в обещанных объемах [1. Р. 13–16; 8. Р. 115, 121, 189, 315; 11. Р. 80; 19. Р. 2043].

В результате того что ситуация на фронтах на рубеже 1941–1942 гг. становилась все сложнее, руководство Китая все более остро нуждалось в американской помощи. Поэтому в конце декабря 1941 г. от имени Чан Кайши в Вашингтон поступила просьба предоставить Чунцину кредит в размере 500 млн долл. Необходимость предоставления этого займа обосновывалась потребностью в поддержке курса национальной денежной единицы Китая – юаня и в улучшении экономической обстановки. В письме на имя министра финансов в администрации Рузвельта Г. Моргантау его китайский коллега Кун Сянси обосновывал потребность в кредите политической ситуацией, требовавшей демонстрации доверия к Чунцину со стороны официального Вашингтона [23. Р. 471–476].

Американское руководство приняло решение удовлетворить запрос о предоставлении кредита ввиду необходимости пресечь нарастание пораженческих тенденций внутри Китая, нанести удар по прояпонским симпатиям среди части представителей китайского руководства, не допустить возможной капитуляции Китая, сильнее привязать правительство Чан Кайши к Западу, укрепив по возможности его положение на внутривнутриполитической арене, упрочить экономические и политические позиции Соединенных Штатов в Китае. Идея предоставления займа была поддержана государственным департаментом, мотивировавшим свою позицию необходимостью избежать обвинений в «неискренности» со стороны китайцев. В результате 31 января 1942 г. Рузвельт потребовал от Конгресса немедленно предоставить правительству Чан Кайши полумиллиардный кредит в интересах повышения эффективности действий ки-

тайских войск на фронте. Ожидалось, что полученные в виде займа средства Китая израсходует на приобретение в США нужных ему товаров [1. Р. 453–456; 23. Р. 32, 477; 26. Р. 118].

По поводу расходования кредита среди членов американского руководства существовали различные точки зрения. Так, Г. Моргентау указывал на необходимость выдавать деньги китайским военным напрямую – по 10 долл. в месяц на каждого военнослужащего. Ради этого было предложено ввести наряду с юанем особую валюту – «демо». Политические дивиденды для США в данном случае заключались в том, что они, по сути, покупали китайские вооруженные силы. Моргентау указывал, что «пока китайцы сражаются, деньги будут поступать, а если они не будут сражаться, то прекратятся и деньги» [27. Р. 576]. По мнению Моргентау, без строгого контроля со стороны кредитора эти средства могли быть разворованы китайскими верхами. Правительство Китая отреагировало на предложения американского министра финансов резко негативно, так как установление иностранного контроля над вооруженными силами подрывало авторитет гоминдана. Поэтому Чан Кайши добился предоставления займа без жестких условий, заявив, что реализация предложений Моргентау окончательно подорвет систему денежного обращения в Китае [1. Р. 453–456; 23. Р. 477–478].

В результате стал очевиден политический подтекст проблемы выделения кредита. Согласно оценкам специалистов экономическое положение Китая было таково, что и более масштабные финансовые вливания могли не более чем притормозить дальнейшее ухудшение ситуации, и только решительные шаги китайского правительства были способны предотвратить нарастание кризиса [1. Р. 459, 509–510].

В итоге верх взяли те, кто считал необходимым удовлетворить пожелания Чан Кайши, стремившегося расходовать выделенные средства, не отчитываясь перед Вашингтоном. Например, госсекретарь США К. Хэлл в письме, направленном Рузвельту 31 января 1942 г., указывал на необходимость «предоставить китайцам то, к чему они стремились», мотивируя это «упорным сопротивлением, которое Китай оказывал и оказывает; его вклад в дело союзников заслуживает самой активной помощи, на какую мы способны» [Ibid. Р. 454]. Того же мнения придерживался американский министр обороны Г. Стимсон, полагавший, что в интересах США – предотвращение капитуляции Китая любыми средствами. Начальник штаба американской армии Дж. Маршалл также ратовал за скорейшее выделение кредита, так как, с его точки зрения, задержка в решении вопроса могла способствовать усилению позиций капитулянтских и откровенно прояпонских сил в китайском руководстве. По мнению Маршалла, не следовало как-либо стеснять Чан Кайши в расходовании полученных в виде кредита средств, поскольку Чунцин согласился назначить генерала Вооруженных сил США Дж. Стилуэлла начальником объединенного американо-китайского штаба, что само по себе представлялось эффективным механизмом контроля. В конечном счете, единствен-

ное ограничение, включенное в договор о предоставлении кредита, заключалось в сохранении за правительством Соединенных Штатов права «консультировать» Китай в том, что касалось расходования средств; Чунцин, в свою очередь, был обязан «информировать министерство финансов США по поводу использования денежных средств» [1. Р. 482–483; 3. Р. 21–22].

Таким образом, в американский конгресс поступили обращения министров обороны, финансов и государственного секретаря, рекомендовавшие положительное решение вопроса о предоставлении правительству Чан Кайши пятисотмиллионного займа. Результатом стало единогласное одобрение законопроекта в палате представителей 4 февраля и 5 февраля – в сенате, после чего 7 февраля 1942 г. он был подписан Рузвельтом. Единогласие и необычная быстрота принятия закона были представлены президентом как следствие «горячего желания и решимости действительно помочь нашему союзнику в великом сражении за свободу» [1. Р. 456]. Американо-китайский договор о предоставлении кредита был подписан 21 марта 1942 г. Полученные средства пошли на приобретение в Соединенных Штатах золота (на 220 млн долл.), в дальнейшем реализовывавшегося внутри Китая. Правительство Чан Кайши выпустило на 200 млн сертификатов и облигаций, свободно продававшихся и обменивавшихся на валюту. Данные шаги были направлены на преодоление инфляции, поскольку объективно вели к сокращению обращавшихся в стране денег. На 55 млн долл. были закуплены американские банкноты, а еще 25 млн долл. ушло на оплату импорта текстиля из США [5. Р. 1007–1008, 1040–1042, 1052–1053; 17. С. 127–128; 23. Р. 32–33].

Несмотря на принятые меры, американский кредит не способствовал сколько-нибудь существенному облегчению финансовой ситуации в Китае. В частности, искусственное занижение цен, по которым золото и ценные бумаги продавались представителям китайских верхов, привело к серьезным злоупотреблениям, а обесценение китайской валюты внутри страны не соответствовало ее курсу в международных расчетах. Чан Кайши и Кун Сянси в кратчайшее время скупили облигаций и прочих ценных бумаг на 50 млн долл., Сун Цзывэнь, Чэнь Гофу и Чэнь Лифу – на 5 млн и не известно, сколько еще – на подставных лиц. В конечном счете данные средства оказались на счетах в банках Великобритании, США, Швейцарии и Южной Африки [17. С. 128; 24. Р. 2115–2116].

Угроза захвата врагом шедших через Бирму наземных путей сообщения заставила правительство Чан Кайши обратиться в Вашингтон за содействием в рамках помощи по ленд-лизу в прокладке нового пути в Китай через Северную Бирму. Экономический советник президента США Л. Кэрри посоветовал удовлетворить данный запрос в интересах упрочения проамериканской линии в политике китайского правительства, как и для того, чтобы избежать чрезмерного падения авторитета Запада в глазах китайцев в случае захвата Рангуна японцами. Результатом стало согласие США поставить материалы, необходимые

для прокладки пути, на которую, согласно экспертным оценкам, должно было уйти не менее 2,5 лет. Для поддержания регулярного сообщения с союзниками до завершения строительства наземного пути Сун Цзывэнь 31 января направил в Вашингтон предложение организовать снабжение Китая по воздуху, для чего запрашивалось выделение 100 самолетов военно-транспортной авиации, что позволяло перебрасывать из Индии в Юго-Западный Китай до 12 000 т грузов в месяц. Данная инициатива нашла поддержку со стороны советника президента США Г. Гопкинса, который 14 марта 1942 г. направил Рузвельту памятную записку, где среди прочего указывалось: «Нам следует проложить авиалинию в Китай. Считаю необходимым постоянно подталкивать министерство обороны в данном направлении» [28. С. 117]. Президент согласился и с этим предложением, сообщив Чану, что поставки в Китай могут доставляться и воздушным путем. Длина авиалинии, которую следовало проложить над Южными Гималаями – районом, отличавшимся труднейшими погодными и прочими условиями, составляла не менее 700 миль. В результате каждый задействованный в ее обслуживании самолет мог совершать максимум два рейса в месяц. Организация воздушного пути была поручена генералу Дж. Стилуэллу. Распоряжение Рузвельта от 21 марта гласило, что авиалинии предстояло действовать даже в случае сохранения наземных путей сообщения за союзниками. В своем дневнике Стилуэлл отметил «признание всеми заинтересованными лицами значения Бирмы и необходимости проложить авиалинию и наземные дороги» [8. Р. 38; 23. Р. 27; 29. Р. 76–77, 93].

Оккупация японцами большей части бирманской территории весной 1942 г. привела к фактической блокаде Китая, крайне усложнившей доставку американской помощи. Отныне возможность активных антияпонских действий в Китае оказалась в зависимости от прокладки наземного пути. В руководстве США возникли опасения, что отсутствие безопасной сухопутной связи с внешним миром может подорвать готовность Китая продолжать войну. В окружении Рузвельта все более распространялось мнение, что подобное положение может ослабить американское влияние на ситуацию внутри Китая, чем непременно воспользуются прояпонские элементы в китайских верхах. На этой основе делался вывод о необходимости расширения экономической и военной помощи правительству Чан Кайши. В итоге Вашингтон столкнулся с необходимостью тщательной и всесторонней проработки вопроса об организации сообщения с Китаем, поскольку организованный весной 1942 г. воздушный путь, удостоенный американскими военными прозвища «Горб», так как проходил над высокогорным участком, не соответствовал в полной мере потребностям Китая. Задействованному в его обслуживании подразделению военно-транспортной авиации постоянно не хватало самолетов, горюче-смазочных материалов, навигационной техники, запчастей. В частности, вместо обещанных 100 военно-транспортных самолетов китайцы получили всего 35, причем увеличение их числа было невозможно ввиду по-

требностей других фронтов. Индийская оконечность маршрута включала шесть сильно перегруженных аэродромов. Все это закономерно привело к падению объема поставок с 15 000 т в ноябре 1941 г. до 4 770 т в течение всего 1942 г. Согласно существовавшим в Вооруженных силах США нормам «Горб» мог обеспечить потребности всего одной танковой дивизии. «Огромные усилия и мужество, которых требовал этот путь, – отмечал американский историк Р. Шервуд, – были несоизмеримы с теми... результатами, какие он мог дать» [28. С. 110]. Конгрессмен от Техаса Подж подсчитал, что от японцев Китай получал путем контрабанды больше необходимых ему товаров, чем в виде поставок из США. По данным американского военно-морского министра Ф. Нокса, китайцам доставалось всего 2,5% американских поставок зарубежным странам в рамках закона о ленд-лизе. По мнению Нокса, для исправления ситуации следовало освободить Бирму или уничтожить японские ВМС. В результате неадекватность воздушного пути реальным потребностям Китая была очевидна [23. Р. 27; 30. Р. 252; 31. Р. 38].

Военные неудачи союзников в первой половине 1942 г. привели к тому, что Чунцин, понимая свое значение для Запада, существенно ужесточил тон по отношению к Вашингтону. Руководство Китая открыто ставило активизацию антияпонских операций в зависимость от количества поставок из США. Оно указывало на угрозу краха китайского сопротивления и, как следствие, – на вероятность заключения сепаратного мира. В конце мая 1942 г. Чан Кайши направил по каналам главы китайской военной миссии в США Сюнь Сифэя письмо американскому руководству, в котором содержался анализ ситуации в Китае. Чан указывал, что доверие к Западу может иссякнуть, если союзники не предоставят достаточной помощи, подразумевающей выход Китая из войны [1. Р. 8, 57, 109–114; 9. С. 401–402; 32. Р. 132; 33. С. 297–298; 34. С. 264–265].

Между тем политика Вашингтона и Лондона давала китайскому руководству достаточно поводов для недовольства. В этом смысле характерен подход Соединенных Штатов к требованиям правительства Чан Кайши – ввести представителей Чунцина в межсоюзнический совет, ведавший распределением военных поставок. Требования такого рода поступали в американскую столицу регулярно. Лидеры Китая неоднократно жаловались по поводу того, что вопросы распределения помощи в виде вооружений решались без участия китайцев. То, что приоритет отдавался военным поставкам в СССР и Великобритании, вызывало в Чунцине откровенное возмущение. Инструктируя Сун Цзывэня в данном вопросе, Чан указывал, что отсутствие китайских представителей в совете означает, что Китай – не более чем «пешка в игре». При этом он акцентировал внимание на фактическом неравноправии Чунцина во всем, что относилось к распределению военной помощи. «В каком положении мы окажемся на мирных переговорах при таком отношении к нам в период войны?» – задавался вопросом лидер Китая [1. Р. 33–34]. В инструкциях Чана Сун Цзывэню указывалось на необходимость непре-

клонного отстаивания китайских интересов по этой проблеме. Комментируя переданное президенту США послание, Сун обратил внимание на недовольство Чунцина невозможностью повлиять на важнейшие решения союзников, касающиеся китайцев. В одном из посланий на имя Г. Гопкинса Сун Цзывэнь отмечал необходимость предоставления Китаю права непосредственного участия в работе союзных органов, изучавших потребность в вооружениях и распределявших военную помощь. «Только мы сами можем должным образом обосновать наши нужды, – указывалось в послании, – это не под силу американским офицерам как в виду их недостаточной осведомленности в нашей ситуации, так и ввиду политических причин, поскольку наш народ не может согласиться с существующим положением» [21. Р. 135–136]. Тем не менее требования допустить китайцев в совет по распределению военных поставок были отклонены два раза только в первой половине 1942 г. – в апреле и июне [21. Р. 80; 28. С. 111; 31. Р. 65; 35. Р. 261–263]. Причина неуступчивости союзников крылась в том, что, настаивая на увеличении своей доли в военных поставках, Чунцин не вносил абсолютно ничего в распределяемые советом ресурсы [36. Р. 207, 209].

Вместе с тем американцы рассчитывали довести военную помощь правительству Чан Кайши в виде оружия до 85 000 т и в виде горюче-смазочных материалов – до 55 000 т в месяц. Однако максимальное количество грузов, перевозимых через «Горб», не могло превышать 20 000 т ежемесячно. Оставшиеся объемы планировалось перебрасывать по наземной дороге, проходившей по северной части Бирмы, а также с помощью двух параллельных ей трубопроводов. Прокладка этого пути началась в декабре 1942 г. под руководством генерал-майора американской армии Л. Пика. Сложные природные условия, как и то, что основную часть территории, по которой должна была пройти дорога, следовало очистить от врага, привели к крайне вялому ходу строительства, которое завершилось в январе 1945 г. Этот проект вошел в историю одновременно как «новая бирманская дорога», «дорога Ледо» и «дорога Стилуэлла» и был назван Г. Стимсоном «великим военным и инженерным достижением» [24. Р. 3622; 37. Р. 253].

Ситуация на китайском фронте и меры по преодолению последствий оккупации Бирмы обсуждались во время встречи генерала Стилуэлла с Чан Кайши, состоявшейся 15 июня 1942 г. С точки зрения лидера Китая все проблемы могли быть решены путем увеличения поставок. Однако Стилуэлл считал, что дополнительные объемы военной помощи не приведут к увеличению боевых возможностей китайской армии. По мнению генерала, почти поголовно неграмотные крестьяне, составлявшие подавляющее большинство Вооруженных сил Китая, были неспособны эффективно использовать новейшую технику и оружие. Стилуэлл также полагал, что в результате захвата Бирмы врагом американская помощь не сможет превысить 10% объема, ранее обещанного Вашингтоном, ввиду сложностей с доставкой, о чем проинформировал американское командование 20 июня. Поэтому

генерал рекомендовал китайцам воздержаться от требований об увеличении помощи, а министерству обороны США – не брать на себя невыполнимых обязательств. Изменить ситуацию, по мнению Стилуэлла, можно было только с помощью глубокого реформирования китайской армии [8. Р. 142].

Воплотить свои идеи в жизнь генерал рассчитывал путем обучения американскими военными инструкторами и вооружения в рамках закона о ленд-лизе двух китайских корпусов из шести дивизий в составе приблизительно ста тысяч бойцов. Предполагалось, что данные подразделения станут элитой китайской армии, из которой в дальнейшем вырастут обновленные Вооруженные силы Китая. Реализация проекта, одобренного Чан Кайши 27 апреля 1942 г., должна была занять от четырех месяцев до полугода [8. Р. 136–137; 38. Р. 475–476].

Осуществление плана подготовки китайских корпусов началась в июне 1942 г. Со временем количество войск, которые предстояло обучить за счет США, увеличилось до ста дивизий. Британская колониальная администрация в Индии согласилась предоставить для этого тренировочный центр в районе города Рамгарх (Индия, штат Бихар), ранее использовавшийся для содержания пленных японцев, а также снабжать проходившие обучение войска в счет оплаты американских поставок в соответствии с законом о ленд-лизе. Соединенные Штаты предоставляли все необходимое вооружение и боевую технику. Подготовка китайских корпусов началась с августа 1942 г. обучением тех дивизий, которые отступили в Индию в результате поражения в Бирме. Велось преподавание тактики ведения сухопутной войны, применения современных видов оружия и военной техники. Руководство реализацией рамгархского проекта Стилуэлл взял на себя. Результат оказался более чем обнадеживающим, весьма впечатлив китайского лидера, согласившегося перебросить в Рамгарх дополнительное количество боевых подразделений в составе 50 000 бойцов. В 1942–1944 гг. в Индии прошли подготовку в общей сложности 66 000 китайских солдат и офицеров. В последующем на территории Китая было создано два тренировочных центра, аналогичных рамгархскому, в целях увеличения темпов подготовки элитных военных частей для правительства Чан Кайши. Тем не менее ко второй половине 1944 г. Стилуэлл сумел подготовить только 20 дивизий, а к концу тихоокеанской войны проект обучения элиты китайской армии удалось реализовать не более чем на 50% [8. Р. 117, 134, 136–138; 11. Р. 26; 22. С. 94–95, 128].

Избрав тактику «дешевой войны», правительство Чан Кайши стремилось воспользоваться помощью США как основным инструментом противодействия японской агрессии. При этом базировавшиеся на Китай подразделения американской авиации рассматривались как главная ударная сила союзников в Восточной Азии. Вдохновителем этого плана стал полковник К. Ченнолт, командир расквартированного в Китае добровольческого подразделения ВВС США, известного под наименованием «Летающие тигры», после присоединения американцев к войне с Японией вклю-

ченного в состав армии США. В дальнейшем Ченнолт претендовал на должность командующего всеми американскими авиационными подразделениями в Китае, однако Стилуэлл добился назначения на этот пост генерал-майора К. Бисселя, сумевшего резко поднять эффективность действий американской авиации в Китае [13. С. 156; 22. С. 115–116; 39. Р. 380].

Ченнолт всерьез считал, что японские войска на китайском фронте могут быть разбиты преимущественно посредством авианалетов. В качестве условия выдвигались передача под командование Ченнолта пятисот боевых самолетов и создание передовых баз для них. Таким образом, активизация действий американских ВВС рассматривалась как самая эффективная помощь Китаю, поскольку успех планов Ченнолта делал ненужными преобразования в китайских вооруженных силах и подготовку группы элитных подразделений, способных в неблагоприятной ситуации перейти в лагерь врагов Чан Кайши. Эти замыслы также соответствовали одному из американских принципов ведения войны в материковом Китае, предусматривавшему использование местных человеческих ресурсов [8. Р. 221; 19. Р. 2005, 2150; 28. С. 406; 40. Р. 215, 220–221].

Стилуэлл полагал, что планы Ченнолта переоценивают потенциал ВВС, не отводя существенной роли наземным войскам. По мнению генерала, резкая активизация действий авиации может спровоцировать наступательные операции японцев на американские авиабазы, что уже имело место весной 1942 г. в Чжэцзяне. Стилуэлл считал, что оборона авиабаз требовала до полусотни прекрасно оснащенных дивизий, которых в Китае не было, в силу чего усиление активности ВВС на китайском фронте казалось авантю-

рой. Условием появления таких дивизий могло быть только восстановление наземных путей сообщения с союзниками, т.е. отвоевание Бирмы. Ченнолт ответил обвинением в адрес Стилуэлла в принижении значения ВВС, в высокомерии по отношению к руководству Китая, списав на генерала неудачу усилий по увеличению численности американских ВВС на китайском фронте. С точки зрения Ченнолта, отстаиваемые Стилуэллом планы наступления в Бирме были пустой тратой и без того скудных ресурсов ввиду сложности бирманских природных условий. В результате между Стилуэллом и Ченнолтом разгорелась острая борьба за контроль над поступающими в Китай американскими военными поставками. Как командующий войсками США в Китае Стилуэлл расходовал основную часть поставок на подготовку элитных подразделений китайской армии, игнорируя поддержку предложений Ченнолта правительством Чан Кайши. Ситуация обострялась из-за того, что авиация была самой активной частью союзных сил в материковом Китае. Результатом явилось резкое недовольство Чан Кайши деятельностью генерала Стилуэлла [8. Р. 348–349; 40. Р. 142, 220, 222–223; 41. Р. 468; 42. Р. 288].

Таким образом, противоречия между Вашингтоном и Чунцином по вопросам военно-экономического сотрудничества, выявившиеся в начальный период тихоокеанской войны, оказывали серьезное негативное воздействие на отношения двух государств не только в экономической, но и в прочих областях, способствуя возникновению острейших разногласий по вопросам китайской политики и внутри американского руководства, что еще более ярко проявилось в условиях коренного перелома в ходе Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS) 1942. China. Wash., 1956. 782 p.
2. Hull C. Memoirs of Cordell Hull. Vol. 1–2. N. Y. : Macmillan, 1948. Vol. 2. 1804 p.
3. Feis H. The China Tangle. The American Effort in China. Princeton : Princeton University Press, 1953. X, 445 p.
4. Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945). М. : Наука, 1988. 335 с.
5. United States of America. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress. 2nd Session. Wash. : GPO, 1942. Vol. 88. 10152 p.
6. United States of America. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 78th Congress. 1st Session. Wash. : GPO, 1943. Vol. 89. 11005 p.
7. F.D.R. His Personal Letters. Vol. I–III. N. Y. : Duell, Sloan, and Pearce, 1950. Vol. III, pt. II. 877 p.
8. Stilwell G. The Stilwell Papers. N. Y. : William Sloane, 1948. XVI, 357 p.
9. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М. : Воениздат, 1975. Т. 4. 536 с.
10. Очерки новейшей истории Японии / Е.М. Жуков, А.Л. Гальперин, А.В. Варшавский. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 367 с.
11. FRUS. Diplomatic Papers. 1944. China. Wash. : GPO, 1967. 1206 p.
12. История Китая с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М. : Наука, 1974. 534 с.
13. Уайт Т., Джекоби Э. Гром из Китая. М. : Иностранная литература, 1948. 296 с.
14. История экономического развития Китая 1840–1948 гг. : сб. стат. материалов. М. : Иностранная литература, 1958. 380 с.
15. Болдырев Б.Г. Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840–1948 гг.). М. : Госфиниздат, 1962. 222 с.
16. Сапожников Б.Г. Китайский фронт во Второй мировой войне. М. : Наука, 1971. 230 с.
17. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949). М. : Наука, 1977. 317 с.
18. Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954. М. : Наука, 1985. 288 с.
19. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. State Department Employee Loyalty Investigation. Hearings before the Committee on Foreign Relations. 81st Congress. 2nd Session. Pt. 1–3. Wash. : GPO, 1950. Pt. 2. 2525 p.
20. Новейшая история Китая 1917–1970 / отв. ред. М.И. Сладковский. М., 1972. 437 с.
21. FRUS. Diplomatic Papers. 1943. China. Wash. : GPO, 1957. 908 p.
22. Элдридж Ф. Гнев в Бирме. Нецензурированные записи о генерале Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке. М. : Воениздат, 1947. 219 с.
23. U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Wash. : GPO, 1949. 1054 p.
24. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. United States Senate. 82nd Congress. 1st Session. Pt. 1–5. Wash. : GPO, 1951. Pt. 5. 3691 p.
25. Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Перл-Харбора до Каира. М. : Наука, 1969. 648 с.
26. Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1–25. N. Y. : De Capo Press, 1972. Vol. 19. 398 p.
27. Morgenthau H. The Presidential Diaries of Henry Morgenthau, Jr. (1938–1945). Frederick, Md. : University Publications of America, 1981. microform.
28. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1–2. М. : Иностранная литература, 1958. Т. 2. 679 с.

29. Romanus Ch., Sunderland R. *Stilwell's Mission to China*. Wash. : Office of the Chief of Military History, 1953. XIX, 441 p.
30. Young A. *China and the Helping Hand, 1937–1945*. Cambridge : Harvard University Press, 1963. XX, 502 p.
31. Thorne B. *The Hump. The Great Military Airlift of World War II*. Phil. : Lipp., 1965. 188 p.
32. *Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 1–25. N.Y. : De Capo Press, 1972. Vol. 20. 316 p.
33. История дипломатии. Т. 1–5. М. : Политиздат, 1975. Т. 4. 752 с.
34. Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М. : Воениздат, 1955. 496 с.
35. *Documents on American Foreign Relations*. Vol. 5. Edited by Leland M. Goodbrich and Marie J. Carroll. Boston : WPF, 1944. XXXV, 735 p.
36. Hayes G. *The History of the Joint Chiefs of Staff in World War II. The War against Japan*. Annapolis : Naval Institute Press, 1982. XXV, 964 p.
37. Wedemeyer A. *Wedemeyer Reports!* N. Y. : Henry Holt, 1958. 497 p.
38. *The Papers of George Catlett Marshall*. Larry J. Bland, Sharon Ritenour Stevens. Vol. 1–6. Baltimore : JHU Press, 1991. Vol. 3. 840 p.
39. Arnold H. *Global Mission*. N. Y. : Harper & Brothers, 1949. XII, 626 p.
40. Chennault C. *Way of a Fighter*. N. Y. : Putnam, 1949. XXII, 375 p.
41. Peck G. *Two Kinds of Time*. Boston : Houghton Mifflin, 1950. VIII, 725 p.
42. Perret G. *There's a War to Be Won. The United States Army in World War II*. N. Y. : Random House, 1991. XXVIII, 623 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июля 2016 г.

US-CHINA ECONOMIC COOPERATION DURING THE WAR AGAINST JAPAN (1941-1942)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 108–116. DOI: 10.17223/15617793/403/18

Ragozin Dmitry V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dvr@tpu.ru

Keywords: economic cooperation; credits; supply; lend-lease; military supplies; land communications; efficiency.

During the war with Japan, the US policy toward China was based on the need for close political, military and economic cooperation with China. The business elite of the United States sought to capture a dominant position in the domestic market in China which seemed very capacious, thus creating the possibility of huge profits in the postwar years. In general, the economic motives played an important role in formulating the American policy toward China in the period under review. By the beginning of 1942 the economic situation in China was difficult. Chinese regions most advanced in terms of economy as well as most of the sea coast with the major trading ports were under Japanese occupation. As a result, China was almost entirely cut off from the outside world. State regulation of the economy led to unprecedented corruption at all levels of the Kuomintang vertical of power, taking the form of bribery and misappropriation of public funds. The solution could only be the recovery of land communications with the Allies, that is the reconquest of Burma. In May, 1941, Washington recognized China's defense as vital to US security, resulting in the issue of increasing military and economic aid to China to become one of the key aspects of US-China relations. American aid to China was in the form of direct military supplies, the provision of loans, sending experts in various fields to support China. Aware of its importance for the Western allies, the Chiang Kai-shek government tightened its tone against the United States, making the increased activity at the front dependent on the amount of American aid. Having chosen the tactics of "cheap war", the Chinese leadership made a stake on the use of US equipment and weapons as the main factors in the fight with the enemy on the Chinese front. The urgency of this problem is determined by China's role in the Allied strategy in the initial period of the Pacific War, as well as by the role of the US-Chinese cooperation in the plans of the administration of US President Franklin D. Roosevelt regarding the post-war reconstruction in the Far East. The aim of the research is to examine the issues related to the expansion of economic cooperation between Washington and Chungking. The methodological bases are the principles of historicism and objectivity. Research novelty is the use of an extended range of sources, some of which have not previously been used by domestic researchers, as well as bringing together the US-China economic cooperation in the initial period of the war. The results revealed sharp disagreements between the US and China, which led to a clash of different points of view in the US establishment for economic cooperation with the government of Chiang Kai-shek. The conflict between Washington and Chungking on military-economic cooperation, which was revealed in the initial period of the Pacific War, had a major negative impact on the relations between the two countries not only in economic but also in other areas, contributing to the emergence of sharp differences on the Chinese policy within the American leadership, which is even more apparent in conditions of a radical change in the course of the Second World War.

REFERENCES

1. *Foreign Relations of the United States. (1956) Diplomatic Papers. 1942. China*. Washington: GPO.
2. Hull, C. (1948) *Memoirs of Cordell Hull*. Vol. 2. New York: Macmillan.
3. Feis, H. (1953) *The China Tangle. The American Effort in China*. Princeton: Princeton University Press.
4. Abylgaziev, I.I. et al. (1988) *Kitay v period voyny protiv yaponskoy agressii (1937–1945)* [China during the war against Japanese aggression (1937–1945)]. Moscow: Nauka.
5. United States of America. (1942) *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress. 2nd Session*. Vol. 88. Washington: GPO.
6. Weinberg, G.L. (ed.) (1943) *United States of America. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 78th Congress. 1st Session*. Vol. 89. Washington: GPO.
7. Roosevelt, E. & Lash, J.P. (eds) (1950) *F.D.R. His Personal Letters*. Vol. III. Pt. II. New York: Duell, Sloan, and Pearce.
8. Stilwell, G. (1948) *The Stilwell Papers*. New York: William Sloane.
9. Grechko, A.A. et al. (eds) (1975) *Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945. T. 1–12* [History of the Second World War 1939–1945. Vols 1–12]. Vol. 4. Moscow: Voenizdat.
10. Zhukov, E.M., Gal'perin, A.L. & Varshavskiy, A.V. (1957) *Ocherki novyeshyey istorii Yaponii* [Essays on the modern history of Japan]. Moscow: USSR AS.
11. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (1967) Diplomatic Papers. 1944. China*. Washington: GPO.
12. Simonovskaya, L.B. & Yur'ev, M.F. (eds) (1974) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of China from ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
13. White, T. & Jacoby, E. (1948) *Grom iz Kitaya* [Thunder from China]. Translated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
14. Lebedinskaya, L.N. (ed.) (1958) *Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Kitaya 1840–1948 gg.* [The history of China's economic development in 1840–1948]. Translated from Chinese. Moscow: Inostrannaya literatura.
15. Boldyrev, B.G. (1962) *Zaymy kak orudie zakabaleniya Kitaya imperialisticheskimi derzhavami (1840–1948 gg.)* [Loans as a tool of the imperialist powers' enslaving China (1840–1948)]. Moscow: Gosfinizdat.

16. Sapozhnikov, B.G. (1971) *Kitayskiy front vo Vtoroy mirovoy voyne* [The Chinese front during World War II]. Moscow: Nauka.
17. Meliksetov, A.B. (1977) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika gomin'dana v Kitae (1927–1949)* [The socio-economic policy of the Kuomintang of China (1927–1949)]. Moscow: Nauka.
18. Ledovskiy, A.M. (1985) *Kitayskaya politika SShA i sovetskaya diplomatiya 1942–1954* [The Chinese policy of the US and Soviet diplomacy of 1942–1954]. Moscow: Nauka.
19. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1950) *State Department Employee Loyalty Investigation*. Hearings before the Committee on Foreign Relations. 81st Congress. 2nd Session. Pt. 2. Washington: GPO.
20. Sladkovskiy, M.I. (ed.) (1972) *Noveyshaya istoriya Kitaya 1917–1970* [The modern history of China 1917–1970]. Moscow: Mysl'.
21. Foreign Relations of the United States. (1957) *Diplomatic Papers. 1943. China*. Washington: GPO.
22. Eldridge, F. (1947) *Gnev v Birme. Netsenzurovannye zapisi o generale Stiluelle i mezhdunarodnykh intrigakh na Dal'nem Vostoke* [Wrath in Burma. Non-censored record of General Stilwell and international intrigue in the Far East]. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
23. United States Department of State. (1949) *U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949*. Washington: GPO.
24. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. (1951) *Military Situation in the Far East*. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. United States Senate. 82nd Congress. 1st Session. Pt. 5. Wash.: GPO.
25. Sevost'yanov, G.N. (1969) *Diplomaticheskaya istoriya voyny na Tikhom okeane. Ot Perl-Kharbora do Kaira* [Diplomatic History of the Pacific War. From Pearl Harbor to Cairo]. Moscow: Nauka.
26. Roosevelt, E. (ed.) (1972) *Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 19. New York: De Capo Press.
27. Morgenthau, H. (1981) *The Presidential Diaries of Henry Morgenthau, Jr. (1938–1945)*. Frederick, Md.: University Publications of America.
28. Sherwood, R. (1958) *Ruzvel't i Gopkins glazami ochevidtsa* [Roosevelt and Hopkins eyewitnessed]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Inostrannaya literatura.
29. Romanus, Ch. & Sunderland, R. (1953) *Stilwell's Mission to China*. Washington: Office of the Chief of Military History.
30. Young, A. (1963) *China and the Helping Hand, 1937–1945*. Cambridge: Harvard University Press.
31. Thorne, B. (1965) *The Hump. The Great Military Airlift of World War II*. Phil.: Lipp.
32. Roosevelt, E. (ed.) (1972) *Complete Presidential Press Conferences of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 20. New York: De Capo Press.
33. Gromyko, A.A. et al. (1975) *Istoriya diplomatii. T. 1–5* [The history of diplomacy. Vols 1–5]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
34. Metloff, M. & Snell, E. (1955) *Strategicheskoe planirovanie v koalitsionnoy voyne 1941–1942 gg.* [Strategic planning in the coalition war of 1941–1942]. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
35. Goodbrich, L.M. & Carroll, M.J. (eds) (1944) *Documents on American Foreign Relations*. Vol. 5. Boston: WPF.
36. Hayes, G. (1982) *The History of the Joint Chiefs of Staff in World War II. The War against Japan*. Annapolis: Naval Institute Press.
37. Wedemeyer, A. (1958) *Wedemeyer Reports!* New York: Henry Holt.
38. Bland, L.J. et al. (eds) (1991) *The Papers of George Catlett Marshall*. Vol. 3. Baltimore: JHU Press.
39. Arnold, H. (1949) *Global Mission*. New York: Harper & Brothers.
40. Chennault, S. (1949) *Way of a Fighter*. New York: Putnam.
41. Peck, G. (1950) *Two Kinds of Time*. Boston: Houghton Mifflin.
42. Perret, G. (1991) *There's a War to Be Won. The United States Army in World War II*. New York: Random House.

Received: 15 July 2015

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ СЪЕЗДА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ: ОКТЯБРЬ 1917 – ЯНВАРЬ 1919 г.

На основании архивных материалов, «Трудов Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске», «Трудов съезда по организации Института исследования Сибири», а также периодической печати рассматриваются подготовка и проведение съезда по организации Института исследования Сибири, призванного координировать усилия сибирских исследователей, направленные на изучение обширного региона на востоке страны.

Ключевые слова: история науки; Первый сибирский метеорологический съезд; Институт исследования Сибири.

В мае 1957 г. по инициативе группы учёных во главе с академиками М.А. Лаврентьевым, С.Л. Соболевым и С.А. Христиановичем было образовано Сибирское отделение Российской академии наук. Основной задачей этого отделения было «всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук, направленных на решение важнейших научных проблем, а также проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока» [1. С. 136]. Это отделение сыграло огромную роль в развитии науки не только Сибири, но и всей России.

Однако попытки создать единую научную организацию, охватывающую главные научные направления, предпринимались задолго до 1957 г. Первой такой попыткой стал образованный в Томске в феврале 1919 г. Институт исследования Сибири.

Изучение того, как проходили подготовительные мероприятия по открытию съезда, не входит в тему данного исследования. Подробно этот вопрос рассмотрен в статье Н.Н. Кузнецовой «Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 – середина января 1919 г.)», а также в коллективной монографии С.А. Некрылова, С.Ф. Фоминых, Н.Г. Маркевича, С.А. Меркулова «Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.)». Мы же остановимся здесь только на некоторых наиболее важных моментах.

Впервые о необходимости создания такой научной организации заговорили еще на Первом сибирском областном метеорологическом съезде, проходившем в конце октября 1917 г. в Иркутске. Профессор Томского технологического института (ТТИ) Б.П. Вейнберг, исполнявший обязанности председателя съезда, в своей приветственной речи уделил важное место будущему Институту исследования Сибири, которому на съезде было посвящено отдельное заседание. Предложив программу «максимум» в виде объединения различных учреждений, посвятивших себя научным и научно-практическим изысканиям, в единое Министерство науки, Б.П. Вейнберг, тем не менее, признавал, что «значительно легче осуществить учреждение «Института исследования Сибири», задачами которого были бы собирание сведений о произведённых уже

исследованиях Сибири и их результатов, объединение и согласование предстоящих исследований, и общее руководство ими» [2. С. 6].

Открытие съезда, посвящённое созданию Института исследований Сибири, состоялось только в январе 1919 г. Причин такой задержки имелось предостаточно: Октябрьская революция и последующая за ней Гражданская война, недостаточная активность в плане ответов на обращения к потенциальным участникам съезда, а также позднее решение Совета министров Всероссийского Временного правительства адмирала А.В. Колчака по проведению съезда. Так, В.Б. Шостакович в письме Б.П. Вейнбергу от 30 октября 1918 г. писал: «Ответы на приглашение на съезд получаются мало, особенно от правительственных учреждений. В связи с этим послал В.В. Сапожникову депешу: “Значение съезда выиграет при официальном участии различных ведомств...”» [3. Д. 1. Л. 36]. Непосредственно перед открытием прошел ряд заседаний Бюро, на которых рассматривались вопросы организационного характера и разрабатывался проект Положения об Институте.

Открывший 15 января 1919 г. первое заседание съезда министр народного просвещения в правительстве А.А. Колчака, профессор Томского университета В.В. Сапожников логично связал военные бедствия в Первой мировой войне России с крайне слабым знанием природных богатств страны и культурной отсталостью, а последнюю – с низким уровнем образования и недостатком научных сил. В частности, он отметил: «Грешно сказать, что в Сибири не было исследований. С исследованием Сибири связаны крупные имена, очень часто иностранные, но эти исследования носили случайный характер. Эти исследования не были подчинены какому-нибудь одному определённому плану. Это – с одной стороны, а с другой стороны, если мы сравним всю сумму исследований, произведённых по сейчас в Сибири, то это окажется ничтожной крупицей сравнительно с той гигантской территорией, которая подлежит обследованию» [4. Ч. 1. С. 13].

Накануне открытия съезда «Сибирская жизнь» опубликовала статью: «К съезду Института исследования Сибири», в которой писала: «Изучение Сибири началось давно, но велось без определённого общего плана; научные экспедиции наряжались в отдалённые окраины, оставляя нетронутыми районы близкие и часто более важные в отношении экономическом, или представляли последние изучать таким ведомствам

как переселенческое управление, которое и результаты изучения всецело строило, исходя из своих специальных интересов. Это отсутствие координации действий имеет место и сейчас, будет оно продолжаться до тех пор, пока не появится соответствующий аппарат, достаточно компетентный и с финансовой стороны сильный, чтобы понести работу от себя и взять научное руководство исследованиями вообще. Именно таким хотелось бы видеть будущий Институт научных исследований Сибири» [5. С. 2].

В томских и сибирских газетах на протяжении всей работы съезда регулярно печатались материалы, освещавшие его работу, а также принимаемые им резолюции. Нередко излагалось и содержание самих докладов участников этого научного всесибирского форума. Газеты информировали читателей об условиях проживания съехавшихся в Томск членов съезда, атмосфере, царившей на общих и секционных заседаниях, о посещении участниками этого мероприятия учебно-вспомогательных учреждений университета и технологического института, а также библиотеки и ботанического сада.

Постановлением съезда от 27 января редакциям местных газет была выражена благодарность «за печатание информационного материала, что избавило съезд от расходов по печатанию дневника съезда» [3. Д. 3. Л. 21].

Всего в члены съезда записались около 240 человек, в том числе из Омска – 16 человек, из Красноярска – 5, Иркутска – 4, Ачинска, Барнаула, Ужура и Хабаровска – по 2 человека. Благовещенск, Екатеринбург, Минусинск, Оренбург, Петропавловск, Семипалатинск, Судженские копи и Якутск были представлены по 1 человеку.

Кроме того, в работе съезда участвовали и учёные из Европейской России, «бежавшие в Сибирь от большевиков и оказавшиеся на территориях, находящихся под властью белых правительств» [6. С. 360].

Так, в Томске из Петрограда оказались 16 человек, из Казани – 12, из Самары и Саранска – по 1. Среди них были такие известные исследователи, как Я.С. Эдельштейн, М.М. Хвостов, М.И. Рожанец и др.

Однако львиную долю участников съезда составили представители Томска – 169 человек. Причина такого соотношения, по словам Я.С. Эдельштейна, крылась в «крайней поспешности, с которой он был созван, в связи с неблагоприятными внешними условиями – расстроенным транспортом, суровым временем года и т.п.» [7. С. 15]. В числе представителей от этого города были профессор Томского технологического института Б.П. Вейнберг, Н.П. Чижевский, В.И. Бауман, профессор Томского университета: А.П. Поспелов, М.Д. Рузский, В.Я. Нагнибеда, П.Г. Любомиров, П.Н. Крылов и др. Многие по разным причинам (часто из-за позднего получения приглашения) не смогли приехать, направив свои приветствия участникам съезда. Так, Екатеринбургская обсерватория, сожалея о невозможности послать своего делегата на съезд, даже попросила отложить съезд по организации Института исследования Сибири на весну [3. Д. 1. Л. 84]. Также на съезд не смог прибыть

генерал-майор Н.Д. Павлов, которого настойчиво просили выступить с докладами, посвященными геодезии, астрономии и топографии [3. Д. 2. Л. 71, 73, 77; Д. 45. Л. 6].

На съезде были представлены 10 министерств, Бюро опытной агрономии Амурской области, Екатеринбургская и Иркутская обсерватория, Амурская областная, Томская губернская и Красноярская уездные земские управы, Иркутская городская дума и главный комитет Всесибирского союза земств и городов; Всероссийская академия Генерального штаба, Омский сельскохозяйственный и Омский политехнический институты, Красноярский и Семипалатинский подотдел и Якутский отдел РГО, Алтайский статистико-экономический кружок, Общество экономического оживления Амурского края, Миасское общество изучения местного края, секция межевых инженеров Общества сибирских инженеров, Сибирский кружок учащихся высших учебных заведений, Уральское общество любителей естествознания; Алтайский центральный кредитный союз и Сибирский областной банк объединённого кредита и др. [8. С. 10].

Еще до начала съезда через канцелярию Министерства иностранных дел были разосланы приглашения представителям союзных держав: главнокомандующему союзными войсками генералу Жанену, начальнику английской военной миссии генералу Ноксу, представителю чехословацких войск Матору Кошеку, начальнику японской военной миссии генералу Муто, американскому вице-консулу Грею и др. [3. Д. 45. Л. 17, 19].

Некоторым участникам съезда негде было остановиться в Томске. От имени Бюро съезда в Томский технологический институт и университет были направлены просьбы оказать помощь в размещении приехавших [Там же. Д. 2. Л. 6]. Однако Томский университет, «ввиду отсутствия помещений и необходимой мебели», был вынужден отказать [Там же. Д. 1. Л. 59]. Технологический институт же предоставил зал второй физической лаборатории, где и проживали во время съезда В.Б. Шостакович, П.М. Писцов, В.Ч. Дорогостайский, П.А. Деев, Д.Н. Троицкий, А.Н. Лагутин, В.В. Птицын и Н.Н. Былослюдов [Там же. Д. 3. Л. 84].

В первую Томскую мужскую гимназию обратились с просьбой предоставить на время съезда «кровати и постели для устройства общежития» [Там же. Д. 2. Л. 78]. Большинство же иногородних разместились у знакомых или на частных квартирах.

Для занятий Бюро съезда, в состав которого вошли Б.П. Вейнберг (председатель), А.П. Выдрин, Н.В. Рутковский, А.П. Поспелов (товарищ председателя) и М.А. Усов (секретарь), И.А. Казанцев, А.Д. Григорьев (секретарь; замещён П.Г. Любомировым), В.И. Минаев и Н.Д. Иванов [4. Ч. 1. С. 24], была выделена зала первой физической лаборатории.

Работа съезда проходила не в самых благоприятных условиях. На улице стояли сильные морозы, а помещения, в которых проходили заседания, часто не отапливались. Нередко прекращалась и подача электричества, из-за чего заседания приходилось переносить или закрывать раньше времени.

Сложности возникли и с питанием. В Томскую продовольственную управу была направлена просьба отпустить «для нужд иногородних членов съезда в расчёте на 30 человек по 2 недели сахару, чаю и кофе» [3. Д. 2. Л. 85].

На общих собраниях (первое из них проходило в здании Университетской библиотеки) было заслушано 65 приветствий, красочно говорящих о том, насколько важным было это событие в жизни Сибири. Большинство приветствий ограничивались простым пожеланием съезду успешной работы, но в некоторых перед будущим Институтом исследования Сибири ставились задачи не только научного, но и практического значения.

Первым было зачитано приветствие от Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Он, «отдавший лучшие годы своей службы делу исследования сибирских полярных морей и арктической Сибири», придал «огромное значение» будущему Институту исследования Сибири и пообещал содействовать его работе.

В приветствии министра путей сообщения Л.А. Устругова выражалось пожелание организовать Институт исследования Сибири «для исследования не только Сибири, но и всей России». Он уподобил будущее научное учреждение экономическому комитету при Временном правительстве, задачей которого являлось бы «рациональное насаждение промышленности и народного хозяйства в тех районах, которые по естественным условиям своим наиболее удовлетворяют данному роду промышленности или хозяйства...» [4. Ч. 4. С. 3–4].

Съезд работал с 15 января в течение 12 дней вместо 8, как планировалось ранее. На съезд было заявлено 99 докладов, из которых прочитан был 71. Часть докладов не была заслушана по болезни докладчиков. Работа съезда продолжалась вплоть до 26 января. Формально в докладной записке Б.П. Вейнберга В.В. Сапожникову съезд планировалось продлить до 25 января, но в действительности съезд был закрыт 26 января в 16:30. В связи с этим Б.П. Вейнберг заранее опросил участников съезда о крайнем сроке их отбытия из Томска. Чтобы делегаты смогли уехать вовремя, Б.П. Вейнбергу пришлось направить соответствующее письмо начальнику Томской железной дороги с просьбой «предоставить 25 или 26 января в распоряжение членов съезда, едущих на восток, отдельный вагон и в распоряжении членов, едущих на запад, – отдельный вагон или хотя бы полвагона» [3. Д. 3. Л. 15, 16, 85].

Во время работы съезда состоялось 14 общих собраний с 14 докладами. В них поднимались вопросы, касающиеся непосредственно организации и деятельности как самого Института исследования Сибири, так и различных его учреждений: областных библиотек, местных музеев, исследовательских институтов и опытных заводов, фотосъёмки, изучения Северного морского пути, составления сибирской библиографии и создания Сибирского библиографического института, проведения геологических исследований и организации областных метеорологических центров.

Наиболее интересный и важный доклад «Задачи съезда по организации Института исследования Си-

бири» был сделан Б.П. Вейнбергом. В нем он подробно остановился на том, каким образом велось до этого изучение Сибири. Обратившись к зарубежному опыту организации научных учреждений, он привёл печальную статистику того, как мало ещё было сделано в деле исследования Сибири. Затрагивая причины таких скромных результатов, Б.П. Вейнберг в первую очередь сослался на отсутствие согласованности между учреждениями, занимавшимися исследованием Сибири. Наряду с этим он указал и на неостребованность того, что уже было достигнуто. Большинство результатов исследований, по словам Б.П. Вейнберга, хранится в архивах «и не только не публикуется, но даже сам факт произведённых исследований остаётся неизвестным» [4. Ч. 1. С. 32]. Отсюда – многократное изучение того, что уже было изучено, и повторение уже пройденного. Ещё одной причиной, по его мнению, была банальная нехватка денежных средств, отсутствие материальной поддержки со стороны государства. И, как результат, нехватка кадров исследователей. Отсутствовал на то время и выработанный общий план [Там же].

Переходя к основным принципам организации будущего института, Б.П. Вейнберг не стал излагать своё видение этой организации, предлагая по каждому конкретному принципу множество возможных вариантов. Так, рассуждая на тему о том, будет ли Институт исследования Сибири объединять и поощрять частную инициативу в деле исследований или же он станет учреждением наподобие Министерства науки, в котором от различных ведомств будут выделены чисто исследовательские функции, Б.П. Вейнберг изложил на этот счет обе точки зрения.

Помимо 14 общих собраний, которые, кроме первого, проходили в большой и малой химических аудиториях ТТИ, была организована работа 9 секций. Всего на секциях состоялось 46 заседаний, из которых 3 были объединёнными.

Одной из наиболее крупных по количеству заседаний и представленных докладов была сформированная из секций «картографии, геодезии и гидрографии» и «географии, геофизики и климатологии» секция «геодезии и геофизики» – 6 заседаний с 15 докладами. Кроме того, на совместном заседании секций «геодезии и геофизики» и секции «химии и химической технологии» было заслушано 3 доклада. Наиболее видными представителями этой секции были: Б.П. Вейнберг, В.Б. Шостакович (председатель секции), В.Д. Дудецкий и др.

Секция химии и химической технологии, которая проходила в малой химической аудитории технологического института, провела в общей сложности 4 заседания с 5 докладами. Председательствовал на заседаниях этой секции В.И. Минаев. Среди докладчиков были А.П. Поспелов, В.А. Пазухин, Н.П. Чижевский и др. На совместном заседании секции «химии и химической технологии» и секции «геологии и горного дела» были заслушаны ещё 3 доклада.

На секции минеральных источников было заслушано 3 доклада на 4 заседаниях, проходивших в палеонтологическом кабинете ТТИ. В ходе работы секции

М.Г. Курлов (председатель секции), В.А. Баландина, Н.С. Спасский и др. пришли к выводу, что название данной секции «не исчерпывает сути дела» и её следует переименовать в секцию «бальнеологии и курортоведения» [4. Ч. 2. С. 122].

В петрографическом кабинете ТТИ работала секция геологии и горного дела. Интересным представляется то, что на трех ее заседаниях не было заслушано ни одного доклада, хотя изначально их было заявлено 6. Причина этого заключается в том, что все запланированные доклады были заслушаны на других заседаниях. Так, доклады Я.С. Эдельштейна «Геологические исследования, произведённые Геологическим комитетом в Сибири», Э.Э. Анерта «Организация Геологического комитета как одна из существующих форм объединения исследовательской работы в России» и П.П. Гудкова «Об организации геологических исследований в Сибири» были представлены на общих собраниях съезда «в целях ознакомления широких кругов общества с конструкцией и деятельностью Геологического комитета». Доклады В.А. Пазухина «О путях развития горнозаводского дела», В.Я. Мостовича «Об испытательных станциях» и И.Ф. Пономарёва «Исследование глин, известняков и других встречающихся в Сибири ископаемых» были вынесены на совместное заседание с секцией химии и химической технологии [Там же. С. 124].

Секция ботаники и почвоведения работала в ботаническом кабинете Томского университета. Всего состоялось 4 заседания с 6 докладами, а также одно совместное заседание с секцией зоологии, на котором был заслушан один доклад. В работе этой секции приняли участие такие известные учёные, как В.В. Сапожников (председатель секции), П.Н. Крылов, Б.Н. Городков, М.И. Рожанец и др. Участники заседаний признали желательным, чтобы секция ботаники и секция зоологии существовали в виде двух самостоятельных секций. Планировалось организовать и почвенный отдел, который работал бы в контакте с ботаническим, «но независимо от него» [4. Ч. 4. С. 27].

Секция зоологии проводила свои заседания в зоологическом кабинете Томского университета. На 4 заседаниях было заслушано 3 доклада. В этой секции работали М.Д. Рузский (председатель секции), А.Н. Липин, В.Ч. Дорогостайский и др.

Техническую лабораторию питательных веществ технологического института заняла секция сельского хозяйства, животноводства и лесоведения. Председателем был избран местный агроном А.П. Выдрин. Среди выступивших с докладами были В.В. Тейс, П.М. Писцов и др. Всего прошло 6 заседаний и заслушано 6 докладов.

В кабинете историко-филологического факультета Томского университета работала секция истории, археологии и этнографии. На 5 заседаниях было заслушано 10 докладов. Среди докладчиков были П.Г. Любомиров (председатель секции), В.И. Анучин, М.К. Азадовский, Б.П. Денике, Э.В. Диль и др.

Наконец, секция статистики и экономики заседала в аудитории № 3 университета и в университетской библиотеке [3. Д. 3. Л. 60]. Состоялось 5 заседаний, на

которых были заслушаны доклады В.Я. Нагнибеды («Об организации отдела статистики при Институте исследования Сибири») и Н.А. Сборовского («Институт практической экономической политики в Томске»). Председательствовал на заседаниях профессор Томского университета Б.Э. Будде.

Из числа докладов, заслушанных на заседаниях секций, наибольший интерес вызвал доклад А.П. Поспелова «Об исследовательских институтах и опытных заводах», в котором был обобщен зарубежный опыт в деле создания подобного рода учреждений, без которых совершенно невозможно было представить развитую промышленную страну того времени. Он поставил на повестку дня задачи по созданию заводов по рафинированию платины, изучению сибирских углей, исследования в области физики, химии и минералогии и др.

Доклад Я.С. Эдельштейна «Организация Геологического комитета как одна из существующих форм объединения исследовательской работы в России и геологические исследования, производимые Геологическим комитетом в Сибири» был посвящен истории создания и деятельности Геологического комитета в России. Автор выделил сильные стороны этого учреждения, учёт которых пригодился бы в сибирском научном строительстве. «Соединение в одном учреждении такой широко разветвлённой, ведомой по определённому плану, съёмочной и исследовательской деятельности с указанной дифференцировкой отдельных работников и по специальностям, – отметил он, – и составляет главную силу Геологического Комитета как исследовательского научного учреждения. На запросы практической жизни он имеет возможность откликаться быстро, и любой вопрос он имеет возможность обсудить всесторонне, привлекая к работе различных специалистов. Последовательно проведённая широкая автономность и полная коллегиальность гарантируют Комитет от косности и рутинности. Наконец, предъявляемые к желающим попасть в Комитет довольно суровые требования также достаточно обеспечивают высокий средний научный уровень работников Комитета» [4. Ч. 1. С. 83].

Доклад Н.А. Сборовского «Институт практической экономической политики (в Томске)» затронул важную сторону дальнейшего экономического развития России и в частности Сибири после Гражданской войны в условиях конкурентной экономической борьбы с развитыми промышленными державами. Прогнозы, сделанные Н.А. Сборовским, были неутешительными. В условиях катастрофического экономического положения, выразившегося в прогрессивном падении рубля, отсутствии налоговых поступлений, ничтожности золотого фонда, транспортной анархии и отсюда – жесточайшем товарном голоде, с одной стороны, и готовности индустриально-промышленных держав выбросить на мировой рынок громадное количество товаров, с другой стороны, России, по его словам, грозила участь стать колонией для вывоза сырья и рынком для ввоза товаров. Чтобы не допустить этого Сибири – краю, от которого зависит будущее всей России, необходимо, полагал Н.А. Сбо-

ровский, воспользоваться своим выгодным географическим положением – удалённостью от индустриально-промышленных стран, а также климатическим разнообразием и обилием естественных богатств – «залог мощного развития обрабатывающей промышленности и организации самодовлеющего хозяйственного района» [4. Ч. 3. С. 113].

В целом атмосфера, царящая на съезде, была пропитана духом научных поисков. Редким исключением был доклад, после которого не проводилось бы прений, а участники не высказывали бы своих мыслей и предложений. Особенно острая полемика возникла на общих собраниях во время обсуждения вопроса, каким будет будущий Институт исследования Сибири.

Так, на одном из последних заседаний, утром 25 января, когда проект Положения об Институте исследования Сибири был практически утверждён, часть членов съезда во главе с В.Б. Шостаковичем (которые и до этого вели оживлённую полемику) сделала внеочередное заявление, в котором высказалась против учреждения будущего Института сразу в том большом объёме, который предлагалось осуществить. Он предложил «несколько сузить наши задачи и избрать организационную ячейку, которая, стараясь провести в жизнь все пожелания съезда, перешла бы к практической деятельности» [Там же. Ч. 1. С. 110].

В итоге было принято предложение П.П. Гудкова и А.А. Пескина, согласно которому ставилась задача вначале довести строительство Института до конца, а уже затем перейти к программе минимум, которую изложил В.Б. Шостакович.

Другой казус возник, когда секция сельского хозяйства животноводства и лесоведения потребовала, чтобы «вопрос подробной регламентации взаимоотношений Отдела с органами агрономического исследования на местах, вопрос о месте нахождения Отдела и о выборах личного состава Отдела передать компетенции Всесибирского агрономического съезда» [Там же. С. 115]. Участник собрания С.Б. Шперлинг тут же заявил о своём протесте, обосновав его тем, что это заявление «было принято на малочисленном заседании секции». В итоге собрание постановило резолюцию секции сельского хозяйства принять к сведению [Там же].

В целом же на съезде обнаружилось два течения по вопросу о характере будущего научного учреждения. Первое было представлено иногородними участниками, главным образом делегатами от Иркутска, которые настаивали на том, что будущий институт должен быть общественным учреждением, лишь пользующимся финансовой поддержкой государства. Представители второй точки зрения считали, что Институт исследования Сибири должен быть учреждением государственным «с определёнными отделами, штатами администрации научного персонала и служащих и с определённым бюджетом» [7. С. 15]. В конечном итоге победило второе направление, что и отразилось на итоговом «Положении».

Участники съезда, естественно, не рассчитывали запустить работу Института в полном объёме, учитывая то, какие обширные задачи были поставлены пе-

ред ним и сколь мало финансовых средств было доступно для их воплощения. Товарищ председателя секции «сельского хозяйства, животноводства и лесоведения» В.В. Тейс вынужден был констатировать: «Многочисленность и многосложность этих нужд (нужд исследования Сибири. – В.Р.) так велики, что представителям различных отраслей знания при составлении проекта организации Института исследования Сибири придётся, быть может, вступить в ожесточённое состязание между собою по вопросу о том, какие из отделов Института должны быть организованы первыми» [4. Ч. 3. С. 27].

Финансовая подоплёка дела не замедлила себя проявить, когда началось обсуждение проекта сметы института. Представленный изначально секцией статистики и экономики проект категорически не удовлетворил делегатов в плане количества её штата в 22 человека. Только после того как С.П. Никонов напомнил, что «если бы статистический и экономический Отделы учреждались самостоятельно, то на каждый из них пришлось бы по 11 членов», а В.Я. Нагнибеда заявил, что «трое из 22 являются представителями высших учебных заведений и съезда статистиков, и поэтому нужно отнестись к числу сотрудников» (т.е. состав секции уменьшиться до 19 человек) – собрание утвердило указанное число участников [Там же. Ч. 1. С. 108].

Некоторые члены съезда во главе с В.Б. Шостаковичем также поставили под сомнение общую сумму средств на будущий Институт, посчитав цифру в 8 млн руб. чрезмерной, и предложили значительно сократить состав отделений института, доведя смету до 1,5 млн руб.

Таким образом, в результате работы съезда были разработаны и утверждены основные документы института: положение, устав, план работы, примерные сметы и т.д. В Положении об институте было записано: «Целью института являлось планомерное научно-практическое исследование природы и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития» [Там же. Ч. 4. С. 1]. Управление институтом осуществлялось через Совет института, Конференцию института и Съезд Института. Научный состав института делился на действительных членов, почётных членов, научных сотрудников и корреспондентов. Директором будущего института был избран В.В. Сапожников, а Б.П. Вейнберг стал его помощником. По своему правовому статусу Институт исследования Сибири предполагалось приравнять к Академии Наук и предоставить его в ведение Совета Министров «Российского правительства» Колчака.

Возглавили работу института и его отделов В.В. Сапожников (директор), Б.П. Вейнберг, М.А. Усов, А.П. Пospelов, В.В. Шостакович, П.Н. Крылов, Г.Э. Иоганзен и др. Были образованы два иногородних отделения института: Средне-Сибирское в Иркутске и Дальневосточное в г. Владивостоке. При институте были созданы отделы геодезии, геофизики, гидрологии, бальнеологии и курортоведения, промышленно-технический, историко-этнологический, ботаники, зоологии, сельского хо-

зайства, лесоведения, статистико-экономический отделы, библиографическое бюро.

Ещё 25 января Б.П. Вейнберг от имени президиума обратился к различного рода учреждениям с просьбой пересылать в Томск все их печатные исследования и собранные коллекции, касающиеся Сибири, а равно уведомить Институт исследования Сибири о предстоящих работах этих учреждений в деле исследования Сибири, чтобы принять меры к согласованию действий и поддержке их деятельности [3. Д. 3. Л. 14].

Не ограничиваясь одним лишь письмом, Б.П. Вейнберг обратился к редакторам различных газет с просьбой напечатать это обращение [Там же. Л. 35]. Последнее было разослано в газеты Омска («Трудовая Сибирь», «Слово»), Петропавловска («Приишимье», «Маяк»), Павлодара («Павлодарский телеграф»), Тобольска («Сибирский листок»), Ново-николаевска («Мысль», «Голос Польский»), Барнаула («Жизнь Алтая», «Народная правда») и многих других городов [Там же. Л. 36–37].

Указ о придании официального статуса Институту исследования Сибири был подписан А.В. Колчаком 13 июля 1919 г., но вступил в силу лишь после опубликования его в «Правительственном вестнике» 25 октября 1919 г. До этого момента институт существовал в виде общественной организации «Общество Института исследования Сибири», которой поручалось «проведение в жизнь проекта «Положения об Институте исследования Сибири» [4. Ч. 4. С. 16].

Таким образом, несмотря на значительные трудности в ходе организации и во время проведения съезда, была реализована идея о создании Института исследования Сибири – единого научного учреждения, которое могло бы координировать и направлять исследование ученых, по всестороннему и планомерному изучению природных богатств, экономики, истории и культуры этого огромного региона. Начало образованию Сибирского отделения Российской академии наук было положено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин, и др. Новосибирск : Наука, 2007. 510 с.
2. Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
3. Государственный архив Томской области. Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
4. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 4.
6. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
7. Наука и учёные в Сибири. Геологические и гидрографические исследования // Наука и её работники. Петроград, 1921. № 1. С. 7–23.
8. Некрылов С.А., Фоминых, С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2016 г.

PREPARATION AND HOLDING OF THE CONGRESS ON THE FOUNDATION OF THE RESEARCH INSTITUTE OF SIBERIA: OCTOBER 1917 – JANUARY 1919

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 117–123. DOI: 10.17223/15617793/403/19

Raskolets Viktor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: history of science; First Siberian Regional Meteorological Congress; Research Institute of Siberia.

In the article, the history of the Congress on the foundation of the Research Institute of Siberia in Tomsk is being retraced on the basis of archival materials, documentary publications and periodicals. The idea of creating a single research organization linking and coordinating the work in the study of Siberia was first expressed at the First Siberian Regional Meteorological Congress, held in late October 1917 in Irkutsk, in the report by B.P. Weinberg, Professor at Tomsk Institute of Technology. However, by a number of reasons, the meeting of the Congress on the foundation of the institute was postponed till January 1919. Around 240 people from various cities of Siberia and European Russia registered for the meeting. The Congress was attended by representatives of 10 ministries and a number of other organizations studying Siberia. During the Congress 14 general meetings with 14 reports was held. They raised issues relating directly to the organization of both the Research Institute of Siberia and its various institutions. In addition, the work of nine sections was organized: geodesy and geophysics, chemistry and chemical, mineral springs, geology and mining, botany and soil science, zoology, agriculture, animal husbandry and forest science, history, archeology and ethnography, statistics and economics. Across all sections a total of 46 meetings were held, of which three were joint. In general, the atmosphere reigning at the Congress was permeated by the spirit of scientific research. A report without a heated discussion was a rare exception. Particularly acute controversy arose at general meetings during the discussion of what the future of the Research Institute of Siberia would be. Thus, as a result of the Congress the basic documents of the Institute were developed and approved: the regulation draft, the charter, the work plan, approximate estimates, etc. “The purpose of the Institute is the systematic scientific and practical study of the nature and the population of Siberia for more rational use of natural resources of the region, and for social and economic development”, was noted in the Regulations. The Institute was managed by the Council of the Institute, the Conference of the Institute and the Congress of the Institute. The Research Institute consisted of full members, honorary members, researchers and journalists. V. Sapozhnikov, Professor of Tomsk State University, was elected by the majority of votes to be the future director of the Institute. It was assumed that the Research Institute of Siberia would be legally equivalent to the Academy of Sciences and would be managed by the Council of Ministers of Kolchak’s “Russian government”. Prior to the official approval by Supreme Ruler and Commander-in-Chief Kolchak on July 28, 1919 and its coming into force after the publication in *Pravitelstvenny Vestnik* on October 25, the institution existed in the form of a public organization “Society of the Research Institute of Siberia”, which was entrusted with the “enforcement of the Regulations of the Research Institute of Siberia”.

REFERENCES

1. Vodichev, E.G. et al. (2007) *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskiy ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. A historical essay]. Novosibirsk: Nauka.
2. Blagoveshchensk. (1919) *Trudy Pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the First Siberian Meteorology Congress in Irkutsk 26–30 October 1917]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk.
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 (*Institut issledovaniya Sibiri* [Research Institute of Siberia]). List 1.
4. Anon. (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Research Institute of Siberia]. Tomsk.
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) 4.
6. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
7. Nauka i ee rabotniki. (1921) *Nauka i uchenye v Sibiri. Geologicheskie i gidrograficheskie issledovaniya* [Science and scientists in Siberia. The geological and hydrographic research]. *Nauka i ee rabotniki*. 1. pp. 7–23.
8. Nekrylov, S.A. et al. (2008) *Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri* [From the history of the Research Institute of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soвета Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the Research Institute of Siberia Council Meetings (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 14 November 2015

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В 1985–1993 гг.: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Рассматриваются законодательное и административное регулирование деятельности периодических изданий, взаимоотношения органов власти и печатных СМИ, выделяются основные проблемы, существующие в области печатных СМИ, и пути их решения.

Ключевые слова: периодическая печать; перестройка; правовое регулирование; Европейский Север России.

Характер, содержание, сферы взаимоотношения государства и СМИ определяет прежде всего законодательная база, которая регулирует положение и роль средств массовой информации в обществе. Это в равной мере касается как специальных законов о СМИ, так и других нормативно-правовых актов. Правовое регулирование печатных средств массовой информации в 1980-х – начале 1990-х гг. – малоисследованная тема как на общероссийском, так и на региональном уровнях. В статье анализируются содержание и особенности законов о СМИ 1990 и 1991 гг., нормативно-правовые документы региональных властей начала 1990-х гг. (всего более 30 документов). Автором была поставлена задача проследить, как менялись взаимоотношения органов центральной и местной властей и печатных СМИ на протяжении рассматриваемого периода. Территориальные рамки исследования ограничены той частью Европейского Севера России, которая охватывает Архангельскую и Вологодскую области.

В СССР до июня 1990 г. не существовало специального закона о средствах массовой информации. Деятельность СМИ регулировалась, с одной стороны, основным законом государства (Конституцией), с другой – партийными комитетами всех уровней. Конституция СССР 1977 г. «в соответствии с интересами народа» гарантировала свободу слова и печати, широкое распространение информации (статья 50), но юридическое содержание понятия «свобода слова и печати» в ней не определялось [1. С. 53]. Поэтому СМИ в период с 1985 г. и до принятия закона «О печати и других средствах массовой информации» 1990 г. руководствовались в своей деятельности партийными постановлениями и циркулярами всех уровней: от ЦК КПСС до районного комитета КПСС.

Закон «О печати и других средствах массовой информации» был принят Верховным Советом СССР 12 июня 1990 г. и вступил в силу 1 августа 1990 г. [2. С. 10]. По ряду положений этот законодательный акт выглядел прогрессивным, принятым в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1976 г. Это касалось, в частности, недопустимости цензуры и монополии государства на издательскую деятельность, а также обеспечения гарантий профессиональной самостоятельности редакционных коллективов и права журналистов на получение информации, свободу творчества. По новому Закону средства массовой информации получили возможность не допускать вмешательство в свою дея-

тельность со стороны различных инстанций. Демократичными являлись положения о свободном поиске, получении и распространении информации, о соблюдении авторского права, уважения журналистской конфиденциальности. Основным недостатком принятого документа был в том, что он носил «разрешительный» характер, не сумев по-настоящему гарантировать право каждого публиковать свое мнение, так и не предоставив журналистам подлинной свободы творчества и не оградив деятельность СМИ от вторжения государства. Так, первая статья Закона отмечала, что «печать и другие средства массовой информации свободны». При этом предложенная «свобода» вовсе не гарантировала каждому журналисту или автору высказаться без каких-либо ограничений. Пятая статья с целью «недопустимости злоупотреблением свободой печати» запрещала использовать прессу для разглашения государственной тайны «или иной специально охраняемой законом тайны». В августе 1990 г. появился секретный «Перечень сведений, запрещенных к публикации», в котором был указан реестр сведений, недопустимых к разглашению.

Таким образом, будучи декларирован демократически, этот Закон не предусматривал реализацию многих демократических идей на практике [1; 3. С. 247–248]. Вследствие принятия Закона СССР «О печати и других СМИ» в системе периодической печати как в центре, так и на местах происходят количественные и качественные изменения: появляются новые типы изданий, увеличивается количество газет. В Архангельской области в 1990 г. вышло 13 новых периодических изданий, в Вологодской области – 25, в Красноярском крае – 32.

Вслед за принятием Закона о печати, а также под влиянием демократических настроений Верховный Совет РСФСР, выбранный в марте 1990 г., принимает Постановление от 22 сентября 1990 г. «О газетах и журналах Верховного Совета РСФСР и газетах местных Советов народных депутатов» [4]. Согласно данному постановлению Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов должны были решить вопрос о самостоятельном издании своих печатных органов с 1 января 1991 г. Вследствие этого осенью 1990 г. областные и Архангельский и Вологодский городские Советы народных депутатов Архангельской и Вологодской областей принимают решения об учреждении, а затем деятельности новых изданий: «Волна», «Архангельск», «Русский Север»,

«Вологодские новости», которые начали издаваться с 1 января 1991 г. Подобные ситуации в рассматриваемый период складываются и в других регионах страны.

Следующим нормативным актом, касающимся деятельности периодических средств массовой информации, являлось Постановление № 2 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР «О выпуске центральных, московских городских и областных газет», принятое 19 августа 1991 г. Данным постановлением временно ограничивался перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных и общественно-политических изданий шестью газетами КПСС, а также газетами «Труд», «Известия» и «Красная звезда» [5]. Вслед за постановлением ГКЧП в ряде регионов были приняты решения о приостановке изданий. Так, исполкомом Архангельского областного Совета народных депутатов 19 августа было принято решение о приостановлении выпуска всех газет на территории области на один номер, которое так и осталось невыполненным [6]. Вологодским областным, городскими и районными Советами народных депутатов действия ГКЧП в дни кризиса были признаны неконституционными и была заявлена поддержка Президенту РСФСР. В дни кризиса исполкомом Вологодского областного Совета народных депутатов было принято решение «О мерах по обеспечению нормальной жизнедеятельности области», в котором на руководителей средств массовой информации и печати возлагалась персональная ответственность за объективность и достоверность информации [7]. В период с 19 по 21 августа ни одно из вологодских изданий не было приостановлено. В общественно-политических газетах оперативно печатались указы Президента РСФСР и акты местных Советов в их поддержку, хотя в ряде районных газет в дни путча вообще отсутствовала информация о перевороте [8].

Вслед за ГКЧП Президент РСФСР Б. Ельцин 21 августа 1991 г. издал указ «О средствах массовой информации в РСФСР», который отменил Постановление № 2 ГКЧП как не имеющее юридической силы [9]. После неудачной попытки государственного переворота 23 августа 1991 г. Указом Президента России Б.Н. Ельцина «О приостановлении деятельности КП РСФСР, а фактически КПСС, на территории России была прекращена [10]. В соответствии с указом был временно приостановлен выпуск газет «Правда», «Советская Россия» и ряда других как изданий КПСС. В Вологодской области Решением президиума и исполкома областного Совета народных депутатов от 26 августа был приостановлен выпуск областной газеты «Красный Север» – органа обкома КП РСФСР [11]. Осенью 1991 г. все издания, имевшие статус партийных, прошли перерегистрацию, учредителями большинства изданий остались Советы народных депутатов, к которым присоединились коллективы редакций. Таким образом, система партийного руководства печатными изданиями осталась в прошлом.

Изменение политического строя в стране предопределило характер изменений в законодательстве о СМИ, по сравнению с бывшим Союзным. Союзный

Закон просуществовал с 1 августа 1990 г. по 27 декабря 1991 г., когда был принят российский Закон «О средствах массовой информации» [12], в котором свобода печати не просто декларировалась, но и получила конкретное смысловое наполнение: были установлены правила учреждения и регистрации СМИ, недопустимость цензуры, право граждан на свободу слова и СМИ. Прежде всего, в Законе «О средствах массовой информации» содержится требование о недопустимости предварительной цензуры со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений и злоупотребления свободой массовой информации. Также в Законе оговорены взаимоотношения между учредителем, которым может выступать гражданин, объединение граждан, организация, государственный орган, и редакционным коллективом, введены понятия «статус редакции» и «устав редакции». Согласно Закону РФ «О СМИ» учредитель утверждает устав редакции и заключает договор с редакцией средства массовой информации. Кроме того, учредитель не вправе вмешиваться в деятельность средства массовой информации за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом, уставом редакции, договором между учредителем и редакцией (Статья 18). Редакция осуществляет свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности (Статья 19). Таким образом, в Законе «О средствах массовой информации» говорится о независимости СМИ от государственного контроля и вмешательства.

Закон РФ следовал нормам международного права и, в частности, Европейской конвенции о защите прав человека, решениям Парламентской Ассамблеи Совета Европы, предусматривающим свободу личности на выражение своего мнения, а также поиск, получение и распространение информации. В этих международных документах говорится о независимости средств массовой информации от государственного контроля. Ряд положений закона «О средствах массовой информации» в более концентрированном и масштабном виде нашел отражение в Конституции РФ [1. С. 7; 3. С. 250]. Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 12 декабря 1993 г., закрепила свободу массовой информации в части 5 статьи 29, используя при этом краткую, но емкую формулу: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». В этой же статье Конституции каждому гарантируется «свобода мысли и слова» (часть 1), право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (часть 4), недопустимость принуждения человека «к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» (часть 3).

Несмотря на очевидные плюсы, Закон «О СМИ» не предоставил журналистам долгожданной свободы печати, а защищенность редакционных коллективов от давления извне, и в первую очередь со стороны различных органов власти, по существу, осталась только на бумаге. Объясняется это тем, что Закон вновь обошел стороной важнейшую тему – обеспече-

ние экономических условий существования СМИ, тем самым практически сведя на нет и политические гарантии редакционных коллективов. В условиях экономической нестабильности цены на бумагу, типографские услуги и доставку периодических изданий увеличились в несколько раз. Попытка редакций поднять цены на свои издания привела к тому, что читатели перестали покупать и выписывать ставшую дороже периодику. Вследствие этого как центральные, так и региональные периодические издания оказались в очень сложном финансовом положении. Не получив законодательных гарантий экономической независимости средств информации, журналисты рассчитывали, что российское правительство предоставит редакциям налоговые льготы. Однако правительство почитало возможным дотировать только свои органы информации. В результате растущие цены на бумагу, услуги связи и жесткий налоговый прессинг обеспечили зависимость печатных изданий от государственных, общественных и частных структур, так как доходы редакций от подписки и рекламы не покрывали расходов на выпуск изданий. Особенно в сложной ситуации оказались региональные издания, так как рынок рекламы в регионах складывался намного дольше, чем в центре [3. С. 253]. Таким образом, в начале 1990-х гг. главной задачей, требующей решения, для редакций изданий стал выход из финансового кризиса.

Законодательство о средствах массовой информации развивалось как через изменение Закона «О средствах массовой информации», так и через издание дополняющих его нормативно-правовых актов. Помимо законов статус СМИ определялся также многочисленными указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, Верховного Совета РФ, а иногда и ведомственными инструкциями. За период с 1992 по 1993 г. центральными органами власти было принято более 20 нормативно-правовых актов, имеющих непосредственное отношение к деятельности средств массовой информации. Прежде всего это ряд постановлений и указов об экономической поддержке и защите деятельности СМИ, устанавливающих размер дотаций государственным средствам массовой информации из республиканского бюджета [13, 14].

С принятием основополагающих федеральных нормативно-правовых актов в регионах России в начале 1990-х гг. началась законодотворческая деятельность. Получив значительную свободу и самостоятельность, каждый из регионов имел возможность регулировать свою законодательную базу. Среди нормативно-правовых документов, касающихся деятельности печатных средств массовой информации, принятых местными органами власти Архангельской и Вологодской областей в 1992–1993 гг., необходимо выделить следующие.

Прежде всего это нормативно-правовые акты, направленные на оказание организационной и финансовой поддержки местным изданиям и журналистам. Так, в январе 1992 г. администрация Вологодской области для исполнения постановления Правительства РСФСР [15] принимает Постановление «О мерах

защиты печати и средств массовой информации на период перехода к рыночным отношениям» [16]. Согласно данному постановлению при формировании бюджета на 1992 г. и последующие годы определялось, что расходы на периодические издания, учредителями которых выступали местные органы государственной власти и управления, а также управление печати и массовой информации администрации области, являлись расходами соответственно областного и местного значения. Сумма ассигнований, выделяемая управлению печати и массовой информации администрации области на эти цели, утверждалась отдельной строкой в областном бюджете, в бюджетах районов и городов. Кроме того, в управлении печати и массовой информации администрации области на договорной основе создавался внебюджетный фонд поддержки печати и средств массовой информации. Также данное постановление предоставляло управлению печати и массовой информации, объединениям, предприятиям и издательствам системы Министерства печати и массовой информации право разрабатывать и утверждать положения и сметы расходования средств в пределах источников внебюджетного финансирования на проведение конкурсов, выставок газет, проведения дней печати и других мероприятий, связанных с деятельностью управления печати и массовой информации. Таким образом, согласно данному постановлению, местные органы власти стремились оказать финансовую поддержку периодическим изданиям Вологодской области, учредителями которых они являлись, что, с одной стороны, помогало изданиям выйти из экономического кризиса, с другой стороны, ставило редакции государственных газет в зависимость от государственных структур.

Кроме того, местные органы власти оказывали финансовую поддержку журналистам региональных изданий. Так, малым областным Советом Архангельской области в июне 1993 г. было принято решение о выделении 250 тысяч рублей Архангельской областной организации Союза журналистов России для проведения организационных мероприятий, связанных с созданием профессиональной журналистской организации [17].

Также одним из способов оказания помощи областным, городским и районным газетам являлось продление сроков подписки на издания и организация подписных кампаний.

Подобные ситуации в рассматриваемый период складываются и в других регионах России. Например, в начале 1990-х гг. администрация Воронежской области неоднократно выпускала постановления о поддержке сети районных газет. Способы оказания подобной помощи в регионах были различными: от прямого дотирования, выделения денежных средств в экстренном порядке редакциям, находящимся в критической ситуации, установления льготного налогового режима до организации подписных кампаний, что позволило сохранить сеть местных изданий [18. С. 90–92].

В 1992–1993 гг. местными органами власти Архангельской и Вологодской областей также был принят ряд нормативно-правовых актов, касающихся деятель-

ности отдельных изданий, среди которых постановления, регистрирующие печатные средства массовой информации, и решения об аккредитации представителей региональных СМИ в органах власти [19, 20].

Особого внимания заслуживают постановления, принятые региональными исполнительными органами власти в октябре 1993 г. вслед за Постановлением Совета министров – Правительства РФ от 23 сентября 1993 г. «О правопреемстве полномочий Верховного Совета РФ в отношении СМИ», касающимся средств массовой информации, учредителями которых являлся Верховный Совет Российской Федерации [21]. Так, в Вологодской области Постановлением администрации области «О городских и районных газетах, учредителями которых являлись Советы народных депутатов», главам администраций городов и районов, в связи с приостановлением деятельности городских и районных Советов народных депутатов, предписывалось обеспечить выход городских и районных газет, учредителями которых являлись городские и районные Советы, до начала работы новых органов местного самоуправления [22]. Следовательно, данное постановление имело целью сохранение сети районных изданий региона.

В целом законодательская деятельность региональных властей в начале 1990-х гг. в сфере печатных средств массовой информации, безусловно, оказала непосредственное влияние на становление новой системы печати на Европейском Севере России. Большинство нормативно-правовых документов, касающихся деятельности печатных СМИ Архангельской и Вологодской областей, были приняты местными органами власти вслед за постановлениями Правительства и Верховного Совета Российской Федерации. Анализ документов позволяет сделать вывод, что основное внимание в 1992–1993 гг. местные власти уделяли финансовой поддержке региональных общественно-политических изданий, учредителями которых они сами являлись. Причиной тому был финансо-

вый кризис, в котором оказалось большинство редакций, вызванный рыночными реформами. Без материальной поддержки со стороны государства некоммерческие общественно-политические областные, городские и районные издания, большинство из которых по самооценке уже в 1990–1991 гг. являлись нерентабельными, с началом радикальных экономических преобразований прекратили бы свой выход. С другой стороны, материальная зависимость приводит к тому, что издания становятся проводниками политики региональных властей.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что за период с 1985 по 1993 г. произошли значительные изменения в области законодательного и административного регулирования деятельности печатных средств массовой информации. В СССР монопольное право на издание газет принадлежало партийно-советским органам власти, которые всесторонне регламентировали деятельность редакций периодических изданий от подбора журналистских кадров до определения тем публикаций. Соответственно, финансирование печатных изданий осуществлялось из государственного бюджета. Политические и экономические реформы, а также организационные изменения, происходившие в самой системе СМИ, привели в конце 1980-х гг. к необходимости разработки специального закона, регулирующего взаимоотношения органов власти, средств массовой информации и общества. За период с 1990 по 1993 г. включительно центральными органами власти было принято 2 закона и более 20 нормативно-правовых актов, среди которых указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и Верховного Совета РФ, затрагивающих деятельность СМИ. Большинство региональных нормативно-правовых актов принималось во исполнение федеральных документов либо касалось деятельности отдельных периодических изданий региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаровский В.С. Государственная служба и средства массовой информации. Воронеж, 2003. 105 с.
2. Законодательство о средствах массовой информации : учеб.-практ. материалы / под ред. А.Г. Рихтера. М., 1999. 431 с.
3. Стровский Д. История отечественной журналистики новейшего периода. Лекции. Екатеринбург, 1998. 271 с.
4. «О газетах и журналах Верховного Совета РСФСР и газетах местных Советов народных депутатов»: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 сентября 1990 г. // Советская Россия. 1990. 25 сент.
5. «О выпуске центральных, московских городских и областных газет»: Постановление № 2 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР от 19 августа 1991 г. // Советская Россия. 1991. 21 авг.
6. История одного решения // Волна. 1991. 29 авг.
7. «О мерах по обеспечению нормальной жизнедеятельности области»: Решение исполкома областного Совета народных депутатов Вологодской области от 20 августа 1991 г. // Русский Север. 1991. 22 авг.
8. «О деятельности должностных лиц и органов областного Совета, местных Советов, хозяйственных руководителей в период государственного переворота»: Доклад председателя Областного Совета народных депутатов Г.В. Судакова // Русский Север. 1991. 7 сент.
9. «О средствах массовой информации в РСФСР»: Указ Президента РСФСР от 21 августа 1991 г. № 69 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 35.
10. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»: Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 35. С. 1149.
11. «О приостановлении выпуска областной газеты «Красный Север»: Решение президиума и исполкома областного Совета народных депутатов от 26 августа 1991 г. // Русский Север. 1991. 29 авг.
12. «О средствах массовой информации»: Закон РФ от 27.12.1991, № 2124-1 // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7.
13. «Об экономической поддержке и правовом обеспечении деятельности СМИ»: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 г. № 3335-1 // Российские вести. 1992. 15 августа.
14. «О защите свободы массовой информации»: Указ Президента РФ № 376 от 20 марта 1993 // Российская газета. 1993. 27 марта.
15. «О мерах защиты печати и средств массовой информации на период перехода к рыночным отношениям»: Постановление Правительства РСФСР от 27 ноября 1991 г. № 24 // Правовая система «Консультант».

16. «О мерах защиты печати и средств массовой информации на период перехода к рыночным отношениям»: Постановление администрации Вологодской области от 17.01.92. № 36 // Русский Север. 1992. 21 января.
17. «О выделении средств Архангельской организации Союза журналистов России»: Решение малого областного Совета народных депутатов от 18.06.1993 г. // Волна. 1993. 19 июня.
18. Кажихин А.А. Типология отечественной региональной прессы рубежа XX–XXI вв. (на примере печатной периодики Воронежской области) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 223 с.
19. «О регистрации средств массовой информации»: Постановление администрации Вологодской области от 10.02.1992 № 88 // Русский Север. 1992. 15 февраля.
20. «Об аккредитации представителей средств массовой информации области в областном Совете народных депутатов и администрации области»: Решение Вологодского областного совета народных депутатов от 07.07.1992 г. № 223/347 // Русский Север. 1992. 13 июля.
21. «О правопреемстве полномочий Верховного совета РФ в отношении СМИ»: Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 сентября 1993 г. № 963 // Российская газета. 1993. 5 октября.
22. «О городских и районных газетах, учредителями которых являлись советы народных депутатов»: Постановление администрации области // Русский Север. 1993. 15 октября.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 октября 2015 г.

DEVELOPMENT OF REGIONAL PRINT MEDIA IN 1985–1993: LEGAL REGULATION AND ADMINISTRATIVE INFLUENCE (BASED ON THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 124–129. DOI: 10.17223/15617793/403/20

Sokolova Tatiana L. Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: taniavol@yandex.ru

Keywords: print media; perestroika; legal regulation; European North of Russia.

The article deals with the legislative and administrative regulation of print media activities, describes relationship between the government and print media and also indicates major challenges and their solutions within the period under consideration based on the materials of Arkhangelsk and Vologda Oblasts. While studying this topic, the author analyzed and summarized laws and regulations of the central and local authorities (more than 30 documents). The article presents the content and peculiarities of mass media laws in 1990 and 1991. After analyzing the Soviet mass media law of 1990, the author made a conclusion that the law contained some democratic ideas, such as the prohibition of censorship and of state monopoly on publishing activities, the journalists' right to receive information, freedom of creation, etc. The main disadvantage of the document was that it did not protect mass media against the government intervention. The article also examines legal documents from the period of the State Committee on the State of Emergency published by the central and regional authorities. The decrees and orders clearly demonstrate the fight for power where both parties actively involved print media. The author analyzed the impact of the Russian Mass Media Law dated December 27, 1991 on the performance of print media and concluded that the Law did not create proper economic conditions for further development of the printed press. As a result, both central and regional print media companies happened to be in a very difficult financial situation hoping for assistance, mainly from the government. For the period from 1992 to 1993, the central authorities passed more than 20 legal acts on economic support and protection of mass media. Following the example of the central authorities, regions also started to amend their local legislation. Among the legal documents on the performance of print media passed by the local authorities in Arkhangelsk and Vologda Oblasts in 1992–1993, the author highlights the following: 1) regulations to provide organizational and financial support for local media and journalists; 2) regulations referring to the activities of certain editions, including regulations on registration of print media companies and decisions on accreditation of regional mass media representatives in government authorities; 3) decisions to support a network of regional newspapers. The ways of providing such assistance in regions were different: direct subsidies, allocation of funds to editorial offices, privileged tax regime, arrangement of subscription campaigns. Most legal documents related to the performance of print media in Arkhangelsk and Vologda Oblasts were adopted by local authorities following the decisions of the Government and the Supreme Council of the Russian Federation. A similar situation took place in most regions of Russia, as confirmed by the study of the materials of Belgorod, Voronezh, Kursk, Lipetsk and Tambov Oblasts.

REFERENCES

1. Komarovskiy, V.S. (2003) *Gosudarstvennaya sluzhba i sredstva massovoy informatsii* [Civil Service and the media]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Rikhter, A.G. (1999) *Zakonodatel'stvo o sredstvakh massovoy informatsii* [Legislation on the media]. Moscow: Tsentr "Pravo i SMI".
3. Strovskiy, D. (1998) *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki noveyshego perioda. Lektsii* [History of Russian journalism of the modern period. Lectures]. Ekaterinburg: Ural State University.
4. Sovetskaya Rossiya. (1990) "O gazetakh i zhurnalakh Verkhovnogo Soveta RSFSR i gazetakh mestnykh Sovetov narodnykh deputatov": Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 22 sentyabrya 1990 g. ["On the newspapers and journals of the Supreme Council and the newspapers of local Soviets": Decision of the Supreme Council of September 22, 1990]. *Sovetskaya Rossiya*. 25 September.
5. Sovetskaya Rossiya. (1991) "O vypuske tsentral'nykh, moskovskikh gorodskikh i oblastnykh gazet": Postanovlenie № 2 Gosudarstvennogo komiteta po chrezvychaynomu polozheniyu v SSSR ot 19 avgusta 1991 g. ["On the issue of central, Moscow city and regional newspapers": Decree No. 2 of the State Emergency Committee of the USSR of August 19, 1991]. *Sovetskaya Rossiya*. 21 August.
6. Volna. (1991) *Istoriya odnogo resheniya* [History of a decision]. *Volna*. 29 August.
7. Russkiy Sever. (1991) "O merakh po obespecheniyu normal'noy zhiznedeyatel'nosti oblasti": Reshenie ispolkoma oblastnogo Soveta narodnykh deputatov Vologodskoy oblasti ot 20 avgusta 1991 g. ["On measures to ensure the normal life of the region": decision of the Executive Committee of the Regional Council of People's Deputies of Vologda Oblast of August 20, 1991]. *Russkiy Sever*. 22 August.
8. Russkiy Sever. (1991) "O deyatel'nosti dolzhnostnykh lits i organov oblastnogo Soveta, mestnykh Sovetov, khozyaystvennykh rukovoditeley v period gosudarstvennogo perevorota": Doklad predsedatelya Oblastnogo Soveta narodnykh deputatov G.V. Sudakova ["On the activities of officials and bodies of the Regional Council, local councils, business leaders during the coup d'état": Report of the Chairman of the Regional Council of People's Deputies G.V. Sudakov]. *Russkiy Sever*. 7 September.
9. Vedomosti S'ezda Narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR. (1991) "O sredstvakh massovoy informatsii v RSFSR": Ukaz Prezidenta RSFSR ot 21 avgusta 1991 g. № 69 ["On mass media in the RSFSR": RSFSR Presidential Decree of August 21, 1991 No. 69]. *Vedomosti S'ezda Narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 35.

10. *Vedomosti S"ezda Narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. (1991) "O priostanovlenii deyatel'nosti Kommunisticheskoy partii RSFSR": Ukaz Prezidenta RSFSR ot 23 avgusta 1991 g. ["On the suspension of the activities of the Communist Party of the RSFSR": RSFSR Presidential Decree of August 23, 1991]. *Vedomosti S"ezda Narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 35. pp. 1149.
11. *Russkiy Sever*. (1991) "O priostanovlenii vypuska oblastnoy gazety "Krasnyy Sever": Reshenie prezidiuma i ispolkoma oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 26 avgusta 1991 g. ["On the suspension of the release of the regional newspaper Krasny Sever": The decision of the presidium and the executive committee of the Regional Council of People's Deputies of August 26, 1991]. *Russkiy Sever*. 29 August.
12. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. (1992) "O sredstvakh massovoy informatsii": Zakon RF ot 27.12.1991, № 2124-1 ["On mass media": the Law of the Russian Federation of 27.12.1991, No. 2124-1]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 7.
13. *Rossiyskie vesti*. (1992) "Ob ekonomicheskoy podderzhke i pravovom obespechenii deyatel'nosti SMI": Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RF ot 17 iyulya 1992 g. № 3335-1 ["On the economic and legal support of the media": Resolution of the Supreme Council of July 17, 1992 No. 3335-1]. *Rossiyskie vesti*. 15 August.
14. *Rossiyskaya gazeta*. (1993) "O zashchite svobody massovoy informatsii": Ukaz Prezidenta RF № 376 ot 20 marta 1993 ["On the protection of freedom of the media": Presidential Decree No. 376 of March 20, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 27 March.
15. Konsul'tant. (c. 1991) "O merakh zashchity pechati i sredstv massovoy informatsii na period perekhoda k rynochnym otnosheniyam": Postanovlenie Pravitel'stva RSFSR ot 27 noyabrya 1991 g. № 24 ["On measures to protect the press and the media in the period of transition to market relations": Resolution of the Government of the RSFSR of November 27, 1991 No. 24].
16. *Russkiy Sever*. (1992) "O merakh zashchity pechati i sredstv massovoy informatsii na period perekhoda k rynochnym otnosheniyam": Postanovlenie administratsii Vologodskoy oblasti ot 17.01.92. № 36 ["On measures to protect the press and the media in the period of transition to market relations": Resolution of the Vologda region administration of 17.01.92. No. 36]. *Russkiy Sever*. 21 January.
17. *Volna*. (1993) "O vydelenii sredstv Arkhangel'skoy organizatsii Soyuzha zhurnalistov Rossii": Reshenie malogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 18.06.1993 g. ["On the allocation of funds for Arkhangel'sk organization of the Russian Union of Journalists": Decision of the Small Regional Council of People's Deputies of 18.06.1993]. *Volna*. 19 June.
18. Kazhikhin, A.A. (2004) *Tipologiya otechestvennoy regional'noy pressy rubezha XX–XXI vv. (na primere pechatnoy periodiki Voronezhskoy oblasti)* [Typology of Russian regional press of the turn of the 20th and 21st centuries (on the example of printed periodicals of Voronezh Oblast)]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
19. *Russkiy Sever*. (1992) "O registratsii sredstv massovoy informatsii": Postanovlenie administratsii Vologodskoy oblasti ot 10.02.1992 № 88 ["On the registration of mass media": Resolution of the Vologda Oblast Administration of 10.02.1992 No. 88]. *Russkiy Sever*. 15 February.
20. *Russkiy Sever*. (1992) "Ob akkreditatsii predstaviteley sredstv massovoy informatsii oblasti v oblastnom Sovete narodnykh deputatov i administratsii oblasti": Reshenie Vologodskogo oblastnogo soveta narodnykh deputatov ot 07.07.1992 g. № 223/347 ["On the accreditation of regional media representatives in the Regional Council of People's Deputies and the Regional Administration": The decision of the Vologda Regional Council of People's Deputies of 07.07.1992, No. 223/347]. *Russkiy Sever*. 13 July.
21. *Rossiyskaya gazeta*. (1993) "O pravopreemstve polnomochiy Verkhovnogo soveta RF v otnoshenii SMI": Postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 1993 g. № 963 ["On the succession of powers of the Supreme Council in relation to the media": Decision of the Council of Ministers – the Government of the Russian Federation of September 23, 1993 No. 963]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 October.
22. *Russkiy Sever*. (1993) "O gorodskikh i rayonnykh gazetakh, uchreditelyami kotorykh yavlyalis' sovety narodnykh deputatov": Postanovlenie administratsii oblasti ["On the city and district newspapers, the founder of which is the Council of People's Deputies": Decision of Oblast Administration]. *Russkiy Sever*. 15 October.

Received: 03 October 2015

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЛЕСНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОХРАНЫ ЛЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 20–30-е гг. XIX в.

Рассматривается процесс реформирования отечественной лесной отрасли и складывания новой системы лесоуправления и лесоохраны. Реформирование проводилось под эгидой Министерства финансов, которое до формирования в 1837 г. Министерства государственных имуществ ведало государственными лесами империи. Показана особая роль в формировании новой системы отечественного лесного хозяйства Министра финансов графа Е.Ф. Канкрин. Анализируется содержание реформы 1832 г., изменившее принципы функционирования низового звена лесоохраны – лесной стражи.

Ключевые слова: лесное хозяйство; лесоуправление; лесоохрана; лесничий; казенная палата; семейная лесная стража.

В конце XVIII – начале XIX в. отечественное лесное хозяйство переживало серьезные трансформации. В 1798 г. было создано специализированное управление казенными лесами империи – Лесной департамент, вошедший в 1802 г. в состав учрежденного Министерства финансов. Лес стал рассматриваться не только как источник сырья для кораблестроения, но и как стратегический ресурс, необходимый для развития экономики. Экспорт лесных материалов становится одним из источников пополнения государственного бюджета. В дальнейшем эта тенденция только нарастала, и к концу XIX в. лес занимал второе место после пшеницы среди статей российского экспорта. На протяжении первой четверти XIX в. происходило постепенное нормативное и организационное оформление новой системы лесоуправления, лесопользования и лесоохраны, а также предпринимались попытки формирования рационального лесного хозяйства, которое основывается на новейших достижениях науки. Основными препятствиями на этом пути были низкие темпы лесоустройства, наразмежеванность значительной части лесных участков между собственниками земли, что затрудняло их эксплуатацию и охрану, дефицит квалифицированных отечественных кадров, а также недостатки существовавшей модели центрального и регионального управления лесной отраслью.

Приход к власти императора Николая I стимулировал реформирование организационных основ лесного хозяйства. Реформа была подготовлена специально учрежденным Ученым комитетом по лесной части при Департаменте государственных имуществ. Огромную роль в разработке, принятии и реализации Положения сыграл также руководитель Министерства финансов граф Егор Францевич Канкрин, находившийся на этом посту с 1823 по 1844 г.

Предложения по оптимизации и рационализации регионального управления казенными лесами легли в основу высочайше утвержденного 19 июня 1826 г. Положения «О новом устройстве лесной части по губерниям Санкт-Петербургской, Олонецкой, Псковской и Казанской», которое с 1828 г. распространялось на остальные губернии империи [1]. Однако законодатель оговаривал, что на Сибирь Положение не распространяется, поскольку там «лесного управления еще вовсе не введено» [2]. При этом с формально-юридической точки зрения в Сибири управление казенными лесами находилось, в соответствии с приня-

тым в июле 1822 г. «Учреждением для управления сибирских губерний», в ведении казенных палат, реализовавших властные полномочия через волостные правления [3]. На практике же деятельность казенной палаты ограничивалась канцелярской работой, а «волостные правления, обремененные множеством занятий, вследствие апатии волостных начальников, в большинстве случаев совершенно безграмотных, не в состоянии выполнять основной функции лесного хозяйства – свидетельства заготовок» [4. С. 55]. Населению было оставлено право свободного пользования казенными лесами без уплаты каких-либо пошлин.

Особняком в Сибири стояли леса Кольвано-Воскресенских (Алтайских) и Нерчинских горных заводов ведомства Кабинета Е.И.В., имевшие особый правовой статус и сложившуюся административно-хозяйственную систему. В период с 1830 по 1855 г., когда Алтайские заводы находились в аренде у Министерства финансов, по инициативе Е.Ф. Канкрин управление лесами было передано местной горнозаводской администрации. Для организации и успешного функционирования лесной отрасли в 1830 г. им лично была разработана «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского», в том же году распространенная на Кольвано-Воскресенский горный округ в рамках политики унификации административной системы уральских и алтайских заводов [5]. Инструкция была разослана горным правлениям, казенным палатам, в ведении которых состояли казенные леса, и лесным чиновникам для ознакомления и наставления. В ней была подробно разработана система организации и функционирования лесоохранных структур всех уровней, поскольку основной обязанностью лесной администрации на всех уровнях Е.Ф. Канкрин называл охрану лесов. В своем библиографическом обзоре российской лесоводческой литературы П. Вереха и А. Рудзкий назвали труд Е.Ф. Канкрин «одним из самых важных материалов для истории русского лесоводства» [6. С. 11]. Инструкция оказалась настолько удачной, что на двенадцать лет заменила собой в общероссийском масштабе Лесной устав.

Значение Положения «О новом устройстве лесной части» современниками, а затем и исследователями истории отечественного лесного хозяйства всегда оценивалось достаточно высоко. Преобладает точка зрения, согласно которой в результате реформы

1826 г. начало функционировать собственно лесное хозяйство с классической системой лесничеств [7. С. 20]. Изменения коснулись как внутренних основ лесоуправления, так и его внешних атрибутов.

Положением был определен порядок разделения лесов на лесные округа и лесничества, права и обязанности лесных служащих различного уровня, порядок ведения делопроизводства и т.д. Лесное управление в губерниях перешло в ведение Казенных палат, в связи с чем были составлены штаты отделений по лесной части при палатах. Численность лесных служащих всех рангов была увеличена, так же как и их жалование.

Впервые в тексте нормативного акта вводится понятие «лесничий», которое остается в лесохозяйственном лексиконе и по сей день. Немецкие названия всех должностей лесных чиновников были заменены на русские. Обер-форстмейстеры были переименованы в губернских лесничих, возглавивших лесные отделения губернских казенных палат. Форстмейстеры стали лесничими (учеными, окружными или старшими), форстмейстерские ученики – помощниками лесничего, ферстеры – младшими лесничими, унтер-ферстеры – подлесничими. Наименования своих должностей в прежнем виде сохранили лесные объездчики, лесные сторожа, пожарные старосты и полесовщики.

Краеугольным принципом лесоуправления Е.Ф. Канкрин считал децентрализацию и передачу функций по охране и управлению лесами самим пользователям. Было предложено сосредоточить усилия на охране наиболее ценных казенных лесов. Остальные массивы, чтобы они не остались вообще без надзора и охраны, было предложено оставлять под «непосредственный присмотр тех ведомств и заведений, для продовольствия и пользования коих они предназначены, в убеждении, что собственные их выгоды побудят их пещись о сбережении сих лесов, составляющих их условную собственность» [8]. С Лесного департамента снималась обязанность по охране ведомственных лесов, однако то, что каждое ведомство пыталось устанавливать свои правила в сфере лесоохраны и лесопользования, далеко не всегда положительно сказывалось на состоянии лесных массивов. Достаточно быстро выяснилось, что частичная передача управленческих функций другим ведомствам не может стать средством, способным предотвратить истощение лесов [9. С. 41].

На лесные отделения казенных палат были возложены функции по надзору за всеми лесами губернии, кроме тех, которые находились под управлением других ведомств; охране и разведению лесов; разделению лесов на округа, лесничества, лесные участки и дистанции, внутреннему размежеванию на кварталы, лесосеки и строевые рощи; введению правильного лесоводства, комплектованию штата лесных служащих и т.д.

Руководил работой всей лесной администрации губернский лесничий, основной задачей которого было повышение дохода от эксплуатации лесов. Законом было определено, что должность губернского лесничего мог занять человек, «способный и, преимущественно, из числа знающих правила лесоводства»

[10. С. 297]. Наиболее важные и ценные лесные массивы, входившие в состав лесничеств, передавались в управление окружным лесничим, остальные леса – лесничим и подлесничим. Охрана наиболее ценных лесов, в том числе казенных и заказных рощ, поручалась лесным объездчикам и сторожам. Эта лесная стража была постоянной, хотя и немногочисленной.

Менее ценные лесные дачи, как казенные, так и крестьянские, передавались под охрану временной (иррегулярной) лесной стражи – полесовщиков и пожарных старост, выбираемых в крестьянских обществах. Численность полесовщиков устанавливала казенная палата, исходя из лесной площади и ценности лесов. Срок службы полесовщика составлял всего один год, чтобы крестьяне «одни пред другими никакой излишней тягости понести не могли» [11. С. 348]. Полесовщики на время службы освобождались от земских налогов и повинностей. Они должны были жить в селениях вблизи вверенных им под охрану лесов. В некоторых лесных дачах для полесовщиков обустроивались кордоны.

Естественно, что степень эффективности подобной лесной стражи стремилась к нулю. Слишком сильная зависимость от своих односельчан и отсутствие навыков профессиональной лесной службы открывали большой простор для различных злоупотреблений и зачастую лишь усложняли обстановку в охраняемых лесных дачах.

С 1835 г. стала действовать правовая норма, определявшая ответственность выборного от крестьянских обществ лесного надзирателя за допущение самовольной порубки неизвестными лицами, которые не были обнаружены. В этом случае на лесного надзирателя налагался штраф в размере попенной стоимости самовольно вырубленного леса. В случае же его несостоятельности взыскание штрафа обращалось на все избравшее его общество [12]. Несколько позже была введена норма, согласно которой если по недосмотру полесовщиков или пожарных старост происходил лесной пожар, они, в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., подвергались аресту от трех недель до трех месяцев или наказанию розгами от двадцати до тридцати ударов. Полесовщики должны были дополнительно возместить нанесенные пожаром казне убытки [13].

Подавляющая часть лесов, принадлежащих казенным крестьянам, не была размежевана с непосредственно государственными и находилась в ведении казенного лесного управления. Позиция правительства по отношению к крестьянским лесам была неизменна на протяжении всего XIX в. и заключалась в как можно скорейшем отмежевании их от казенных лесов, выделении заказных рощ с целью недопущения их бесконтрольного уничтожения. Другими словами, казенное лесное ведомство стремилось переложить заботу о сохранении крестьянских лесов на плечи волостных правлений и выборных полесовщиков.

Одной из первейших задач, возложенных на лесные отделения губернских казенных палат, являлось лесоустройство и размежевание казенных и крестьянских лесов. До окончания этого процесса правитель-

ство разрешило казенным палатам передавать некоторые лесные дачи под надзор крестьянских обществ. Эта мера была скорее вынужденной, чем необходимой. Леса, принадлежавшие казенным крестьянам и неотмежеванные от государственных лесных дач, подвергались наиболее опустошительным самовольным рубкам. Правительство признавало, что «уменьшение оных и даже истребление очевидно усиливается, и что способами, зависящими от казны, упомянутые леса не могут быть ни в скором времени отделены, ни достаточно охранены» [8]. Единственным способом охраны этой категории лесов представлялась их передача в заведование самим крестьянам, под «некоторым токмо ограниченным наблюдением лесного управления», что и предусматривалось высочайшим повелением «О предоставлении казенных лесов в заведование казенных селений, монастырей и городских обществ» от 10 ноября 1832 г. К волостным правлениям было подготовлено специальное воззвание от имени министра финансов «для убеждения казенных поселян к охранению отводимых им лесов».

Крестьянским обществам предписывалось накладывать на отводимые им рощи заповедь, т.е. запрет на пользование лесными материалами на определенное время. Непосредственную охрану крестьянских лесов «от всяких самовольных порубок, истребления и вреда» должны были осуществлять выборные от общества полесовщики и пожарные старосты.

Пожарные старосты избирались в казенных селениях обществом через каждые 3 года из поселян «трезвых и доброго поведения». Пожарные старосты продолжали жить в своих деревнях, при этом должны были «иметь местный и ближайший надзор, чтобы все предосторожности от лесных пожаров, предписанные законом, были исполняемы со стороны обывателей, проходящих и проезжающих» [11. С. 350]. В случае обнаружения лесного пожара пожарный староста был обязан донести земской и лесной администрации, а сам, собрав людей из селений в радиусе 10–25 верст, принять меры к «угушению огня».

Фактически власть лесной администрации на казенные рощи не распространялась. Крестьянин, совершивший самовольную порубку в первый раз, наказывался по решению мирского схода, а за вторичное преступление – отдавался в рекруты или отсылался на поселение. Мирские приговоры отправлялись в казенную палату. Если в заказной роще лесной чиновник обнаруживал порубку, о которой волостное правление не знало либо не наказало виновных, Лесной устав предписывал начинать следствие с дальнейшим судебным рассмотрением дела.

Пользование из заказных рощ было практически исключено. В случае крайней необходимости, например для строительства после пожара, рубка заказных лесов могла быть разрешена лишь с разрешения Министерства государственных имуществ. О каждом таком случае казенные палаты должны были составлять подробные отчеты и пояснения [14].

Лесной страже как основному инструменту реализации лесоохранной политики государства уделялось особое внимание. Основным вопросом были уровень

профессиональной подготовленности лесников, а также степень их зависимости от местного населения.

В развитие норм «Положения о новом устройстве лесной части...» в 1832 г. по инициативе министра финансов графа Е.Ф. Канкринна было принято «Положение о постоянной лесной страже по ведомству Министерства финансов» [15]. Этот документ де-юре установил принцип профессионализма низшей лесной службы, а де-факто появилось «особое сословие, отвечавшее за охрану лесов и в этой связи освобождавшееся от платежа податей, земских повинностей» [16. С. 11].

При формировании семейной лесной стражи был использован принцип военных поселений – исполнение профессиональных обязанностей в местах постоянного проживания. Предполагалось, что в силу высоких затрат на повсеместное внедрение поселенной стражи она будет вводиться постепенно в наиболее ценных лесных массивах, принадлежащих казне.

Формирование лесной стражи могло осуществляться из казенных крестьян либо отставных нижних воинских чинов. В любом случае они получали под охрану «обход» из расчета 1,5 тысячи десятин лесной площади на одного пешего стрелка (главу семейства). Помимо стрелка семейную лесную стражу составляли помощник стрелка, запасные стрелки, неспособные и малолетки. У каждого из них был свой круг обязанностей и определенные «перспективы карьерного роста», обусловленные формированием профессиональных навыков с раннего возраста.

Помощник стрелка сопровождал его при осмотре леса, при противодействии самовольным порубщикам, а также мог замещать стрелка в моменты его отсутствия. Малолетки «по достижении 20 летнего возраста поступают в егерские полки, из коих, по миновании шестилетней службы, а по случившейся неспособности и ранее, увольняются в свои дома для лесной службы и принимают название запасных стрелков» [15]. Запасные стрелки затем могут стать служащими стрелками или помощниками.

Профессиональный статус семейной лесной стражи выражался, кроме всего прочего, в получении стрелками жалованья, вооружения, обучения и обмундирования за казенный счет. Кроме того, стража обеспечивалась на время службы жильем, земельным наделом, строевым и дровяным лесом и «подъемными» средствами.

Законом был установлен двадцатилетний срок лесной службы, на время которого стражники освобождались от уплаты государственных податей, выполнения земских повинностей, исправления рекрутской повинностей и от военного постоя. В случае совершения серьезных должностных проступков стрелки отдавались в солдаты «без выслуги» либо высылались в Сибирь на поселение. При этом в законе оговаривалась подсудность стрелков их непосредственным лесным начальникам, а не земской полиции.

Назначение на должность семейной лесной стражи могло происходить двумя путями. Первым вариантом являлось добровольное согласие крестьянина или солдата, закончившего военную службу. В случае отсутствия желающих чины лесной стражи назнача-

лись «из состоящих на близкой рекрутской очереди». Требования к кандидатам в лесные пешие стрелки были не очень высоки: физическая и умственная способность нести службу, «соразмерное обыкновенному крестьянскому достатку обзаведение», хорошее поведение, охотничьи навыки и, желательное, грамотность. Закон предусматривал возможность перемещения чинов лесной стражи из одного семейства в другое.

По мере избрания постоянной лесной стражи охрана казенных лесов переходила в их руки, а местные крестьянские общества освобождались от необходимости избирать полесовщиков. Однако должности пожарных старост сохранялись, как и сохранялась обязанность крестьянских обществ участвовать в тушении лесных пожаров.

Быт и служба лесных стрелков носили военизированный характер со всеми необходимыми атрибутами: четкая регламентация ежедневных занятий, субординация, наличие форменного обмундирования, знаков различия, оружия и т.п. В остальном правоспособность стражников совпадала с правовым статусом казенных крестьян.

Главными обязанностями постоянной лесной стражи были: охрана лесов от самовольных порубок, пожаров и «разных повреждений», отпуск леса по лесорубочным билетам, учет вырубленного леса, наблюдение за состоянием лесопосадок, занятие различными лесными работами.

Основные требования к лесной страже, перечень ее прав и обязанностей излагались в специальном издании карманного формата, носившем, вне зависимости от времени и места издания, общее название «Наказ лесной страже».

По положению 1832 г. лесная стража, сама относясь к «лесной полиции», обязана оказывать содействие земской полиции в «поимке разбойников, дезертиров и бродяг в лесах». В случае обнаружения лесонарушения и самого нарушителя лесной стражник или вышестоящий чиновник были обязаны принять меры к доставке лесонарушителя к сельскому старосте или в волостное правление. При исполнении своих должностных обязанностей лесной стражник мог применять оружие для поимки разбойников, для собственной обороны, когда существует реальная угроза его жизни и здоровью.

Служба пеших лесных стрелков проходила под непосредственным надзором объездчиков (конных унтер-офицеров) из расчета, что на одного объездчика приходится от 6 до 10 стрелков и их дома рас-

полагались в радиусе 35 верст от места проживания объездчика.

Территория, подконтрольная объездчику, носила название «дистанция» или «объезд». Объездчики располагались постоем в деревнях у казенных крестьян либо у лесных стражей. В законе была предусмотрена необходимость строительства отдельных «лесных дворов» – кордонов.

Объездчики назначались исключительно из отставных солдат «отличного поведения», отслуживших действительную военную службу по их собственному желанию либо по решению армейских командиров. Законом также предусматривалась возможность производства в объездчики лесных стрелков, отличившихся «отличным поведением и расторопностью». Срок службы лесного объездчика также составлял 20 лет с учетом службы в армии. Основными обязанностями лесного объездчика являлись надзор за несением службы лесными стрелками и состоянием введенных лесных участков.

К моменту образования в 1837 г. Министерства государственных имуществ в России сформировалась довольно громоздкая система лесной стражи: лесные объездчики, пожарные старосты, временная лесная стража (полесовщики), постоянная семейная лесная стража. Кроме названных должностей в отдельных местностях встречались другие разновидности лесной стражи, которые были характерны для национально-территориальных образований (Польша, Курляндия), либо лесов с особенностями владельческой или хозяйственной принадлежности (леса удельные, «кабинетские», горные и т.д.). В частности, в лесах горных заводов действовали свои правила, и «учреждение постоянной или другого рода стражи при лесах горных заводов приводится в действие по особому соображению» [15]. Существовала также категория вольнонаемной лесной стражи, нанимаемой для охраны отдельных частных и общественных лесных дач.

Таким образом, в результате проведенной реформы была создана система регионального управления казенными лесами, которая оказалась довольно удачной и с некоторыми корректировками существовала на протяжении всего дореволюционного периода. Поиск оптимальной модели организации и функционирования института лесной стражи, начатый в рассматриваемый период, продолжался вплоть до 1869 г., когда все многообразие низшего звена лесоохраны было приведено к единому знаменателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. СПб., 1830. Т. 2, № 1467.
2. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1830. Т. 1, № 415.
3. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 38, № 29125.
4. Энгельфельд В.А. О лесах Западной Сибири. СПб., 1888.
5. Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства. СПб., 1830.
6. Вереха П., Рудзкий А. Литература русского лесоводства. Систематический указатель отдельных книг, изданных на русском языке до 1878 г. СПб., 1878.
7. Шегельман И.Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск, 2008. 240 с.
8. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1833. Т. 7, № 5742.
9. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.
10. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. СПб., 1857.
11. Лесной словарь. Составлен в Департаменте корабельных лесов. СПб., 1844. Ч. 2.

12. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1836. Т. 10. Отд. 2. № 8708.
13. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1853. Т. 27. Отд. 1. № 26020.
14. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 2. № 11655.
15. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1833. Т. 7. № 5869.
16. Пуряева А.Ю., Пуряев А.С. Лесное право. М., 2009. 217 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 декабря 2015 г.

REFORMING THE SYSTEM OF FOREST MANAGEMENT AND FOREST PROTECTION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1820S–1830S

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 130–134. DOI: 10.17223/15617793/403/21

Тяпкин Mikhail O. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Keywords: forestry; forest administration; forest protection; forester; treasury; family forest service.

There was a gradual normative and organizational work of the new system of forest administration, forest management and forest protection; and attempts were also made to the formation of rational forestry, based on the latest achievements of science during the first quarter of the 18th century. The regulation “On the new in the forest part” was adopted in 1826. It determined the division of forests in forest districts and forestries, rights and responsibilities of forest officials at various levels, the administration procedure, etc. Forest administration in the provinces came under the authority of state chambers, wherefore the staffing of the offices in forestry at chambers was made. The number of forest officers of all ranks, as well as their salaries, increased. The concept “forester” was introduced for the first time in the text of the normative act. It remains in the forestry lexicon to the present time. German titles of all posts of forest officials were replaced by Russian ones. Forest departments of the state chambers were responsible for oversight of all forests of the province, except those that were under the control of other departments; the protection and cultivation of forests; the division of forests into districts, forestries, forest areas and distances, the internal division into quarters, cutting areas and timber groves; the introduction of proper forest management, the recruitment of forest officers. Protection of the most valuable forests, including state-owned and custom-made groves, was the responsibility of forest rangers and guards. This forest service was constant, though small in number. Low-value forest cottages, both state and peasant, were under the protection of the temporary (irregular) forest service: forest rangers and fire chiefs, they were selected in peasant societies. The “Regulation on constant guard for the Forest Department of the Ministry of Finance” was adopted on the initiative of the Minister of Finance, Count E.F. Kankrin in 1832. This regulation established the principle of professionalism of the lower forest service. The formation of a family forest service was based on the principle of military settlements: execution of professional duties in places of permanent residence. The law set twenty years of the forest service, during which the guards were exempted from the payment of state taxes, execution of county duties, repair duties and recruiting from the military post. With the formation of a permanent forest service, the protection of state forest passed into their hands and the local peasant society was freed from the need to elect forest rangers. Thus, as a result of reforming the forest sector in Russia, local forestry management of state forests was run by state chambers. Individual departments and agencies with the right to own or use forests established their system of forest management. At the same time an unmanageable system of forest guard was formed.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 2. No. 1467. St. Petersburg.
2. Russian Empire. (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 1. No. 415. St. Petersburg.
3. Russian Empire. (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 38. No. 29125. St. Petersburg.
4. Engel'fel'd, V.A. (1888) *O lesakh Zapadnoy Sibiri* [On forests in Western Siberia]. St. Petersburg: tip. Kantselyarii s.-peterb. gradonachal'nika.
5. Kankritin, E.F. (1830) *Instruktsiya ob upravlenii lesnoy chast'yu na gornykh zavodakh khrebtia Ural'skogo po pravilam lesnoy nauki i dobrogo khozyaystva* [Instructions on the management of the forest part of the Ural mountain ridge factories by the rules of the forest science and good economy]. St. Petersburg: Finance Ministry.
6. Verekha, P. & Rudzkiy, A. (1878) *Literatura russkogo lesovodstva. Sistemicheskiy ukazatel' otdel'nykh knig, izdannykh na russkom yazyke do 1878 g.* [Russian Forestry Literature. Systematic index of individual books published in Russian before 1878]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbau-ma.
7. Shegel'man, I.R. (2008) *Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)* [Forest Transformation (15th–21st centuries.)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
8. Russian Empire. (1833). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 7. No. 5742. St. Petersburg.
9. Istomina, E.G. (1995) Lesookhranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XX v. [Russian forest protection policy in the 18th – the beginning of the 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 34–51.
10. Shelgunov, N.V. (1857) *Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva* [The history of Russian forest legislation]. St. Petersburg: V tip. M-va gos. imushchestv.
11. Nikol'skiy, A. et al. (1844) *Lesnoy slovar'. Sostavlenn v Departamente korabel'nykh lesov* [Forest dictionary. Compiled by the Department of Ship Forests]. Pt. 2. St. Petersburg: Tipografiya Fishera.
12. Russian Empire. (1836). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 10. No. 8708. St. Petersburg.
13. Russian Empire. (1853). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 27. Pt. 1. No. 26020. St. Petersburg.
14. Russian Empire. (1839). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 13. Pt. 2. No. 11655. St. Petersburg.
15. Russian Empire. (1833). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 7. No. 5869. St. Petersburg.
16. Puryaeva, A.Yu. & Puryaev, A.S. (2009) *Lesnoe pravo* [Forest Law]. Moscow: Delovoy dvor.

Received: 04 December 2015

РЕСКРИПТ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г.: МАНЕВР ВЛАСТИ И РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА В СИБИРИ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009) и программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

В статье ставится вопрос о степени готовности российского общества в 1905 г. к роли равноправного субъекта в политическом диалоге с властью. Представлены результаты анализа основного спектра общественных настроений в крупнейшем регионе страны – Сибири – в связи с декларированным Николаем II 18 февраля 1905 г. намерением создать законосовещательный орган. Определены основные факторы, блокировавшие возможность консенсусной коммуникации власти и общества в России начала XX в.

Ключевые слова: власть; общество; политическая система; реформы; общественные настроения; диалог; Сибирь.

Исторически сложившийся в России дисбаланс статусов властных и общественных структур в политической системе обусловил специфику их взаимоотношений, формировавшихся на конфликтогенной основе и исключавших возможность равноправного диалога. Однако в переломные моменты отечественной истории, в условиях назревания и обострения системного кризиса, эта политическая конструкция, как правило, обнаруживала свою уязвимость и неустойчивость, в связи с чем появлялся шанс для достижения если не консенсуса, то, по крайней мере, компромисса между властью и обществом. В частности, в отечественной и зарубежной историографии представлено мнение о существовании такого шанса на первом этапе революции 1905–1907 гг. [1. С. 12–13; 2. С. 424–425].

В поисках ответа на вопрос о причинах, заблокировавших реализацию этой возможности, проведены серьезные исследования, связанные с анализом обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших появлению актов 18 февраля 1905 г., а также с определением отношения к ним высших сановников, представителей правящей бюрократии, лидеров земцев-конституционалистов и освобожденцев [2. С. 395–438; 3. С. 85–105]. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку именно перечисленные акторы являлись главными действующими лицами политической коммуникации, предмет которой составляли возможные изменения в конструкции политической системы. Однако при этом за скобками внимания остаются настроения, эмоции, мнения, которые были характерны для различных групп общества вне пределов Центральной России. В результате формируется несколько редуцированное представление о социально-политической атмосфере в стране, не позволяющее, в частности, оценить степень готовности общества к артикулированному выражению своей позиции и к роли равноправного субъекта в политическом диалоге с властью.

Этим обстоятельством и продиктована необходимость определения основного спектра общественных настроений в крупнейшем регионе страны – Сибири – в связи с декларированным императором Николаем II 18 февраля 1905 г. намерением создать законосовещательный орган. Источниковую основу для решения поставленной исследовательской задачи составили материалы региональной периодической печати, журналы заседа-

ний и постановления городских дум, резолюции и петиции научных обществ, культурно-просветительных и других общественных организаций, листовки и прокламации местных партийных организаций.

С формальной точки зрения Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о привлечении «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [4. С. 25–26] мог трактоваться как сигнал о готовности верховной власти реагировать на запросы и ожидания общества. Именно так его и восприняли те группы общественности, которые считали необходимым реформирование политической системы страны. Заявления императора о намерении продолжить «царственное дело венценосных предков», которые «в мудрости своей всегда даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования», вселяли надежды на возможность переустройства «сверху». Поскольку же Николай II не преминул выразить уверенность в том, что «знание местных потребностей, жизненный опыт и разумное откровенное слово лучших выборных людей обеспечат плодотворность законодательных работ на истинную пользу народа», у сторонников реформ сложилось впечатление о возможности диалога власти и общества.

Социальные ожидания, порожденные рескриптом 18 февраля, подкреплялись изданным одновременно Высочайшим указом правительствующему сенату, повелевавшим «возложить на Совет министров рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [4. С. 22]. Содержание указа было истолковано в обществе как предоставление права петиций, что вызвало поток всеподданнейших адресов. Адреса на имя императора с выражением радости и благодарности по поводу рескрипта 18 февраля отправили городские думы Енисейска, Красноярска, Иркутска, Томска, Семипалатинска, томское биржевое общество [5. 11 марта, 27 марта, 29 марта, 9 апр.; 6. 11 марта; 7. 31 мая]. Со страниц либеральной печати раздавались призывы к общественным учреждениям, просвети-

тельным и научным обществам, частным лицам включиться в разработку вопроса о порядке созыва и характере представительного учреждения, поскольку только широкое участие общественности может служить залогом тщательного учета местных особенностей и рационального решения вопроса в целом [5. 1905. 12 марта]. Стремлением гарантировать сибирякам право голоса при обсуждении общегосударственных проблем на высшем уровне было продиктовано обращение городской думы Красноярска к А.Г. Булыгину с ходатайством о приглашении выборных делегатов Красноярска и Енисейской губернии в Особое совещание по выработке оснований для учреждения народного представительства [8. Л. 44].

Активная деятельность по подготовке проектов политических реформ развернулась в комиссиях, созданных при городских думах. Доминирующей идеей в проектах, составленных гласными Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, являлась организация выборов народных представителей на основании всеобщей, равной и тайной подачи голосов, при полной свободе предварительных и выборных собраний, слова, печати и обеспечения неприкосновенности личности [6. 8 марта; 8. Л. 37, 124; 9. Л. 89, 90, 170–171, 173; 10. Л. 67, 84; 11. Л. 114; 12. Л. 10, 16; 13. 9 марта]. Уделяя в своих проектах особое внимание вопросам реформирования городского самоуправления, члены городских дум напрямую связывали их решение с проведением общеполитических реформ. Так, определив свой идеал городского самоуправления, гласные Томска сошлись во мнении, что «существовать такая община может только в правильно организованном правовом государстве» [11. Л. 114]. Специальная комиссия, избранная городской думой Барнаула для детальной разработки предложений по реформированию системы местного самоуправления, свою деятельность начала с подготовки «представления на Высочайшее имя о нуждах и пользах государственных» [10. Л. 67]. В представлении, принятом единогласно на заседании думы 29 апреля 1905 г., речь шла об исключительной значимости скорейшего созыва органа народного представительства для ликвидации бюрократической системы управления и умиротворения страны [Там же. Л. 84].

Воодушевленная намерением властей создать орган народного представительства, активно включилась в обсуждение проблем реформирования государственного устройства местная интеллигенция. На собраниях томского юридического общества; общества врачей Енисейской губернии; обществ вспомоществования учащих и учивших в Енисейской губернии, Акмолинской области и в Томске; томского, барнаульского и красноярского обществ попечения о начальном образовании и других подобных организаций принимались резолюции с требованиями гражданских свобод: права личной неприкосновенности, свободы совести, слова, печати, собраний и союзов [5. 4 марта, 29 марта, 24 апр.; 7. 1905. 12 апр.; 13. 13 марта, 6 апр.; 14. Л. 12; 15. Л. 2–3; 16. Л. 4]. В целях обеспечения гарантий гражданских прав предлагалось руководствоваться при формировании представительного органа принципом прямого, всеобщего, тайного и равного голосования, который рассматривался в

качестве неременного условия подлинного волеизъявления народа и залога авторитетности представительства [5. 9 апр., 24 апр.; 13. 13 марта, 6 апр.; 17. Л. 2–3; 18. Л. 6]. Созданию благоприятных предпосылок для поиска «общими силами примиряющих решений» и обеспечения социального консенсуса, по мнению инициативной общественности региона, должны были способствовать амнистия всех пострадавших за политические и религиозные преступления, немедленная отмена законов об усиленной охране, предоставление права пользоваться устным и печатным словом с ответственностью только перед судом присяжных, прекращение войны с Японией [5. 24 апр.; 13. 6 апр.].

В ряде случаев культурно-просветительные и научные общества ставили также вопрос о полномочиях народного представительства. В петиции красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) на имя императора, в резолюциях томских обществ взаимопомощи учащим и учившим, попечения о начальном образовании, а также юридического общества были сформулированы предложения о наделении представительного органа функциями законодательной власти, рассмотрения и утверждения государственного бюджета, контроля над исполнительной властью [13. 6 апр.; 14. Л. 12; 16. Л. 4; 19. Л. 1]. Последовательно проводя принцип разделения властей, юридическое общество высказывалось также за «строгое отделение законодательной власти от судебной, за независимость и несменяемость» представителей судебной власти [7. 12 апр.]. Широта постановки проблем реформистского переустройства империи отличала «Проект усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», составленный комитетом Тобольского музея. Наряду с вопросами местного значения (переселение, ссылка, железнодорожное строительство, таможенные пошлины, порто-франко на сибирских реках) в нем поднимались проблемы взаимоотношений государства и общества, ставился вопрос о пределах вмешательства государственной власти в частную жизнь граждан и об ответственности власти за развитие страны и т.п. [20. С. 54–55].

И всё же нет оснований полагать, что связанные с рескриптом на имя А.Г. Булыгина ожидания перемен являлись доминантами общественного сознания. Предоставленная Указом от 18 февраля 1905 г. возможность обращения во властные инстанции с «предположениями по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» если и вызвала некоторый интерес у средних городских слоев, то, главным образом, в части, касавшейся вопросов «улучшения народного благосостояния». Примером может служить петиция, отправленная в конце марта 1905 г. в Петербург группой служащих Омской почтово-телеграфной конторы. В числе их «предположений» значились: шестичасовой рабочий день для телеграфистов и восьмичасовой для служащих почты; увеличение заработной платы до 50%; предоставление праздничного отдыха, ежегодного отпуска, бесплатной медицинской помощи и т.п. [21. С. 26]. Созданием комиссии для выработки пожеланий учителей об улучшении

своего положения откликнулось на акт 18 февраля «Общество взаимного вспомоществования учащимся и учащим Акмолинской области» [Там же. С. 100–101]. Показательно, что из 88 зафиксированных в феврале–августе 1905 г. (до получения известия о Манифесте 6 августа, который подвел черту под инициированным властью обсуждением проектов государственного переустройства) эпизодов проявления общественной активности в Томской губернии лишь 10 были связаны с реакцией на рескрипт 18 февраля и обсуждением проектов представительного учреждения. Рабочие и служащие явно предпочитали выражать и отстаивать свои интересы посредством стачек, забастовок, митингов, в ходе которых выдвигались, прежде всего, требования повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта и т.п. [22. С. 126–143]. Эта тенденция была характерна и для всей Сибири [23. С. 86–91].

Вероятно, отчасти скептический настрой большинства населения в отношении возможности улучшить свое положение путем подачи «предположений» в высшие инстанции государственной власти формировался под влиянием активной пропаганды местных комитетов РСДРП, которые в своих листовках призывали противопоставить петиционной кампании решительную борьбу против самодержавия [22. С. 125–142; 24. С. 25–27]. Вместе с тем разрабатывавшиеся местными общественными деятелями проекты не могли рассчитывать на поддержку сколь-нибудь широких слоев населения, поскольку не затрагивали его насущных нужд. Получив санкционированное императором право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», представители либерально настроенного инициативного меньшинства в своих проектах даже не ставили проблемы удовлетворения экономических интересов народа и в этом смысле вполне заслуживали упрек в пренебрежительном отношении к нуждам трудящихся слоев. Полностью сконцентрировавшись на проблемах переустройства политической системы, либералы руководствовались собственной логикой, получившей солидное теоретическое обоснование в трудах идеологов этого направления общественной мысли. Предоставление гражданских и политических прав населению рассматривалось как необходимое условие и важнейшая предпосылка справедливого решения социально-экономических проблем. Сомнений же по поводу реалистичности и реализуемости предлагавшихся вариантов политических реформ не возникало. По-видимому, авторы проектов искренне полагали, что их «предположения» могут стать основой для преобразований государственного строя.

Между тем логика политического поведения реформистски настроенных общественных деятелей, будучи неприемлемой для большинства населения, явно диссонировала и с намерениями власти. Формулировки рескрипта 18 февраля 1905 г. недвусмысленно давали понять, что преобразования возможны «лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающей неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем», «при непрременном сохранении незыблемости основных законов в империи»

[4. С. 25–26]. Подтверждал незыблемость устоев русского государства и подписанный Николаем II 18 февраля 1905 г. Высочайший манифест. Его текст, содержавший призыв ко всем русским людям крепко сплотиться вокруг престола «к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всем нациям и верным подданным» [Там же. С. 23–25], был опубликован местными газетами и, несомненно, хорошо известен просвещенной публике региона. Однако парадоксальным образом все положения актов 18 февраля, устанавливавшие пределы возможного участия населения в решении государственных вопросов, были оставлены общественностью без внимания. Избирательное восприятие транслировавшихся высшими государственными инстанциями сигналов, обусловленное повышенным градусом социальных ожиданий в условиях начавшейся революции, не позволило адекватно оценить тактику властных структур.

Фактически же предпринятый 18 февраля маневр являлся действием с заранее запрограммированным результатом, а потому и содержание подписанного Николаем II 6 августа 1905 г. Манифеста об учреждении Государственной думы как высшего законосовещательного представительного органа Российской империи было вполне предсказуемым. Тем не менее, по-видимому, такое завершение петиционной кампании стало источником когнитивного диссонанса для многих сторонников либеральной модели общественного переустройства: их уверенности в заинтересованности и готовности власти к проведению реформы политической системы на принципах конституционализма был нанесен серьезный удар. Вместе с тем было поставлено под сомнение и имманентно присущее либеральному мировоззрению убеждение в том, что только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести реформы средствами, исключаящими произвол, нарушение законности.

Результатом разочарования в способности власти к самореформированию стала заметная радикализация политических настроений в обществе. В регионе распространялись листовки социал-демократов и эсеров с призывами бойкотировать выборы в булыгинскую Думу [22. С. 142]. Отказ от участия в выборах провозглашался резолюциями многочисленных собраний и митингов [25. С. 81]. Та же часть местной интеллигенции, которая сочла бойкот Думы нецелесообразным, видела смысл избирательной кампании в продвижении собственных проектов реформирования политической системы. В резолюции иркутского союза адвокатов указывалось: «...адвокатура должна принять самое деятельное участие как в предвыборной агитации, так и в самой Думе с тем, чтобы эта последняя не занималась органической работой». Предназначение Думы в резолюции сводилось исключительно к «достижению народного представительства, основанного на началах всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосов, с правом законодательной власти и осуществления политической свободы» [26. Л. 129]. Общее собрание врачей Восточной Сибири большинством голосов высказалось за необходимость принимать участие в выборах булыгинской Думы «в целях агитации и проникновения в нее, как в захваченную позицию, для более энергичного

следования по ранее намеченному плану» [7. 8 окт.] (под последним опять же подразумевалось создание народного представительства на основе всеобщего избирательного права, обеспечение гражданских и политических свобод). На собрании Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников было решено «принять самое деятельное участие в предвыборной агитации для избрания тех лиц, которые в Государственной думе немедленно по открытии ее потребуют Учредительного собрания» [Там же. Л. 126]. Уверенность иркутян в том, что Булыгинская Дума может стать средством достижения «истинного» народного представительства, избранного всеобщим голосованием Учредительного собрания, разделяли и их единомышленники в Забайкалье [27. 7 сент.]. Таким образом, расставшись с иллюзиями, порожденными рескриптом 18 февраля 1905 г., сторонники реформистского варианта государственного переустройства обрели новые – связанные с использованием Булыгинской Думы как своеобразного плацдарма для создания законодательного представительного органа.

Между тем дальнейшее развитие событий в стране сделало вопрос об отношении к Булыгинской Думе неактуальным. 7 октября остановкой Московско-Казанской железной дороги началась Всероссийская политическая стачка. 17–19 октября стачка стала всеобщей по своему характеру и в Сибири, охватив почти все города, станции и рабочие поселки региона [23 С. 106]. Таков был финал иллюзорного в своей сути диалога власти и общества в формате, заданном рескриптом 18 февраля 1905 г.

Традиционалистское правосознание правящих структур, основанное на признании «незыблемости» исторически сложившихся основ государственного устройства, не допускало возможности реальных кон-

ституционных изменений. Власть реагировала только на те сигналы общества, которые воспринимались как прямая угроза самому её существованию. Волна забастовок, народных выступлений, а не петиционная кампания заставила правительство разработать, а Николая II подписать «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Стремлением к «скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты» было продиктовано провозглашение гражданских свобод, расширение избирательных прав населения и предоставление законодательных полномочий Государственной думе.

События 1905 г. со всей очевидностью обнаружили отсутствие у общества иных инструментов воздействия на власть, кроме революционных выступлений. В России начала XX в. не была сформирована сколько-нибудь широкая сеть самостоятельных общественных структур и институтов. Бедственное материальное положение большинства населения империи естественным образом смещало фокус его интересов в сферу решения социально-экономических проблем. Вопросы реформирования политической системы волновали преимущественно (и почти исключительно) интеллигенцию. Острота социальной поляризации, разнонаправленность стремлений различных групп и слоев населения делали невозможным консолидированное волеизъявление и не позволяли обществу претендовать на роль равноправного субъекта в диалоге с властью. В таких условиях рескрипт 18 февраля 1905 г. не стал (и, по-видимому, не мог стать) прологом к конструктивной консенсусной коммуникации власти и общества, к которой стороны по разным причинам оказались не готовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 10–21.
 2. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. 548 с.
 3. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. 221 с.
 4. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. : сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. М., 2010. 884 с.
 5. Восточное обозрение. Иркутск, 1905.
 6. Сибирский вестник. Томск, 1905.
 7. Сибирская жизнь. Томск, 1905.
 8. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Д. 2391.
 9. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 35. Д. 641.
 10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 5955.
 11. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2591.
 12. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2837.
 13. Енисей. Красноярск. 1905.
 14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6099.
 15. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1942.
 16. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 70.
 17. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 482.
 18. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 112.
 19. ЦДНИ ТО. Ф. 6000. Оп. 1. Д. 76.
 20. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. 170 с.
 21. Толочко А.П., Плотников А.Е., Родионов Ю.П., Зиновьев В.П. Хроника общественного движения в Сибири 1895 – февраль 1917 гг. Кн. 1 : Общественное движение в Омске. Томск, 1996. 171 с.
 22. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Т. 1 : 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск, 2013. 399 с.
 23. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.
 24. Порхунов Г.А. Листовки периода 1905–1914 гг., обращенные к городской демократии от имени партийных и общественных организаций Сибири. Хроника // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. С. 24–32.
 25. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. 240 с.
 26. Государственный архив Иркутской области. Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
 27. Забайкалье. Чита. 1905.
- Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2015 г.

RESCRIPT OF FEBRUARY 18, 1905: MANEUVER OF THE GOVERNMENT AND REACTION OF THE SOCIETY IN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 135–139. DOI: 10.17223/15617793/403/22

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: government; society; political system; reform; public mood; dialog; Siberia.

The article raises a question of the extent to which Russian society of 1905 was ready to become a full-right subject in political dialogue with the government. For solving the research task, the author of the article performed the analysis of the public mood spectrum in the largest region of the country – Siberia – in connection with the intention Nicolas II declared to create a consultative assembly. Most of local intellectuals reacted to it by active participation in the preparing of reform projects. Gatherings of cultural and educational societies, city дума commissions developed the main directions of national reorganization such as granting civil rights and establishment of a popular representation body on principles of universal, equal and direct suffrage and secret ballot. But these projects were not supported by broad layers of the population and did not evoke a response from the authorities. Traditionalist legal consciousness of government structures based on the concept of inviolability of the historically formed basis of the national system did not allow any constitutional changes. The government reacted only to those social signals that could jeopardize its existence. The All-Russian political strike became a result of that dialogue, illusory by its nature, between government and society. At the end, it was the wave of social unrest but not the petition campaign that made the Government create and Nicolas II issue the October Manifesto of 1905. The events of 1905 clearly revealed that society had no means to influence the government except for revolutionary actions. In the beginning of the 20th century, Russia had no broad net of self-regulating social organizations and institutions. Financial distress of most Russian people naturally shifted the focus of their interest to the solving of social and economic problems. Issues of political system reforming were interesting mostly for intellectuals. The sharpness of social polarization, multi-directionality of interests and intentions of different social groups made a consolidated will expression impossible and did not allow the society to become a full-right subject in the dialogue with the government. Under such conditions, the rescript of February 18, 1905 did not become (and presumable could not become) a prologue to constructive consensual communication between government and society.

REFERENCES

1. Shelokhaev, V.V. (2000) Osobennosti otnosheniy vlasti i obshchestva v Rossii: istoriya i sovremennost' [Features of relations of power and society in Russia: Past and Present]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Where is Russia going? Power, society, identity]. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences.
2. Leontovich, V.V. (1995) *Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914* [The history of liberalism in Russia. 1762–1914]. Moscow: Russkiy put'.
3. Ganelin, R.Sh. (1991) *Rossiyskoe samodержavie v 1905 godu. Reformy i revolyutsiya* [The Russian autocracy in 1905. Reform and Revolution]. St. Petersburg: Nauka.
4. Lazarevskiy, N.I. (ed.) (2010) *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg.: sb. zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stviyushchemu senatu, reskriptov i polozheniy Komiteta ministrov, odnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii* [Legislation of the transitional period. 1904–1908: Collection of laws, manifestos, decrees of the Governing Senate, rescripts, and the provisions of the Committee of Ministers relating to the transformation of the political system of Russia]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.
5. *Vostochnoe obozrenie*. (1905).
6. *Sibirskiy vestnik*. (1905).
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1905).
8. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 173. List 1. File 2391. (In Russian).
9. State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 35. File 641. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 5955. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2591. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 2837. (In Russian).
13. *Enisey*. (1905).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 6099. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1942. (In Russian).
16. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 600. List 1. File 70. (In Russian).
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 482. (In Russian).
18. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 300. List 1. File 112. (In Russian).
19. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 6000. List 1. File 76. (In Russian).
20. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuzii v politicheskuyu silu v Sibiri* [The formation of the bourgeoisie in the political power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Tolochko, A.P. et al. (1996) *Khronika obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri 1895 – fevral' 1917 gg.* [The chronicle of the social movement in Siberia, 1895 – February, 1917]. Book 1. Tomsk: Tomsk State University.
22. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk province in 1880–1919: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
23. Shilovskiy, M.V. (2012) *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri* [The first Russian revolution of 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
24. Porkhunov, G.A. (1995) Listovki perioda 1905–1914 gg., obrashchennye k gorodskoy demokratii ot imeni partiynyykh i obshchestvennykh organizatsiy Sibiri. Khronika [Leaflets of 1905–1914 for the urban democracy in the name of the party and public organizations of Siberia. A chronicle]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Tret'yakov, V.V. & Tret'yakov, V.G. (1997) *Kadety Vostochnoy Sibiri v 1905–1917 gg.* [The Cadets in Eastern Siberia in 1905–1917]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 245. List 3. File 322. (In Russian).
27. *Zabaykal'e*. (1905).

Received: 14 November 2015

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ШРИ-ЛАНКИ КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ «НИТКА ЖЕМЧУГА»

Статья посвящена развитию китайско-ланкийских отношений, в особенности их энергетической и дипломатической составляющим. Прослеживается и анализируется современное состояние китайско-ланкийских отношений и проектов, связанных с энергетической политикой КНР в регионе. Проводится анализ энергетической политики и дипломатии Китая на Шри-Ланке. Рассматривается значение китайско-ланкийского сотрудничества для каждой из стран. Описывается общая экономико-политическая ситуация на Шри-Ланке, которая исследуется как часть энергетической стратегии Китая «Нитка жемчуга». Рассматривается значение вклада КНР в инфраструктурное и экономическое развитие Шри-Ланки.

Ключевые слова: энергетические коридоры; энергетическая дипломатия; Шри-Ланка; Южная Азия; Китай.

Спрос на энергоресурсы в Китае более чем удвоился за последние 20 лет, и это обстоятельство значительно повысило его интерес к зарубежным энергоресурсам. Дипломатическую деятельность Китая в странах Индийского океана всё чаще называют стратегией «Нитка жемчуга». Термин «Нитка жемчуга» стал весьма распространенным среди исследователей ситуации в Индийском океане, он помогает объяснить поведение Китая в данном регионе. Сущностью стратегии являются строительство различных объектов инфраструктуры и укрепление межгосударственных связей с целью расширения экономического и политического присутствия Китая. Для Китая важно диверсифицировать и обеспечить безопасность импорта нефти, получить доступ к основным ресурсам и усилить безопасность транспортировок нефти с Ближнего Востока. Соображения энергетической безопасности вынудили Пекин обратить внимание на стратегические пути сообщения (SLOCs).

Китай постепенно формирует стратегическую инфраструктуру, которая послужит экономическим и политическим перспективам, предоставляя КНР доступ в Индийский океан. Половина объёма контейнерных грузов и две трети нефтепродуктов, транспортируемых по воде, перемещаются через Индийский океан. Этот путь является одной из главных мировых торговых артерий, по которой перевозится сырьё с Ближнего Востока в Азию, откуда, в свою очередь, в Европу идёт множество готовой продукции.

К числу «жемчужин» стратегии можно отнести порты Читтагонг в Бангладеш, Ситуэ и Кьяукпью в Мьянме, а также Хамбантога в Шри-Ланке и Гвадар в Пакистане. Эти страны обеспечивают Китаю альтернативные пути доставки энергоресурсов в обход Малаккского пролива. Известно, что через пролив проходит почти вся нефть, идущая из Персидского залива, что составляет 15 млн баррелей в день, что и делает пролив вторым по объёму проходящей нефти морским путем в мире. Бурно развивающийся Китай не может позволить себе такую уязвимость в вопросе энергоносителей, какую несут опасности транспортировки по Индийскому океану. Это не только проблемы геополитически важного Малаккского пролива, но и подавляющего индийского и американского присутствия.

Несмотря на мнение ряда специалистов о том, что китайский инфраструктурный потенциал в Индийском океане пока недостаточен, чтобы противостоять США и их союзникам, Китай наращивает своё при-

сутствие в регионе и «китайские военные суда стали чаще использовать коммуникации океана. В октябре 2013 г. руководство Пекина впервые приоткрыло информацию о том, что китайские ядерные подводные лодки приступили на ротационной основе к патрулированию индоокеанской акватории» [1]. Стоит отметить, что современная ситуация подтверждает написанное автором данной статьи ранее [2], ведь положение военного флота Китая является необходимой частью стратегии «Нитка жемчуга», так как обеспечение энергетической безопасности КНР невозможно без сохранения безопасности инфраструктурных проектов в регионе Индийского океана.

Уникальное геополитическое положение Шри-Ланки – острова в Индийском океане, в непосредственной близости от Индии, между странами Персидского залива и Малаккским проливом, странами Юго-Восточной Азии – делает это государство важным стратегическим партнером Китая. Политика невмешательства во внутренние дела других государств и декларирование принципа единства страны положительно сказываются на многих двусторонних отношениях Китая. Так и в случае с тамильским националистическим движением в Шри-Ланке Китай заявляет о поддержке курса Коломбо, обеспечивая доверительность дипломатических связей двух стран. Шри-Ланка, в свою очередь, четко придерживается принципа одного Китая.

Инициатива развития Хамбантоги изначально исходила от правительства Шри-Ланки. Осуществление проекта стало возможно благодаря удачному визиту в Китай 26 февраля – 4 марта 2007 г., посвящённому 50-летней годовщине установления дипломатических отношений между странами, президента Шри-Ланки Махинда Раджапакса. Считается, что на окончательное решение об осуществлении проекта повлияло также то, что президент Шри-Ланки родился в районе Хамбантога. Во время встречи с президентом Шри-Ланки Ху Цзиньтао отметил, что дружба между их странами стала хорошим примером дружеского сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества между большим и малым государствами. Стороны подписали восемь соглашений, в том числе соглашение по экономическому и технологическому сотрудничеству, которое должно активизироваться при деятельном участии Совместной комиссии по торговому и экономическому сотрудничеству. Ху Цзиньтао выдвинул предложения по активизации дипломатиче-

ских и политических связей между странами, культурных обменов и расширения сотрудничества в сфере торговли, энергетики, инфраструктуры и эффективной работы по завершению совместных проектов и объектов, сооружаемых с помощью Китая [3].

Таким образом, была достигнута договорённость по продвижению проекта порта Хамбантота (также известного как порт Магампура). Ланкийская сторона поблагодарила китайскую за финансовую помощь и техническую поддержку главных инфраструктурных проектов Шри-Ланки, включая угольную электростанцию в районе Путталам, работы над которой уже начались, и Зону развития Хамбантоты: сам порт и резервуарный парк. Также Раджапакса поблагодарил Пекин за поддержку социально-экономического развития Шри-Ланки и щедрую помощь в борьбе против последствий цунами. Стороны договорились о совместной борьбе и проведении консультаций и координировании действий против трёх «сил зла»: терроризма, сепаратизма и экстремизма [4].

31 октября 2007 г. президент Махинда Раджапакса присутствовал на торжественной церемонии начала строительства порта Хамбантота. КНР предоставила правительству Шри-Ланки кредит на проект развития порта в Хамбантоте на льготных условиях в размере 360 млн долл. Также, по дополнительному соглашению, Китай финансирует нефтеперерабатывающий завод стоимостью в 1 млрд долл. [5]. Существенно, что проект включает в себя не только пристань и мол, но и нефтеперерабатывающий завод, перевалочный склад нефтепродуктов, контейнерный склад, пассажирский терминал и другое оборудование. Стоимость первой фазы проекта по развитию порта и прибрежных сооружений в Хамбантоте составила 372 млн долл., на 85% проект финансируется правительством КНР. Порт стоимостью в 1,5 млрд долл. назван «мегаинфраструктурным проектом, который произведёт трансформацию экономики Шри-Ланки». Хамбантота находится вблизи самого перегруженного морского пути мира, по которому проходит более 200 крупных судов, и этот порт специально сконструирован так, чтобы быть в состоянии принимать суда водоизмещением более 100 тыс. т. Это даёт возможность работать с крупнотоннажными танкерами и судами, которые транспортируют крупнейшие контейнерные грузы.

Министр по инвестиционному развитию Шри-Ланки доктор Сарат Амуноуга пояснил, что проект развития порта нацелен на становление Хамбантоты как центра экономического развития всей страны [6]. Цель проекта – синхронизировать разные виды развития, такие как судоходство, трансферт грузов, кораблестроение, заправка кораблей, хранение большого объёма нефтепродуктов и обслуживание значительного объёма экспорта и импорта, так как в Коломбо уже недостаточно места и оборудования [7]. На юге страны Китай финансирует и строит железную дорогу Матара – Катарагама. Сооружение первой фазы Матара – Белиатта началось в 2010 г., во время второй фазы предстоит соединить Белиатту с Хамбантотой [8]. Данный проект является частью развития инфраструктуры юга страны, соединяя крайние южные райо-

ны с центральными, одновременно обеспечивая порт в Хамбантоте удобным железнодорожным сообщением.

Сооружение порта Хамбантота является главным проектом Национальной программы развития инфраструктуры Шри-Ланки. Считается, что при объединении усилий и реорганизации Коломбо эти два порта смогут успешно конкурировать с Сингапуром и Дубаи. Для успешного и конкурентоспособного развития Хамбантота получила статус свободного беспошлинного порта. С развитием инфраструктуры Хамбантоты, экономико-социальное развитие продвигается с юга до всех восточных районов страны. Развитие здесь ранее было заторможено из-за постоянной повстанческой деятельности тамиллов. В итоге развитие Хамбантоты положительно сказывается на прогрессе в различных сферах жизни всего государства. Китай финансирует и осуществляет строительство угольной Нороччоллаи в северо-западном районе Путталам. После завершения трёх фаз она станет крупнейшей электростанцией в стране. Сооружение первой фазы электростанции официально началось в мае 2006 г. и завершилось 22 марта 2011 г.

Окончание строительства международного порта Хамбантота планировалось на 2011 г., но, как и многие китайские проекты, порт был построен раньше срока. 15 августа 2010 г. состоялась церемония открытия порта. Присутствующий на открытии президент М. Раджапакса произнёс речь, в которой заявил, что порт Хамбантота послужит процветанию Шри-Ланки [9]. Функционирование порта в Хамбантоте началось в ноябре 2010 г. В дальнейшем предполагается, что порт в Хамбантоте должен стать самым крупным портом в Южной Азии. Хамбантота стала отправным пунктом осуществления проекта модернизации страны. О значимости Хамбантоты для Шри-Ланки говорят большое количество публикаций по поводу этого порта, стратегии развития инфраструктуры страны и влияния Хамбантоты на развитие экономики государства во всех официальных источниках, сайтах правительства и президента, основных газетах Шри-Ланки, широком обсуждении в интернет-сообществе страны и т.д.

В Хамбантоте был построен международный стадион, в результате чего в 2011 г. она смогла стать страной, принимающей Первые пляжные игры Южной Азии и Международный кубок по крикету. Это стало большим прорывом как для недавно опустошенной цунами южной области страны, так и для всей Шри-Ланки. Шри-Ланка участвовала в борьбе за проведение Игр Содружества в 2018 г. [10]. Очевидно, что любые спортивные мероприятия международного уровня повышают престиж и передают большую значимость принимающей стране на международной арене. Кроме того, Шри-Ланка нацелена на активное развитие туризма, что стало актуальным после завершения гражданской войны. Участие в конкурсе на проведение международных состязаний позволило заявить о себе в новом качестве как о безопасной стране, стремящейся к международному сотрудничеству и развитию. Кроме того, в целях продвижения туристической отрасли и создания авиационного цен-

тра, связанного с портом, 18 марта 2013 г. в Хамбантоте открылся второй международный аэропорт Шри-Ланки, финансирование строительства которого также осуществлялось Китаем. Проект преследует цель становления Шри-Ланки в качестве мирового авиационного центра страны, способной ответить на любые региональные вызовы и привлечь международные инвестиции [11].

Присутствие в Хамбантоте позволяет Китаю основать точку наблюдения за ядерными, морскими и космическими объектами в Южной Индии. Кроме того, Индия располагает военно-воздушной базой на территории Шри-Ланки, что не может не волновать Китай и особенно Пакистан, так как в подобной ситуации северо-западный и юго-западный Пакистан оказывается под военно-воздушным контролем Индии. Здесь важно учитывать, что Индия имеет две базы: кроме базы в Шри-Ланке есть ещё одна – в Таджикистане. Китай вынужден заботиться о своей безопасности, безопасности своих объектов в сопредельных странах и поддерживать своего союзника Пакистан, который не располагает возможностью выдерживать любой вид конкуренции с Индией без Китая. Со своей близостью к морским путям Шри-Ланка уже стала перевалочным пунктом для перегрузки контейнеров из Европы в Азию и обратно. Сооружение порта в крайней южной точке Шри-Ланки является самым эффективным и продуманным решением, превращающим Хамбантоту в ключевой транзитный и трансфертный пункт Азии.

Несмотря на изменения во внутривосточной жизни Шри-Ланки, взаимодействие между Пекином и Коломбо продолжается и развивается. В январе 2015 г. на досрочных президентских выборах в Шри-Ланке победил оппозиционер Майтрипала Сирисена. Экс-президент Махинда Раджапакса ушёл в отставку, не дожидаясь оглашения результатов. 25 марта 2015 г. новый президент совершил четырёхдневный визит в Пекин. На двусторонних переговорах с президентом КНР Си Цзиньпином и премьер-министром КНР Ли Кэцяном в дополнение к Ланкийско-китайскому соглашению о свободной торговле обсуждалось сотрудничество в таких сферах, как наука, культура, регио-

нальные и международные отношения [12]. О планомерном применении Китаем «мягкой силы» говорит расширение двустороннего сотрудничества практически во всех областях жизни страны. 26 марта было подписано соглашение между КНР и Шри-Ланкой о сотрудничестве в рамках развития здравоохранения, образования, экономики, социальной сферы. Китай предоставил Шри-Ланке современный, полностью оснащённый госпиталь для диагностики и лечения почечных заболеваний [13].

Взаимодействие между странами идёт очень активно, китайская дипломатия прикладывает все усилия, чтобы Шри-Ланка почувствовала себя важнейшим партнёром Поднебесной. Постоянно идут обмены визитами на различных уровнях и встречи президентов, Китаем осуществляются финансовая помощь и политическая поддержка, расширяются инфраструктурные проекты, развиваются различные гуманитарные программы. Учитывая амбициозные планы развития страны, которые озвучивал бывший глава государства М. Раджапакса, а также нынешний президент Майтрипала Сирисена, становится очевидным, что укрепление сотрудничества с Китаем позволило Шри-Ланке так стремительно развиваться, поддерживая попытки встать в один ряд с самыми успешными странами региона.

Считается, что Хамбантота не станет жизненно важным элементом для энергетической безопасности и торгово-экономического развития Китая. В то же время значимо само присутствие Китая вблизи южной границы Индии и посередине Индийского океана, так как оно обеспечивает контроль над стратегическими морскими маршрутами. В геополитическом плане Китай не может оставить без внимания действия Индии и вынужден, для обеспечения собственной безопасности, создавать точки влияния в стратегически важных районах, что и обретает форму стратегии «Нитка жемчуга». Естественно, что это трудоёмкий и длительный процесс, так как необходимы большое количество финансовых ресурсов, преодоление внутренних проблем в странах региона, а также тщательное планирование, направленное на сокращение рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н. «Второе дыхание» китайской стратегии «Нить жемчуга». Ч. 1 // Новое Восточное Обозрение. 15.04.2014. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/04/15/rus-vtoroe-dy-hanie-kitajskoj-strategii-nit-zhemchuga-chast-1> (дата обращения: 30.03.2015).
2. Хрисанфова (Матвеева) Д.В. Энергетическая безопасность Китая в начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 97–99.
3. Chinese President Hu Jintao Holds Talks with Sri Lankan President Rajapaksa // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 27.02.2007. Beijing, 2011. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbx/zjzg/yzs/gjlb/2782/2784/t300387.htm> (access date: 15.11.2011).
4. Joint press communique of the People's Republic of China and the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 10.03.2007. Beijing, 2011. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t303108.htm> (access date: 20.11.2011).
5. Ports development speeds up // The official website of the government of Sri Lanka. 14.12.2009. URL: http://www.priu.gov.lk/Developmentstories/dev200912/20091214ports_development.htm (access date: 30.03.2015).
6. Hambantota – the new hub of development // The official website of the government of Sri Lanka. 12.03.2007. URL: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca200703/20070312hambantota_new_hub_development.htm (access date: 30.03.2015).
7. China, Sri Lanka sign loan pact on port project // The official web portal of the Central People's Government of the PRC. 31.10.2007. URL: http://www.gov.cn/misc/2007-10/31/content_790805.htm (access date: 30.03.2015).
8. Matara-Kataragama railway construction begins // The official website of the government of Sri Lanka. 5.04.2010. URL: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201004/20100405matara_kataragama_railway_construction.htm (access date: 30.13.2015).
9. What fills this port is the future prosperity of our nation – President at Hambantota Port ceremony // The official website of the president Mahinda Rajapakse. 15.08.2010. URL: http://www.president.gov.lk/speech_New.php?Id=95 (access date: 8.11.2011).
10. Bid Achieved Global Platform for Sri Lanka // Hambantota 2018 Commonwealth Games Candidate City web-site URL: <http://www.hambantota2018.com/press-releases/bid-achieved-global-platform-for-sri-lanka> (access date: 19.07.2011).

11. Warm welcome for President Sirisena in Beijing // The official website of the government of Sri Lanka. 26.03.2015. URL: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201503/20150326warm_welcome_for_president_sirisena_in_beijing.htm (access date: 30.03.2015).
12. China, Sri Lanka sign agreements to enhance bilateral cooperation // The official website of the government of Sri Lanka. 26.03.2015. URL: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201503/20150326china_sl_sign_agreements_enhance_bilateral_cooperation.htm (access date: 30.03.2015).
13. Sri Lanka's Second International Airport opens at Mattala // The official website of the government of Sri Lanka. 18.03.2013. URL: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201303/20130318sl_second_international_airport_opens.htm (access date: 30.03.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2015 г.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND SRI LANKA AS A PART OF THE STRING OF PEARLS STRATEGY

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 140–143. DOI: 10.17223/15617793/403/23

Khrisanfova Daria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AgataDM@mail.ru

Keywords: energy corridors; energy diplomacy; Sri Lanka; South Asia; China.

This article considers the evolution of the relations between China and Sri Lanka, especially their energy and diplomatic components. The article describes the general economic and political situation in Sri Lanka, which is studied as a part of the String of Pearls strategy. The essence of the strategy is the construction of an infrastructure and the strengthening of relations between the states for the expansion of Chinese economic and political presence. For China it is important to diversify and secure oil imports, get an access to the basic resources and provide security of oil shipments from the Middle East. The considerations of energy security made Beijing pay attention to the strategic lines of communication (SLOCs). The unique geopolitical location of Sri Lanka is making this state an important strategic partner for China. Although the changes in the political life of Sri Lanka, the cooperation between Beijing and Colombo is maintaining and developing. A part of the String of Pearls strategy is a construction and development of the infrastructure in Hambantota. Hambantota development initiative originally came from the Government of Sri Lanka. The project was made possible thanks to a successful visit to China in 2007. In the same year, the construction of the port began. China provided the Sri Lankan government a loan for the project to develop the port and oil refinery. By 2010, the construction was completed successfully and the port became operational. For successful and competitive development, Hambantota received the duty-free status of a free port. With the development of Hambantota infrastructure, the economic and social development is moving from the south to the eastern regions of the country, which had previously been delayed due to the ongoing Tamils revolt. In the future, it is expected that the port in Hambantota will become the largest port in South Asia. The construction of the port at the southern point of Sri Lanka is the most efficient and thoughtful decision that turns Hambantota into a key transit and transfer point in Asia. It is considered that this point will not be vital for the energy security, trade and economic development of China. At the same time, the presence near the southern border of China and India in the middle of the Indian Ocean is significant as it provides control over the strategic sea routes. Of course, it is a time-consuming and a long process, because it is necessary to have substantial financial resources, be able to overcome the internal problems in the countries of the region and carry out careful planning aimed at reducing risks.

REFERENCES

1. Lebedeva, N. (2014) “Vtoroe dykhanie” kitayskoy strategii “nit’ zhemchuga”. Ch. 1 [“Second Breath” of China’s String of Pearls strategy. Part 1]. *Novoe Vostochnoe Obozrenie*. 15 April. [Online]. Available from: <http://ru.journal-neo.org/2014/04/15/rus-vtoroe-dy-hanie-kitajskoj-strategii-nit-zhemchuga-chast-1>. (Accessed: 30 March 2015).
2. Khrisanfova (Matveeva), D.V. (2011) Energy security of China in the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 350. pp. 97–99. (In Russian).
3. Ministry of Foreign Affairs, the People’s Republic of China. (2007) *Chinese President Hu Jintao Holds Talks with Sri Lankan President Rajapakse*. Beijing. [Online]. Available from: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wj/zjg/yzs/gilb/2782/2784/t300387.htm>. (Accessed: 15 November 2011).
4. Ministry of Foreign Affairs, the People’s Republic of China. (2007) *Joint press communique of the People’s Republic of China and the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka*. Beijing. [Online]. Available from: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t303108.htm>. (Accessed: 20 November 2011).
5. The official website of the government of Sri Lanka. (2009) *Ports development speeds up*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/Developmentstories/dev200912/20091214ports_development.htm. (Accessed: 30 March 2015).
6. The official website of the government of Sri Lanka. (2007) *Hambantota – the new hub of development*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca200703/20070312hambantota_new_hub_development.htm. (Accessed: 30 March 2015).
7. The official web portal of the Central People’s Government of the PRC. (2007) *China, Sri Lanka sign loan pact on port project*. [Online]. Available from: http://www.gov.cn/misc/2007-10/31/content_790805.htm. (Accessed: 30 March 2015).
8. The official website of the government of Sri Lanka. (2010) *Matarara-Kataragama railway construction begins*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201004/20100405matarara_kataragama_railway_construction.htm. (Accessed: 30.13.2015).
9. The official website of the president Mahinda Rajapakse. (2010) *What fills this port is the future prosperity of our nation – President at Hambantota Port ceremony*. [Online]. Available from: http://www.president.gov.lk/speech_New.php?Id=95. (Accessed: 8 November 2011).
10. Hambantota 2018 Commonwealth Games Candidate City web-site. (n.d.) *Bid Achieved Global Platform for Sri Lanka*. [Online]. Available from: <http://www.hambantota2018.com/press-releases/bid-achieved-global-platform-for-sri-lanka>. (Accessed: 19.07.2011).
11. The official website of the government of Sri Lanka. (2015) *Warm welcome for President Sirisena in Beijing*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201503/20150326warm_welcome_for_president_sirisena_in_beijing.htm. (Accessed: 30 March 2015).
12. The official website of the government of Sri Lanka. (2015) *China, Sri Lanka sign agreements to enhance bilateral cooperation*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201503/20150326china_sl_sign_agreements_enhance_bilateral_cooperation.htm. (Accessed: 30 March 2015).
13. The official website of the government of Sri Lanka. (2013) *Sri Lanka’s Second International Airport opens at Mattala*. [Online]. Available from: http://www.priu.gov.lk/news_update/Current_Affairs/ca201303/20130318sl_second_international_airport_opens.htm.

Received: 13 April 2015

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (конец мая – начало ноября 1918 г.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Научного фонда Д.И. Менделеева Томского государственного университета (исследовательский проект № НУ 8.1.44.2015 С «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации»).

Статья посвящена одному из ключевых для периода Гражданской войны направлений деятельности государственной власти – осведомительной работе, сочетавшей в себе элементы политического контроля и пропаганды. Автор рассматривает процесс зарождения и организационного становления информационно-пропагандистских учреждений Временного Сибирского правительства. В центре внимания – структурная и институциональная эволюция двух государственных учреждений – Информационного отдела при Совете министров и военно-исторического отдела штаба Сибирской армии.

Ключевые слова: Сибирь; Гражданская война; белое движение; Временное Сибирское правительство; политическая пропаганда.

В конце мая – начале июня 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири в борьбу с большевиками вступают части продвигавшегося во Владивосток Чехословацкого корпуса. «25 мая 1918 г. полковник (тогда капитан) Кадлец, находившийся с эшелоном в Мариинске, – писала в годовщину антисоветского переворота газета “Голос Сибирской армии”, – получил от генерала Гайды приказание взять этот город. Мариинск был взят, и этим начата вооруженная борьба с большевиками» [1].

26 мая «местным боевым отрядом» и чехословаками советская власть была свергнута в Новониколаевске, 31 мая 1918 г. – в Томске, 7 июня – в Омске. В дальнейшем, по словам одного из участников военной организации капитана А.А. Кириллова, «восстание в Сибири приобретало все более стихийный характер и разрасталось из центрального инсurreкционного района Томск – Омск на восток и запад» [2. С. 46]. 11 июня большевики изгнаны из Тобольска, 15 июня – из Барнаула, 20 июня – из Красноярска и Бийска, 11 июля – из Иркутска, 20 июля – из Тюмени, 26 августа – из Читы. Таким образом, за сравнительно короткий срок усилиями местного вооруженного подполья и чехословацких войск советская власть в регионе пала.

В Западной Сибири «высшей местной властью» провозглашают себя уполномоченные Временного Сибирского правительства (ВСП): М.Я. Линдберг, Б.Д. Марков, П.Я. Михайлов и В.О. Сидоров [3]. Правительство, которое они представляли, было сформировано еще в конце января во время тайного совещания части делегатов Сибирской областной думы [4–6].

Выдвижение на авансцену общественной жизни Сибири такого игрока, как Временное Сибирское правительство, означало политическое обособление региона, конфронтацию с контролируемой большевиками европейской частью страны и, по существу, дальнейшую эскалацию Гражданской войны. При этом в лояльной новому режиму периодической печати подчеркивалась необходимость скорейшего разгрома «советской республики» и завершения Гражданской войны. «Возможно быстрая ликвидация большевизма в Сибири и России – единственный способ избежать

всех новых ужасов, которые надвинулись на страну, – утверждал “Голос народа”. – Пусть подумают об этом внимательно все, кто стоит еще из тех или иных соображений в стороне от происходящей борьбы, кто “выживает”. Чем больше в России и Сибири “выживающих” в среде демократии, тем дольше затянется процесс неизбежной ликвидации большевизма, а каждый лишний день промедления уносит тысячи жизней там, за Уралом в тисках голода и преступных фанатиков, предателей страны и революции» [7].

В такой ситуации новому политическому режиму необходимы были общественное признание, поддержка самых широких слоев населения. Только опираясь на народ и Временное Сибирское правительство могли успешно реализоваться стоявшие перед ним задачи, важнейшими из которых являлись организация аппарата управления и формирование боеспособной армии [8. С. 23]. Общественные круги Сибири это прекрасно понимали. «Для всякого государства, – констатировал “Омский вестник”, – прежде всего, необходима теснейшая сплоченность населения проникнутого одним духом, одними стремлениями» [9]. Тем более что, позиционируя на первых порах свои действия как «защиту истинного народоправства», новый режим противопоставлял свою власть, опирающуюся на восстановленные демократические органы самоуправления «всем опостылевшей» власти большевиков, «поправивших дело Русской революции и предавших свободу нашей родины».

Однако довольно скоро и политическое руководство Сибири, и сибирская общественность убеждаются в том, что настроения значительной части населения края по отношению к Омскому правительству скорее неопределенные, выжидательные, а со стороны отдельных социальных групп (рабочие, фронтовики) – откровенно враждебные. Настроения деревни также оказались весьма переменчивыми. «Неустойчивость крестьянских настроений – вот что сильно поразит вас в деревне, – писала в начале ноября газета “Думы Алтай”. – Каких-нибудь 7–8 месяцев назад социалистические партии – были здесь властителями дум; скоро большевизм опутал их своими сетями; при

свержении коммунистической кабалы большинство населения праздновало свой великий праздник освобождения, а теперь наблюдается еще новый перелом в настроении. Словом, форменное хождение по ветру. И курьезнее всего здесь то, что некоторые заядлые черносотенцы, до мозга костей монархисты, – теперь неожиданно стали ультрабольшевиками; недавние искатели порядка нынче они горячо исповедуют принципы анархии и т.д. Идей государственности, проблески коих хоть немного когда то замечались среди массы, теперь окончательно пропали или сменились узкоэгоистическими стремлениями. “Я и хата моя – превыше всего, а на весь подлунный мир наплевать”, – так можно охарактеризовать настроения большинства массы. Даже сознательный элемент, и тот – совершенно устраняется от общественной работы, махнул на нее рукой и погрузился в свои обыкновенные заботы до ушей. Чем дальше, тем чувство общественного интереса все слабеет и слабеет в народе» [10].

Летом 1918 г. сибирская деревня если и рассматривала советскую власть как «самую для народа вредную», а ее сторонников как «захватчиков» и «насильников» «народной власти», но не видела в большевиках того смертельного врага, которого необходимо уничтожить во что бы то ни стало. «Что же касается политических разногласий, – писал “Голос народа”, – то их не наблюдается, особенно в тех острых формах, как в городах, ибо политическое “сознание” крестьянства не достаточно еще дифференцировано» [11].

Эти два обстоятельства серьезно повлияли на организацию правительственных информационных и пропагандистских служб. Как указывалось в докладе руководителя одного из осведомительных учреждений этого периода – инструкторско-информационного отдела МВД, «перед Западно-Сибирским комиссариатом (ЗСК), объявившим освобожденную территорию под властью Временного Сибирского правительства, встал вопрос об успокоении деревни и не только успокоении, но и направлении жизни ее в нормальное русло, в русло законности и порядка, привлекая население на свою сторону». «Как средство к достижению поставленных себе задач, – отмечалось далее в докладе, – Западно-Сибирский комиссариат избрал информацию населения о происходящих событиях, агитацию в пользу Временного Сибирского правительства и организацию деревни на культурно-правовых началах» [12. Л. 34 об.].

Цель данного исследования заключается в выявлении основных тенденций и специфики формирования и развития правительственных органов информации и политической пропаганды белой Сибири на начальном (конец мая – начало ноября 1918 г.) этапе. Данный период является ключевым в деятельности осведомительного аппарата антибольшевистских правительств на востоке страны, поскольку именно в это время закладывалась организационная основа, вырабатывались методы пропагандистской работы и определялось место информационных служб в политической системе белой Сибири. Поскольку в одной из предыдущих статей [13] нами уже давалась характеристика общих тенденций развития правительственного аппарата осведомления и политической пропаганды в этот период, а также его функциональных осо-

бенностей, постараемся сосредоточиться на организационном становлении двух его структурных подразделений: государственного Информационного бюро и военно-исторического отдела штаба Сибирской армии.

В начале июня 1918 г. при управлении делами ЗСК создается информационное бюро. Точная дата создания бюро неизвестна. На заседаниях Западно-Сибирского комиссариата вопрос об организации правительственного информационного бюро не рассматривался, по крайней мере, в опубликованных протоколах заседаний такого решения нет. Однако сохранилось датированное 2 июня 1918 г. удостоверение, выданное первому руководителю информационным бюро Григорию Никитичу Бутакову [14]. Это позволяет датировать создание правительственного информационного бюро самым началом июня 1918 г.

Первоначально штат сотрудников бюро состоял из 9 человек. Деятельность бюро преимущественно сводилась к распространению по телеграфу важнейших сведений о мероприятиях Комиссариата [15. Л. 54]. С увеличением контролируемой антибольшевистскими силами территории и переходом власти к Временному Сибирскому правительству сфера полномочий информационного бюро была существенно расширена [8. С. 24]. В начале июля 1918 г. секретарем Инфбюро ЗСК Н.А. Вадзинским был разработан проект «Положения об Информационном бюро при Сибирском правительстве» как «главного осведомительного учреждения Сибирской республики» (рис. 1) [16. Л. 10].

9 июля в томской «Народной газете» появляется небольшая заметка: «Информационное бюро Временного Сибирского правительства поручено организовать известному писателю сибиряку Г.А. Вяткину» [17]. Вяткиным была подготовлена и направлена в Совет министров докладная записка, в которой он изложил свое видение предстоящей работы. Он предложил ряд конкретных мер, необходимых для продуктивной работы отдела: «1) организация информационной агентуры на местах и Сибирского телеграфного агентства в центре; 2) издание официальной правительственной газеты с неофициальным отделом и 3) организация газетных и журнальных вырезок из всех периодических изданий Сибири, а также главнейших печатных органов Европейской России и заграничных» (рис. 2) [18. Л. 43 об.].

Приказом по канцелярии Совета министров 15 июля 1918 г. Г.Н. Бутаков «ввиду преобразования информационного бюро и приглашения специалиста для организации бюро на новых началах» от должности заведующего был освобожден [19]. Пост управляющего информационным бюро занял, однако, не Вяткин, а А.И. Манкевич, до этого исполнявший обязанности секретаря ЗСК. Г.А. Вяткин был назначен его помощником [20]. Новые руководители представили на рассмотрение управляющего делами Совета министров ВСП Г.К. Гинса проект реорганизации правительственной информационной службы, в основе которой лежала докладная записка Вяткина. В частности, была принята его схема работы:

1) информировать население о деятельности властей (от центра к периферии) посредством правительственного телеграфного агентства;

2) информировать правительство о положении дел на местах (от периферии к центру) «путем представления министрам обзоров всей повременной прессы как выразительницы общественного мнения» [21, 22]. Наряду с этим предлагалось начать издание официальной правительственной газеты [15. Л. 54]. Все эти предложения были одобрены управляющим делами Совета министров ВСП. Кроме того, по соглашению с Г.К. Гинсом Инфбюро в «целях формального удобства» было причислено к канцелярии Совета министров в качестве ее 4-го отделения [15. Л. 54]. По существу же за ним было оставлено право автономной работы и самостоятельного внутреннего

распорядка. 24 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства были утверждены «Временные правила об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров» и «Положение о Сибирском телеграфном агентстве» (рис. 3) [21; 23. С. 183].

Ключевую роль в распространении как на территории контролируемого антибольшевистскими правительствами востока России, так и за границей «политических, финансовых, экономических, торговых и другие, имеющих общественный интерес, текущих сведений» [23. С. 188] играло Сибирское телеграфное агентство [24. С. 113–115].

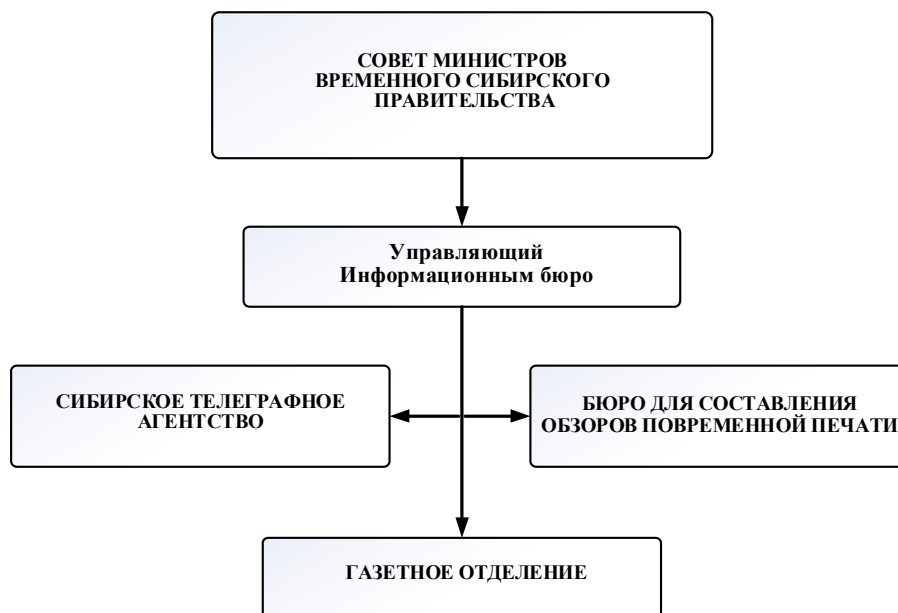

Рис. 1. Схема организации правительственного Информационного бюро, предложенная в проекте «Положения об Информационном бюро при Сибирском правительстве» (июль 1918 г.)

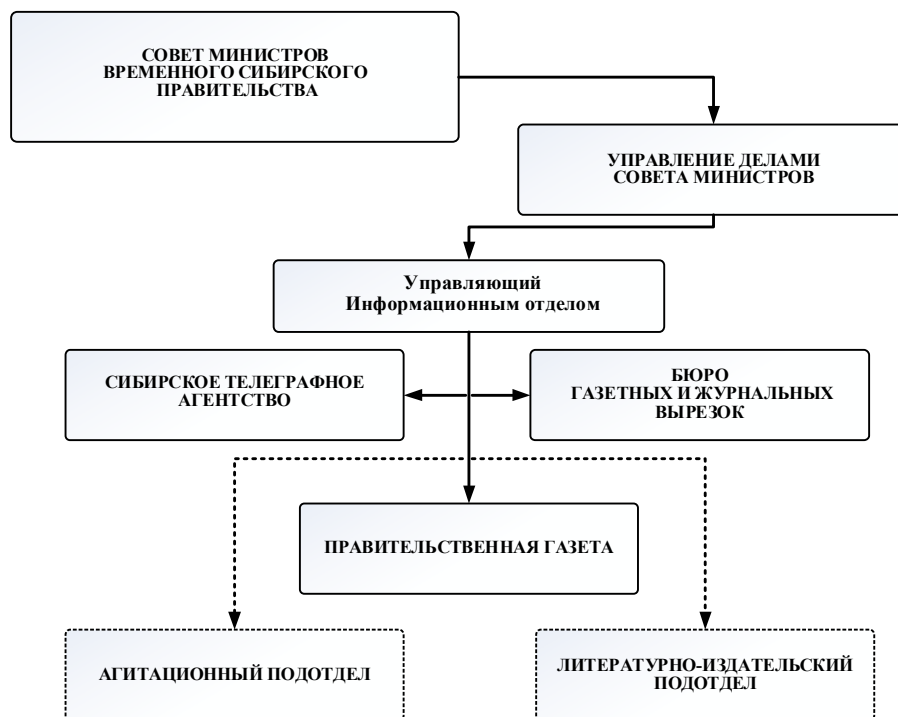

Рис. 2. Схема организации правительственного Информационного отдела, предложенная Г.А. Вяткиным (июль 1918 г.). Пунктиром обозначены подразделения, создание которых автор считал делом «перспектив, более или менее отдаленных, приблизиться к которым в данный момент не позволяет состояние государственных финансов» [18. Л. 45]

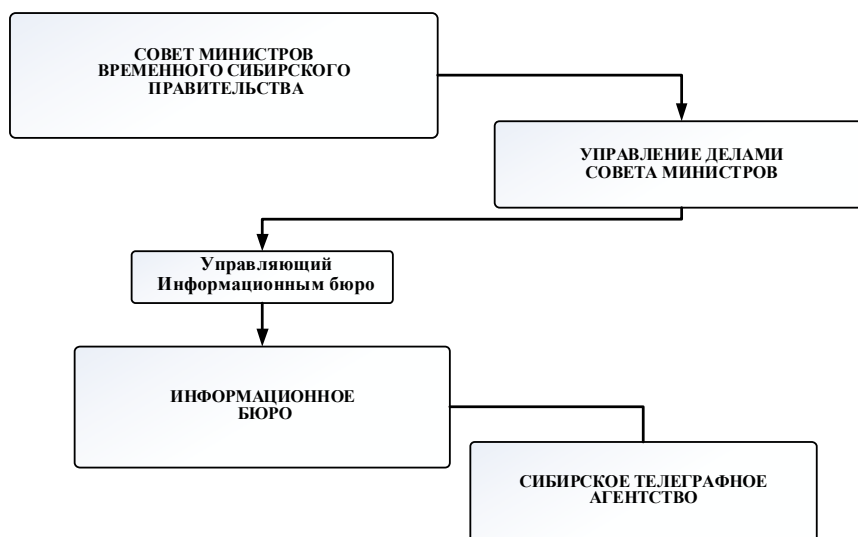

Рис. 3. Схема организации правительственной информационной службы в соответствии с «Временными правилами об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров» (июль 1918 г.)

Новое правительство столкнулось с серьезными препятствиями как организационного, так и технического характера в связи организацией своего официального печатного органа. Ни Западно-Сибирский комиссариат, ни Временное Сибирское правительство не располагали собственной типографией. Кроме того, трудности возникли и с подбором опытного и грамотного главного редактора будущего издания [25. С. 102], в результате чего ЗСК своей газетой так и не обзавелся. На своем первом заседании Совет министров ВСП постановил: «Признать необходимым из-

дание правительственного органа. Найти опытного руководителя правительственного органа и поручить ему разработать программу газеты» [23. С. 101]. Однако в связи с вышеуказанными трудностями первый номер печатного органа Временного Сибирского правительства – газеты «Сибирский вестник» – вышел лишь 16 августа 1918 г. На местах возобновляется издание «Ведомостей Тобольского губернского комиссариата» и «Иркутских губернских ведомостей» в качестве официальных изданий губернской власти (рис. 4) [26. С. 43–44; 27. С. 51].

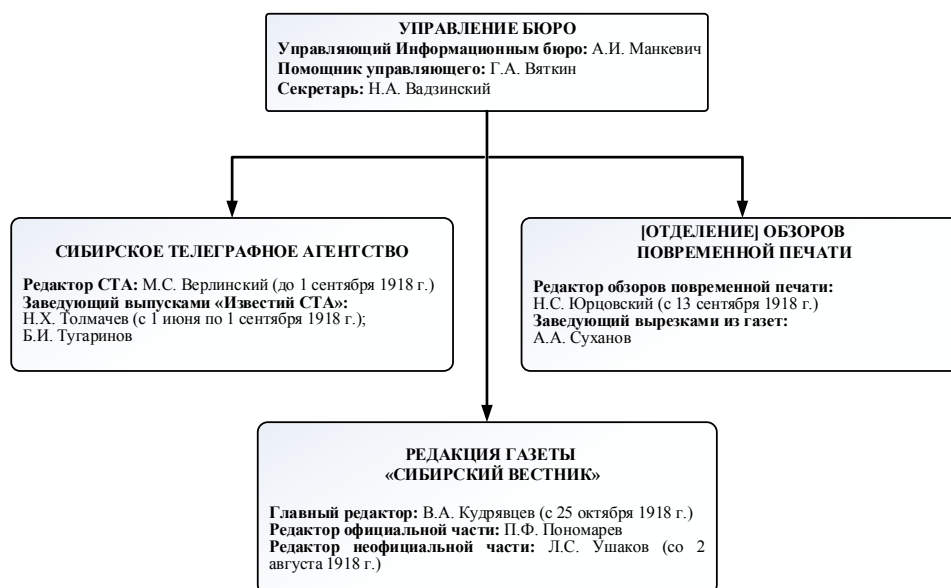

Рис. 4. Схема организации Информационного бюро при Канцелярии Совета министров ВСП (октябрь 1918 г.)

Уже летом 1918 г. была предпринята первая попытка централизовать деятельность информационных органов. В августе товарищ министра внутренних дел П.Я. Михайлов направил в Совет министров доклад, в котором обрисовал деятельность информационно-агитационного отдела МВД и Информационного бюро при Совете министров. По его словам, в период организации и развития своей деятельности оба аппара-

рата «резко отмежевались один от другого, не было установлено ни контакта между ними, ни общей координации действий». Основная часть информации, поступающей как с мест, так и исходящей из центра, оставалась неиспользованной, поскольку большинство материалов о настроениях населения и положении на местах направлялась сразу в министерский архив, а направляемые центральными ведомствами

данные публиковались лишь в нескольких местных газетах.

Информационно-агитационный отдел, по мнению П.Я. Михайлова, «информирует население о происходящих событиях, пользуясь для этого случайно попавшими под руку материалами». Собранные же от-

делом сведения о положении и настроениях на местах в связи с отсутствием аналитического подразделения («органа, обрабатывающего его и дающего ему надлежащее назначение») также используются нерационально, частично попадая в местную прессу и в виде «компиляции» в МВД (рис. 5).

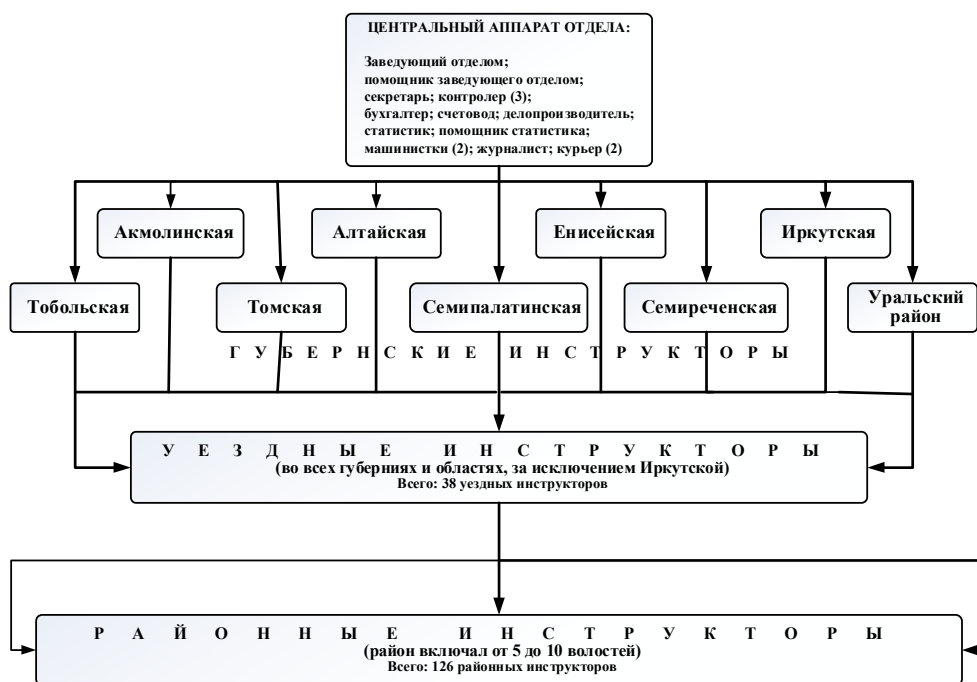

Рис. 5. Схема организации информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства (ноябрь 1918 г.)

Другое же осведомительное учреждение – информационный отдел при Совете министров, которое, по существу своему, должно было информировать население и правительство обо всем происходящем, занималось, по словам П.Я. Михайлова, лишь опубликованием оперативных сводок, получаемых от штаба армии, а также распространением правительственных распоряжений путем рассылки телеграмм по губернским городам. «Но вряд ли отдел знает, что творится на местах, – указывалось в докладе, – если он не прочитает случайно газетной статьи, освещающей положение на местах в газетах разного направления с различных точек зрения, и вряд ли отдел может правильно информировать правительство о том, что происходит на местах в самой гуще населения и каково там отношение к правительству» [28].

Подобное положение вещей, по мнению П.Я. Михайлова, вызывало только непроизводительную бесцельную трату средств и энергии и не могло рассматриваться иначе, «как просто недоразумение, имеющее свои глубокие корни в неправильной постановке дела вследствие отсутствия единого информационного аппарата». Предлагаемый им проект предусматривал объединение информационного подотдела инструкторско-информационного отдела при МВД с прежним правительственным информационным отделом в единый Информационный отдел при Совете министров. Такая мера позволила бы «поставить дело информации на надлежащую высоту».

Основными задачами реорганизованного отдела должны были стать: а) информация населения о про-

исходящих событиях; б) информация правительства о положении на местах; в) сбор материалов о жизни страны и сосредоточение их в общем для всей Сибири музее печати (Книжной палате) и г) осуществление связи с центральным правительством Российской Федеративной Республики [29].

На этом проекте управляющий Информационным бюро А.И. Манкевич 20 августа 1918 г. сделал запись: «Мысль о слиянии двух организаций в одно учреждение здоровая и осуществимая. Указанные здесь задачи воплощены в жизнь, но координирование действий необходимо, дабы затраты были производительны и лучше использовались. Если министр внутренних дел положительно пожелает передать свой отдел Инфбюро, последнее не откажется». Однако Советом министров ВСП предложенный П.Я. Михайловым проект принят не был.

Летом 1918 г. одновременно с созданием правительственных информационных и пропагандистских органов начинается формирование осведомительных структур в армии. Правда, в вооруженных силах этот процесс протекал гораздо медленнее. Связано это было с общим непониманием в военной среде роли в современных условиях целенаправленной разъяснительной работы, негативным отношением к пропаганде как политической практике и отсутствием необходимого опыта в организации осведомления. Именно поэтому развитие организационных форм военной пропаганды происходит по весьма специфической траектории.

В июле 1918 г. в составе штаба Западно-Сибирской отдельной армии создается военно-исторический отдел. С 15 июля его возглавил генерал-майор В.Р. Романов [30. Л. 13], занимавший до этого ответственные посты начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и главного начальника снабжений Западно-Сибирской армии. 24 июля он обратился к населению Сибири, всем военным и гражданским учреждениям со специальным воззванием.

Задачей военно-исторического отдела, говорилось в этом обращении, «является собирание исторических материалов, относящихся к свержению советской власти в Сибири и к истории Сибирской армии, разбор их, составление подробных исторических справок и издание о происходящих событиях». Генерал-майор Романов призвал население передавать в отдел любые материалы, относящиеся к указанной тематике (газеты, прокламации, брошюры, приказы, фотографии, рисунки и т.п.), «наши и большевистские». В обращении подчеркивалось: «Будут представлять из себя особую ценность и записи, сделанные очевидцами переворота, или описания интересных событий в том или ином городе, или селении, в произвольной редакции подписанное тем лицом, кто произвел запись, с указанием его адреса и время записи, дневники, частные письма (или выдержки из них)» [31].

Руководитель нового отдела справедливо полагал, что «незначительный в отдельном случае материал (какой-нибудь обрывок приказа)» в сочетании с другими документами «принесет громадную пользу и восстановит целую серию событий». «Военно-исторический отдел, – указывалось в обращении, – по мере своих сил

поможет своей работой будущему нашему поколению вполне объективно и со всеми подробностями разобраться в июньском перевороте в Сибири, а также и последующих событиях» [31]. Таким образом, основной упор в работе отдела был сделан на сбор материалов по истории антибольшевистского переворота.

30 июля управляющий военным министерством и командующий Сибирской армией генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов утвердил временный штат штаба армии. Наряду с управлениями генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, инспектора артиллерии и начальника инженеров в структуре штаба значился и военно-исторический отдел [32. С. 99–100]. Первоначально отдел состоял из исторического, информационного и военно-цензурного отделений. Штатное расписание предусматривало 27 сотрудников, в том числе 16 офицеров. При этом 15 человек, из них 8 – офицеры, т.е. более половины сотрудников отдела, составляли историческое отделение.

Формирование отдела происходило медленно. 26 июля 1918 г. приступил к исполнению своих обязанностей штаб-офицер исторического отделения капитан Сокальский, ответственный за ведение журнала военных действий. 1 августа начальником военно-цензурного отделения был назначен капитан 2-го ранга Дудкин. 16 августа должность начальника информационного отделения занял капитан Щербинин, штаб-офицер исторического отделения, ответственного за сбор и подготовку исторических документов, – капитан второго ранга Щербачев. К 20 августа вакантными оставались 12 мест, в том числе и должность начальника исторического отделения (рис. 6) [30].

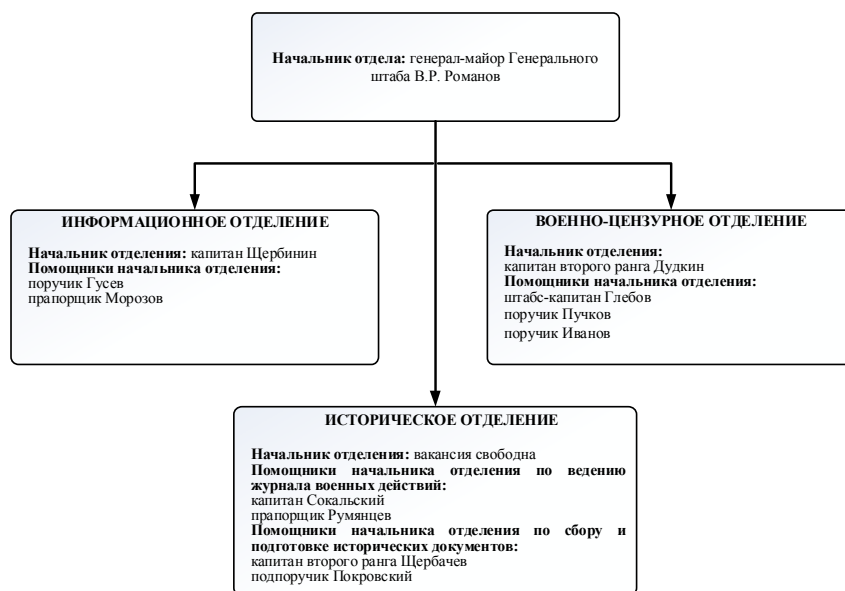

Рис. 6. Схема организации военно-исторического отдела штаба Сибирской армии (конец августа 1918 г.)

В дальнейшем функции отдела уточнялись, дополнялись и расширялись. В частности, для хранения «всеговозможного материала, получаемого от частей и учреждений армии», в структуре отдела предполагалось создать архив. Кроме того, предполагалось издание военной газеты, что подразумевало включение в состав отдела редакции и типографии. 11 сентября 1918 г. временно исполняющий

обязанности начальника военно-исторического отдела капитан Пресницкий направил начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору П.П. Белову проект нового штатного расписания, предусматривавшего в составе отдела уже 63 сотрудника и 8–12 типографских рабочих (рис. 7) [33]. Однако в связи с общей реорганизацией военного управления этот проект осуществлен не был.

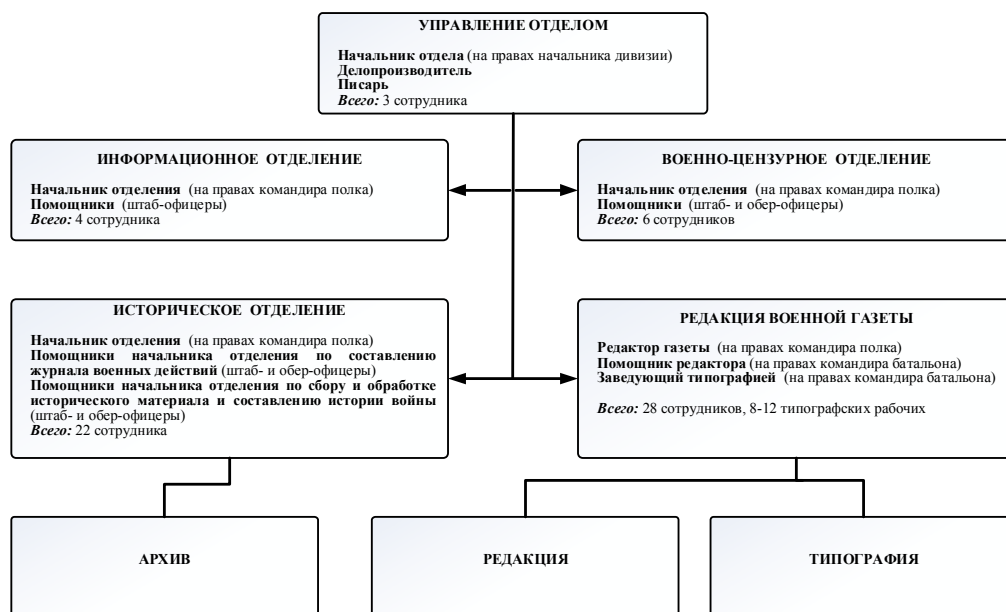

Рис. 7. Схема организации военно-исторического отдела штаба Сибирской армии, предложенная капитаном Пресницким (сентябрь 1918 г.)

Подведем итоги. Подготовленные в июне – начале июля 1918 г. проекты организации государственной службы информации и политической пропаганды предполагали:

Во-первых, весьма амбициозные цели. Правительственный информационный отдел рассматривался в качестве основного посредника между государственной властью и обществом, «своего рода резонатора, равно на все радиусы передающего вести сверху вниз и обратно» [18. Л. 43]. Само же создание «особенного информационного органа» расценивалось как одна из «настоятельнейших задач при конструкции государственного аппарата внутреннего управления» [34. Л. 3].

Во-вторых, высокий статус информационного отдела, подчиненного непосредственно Совету министров Временного Сибирского правительства [16. Л. 10].

В-третьих, четкое разделение полномочий и тесное взаимодействие всех подразделений правительственной службы информации и политической пропаганды и даже их централизацию [34. Л. 3–Зоб.].

В-четвертых, простую и понятную схему работы: от центра к периферии («информацию правительственную») и от периферии к центру («информацию общественную») [21].

В-пятых, как информационную («осведомление»), так и хорошо выраженную пропагандистскую («уяснение, толкование и популяризацию правительственных идей, заданий и мероприятий») [18. Л. 43] направленность своей работы.

Как же была организована правительственная служба информации и политической пропаганды на практике? В течение лета – осени 1918 г. в Сибири были сформированы три государственных учреждения, так или иначе занимавшихся информационной и пропагандистской деятельностью: Информационное бюро при Совете министров Временного Сибирского правительства, информационно-агитационный отдел МВД и военно-исторический отдел штаба Сибирской армии. При этом статус правительственного информационного бюро был

понижен («состоит при канцелярии Совета министров» [21]). Действовавшие на этом этапе сами по себе осведомительные органы белой Сибири не представляли собой единую систему, их централизации и тесному взаимодействию препятствовали ведомственность, местнические интересы, партийные и аппаратные интриги. Кроме того, даже к концу 1918 г. как администрация самих осведомительных учреждений, так и политическое руководство антибольшевистского движения на востоке России в целом четко не представляли себе ни структуру государственной службы информации и политической пропаганды, ни круг решаемых ею задач. Об этом хорошо свидетельствуют постоянные реорганизации, а также сохранившиеся в архивах многочисленные проекты переустройства структурных подразделений правительственных осведомительных органов. Первоначальная структура отличалась слабо дифференцированным в функциональном отношении центральным аппаратом с небольшим штатом сотрудников и рудиментарными региональными подразделениями. Так, например, в начале октября 1918 г. Сибирское телеграфное агентство располагало сетью всего из 14 корреспондентов в 10 населенных пунктах [21].

В работе правительственного осведомительного аппарата в этот период наблюдается явная недоработка в сфере политической пропаганды. Ни в Инфбюро, ни в военно-историческом отделе штаба Сибирской армии не было сформировано специализированного пропагандистского подразделения. К тому же на военно-исторический отдел изначально было возложено несколько задач, и политическая пропаганда занимала среди них далеко не первое место. По существу, вся непосредственная работа с населением, «живая инструкция» в терминах того времени, была сосредоточена в информационно-агитационном отделе МВД, но его деятельность осенью 1918 г. была свернута.

Далеко не все благополучно обстояло и с информационной работой.

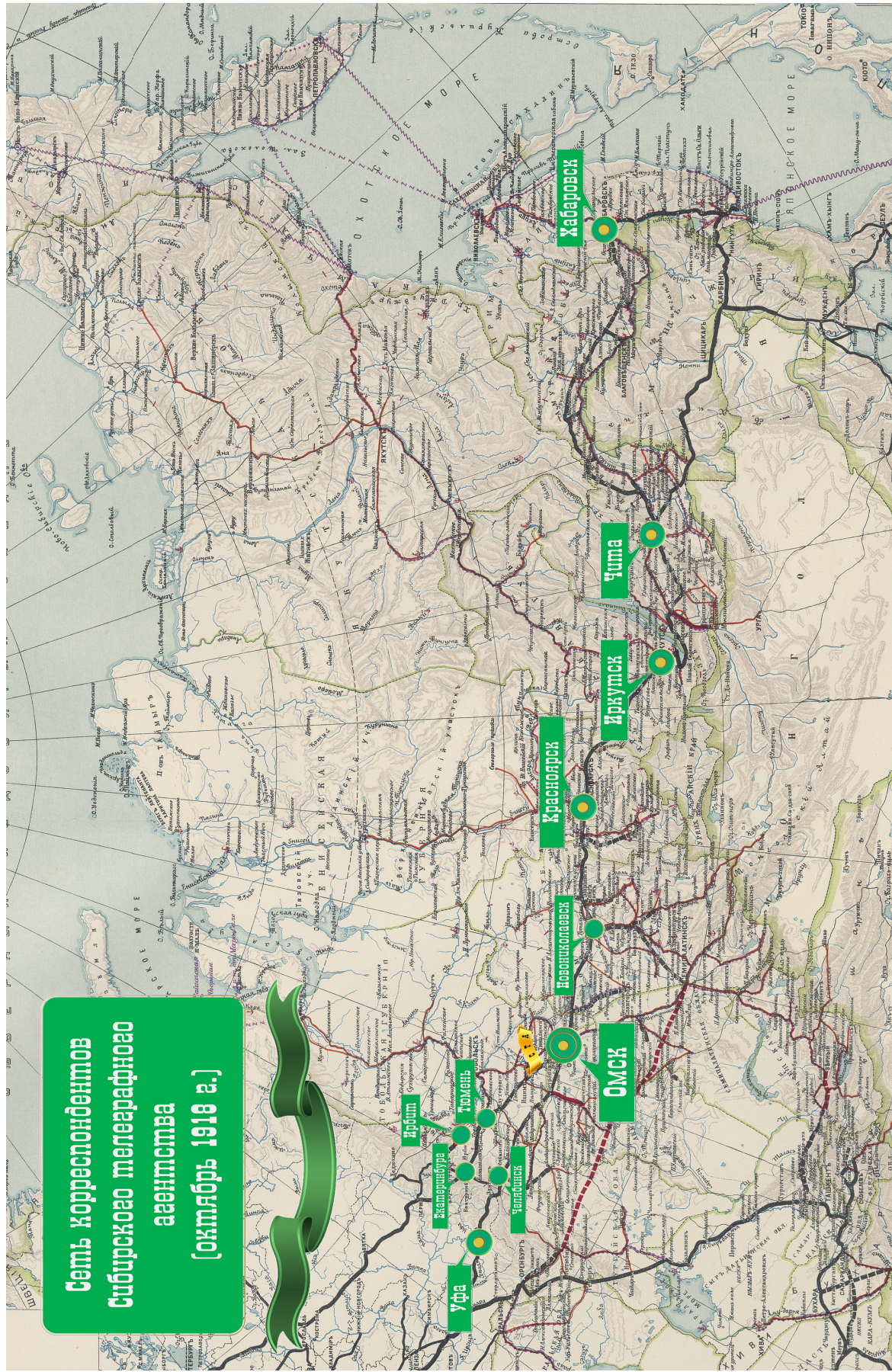

Рис. 8. Сеть корреспондентов Сибирского телеграфного агентства (октябрь 1918 г.)

Долгое время (причем время ключевое) у Временного Сибирского правительства не было своего официального печатного органа, в котором «компетентные лица разъясняли бы, в виде статей» постановления и распоряжения новой государственной власти [34. Л. 3 об.—4]. Специальная же газета для армии, призванная, по словам Г.А. Вяткина, удовлетворить «духовную жажду» огромной массы новобранцев, газета, «главной и, может быть, единственной аудиторией», которой должна была стать «солдатская масса», несмотря на все усилия, так и не вышла.

В результате сибирская деревня на протяжении нескольких недель «совершенно не уяснила себе смысла переворота и идеи оздоровления центра через автономию окраин». «Благодаря отсутствию официального органа печати» на местах был неизвестен даже персональный состав Временного Сибирского правительства, что давало «неиссякаемый источник волнениям и противоправительственной агитации среди демократии» [34. Л. 3 об.]. Жители же села Бердского Новониколаевского уезда даже в августе 1918 г., указывалось в одном из отчетов о настроениях населения Томской губернии, «до сих пор еще не [было] уверено в падении большевистской власти, так как однажды уже был такой пример, что после падения власти большевиков село Бердское подверглось нападению красногвардейцев, которые арестовали приверженцев Временного Сибирского правительства и три дня властвовали в селе» [37. Л. 2]. Важная деталь: указанное село, как отмечал автор доклада, было «соединено проводом через Ординское с городом Камнем и Славгородом, возле которых действительно шлется красногвардейцы».

В то же время следует отметить, что за несколько месяцев работы информационно-пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства получили полезный опыт и извлекли из своей практики определенные уроки. Так, 21 декабря 1918 г. в Управление делами Совета министров и Верховного правителя был направлен пакет документов (объяснительная записка о деятельности Информационного бюро (Отдела печати) с 10 июля по 15 декабря 1918 г., докладная записка о необходимости приобретения

собственной типографии, проекты нового штатного расписания и месячной сметы) о реорганизации правительственного Отдела печати. «Информационное бюро Сибирского правительства, — указывалось в объяснительной записке, — подкрепленное новыми техническими средствами и переименованное в Отдел печати Российского правительства, надеется более полно и тщательно выполнять лежащие на нем ответственные задачи, твердо памятуя, что правильная информация является залогом успеха правительственной работы» [8. Л. 55 об.]. В пояснительной же записке управляющий отделом указывал, что подготовленное штатное расписание «явилось результатом полугодовой деятельности Информационного бюро, двухмесячной Отдела печати и совместной практики».

В первую очередь это касалось осмысления роли информационной работы в функционировании государственного аппарата того времени. «В настоящий исторический момент, — отмечалось в уже цитированной объяснительной записке о деятельности правительственного Информационного бюро, — в сложной политической ситуации, когда на целые века вперед определяется судьба стран и народов, роль государственной информации становится чрезвычайно важной, какую не была никогда до сих пор... Политическую необходимость диктуется и для России иное отношение к этой отрасли государственного дела» [Там же. Л. 56].

Полученный опыт, а также расширение сфер деятельности (цензура, культурно-просветительная работа в войсках) непременно должны были сказаться на организационных формах и структуре осведомительных учреждений. В частности, заведовавший в течение трех месяцев выпуском телеграфных известий Б.И. Тугаринов рекомендовал управляющему Информационным бюро «для пользы дела» выделить СТА в «автономный отдел со своим особым делопроизводством, бухгалтерией и денежной отчетностью» [38. Л. 5]. Пришедшими к власти на востоке России «государственно-мыслящими элементами» начинает формироваться новая модель осведомительной работы, основанная на сочетании «правильно» поставленной информации, цензуры и культурно-просветительной работы в армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полковник Эдуард Кадлец // Голос Сибирской армии (Б.м.). 1919. 26 мая.
2. Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага : Изд. Общества сибиряков в ЧСР, 1928. № 4. С. 36–68.
3. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск : Nonпарель, 2011. С. 103–119.
4. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
5. Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово : Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 1995. С. 4–18.
6. Шишкин В.И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири : сб. науч. статей. Кемерово : КемГУ, 2011. С. 54–61.
7. Томск. 13 июня (31 мая) // Голос народа (Томск). 1918. 13 июня.
8. Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. 48 с.
9. Сплоченность государства // Омский вестник (Омск). 1918. 21 (8) июня.
10. По деревням (Из записной книжки) // Думы Алтая (Бийск). 1918. 8 нояб. (26 окт.)
11. Что творится в деревне // Голос народа. 1918. 4 июля.
12. Отчет заведующего информационно-агитационным отделом министру внутренних дел Временного Сибирского правительства // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–39.
13. Шевелев Д.Н. Информационные и пропагандистские учреждения Временного Сибирского правительства (конец мая – начало ноября 1918 г.): от замыслов к воплощению // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2014. Вып. 5. С. 71–85.

14. Удостоверение заведующего информационным бюро Западно-Сибирского комиссариата Г.Н. Бутакова // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 49.
15. Объяснительная записка о деятельности Информационного бюро (Отдела печати) при Управлении делами Совета министров с 10 июля по 15 декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54–56 об.
16. Проект положения об Информационном бюро при Сибирском правительстве // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 10–12.
17. Хроника // Народная газета (Томск). 1918. 9 июля (28 июня).
18. Докладная записка Г.А. Вяткина Совету министров Временного Сибирского правительства // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43–45.
19. Приказ по канцелярии Совета министров Временного Сибирского правительства от 16 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 20.
20. Приказ по канцелярии Совета министров Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 5. Л. 21.
21. Временные правила об организации Информационного бюро при Канцелярии Совета министров // Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 авг.
22. Деятельность Информационного бюро (Отдела печати) при Управлении делами Совета министров с 10 июля по 15 декабря 1918 г. // Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.
23. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. докл. и матер. Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2007. 818 с.
24. Шевелев Д.Н. Сибирское–Российское–Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. № 2 (14). С. 106–111.
25. Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 300 с.
26. Шевцов В.В. Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. № 42. С. 31–48.
27. Шевцов В.В. «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 годов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. М.: Изд-во МГПУ, 2014. № 42. С. 40–53.
28. Объяснительная записка товарища министра внутренних дел П.Я. Михайлова к проекту постановления Совета министров Временного Сибирского правительства о реорганизации Информационного отдела // ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–35.
29. Проект постановления Совета министров Временного Сибирского правительства о реорганизации Информационного отдела // ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 36–36 об.
30. Ведомость замещения должностей в военно-историческом отделе штаба Сибирской армии // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 287. Л. 13–13 об.
31. К населению Сибири и всем военным и гражданским учреждениям // Народная газета. 1918. 8 авг. (26 июля).
32. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2010. 610 с.
33. Штат военно-исторического отдела штаба Сибирской армии (проект) // РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 287. Л. 35–35 об.
34. Проект организации Информационного отдела и Бюро печати // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–4.
35. Циркулярная телеграмма корреспондентам Сибирского телеграфного агентства // ГАРФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
36. Вяткин Г. Газета для армии // Сибирский вестник. 1918. 15 сент.
37. Краткий отчет о настроении Томской губернии за август 1918 г. // Государственный архив Томской области. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2 об.
38. Докладная записка заведующего выпуском телеграфных известий СТА управляющему Информационным бюро Временного Сибирского правительства // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–9.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 января 2016 г.

ORGANIZATIONAL FORMATION OF INFORMATION AND PROPAGANDA INSTITUTIONS OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT (END OF MAY – BEGINNING OF NOVEMBER 1918)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 144–154. DOI: 10.17223/15617793/403/24

Shevelev Dmitry N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

Keywords: Siberia; Civil War; White Movement; Provisional Siberian Government; political propaganda.

The article is about the initial (end of May – beginning of November, 1918) stage of the development of the government information and political propaganda institutions of white Siberia. The SRs, who played the key role in forming the power structures in Siberia at that time and also had a great experience in propaganda work, actively began the ideological mobilization of society to fight the Bolsheviks. That mobilization provided some adjustments of political attitudes of the population. In the first half of June 1918 first institutions were created, whose tasks were to inform the government and conduct political propaganda. They were: the Government Information Bureau and the Department of the Formation of the Voluntary National Army. Later the formation of information institutions in the Siberian army began. The object of the study is to reveal the basic tendencies of formation and development of government staff of information and political propaganda in this period. Organizing the government information service, the political leaders of white Siberia considered it as “a kind of a resonator which tells the news radially both up and down”. The main structural elements of that scheme were the Government Information Bureau which, on the one hand, informed people about the government activity and, on the other, supplied the government, concerned ministries and agencies with the information about the local situation, and the Telegraph Agency. The first widespread use of oral anti-Bolshevik propaganda refers to that time, when several hundreds of government and zemstvo instructors, sent to the country people, were agitating in support of the Provisional Siberian Government, the Constituent Assembly and the formation of the voluntary national army. The government institutions achieved certain results in organizing “right” information: a network of correspondents of the Siberian Telegraph Agency was formed in the cities of eastern Russia (from Yekaterinburg to Yakutsk and Vladivostok), and the publication of *Sibirskiy vestnik* [Siberian Bulletin] began. The Information Bureau collected and analyzed the periodical press materials, supplied concerned ministries and departments with information about the local situation. However, the impact of this information on the making of decisions was minimal. In general, information agencies of white Siberia acted on their own and did not represent a uniform system, the scale of their propaganda work was small, and the influence on the local level was rather limited.

REFERENCES

1. Golos Sibirskoy armii. (1919) Polkovnik Eduard Kadlets [Colonel Eduard Kadlets]. *Golos Sibirskoy armii*. 26 May.
2. Kirillov, A.A. (1928) *Sibirskaya armiya v bor'be za osvobodzhenie* [Siberian Army in the struggle for the liberation]. *Vol'naya Sibir'*. 4. pp. 36–68.
3. Shishkin, V.I. (2011) [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: discussion on the organization and activities]. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* [Problems of history of public administration and of local government in Siberia at the end of the 16th – beginning of the 21st centuries]. Proceedings of VII All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 103–119. (In Russian).

4. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Shilovskiy, M.V. (1995) Sibirskiy predstavitel'nyy organ: ot zamyslov k dramaticheskomu finalu [Siberian representative body: from ideas to a dramatic finale]. In: Nikitin, A.N. (ed.) *Sibir' v period Grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: Kemerovo Regional Institute of Teacher Training.
6. Shishkin, V.I. (2011) Pervaya sessiya Sibirskoy oblastnoy dумы (yanvar' 1918 g.) [The first session of the Siberian Regional Duma (January 1918)]. In: Zvyagin, S.P. (ed.) *Istoriya beloy Sibiri* [History of white Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
7. Golos naroda. (1918) Tomsk. 13 iyunya (31 maya) [Tomsk. June 13 (May 31)]. *Golos naroda*. 13 June.
8. Shevelev, D.N. (2012) *Osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stv na territorii Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny (iyun' 1918 – yanvar' 1920 gg.)* [Information work of anti-Bolshevik governments in Siberia during the Civil War (June 1918 – January 1920)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
9. Omskiy vestnik. (1918) Splochnennost' gosudarstva [Cohesion of the state]. *Omskiy vestnik*. 21 (8) June.
10. Duma Altaya. (1918) Po derevnyam (Iz zapisnoy knizhki) [Through villages (From the notebook)]. *Duma Altaya*. 8 November (26 October).
11. Golos naroda. (1918) Chto tvoritsya v derevne [What is going on in the village]. *Golos naroda*. 4 July.
12. Otchet zaveduyushchego informatsionno-agitatsionnym otdelom ministru vnutrennikh del Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva [Report of the head of the Information and Propaganda Department to the Minister of Internal Affairs of the Provisional Siberian Government]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1561. List 1. File 2. P. 33–39.
13. Shevelev, D.N. (2014) Informatsionnye i propagandistskie uchrezhdeniya Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (konets maya – nachalo noyabrya 1918 g.): ot zamyslov k voploshcheniyu [Information and propaganda agencies of the Provisional Siberian Government (end of May – beginning of November 1918): from concept to reality]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th century]. Vol. 5. Novosibirsk: Parallel'.
14. Udostoverenie zaveduyushchego informatsionnym byuro Zapadno-Sibirskogo komissariata G.N. Butakova [ID of Head of Information Office of the West Siberian Commissariat G.N. Butakov]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 5. P. 49.
15. Ob'yasnitel'naya zapiska o deyatel'nosti Informatsionnogo byuro (Otdela pečhati) pri Upravlenii delami Soveta ministrov s 10 iyulya po 15 dekabrya 1918 g. [The explanatory memorandum on the activities of the Information Office (Press Department) in the Office of the Council of Ministers from July 10 to December 15, 1918]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 3. File 210. P. 54–56 rev.
16. Proekt polozheniya ob Informatsionnom byuro pri Sibirskom pravitel'stve [The draft of the provisions on the Information Bureau of the Siberian Government]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 1. P. 10–12.
17. Narodnaya gazeta. (1918) Khronika [Chronicle]. *Narodnaya gazeta*. 9 iyulya (28 iyunya).
18. Dokladnaya zapiska G.A. Vyatkinu Sovetu ministrov Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva [Memorandum of G.A. Vyatkin to the Council of Ministers of the Provisional Siberian Government]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 1. P. 43–45.
19. Prikaz po kantselyarii Soveta ministrov Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva ot 16 iyulya 1918 g. [Order of the Office of the Siberian Provisional Government Council of Ministers of July 16, 1918]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 5. P. 20.
20. Prikaz po kantselyarii Soveta ministrov Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva ot 18 iyulya 1918 g. [Order of the Office of the Siberian Provisional Government Council of Ministers of July 18, 1918]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 5. P. 21.
21. Sibirskiy vestnik. (1918) Vremennyye pravila ob organizatsii Informatsionnogo byuro pri Kantselyarii Soveta ministrov [Provisional rules on the organization of the Information Bureau of the Council of Ministers Office]. *Sibirskiy vestnik*. 22 August.
22. Pravitel'stvennyy vestnik. (1918) Deyatel'nost' Informatsionnogo byuro (Otdela pečhati) pri Upravlenii delami Soveta ministrov s 10 iyulya po 15 dekabrya 1918 g. [The activities of the Information Office (Press Department) in the Office of the Council of Ministers from July 10 to December 15, 1918]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 25 December.
23. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.): sb. dok. i mater.* [Provisional Siberian Government (26 May – 3 November 1918): documents and materials]. Novosibirsk: Sova.
24. Shevelev, D.N. (2011) Siberian-Russia's-Russian telegraph agency and its role in supplying information for the Anti-Bolshevik governments of Siberia in the days of the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 106–111. (In Russian).
25. Sheremet'eva, D.L. (2011) *Gazety Sibiri v period "demokraticheskoy kontrrevolyutsii" (konets maya – seredina noyabrya 1918 g.)* [Newspapers of Siberia during the "democratic counter-revolution" (late May – mid-November 1918)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
26. Shevtsov, V.V. (2014) The Russian Revolution and the Civil War Covered in the Siberian Provincial News Bulletins. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 42. pp. 31–48. (In Russian).
27. Shevtsov, V.V. (2014) "Pasynok sibirskoy pečhati": neofitsial'naya chast' "Irkutskikh gubernskikh vedomostey" 1900–1919 godov [The "stepson of Siberian Press": an unofficial part of the Irkutsk Provincial Gazette in 1900–1919]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki*. 42. pp. 40–53.
28. Ob'yasnitel'naya zapiska tovarishcha ministra vnutrennikh del P.Ya. Mikhaylova k proektu postanovleniya Soveta ministrov Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva o reorganizatsii Informatsionnogo otdela [The explanatory memorandum of Deputy Minister of Internal Affairs P.Ya. Mikhailov to the draft resolution of the Council of Ministers of the Provisional Siberian Government on the reorganization of the Information Department]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1561. List 1. File 2. P. 34–35.
29. Proekt postanovleniya Soveta ministrov Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva o reorganizatsii Informatsionnogo otdela [The draft resolution of the Council of Ministers of the Provisional Siberian Government on the reorganization of the Information Department]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1561. List 1. File 2. P. 36–36 rev.
30. Vedomost' zameshcheniya dolzhnostey v voenno-istoricheskom otdel shtaba Sibirskoy armii [Substitution of positions in the Military History Department of the Siberian Army Headquarters]. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 287. P. 13–13 rev.
31. Narodnaya gazeta. (1918) K naseleniyu Sibiri i vsem voennym i grazhdanskim uchrezhdeniyam [To the population of Siberia and all the military and civilian agencies]. *Narodnaya gazeta*. 8 August (26 July).
32. Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
33. Shtat voenno-istoricheskogo otdela shtaba Sibirskoy armii (proekt) [The Staff of the Military History Department of the Siberian Army Headquarters (draft)]. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 287. P. 35–35 rev.
34. Proekt organizatsii Informatsionnogo otdela i Byuro pečhati [The draft of organization of the Information Department and Press Bureau]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 2. File 1. P. 3–4.
35. Tsirkulyarnaya telegramma korrespondentam Sibirskogo telegrafnogo agentstva [A Circular Telegram to reporters of the Siberian News Agency]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4886. List 1. File 2. P. 3.
36. Vyatkin, G. (1918) Gazeta dlya armii [A newspaper for the Army]. *Sibirskiy vestnik*. 15 September.
37. Kratkiy otchet o nastroenii Tomskoy gubernii za avgust 1918 g. [A brief report on the mood of Tomsk Province in August 1918]. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 179. P. 1–2 rev.
38. Dokladnaya zapiska zaveduyushchego vypuskom telegrafnykh izvestiy STA upravlyayushchemu Informatsionnym byuro Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva [A report of the head of the telegraph news release of the Siberian News Agency to the head of the Information Bureau of the Provisional Siberian Government]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-952. List 1. File 34. P. 4–9.

Received: 08 January 2016

ТОРГОВЛЯ СИНЬЦЗЯНА С ВОСТОКОМ В 1918–1920 гг.

На основе нового источниковедческого материала автором были проанализированы причины активизации торговли китайской провинции Синьцзян с английской Индией и собственно Китаем. Выявлены особенности торговых отношений провинции с Востоком в 1918–1920 гг. Рассмотрена номенклатура экспортных и импортных товаров. Определено влияние данного процесса на восстановление, а по существу – выстраивание заново, советско-синьцзянских торгово-экономических и политических взаимоотношений.

Ключевые слова: торговля; Россия; Синьцзян; Восток.

Революция и Гражданская война внесли свои коррективы в торгово-экономические отношения России с китайской провинцией Синьцзян. Сложившиеся в предшествующий период связи были нарушены, официальные торговые операции прекращены. В результате Синьцзян лишился одновременно основного поставщика промышленных товаров и рынка сбыта для своего сырья. В силу этих обстоятельств купечество Синьцзяна в период 1918–1920 гг. было вынуждено переориентироваться на расширение торговли с внутренними районами Китая и с иностранными фирмами.

Утвердившуюся среди многих отечественных и зарубежных исследователей точку зрения относительно неэффективности этой торговли, на наш взгляд, следует скорректировать и уточнить.

Как уже отмечалось, с началом внутривосточного кризиса в России вывоз в Синьцзян ее товаров был практически прекращен. В свою очередь, Синьцзянские купцы, экспортировавшие в Россию сырье, свернули свои торговые операции, опасаясь реквизиций и конфискации со стороны большевиков. В поисках выхода из создавшегося положения они начали активно развивать связи с торговыми фирмами, работавшими во внутренних районах страны, в расчете получать от них все, что прежде поставляло Российское государство. Одновременно многие из этих торговцев занялись, несмотря на огромное расстояние, экспортом своих товаров из Синьцзяна на Восток. В первую очередь работа строилась на переборке «не громоздких товаров: пушнины, шелка, кишок, конского волоса, мерлушки, сайговых рог, а затем и высших сортов шерсти и хлопка», являвшихся прежде (кроме сайговых рог. – *Т. III.*) предметами вывоза исключительно в Россию, а теперь уже «шедших» из нее в Синьцзянскую провинцию «контрабандным путем ввиду большого спроса на Востоке» [1].

Следует еще раз подчеркнуть, что изменение формы торговли стало результатом ухода Российского государства с торговых рынков провинции. Представитель Наркомвнешторга Б.В. Лавров сообщал по этому поводу в свой наркомат: «...Сырье и скот, лишившись главного потребителя, стали падать в цене...», в результате произошло снижение фрахта и сделало торговлю с Пекином, Европейскими странами и США достаточно выгодной [2]. «Дешевизна импортных товаров на рынках Восточного Китая и непомерная дороговизна их на рынках Западного Китая при обесценении сырья – таковы кардинальные

факторы, которые способствовали рождению экономической связи центра с окраиной» [3]. Конечно, вывоз сырья стал практиковаться не в больших размерах, но «зато», по словам советского референта Зараховича, это были «...легковесные ценные товары», которые стали уходить на Восток, направляясь караванным путем на Тяньцзинь, Шанхай и транзитом в страны Европы и США [4]. Туда же стали отправляться и почтовые посылки с товаром по 12 и более фунтов каждая. Этим путем в 1920 г. только из района Кульджи было отправлено конского волоса 1 500 пудов; шкур сурка 10 тысяч штук; шкур хорька 5 000 штук; мерлушек – 10 000 штук [5].

Связь с Центральным Китаем несколько ослабила застой в торговле, особенно в восточных округах Синьцзяна (менее зависимым от российского рынка), и позволила провинции «насытить» свои рынки «произведениями европейской и американской индустрии», а также китайского и японского производства [6]. Показателем в этом плане объем экспорта из США в Китай. По данным документов, он увеличился с 2 808 9000 долл. в 1917 г. до 37 908 000 долл. в 1918 г. [7].

Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, китайские и иностранные фирмы начали снабжать население Синьцзяна мануфактурой, галантереей, парфюмерией, фарфоровой посудой и прочими мелочами. Объективности ради надо отметить, что все эти товары были довольно низкого качества. В то же время в провинции по-прежнему не хватало железа, скобяного товара, эмалированной посуды. В агентурной сводке № 124 по Китаю начальник информационного отдела Туркфронта писал, например, о Кашгарском рынке: «Остро ощущается отсутствие всех сортов русской мануфактуры и вообще всех товаров русского производства, т.к. население хорошо убедилось в недоброкачественности (по сравнению с русскими) инородных товаров из Западноевропейских стран и относится к ним крайне недоверчиво (особенно к товарам английского производства)» [8].

Однако это не мешало росту товарооборота Синьцзяна с английской Индией, другими иностранными государствами и собственно Китаем. Историк А.В. Ибрагимов указывал в своей статье, что «...мнение будто трудности караванного пути сообщения Синьцзяна с Восточным Китаем и Индией, пролегающего через высокие горные хребты и обширные пустыни, и дальность расстояния делают совершенно невозможным широкое развитие торговли

между этими странами», неверны, так как, «несмотря на исключительные трудности торговой связи с этими странами, чрезвычайно удорожающими стоимость фрахта, несмотря на продолжительность передвижения каравана, на риск порчи груза, ограбления в пути и т.д., товарооборот с этими странами достигал в свое время значительных размеров» [9, 10].

Тем не менее даже определенная часть верхушки синьцзянского купечества, имевшая хорошие доходы от торговли с Востоком, к 1920 г. обеспокоилась сложившимся положением дел в торговле. Прежде всего, они были встревожены тем фактом, что «наплыв» в Синьцзян представителей китайских и иностранных фирм привел к резкому росту цен на сырье. Его стоимость повысилась настолько, что «грозило намного превзойти цены довоенного времени», а это означало повышение фрахта и ставило под угрозу не только вывоз сырья на Восток, но и снижение прибыли [11]. Так как именно низкие цены на сырье позволяли без убытка продавать его на Востоке, а ввоз в провинцию мануфактуры, где цена на нее была высокой и издержки по перевозке значительно меньше, была возможность получать хороший доход.

Кроме того, в своем докладе референт НКВД Э.К. Тегер отмечал: «Барыши монополистов и конечные доходы рядовых торговцев грозят иссякнуть в силу крайнего понижения покупательной способности населения ...хотя рынок обилён импортными товарами ...прогресс-сирующее обнищание населения в окружении скопившихся сырья и скота, ведет к краху торговых отношений Синьцзяна с центральным Китаем» [12]. По существу, после резкого снижения объема импортно-экспортных операций с Россией Синьцзянская провинция столкнулась не столько с нехваткой товаров первой необходимости (они замещались поставками китайских и европейских товаров), сколько с проблемой сбыта своей продукции (вынужденный «кризис перепроизводства»).

Дело в том, что большая часть производимого на территории Синьцзяна сырья не соответствовала европейским критериям качества (и в силу этого даже при низкой цене не выдерживала издержки фрахта) и могла быть использована только в российском промышленном производстве.

В годы Первой мировой войны, с переводом промышленности в России на военные нужды, увеличилась ее потребность на грубую овечью шерсть и кожевенное сырье. Фронт потреблял все то, что не могло быть допустимо в условиях мирного времени. Учитывая это, местные оптовики в связи с ростом спроса снизили требования к закупаемому сырью. В результате оно стало отвечать весьма ограниченным требованиям внутреннего потребления (в это время сортировка сырья не требовалась, тщательная мойка также была не удовлетворительной). Однако это сырье, ввиду тяжелого состояния экономики к моменту окончания войны, перестало находить сбыт в России и осталось нереализованным. Последовавшие за этим революция и Гражданская война еще более усугубили эту проблему.

Вследствие этого большинство держателей данного товара, а это, как правило, мелкое и среднее купе-

чество, столкнулись с фактом скопления сырьевых запасов, приготовленных и годных исключительно к употреблению на фабриках и заводах России. Инициативность китайской стороны именно в этом направлении сотрудничества вполне понятна. Белогвардейцы после целого ряда крупных поражений утратили заинтересованность в них у деловых кругов провинции. Советская Россия, напротив, все более нуждалась в поставках сырья для восстанавливающейся промышленности, а власти провинции – в расширении рынков его сбыта. В это же время в торговле Синьцзяна с Востоком, при всей ее успешности, как уже указывалось, стали вырисовываться проблемы.

Был и еще один момент, подталкивавший китайцев на расширение торговли с советами. Китайские купцы ввозили в Синьцзян товаров с Востока значительно больше, чем вывозили сырья, и образовавшуюся разницу им приходилось компенсировать из собственных запасов серебра, которое в значительном количестве стало вывозиться из провинции, что обрушило номинальную стоимость местных бумажных денег. Потому торговые операции с Советской Россией в новом формате, осуществляемые, как правило, за серебро, золото, бриллианты и валютные товары (сайговые рога, опиум), а не путем товарообмена, как это было в дореволюционный период, были выгодны для китайцев, которые частично переориентировались на другие рынки. Поэтому вполне понятно желание Синьцзянских купцов сбыть «залежалое», «некондиционное» сырье и за это получить звонкую монету для расширения торговли с Востоком и решения своих финансовых проблем.

Особую активность в этом вопросе демонстрировали купцы из Илийского округа, традиционно более «заточенные» на торговлю с Россией из-за близости границы и удобной транспортной инфраструктуры. Кроме того, они менее всего преуспели в торговле с Востоком (5%) в сравнении с другими территориями провинции (Хамийский район – 80%, Турфанский – 50%, Кашгарский – 30%, Урумчинский – 30%, Алтайский – 10%) [13].

Не считаться с ними китайские власти не могли, как и с открывавшимися перспективами расширения торгового сотрудничества с большевиками

Однако они не хотели «возвращения» отношений с Россией в прежнем, довоенном варианте (хотя большевики и дистанцировались от политики царских властей в провинции, но не прочь были воспользоваться ее «плодами»), оттого полного доверия к ним не было. «Не забывали» они и об интернированных остатках белогвардейских войск, все еще находившихся на территории Синьцзяна и косвенно влиявших на их решения.

Таким образом, следует отметить, что из-за практического прекращения отношений с Россией синьцзянское купечество переключилось на развитие торговли с собственно Китаем и другими странами. Объемы товарооборота Синьцзяна с Востоком в период с 1918–1920 гг. позволяют утверждать, что она приносила хорошую прибыль и была эффективной, несмотря на существующие проблемы. Этим частично можно объяс-

нить, почему после подписания Илийского протокола в мае 1920 г. вместо ожидаемого оживления торговли с Советской Россией последовал спад, а большевики стал-

кивались с нежеланием властей провинций восстановить внешнеторговые связи, хотя неофициальная приграничная торговля не прекращалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
2. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 113 об.
3. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1956. Л. 139.
4. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
5. Внешняя Торговля. № 30 (60). 1925. С. 10.
6. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 114.
7. Омский государственный областной архив. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 75. Л. 11.
8. Российский государственный военный архив. Ф. 110. Оп. 7. Д. 31. Л. 87.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 670. Л. 19.
10. Ибрагимов А.В. Торговля в Синьцзяне // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–4. С. 98–100.
11. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 152.
12. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 141.
13. Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение Западного Китая // Новый Восток. 1923. № 3. С. 117.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2016 г.

XINJIANG TRADE WITH THE EAST IN 1918–1920S

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 155–157. DOI: 10.17223/15617793/403/25

Shemetova Tamara A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

Keywords: trade; Russia; Xinjiang East.

Since the beginning of the internal crisis in Russia, the import of its products in the Chinese province of Xinjiang virtually stopped. In turn, Xinjiang merchants who exported raw materials to Russia stopped their trading operations, fearing requisitions and seizures by the Bolsheviks. Seeking a way out of this situation, they began to actively develop ties with trading firms operating in the interior of the country, trying to receive what the Russian state provided before. At the same time, many of these traders engaged in the export of their goods from Xinjiang to the east, despite long distances. Taking advantage of the favorable situation, Chinese and foreign companies started to supply the population of Xinjiang with textiles, fancy goods, perfumes, crockery and other trifles. Contact with Central China improved the stagnant trade, especially in the eastern districts of Xinjiang (less dependent on the Russian market). However, some of the top of Xinjiang merchants that had a good income from trade with the East were concerned about the situation in the trade in the 1920s. First of all, they were disturbed by the fact that the “influx” of Chinese representatives of foreign firms in Xinjiang led to a sharp rise in raw material prices. As low raw material prices allowed to sell it in the East without losses, and the import of manufactures in the province where the price for it was high and freight charges significantly lower, merchants had an opportunity to get a good income. In addition, the purchasing power of the population decreased. In fact, after a sharp decline in import-export operations with Russia, Xinjiang province faced the problem of selling their products (forced “crisis of overproduction”) rather than the lack of essential goods (they were replaced by Chinese and European supply of goods). The fact is that most of the raw materials produced in Xinjiang did not meet the European standards of quality (and, therefore, even at a low price could not afford the cost of freight) and could be used only in the Russian industrial production. However, the authorities in Xinjiang did not want to “return” relations with Russia in the old, pre-war version. Thus, due to the practical termination of relations with Russia, Xinjiang merchants turned to the development of trade with China and other countries. The volume of Xinjiang trade with the East from 1918 to the 1920s suggests that it made good profits and was effective in spite of the existing problems.

REFERENCES

1. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
2. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 113rev. (In Russian).
3. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 3. File 1956. P. 139. (In Russian).
4. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
5. *Vneshnyaya Torgovlya*. (1925). 30 (60). pp. 10.
6. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 114. (In Russian).
7. Omsk State Regional Archive. Fund 1988. List 1. File 75. P. 11. (In Russian).
8. Russian State Military Archive. Fund 110. List 7. File 31. P. 87. (In Russian).
9. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 514. List 1. File 670. P. 19. (In Russian).
10. Ibragimov, A.V. (1925) *Torgovlya v Sin'tszyane* [Trade in Xinjiang]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1–4. pp. 98–100.
11. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 635. List 3. File 14. P. 152. (In Russian).
12. Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 413. List 10. File 282. P. 141. (In Russian).
13. Afanas'ev-Kazanskiy, A. (1923) *Ekonomicheskoe polozhenie Zapadnogo Kitaya* [The economic situation of Western China]. *Novyy Vostok*. 3. pp. 117.

Received: 14 January 2016

АЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИИ

Рассматриваются значение экспорта образовательных услуг Австралии, интернационализация высшего образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе, специфика предоставления австралийских оффшорных образовательных программ и влияние интеграционных образовательных процессов на развитие АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; экспорт образовательных услуг; интернационализация высшей школы; оффшорные образовательные программы.

Одним из приоритетов современной политики Австралии, располагающейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), является полная интеграция в регион.

В 1960-е гг. экспорт товаров и услуг был направлен в основном в Великобританию (23,5%), Японию (22,4%), США (12,9%) и Европу (12,4%). Доля товаров и услуг, экспортируемых в Китай в те годы, составляла всего 7,7%. Спустя 50 лет объемы экспорта в Китай выросли до 36,7% и занимают первое место в экспорте Австралии, а со странами Азии в целом до 28,3%. Объем экспорта в Японию сократился лишь на 4,4% и составил 18% всего экспортного рынка, в то время как экспорт в Великобританию сегодня равен 1,4% от общего количества экспортируемых товаров и услуг, в Европу – 4,1% и США – 3,9% [1].

Усиливая свою роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Австралия стремится укрепить дипломатические контакты и дружественные отношения со странами региона. Так, например, с Малайзией с января 2013 г. действует двустороннее соглашение о свободной торговле и культурных обменах. Состоялся обмен дипломатическими миссиями с правительством Вьетнама в 2012–2013 гг. В те же годы прошли двусторонние визиты правительства Австралии и Лаоса. Усиливается культурное и политическое взаимодействие с Брунеем, Камбоджей и Восточным Тимором. В результате двусторонних дипломатических визитов были заключены договоры экономического и культурного сотрудничества со странами Океании и Новой Зеландией.

Приоритетное направление правительства в области налаживания внешнеполитических контактов – это отношения с Китаем и Индией. В апреле 2013 г. премьер-министр Джулия Гиллард в сопровождении министра иностранных дел Австралии, министра финансов и министра торговли осуществила пятнадцатидневный визит в Китай с целью участия в международном форуме представителей бизнеса и науки, который проходил на острове Хайнань [2]. В июне 2015 г. Китай и Австралия подписали соглашение о свободной торговле, переговоры относительно которого велись в течение последних десяти лет. В частности, по данному соглашению 97% товаров из Австралии не облагаются налоговыми пошлинами и сборами. Австралия в основном поставляет в Китай металл, уголь, золото и медь. Кроме того, большим спросом у китайцев пользуются, по данным СМИ, предоставляемые Австралией услуги в области студенческих стажировок.

Австралия же отменяет налоги и сборы на 85% китайской продукции (в основном это телекоммуникационное и компьютерное оборудование, одежда и мебель) [3]. В ноябре 2014 г. премьер-министр Австралии Тони Эббот заявил, что Австралия и Индия могут подписать соглашение о свободной торговле в течение года после того, как будет заключено аналогичное соглашение с Китаем [4].

Укрепляя отношения со своими партнерами по региону, австралийское правительство решает приоритетные задачи экономического развития страны.

Активно развиваясь в последние десятилетия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона все больше нуждаются в высококвалифицированных кадрах. Эта проблема решается несколькими путями. Один из путей решения этой проблемы – получение качественного образования в зарубежных вузах.

Одной из ведущих экспортных областей Австралии является экспорт образовательных услуг, который в 2014 г. составил 15,743 млрд долл. Австралии (на сегодняшний день один австралийский доллар равняется 0,76 долл. США) [5], заняв четвертую строчку в экспорте страны после железа, каменного угля и натурального газа [1]. Для сравнения: экспорт российских вооружений в 2014 г. составил 15,5 млрд долл. США [6].

Основными потребителями австралийских образовательных услуг, прежде всего, являются страны АТР. Жители этих стран приносят немалый вклад в экономику Австралии. Так, например, в 2014 г. представители Китая оплатили образовательные услуги Австралии в размере 4,142 млрд долл. Австралии, Индии – 1,464 млрд долл. Австралии, Вьетнама – 939 млн долл. Австрал. [7].

Цель правительства Австралии – высокий уровень прибыли от предоставляемых образовательных услуг иностранным студентам. В свою очередь, австралийское образование базируется на его высоком качестве и законодательной базе, которая непрерывно совершенствуется, учитывая интересы как учащихся, так и государства, и гарантирует безопасность студентов, прибывших из-за границы. Все австралийские университеты имеют программы обучения, рассчитанные на иностранных студентов.

Цены за обучение в Австралии гораздо ниже, чем в США и Великобритании. В Австралии нет четко регламентированного срока обучения, как, например, в России. Для получения степени бакалавра или магистра необходимо набрать установленное количество

зачетных единиц (кредитов). Поэтому студент сам выбирает количество предметов и специализацию. Это факт также способствует привлекательности австралийской системы образования для представителей зарубежных стран.

Еще одной мерой привлечения иностранных студентов в австралийские вузы является стипендиальная поддержка иностранных учащихся. Австралийское правительство в 2013 г. выплатило государственную стипендию 5 446 иностранным студентам в общем объеме 362,2 млн долл. Австралии, а 33 австралийских университета – 364,4 млн долл. Австралии [8].

Австралия в 2014 г. стала лидером по уровню качества жизни, который формируют такие параметры, как жилье, разница в доходах, занятость, образование, защита окружающей среды, здравоохранение, безопасность, удовлетворенность жизнью и т.д. [9]. Стоит отметить, что безопасность пребывания в стране, низкий уровень преступности и личная безопасность являются одними из ведущих факторов, которые ценят иностранные студенты, обучающиеся в Австралии.

Гарантии безопасности, высокого качества образования и возможность дать развитие своей родной стране, вернувшись домой, – основные мотивы, приводящие иностранных студентов в Австралию. А это, в свою очередь, дает немалый толчок к развитию стран, откуда прибывают студенты.

По мнению авторов обзора «Australia in the Asian Century», опубликованного на сайте Объединения австралийских университетов (Universities Australia), образовательная система Австралии пережила три стадии интернационализации. Первый этап – 1950-е гг., когда Австралия стала обучать иностранных студентов в качестве помощи развивающимся азиатским странам и австралийское правительство субсидировало оплату обучения иностранцев. Второй этап – 1980-е гг., когда правительство Австралии сократило финансирование университетов, в результате чего образование для иностранных граждан стало платным, что, в свою очередь, увеличило численность студентов из-за рубежа, так как количество платных мест не ограничивалось, в отличие от регламентированных бюджетных мест. И третья волна интернационализации системы высшего образования Австралии приходится на настоящее время. Она началась после мирового экономического кризиса в 2008–2009 гг. и сопровождается некоторым спадом в системе международного образования Австралии. Сейчас политика государства в сфере образования направлена на углубление международной интеграции, повышение качества образования и сосредоточивается в основном на докторантуре и научных исследованиях [10].

Интеграционные процессы в системе австралийского образования начинались в то время, когда Австралия испытывала нехватку квалифицированной рабочей силы и открыла пути для иммигрантов, которые изначально приезжали в страну на обучение, будь то высшее образование или языковые курсы. Эти курсы и сейчас пользуются большим спросом и приносят доход в 889 млн долл. Австралии (по данным за 2014 г.) [7].

Политика международной интеграции путем интернационализации высшей школы едва ли не самый удачный способ достижения сразу нескольких целей. Это приводит к взаимовыгодному сотрудничеству между странами в политическом, культурном и экономическом плане.

В 2014 г. количество иностранных обучающихся в Австралии составило 453 532 человека (включая школы, курсы без присуждения степени и языковые курсы) [11]. Всего в австралийских университетах обучалось в 2014 г. 1 313 776 человек [12], количество иностранных студентов, получавших высшее образование, – 236 249 человек. Численность иностранных студентов, получавших профессионально-техническое образование, составила 109 305 человек, в школах – 18 206, на интенсивных курсах английского языка для иностранных студентов – 112 516, на курсах без присуждения степени – 34 125 человек [11].

По данным миграционной службы, в 2014 г. в Австралии обучались студенты из 191 страны мира, 26,7% из которых – представители Китая. Индийцы и вьетнамцы вторые и третьи по численности от общего количества иностранных студентов и составляют 10,2% и 4,8% соответственно [Там же].

Кроме представителей Китая и Индии, в десять национальностей, составляющих 65,7% всех иностранных студентов и обучающихся преимущественно в секторе высшего образования, входят студенты из Республики Корея, Малайзии, Таиланда, Бразилии, Индонезии, Непала и Пакистана. Исключение составляют студенты из Кореи, Таиланда и Бразилии, большинство которых обучаются в сфере профессионально-технического образования. Первое место по количеству студентов в секторе курсов английского языка для иностранных студентов и секторе курсов без присуждения степени занимают представители Китая [Там же].

В связи с увеличением объема промышленного производства в Азии с началом XXI в. в Австралии резко вырос спрос на профессионально-техническое образование. Количество иностранных студентов, получающих профессионально-техническое образование в Австралии, изменилось с 13,9 тыс. человек в 2005 г. до 30,2 тыс. человек в 2009 г., средний темп роста численности составил 21% [13]. В 2014 г. этот показатель был 109,3 тыс. человек, но темп роста значительно замедлился – 11,2% [11].

В 2014 г. в Австралии обучалось более 121 тыс. китайских студентов, 46,4 тыс. индийцев, 22 тыс. вьетнамцев, 20 тыс. жителей Республики Корея, 19 тыс. малазийцев, 16 тыс. представителей Таиланда, 15 тыс. бразильцев, 13,7 тыс. индонезийцев. Из Непала и Пакистана приехало 13,5 тыс. и 10,8 тыс. человек соответственно [Там же].

Международная деятельность австралийских университетов не ограничивается предоставлением образовательных услуг только на территории Австралии.

Австралийские университеты открывают оффшорные кампусы в Азии, где иностранные студенты имеют возможность обучаться по австралийским образовательным программам, увеличивая тем самым пропускную способность университетов [14].

Обучение студентов по оффшорным программам осуществляется на базе вуза той страны, с которой заключены соглашения. Обучение ведется по австралийским образовательным стандартам и ответственность за оказание образовательных услуг несет как австралийский вуз, так и вуз-партнер.

Программа обучения рассчитана на то, что иностранный студент частично или полностью обучается на территории своего государства. Как правило, студент начинает обучение в своей стране, а завершает его в Австралии. При этом дистанционные методы обучения, как правило, не используются или используются при наличии официального соглашения.

В настоящее время австралийские университеты имеют партнерские отношения с 31 вузом за пределами Австралии и насчитывают 821 оффшорную программу, которые реализуются в таких странах, как ОАЭ, Вьетнам, Южная Африка, Бутан, большинство – в Малайзии (24%), Сингапуре (20%), Китае (11%) и Гонконге (11%). Обучение по этим программам производится либо полностью в вузе-партнере, либо частично на территории партнера, а в остальное время непосредственно в Австралии [15].

Кроме того, австралийские вузы используют контракты франчайзинга. В результате ответственность за качество обучения берет на себя вуз, который приобрел австралийские программы обучения. В этом случае австралийские университеты ответственны только в предоставлении качественной учебной программы. Эта система позволяет исключать издержки процесса организации обучения и при этом получать прибыль [10].

В последнее время обращается внимание на негативные последствия оффшорных образовательных программ. Они заключаются в том, что предоставление образовательных услуг стало, прежде всего, бизнесом и, как следствие, увеличивается риск снижения качества предоставляемых оффшорных программ, и тем самым создается угроза потери авторитета австралийского образования.

Несмотря на негативные факторы, решение проблемы дефицита дипломированных кадров в быстро развивающихся индустриальных странах Азии путем предоставления оффшорных образовательных программ австралийскими вузами оказалось весьма эффективным и своевременным. Устойчивая система предоставления образовательных услуг австралийскими университетами дала возможность получить доступное качественное образование представителям зарубежных стран [16].

Австралийские вузы имеют партнерские соглашения со многими университетами из разных стран мира. Что касается стран Азии, то в 1998 г. между австралийскими и китайскими университетами подписан меморандум о взаимопонимании и действует Ассоциация австралийских и китайских университетов (the Universities Australia–China Education Association for International Exchange Memorandum of Understanding) [17]. В 2010 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании с Ассоциацией индийских вузов [18]. В течение 2013–2015 гг. подписаны и переподписаны программы научного обмена с Индонезией, Китаем и другими странами [19].

Политика Австралии в области интернационализации образования стала одним из стимулов интеграционных образовательных процессов во всем АТР. Во многих странах стали проводиться масштабные реформы и создаваться центры, предполагающие взаимовыгодный образовательный и научный обмен.

Возрастающая потребность стран Азии в квалифицированных кадрах влечет за собой правительственные меры в области образования. Но не все они достаточны для того, чтобы полностью реализовать потребности населения в получении образовательных услуг [20].

Так, в Сингапуре совместно с Австралией создан образовательный центр, предполагающий проведение обучения и научно-исследовательские работы. Студенты этой страны наиболее активно используют возможности оффшорного образования, в том числе и австралийских вузов. Сингапурские университеты успешно интегрируются в мировое образовательное пространство, привлекая иностранных студентов на обучение. Сингапур стремится стать центром международного образования в своем регионе [Там же].

Квалифицированная рабочая сила играет большую роль в развитии Австралии, экономическом, политическом, социальном. Австралийское правительство и вузы обеспечивают страну высококвалифицированными мигрантами. В то же время иностранные студенты, окончивая австралийские университеты, способствуют подъему экономики и промышленности стан своего региона, возвращаясь на родину после получения диплома. Австралийская программа экспорта образовательных услуг, ориентированная, прежде всего, на страны АТР, способствует экономическому развитию всего региона, при этом принося стране доход в миллиарды долларов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Composition of Trade Australia 2013–2014. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf> (дата обращения: 01.06.2015).
2. Заказникова Е.П. Приоритеты внешней политики Австралии и проблема интеграции АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2014. № 25. С. 115–141.
3. Китай и Австралия подписали соглашение о свободной торговле. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2630671> (дата обращения: 28.06.2015).
4. СМИ: Индия и Австралия в течение года подпишут соглашение о торговле. URL: <http://ria.ru/economy/20141113/1033089621.html> (дата обращения: 28.06.2015).
5. Курс австралийский доллар (AUD) к доллару (USD). URL: <http://www.calc.ru/kurs-AUD-USD.html> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Путин: по итогам 2014 года экспорт вооружений превысил 15,5 млрд долларов. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/1992926> (дата обращения: 03.06.2015).
7. Export income to Australia from international education activity in 2013-14. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/Export%20Income%20FY2013-14.pdf> (дата обращения: 03.06.2015).

8. Australian scholarships and support for international students. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/Scholarships%20and%20support.pdf> (дата обращения: 01.06.2015).
9. Better Life Index 2014 (OECD). URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2014_data-00704-en (дата обращения: 07.11.2014).
10. Australia in the Asian Century, January 2012. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au> (дата обращения: 05.06.2015).
11. International student numbers 2014. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf> (дата обращения: 03.06.2015).
12. Student Numbers at Australian Universities. URL: <http://www.australianuniversities.com.au/directory/student-numbers> (дата обращения: 03.06.2015).
13. Transnational education in the public and private VET sector November 2012. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/research-snapshots/pages/default.aspx> (дата обращения: 17.05.2015).
14. Australia's exports of education services. URL: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2008/jun/pdf/bu-0608-2.pdf> (дата обращения: 28.06.2015).
15. Offshore Programs of Australian Universities April 2014. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au> (дата обращения: 03.06.2015).
16. Экспорт высшего образования: опыт Австралии // Экономика образования. М. : Изд-во Современного гуманитар. ун-та, 2006. № 2. С. 98–103.
17. Engagement With China. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-activities/Chinese-Engagement#.VZJN9fntlBc> (дата обращения: 28.06.2015).
18. Cooperation with the Association of Indian Universities. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-activities/Cooperation-with-the-Association-of-Indian-Universities#.VZJRovntlBc> (дата обращения: 28.06.2015).
19. International Cooperation and Agreements. URL: https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-agreements#.VZJTK_ntlBe (дата обращения: 28.06.2015).
20. Архипов В. Я. Международная торговля образовательными услугами и австралийский опыт // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 3. С. 19–22.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2016 г.

ASIAN DIRECTION OF EDUCATION POLICY OF AUSTRALIA

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 158–162. DOI: 10.17223/15617793/403/26

Shusharina Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marina.metel@gmail.com

Keywords: Asia-Pacific region; export of educational services; internationalization of higher education; offshore educational programs.

One of Australia's policy priorities is full integration in the Asia-Pacific region. Australia is developing diplomatic and economic relations with India and China, the countries of Oceania, New Zealand, Laos, Vietnam, Cambodia, Timor, and so on. One of Australia's leading exports is educational services for international students amounting to \$ 15.743 billion in 2013–2014, and occupying the fourth place in the country's exports. The main consumers of Australian educational services are the Asia-Pacific countries; they make a significant contribution to the Australian economy. For example, in 2014 China paid \$ 4.142 billion for educational services provided by Australia. All Australian universities provide courses designed for foreign students. Australia's laws guarantee the quality of education and the protection of students who come from abroad. The educational system in Australia has experienced three stages of internationalization. The first stage was in the 1950s. The second stage was in the 1980s. And the third wave of internationalization of higher education in Australia is right now. The main reasons why international students come to Australia are safety guarantees, high-quality education and the opportunity to develop their own country. Australian universities have branches and representative offices in many countries of Asia, where the local population is trained for offshore educational programs based on the country universities which have signed the agreement. Training is conducted according to Australian educational standards and both an Australian university and college partners are responsible for the provision of educational services. Australian universities have collaborated with 31 outside universities and use 821 offshore curricula. Australian universities are using franchising contracts. As a result, the responsibility for the quality of education is taken by the university which has acquired Australian curricula. Australia's policy in the field of internationalization of education has stimulated the integration educational processes throughout the Asia-Pacific region. In many countries, major reforms have been conducted and centers are founded to carry out mutually beneficial educational and scientific exchange. The Australian program of export of educational services oriented on Asia-Pacific countries contributes to the economic development of the region, at the same time bringing the country billions of dollars in revenue.

REFERENCES

1. Australian Government. (2014) *Composition of Trade Australia 2013–2014*. [Online]. Available from: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf>. (Accessed: 01 June 2015).
2. Zakaznikova, E.P. (2014) Prioritety vneshney politiki Avstralii i problema integratsii ATR [The priorities of foreign policy of Australia, and the problem of integration of the Asia-Pacific region]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 25. pp. 115–141.
3. Vesti.ru. (2015) Kitay i Avstraliya podpisali soglasenie o svobodnoy torgovle [China and Australia signed a free trade agreement]. [Online]. Available from: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2630671>. (Accessed: 28 June 2015).
4. RIA.ru. (2014) *SMI: Indiya i Avstraliya v techenie goda podpishut soglasenie o torgovle* [Media: India and Australia to sign a trade agreement during the year]. [Online]. Available from: <http://ria.ru/economy/20141113/1033089621.html>. (Accessed: 28 June 2015).
5. Kal'kulyator. (2015) *Kurs avstraliyskiy dollar (AUD) k dollaru (USD)* [The Australian dollar (AUD) to the US dollar (USD)]. [Online]. Available from: <http://www.calc.ru/kurs-AUD-USD.html>. (Accessed: 30 June 2015).
6. TASS.ru. (2014) *Putin: po itogam 2014 goda eksport vooruzheniy prevysil 15,5 mlrd dollarov* [Putin: In 2014 arms exports exceeded \$ 15.5 billion]. [Online]. Available from: <http://tass.ru/armiya-i-opk/1992926>. (Accessed: 03 June 2015).
7. Australian Government. (2014) *Export income to Australia from international education activity in 2013-14*. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/Export%20Income%20FY2013-14.pdf>. (Accessed: 03 June 2015).
8. Australian Government. (2014) *Australian scholarships and support for international students*. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/Scholarships%20and%20support.pdf>. (Accessed: 01 June 2015).

9. OECD. (2014) *Better Life Index 2014*. [Online]. Available from: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2014_data-00704-en. (Accessed: 07 November 2014).
10. Universities Australia. (2012) *Australia in the Asian Century*, January 2012. [Online]. Available from: <https://www.universitiesaustralia.edu.au>. (Accessed: 05 June 2015).
11. Australian Government. (2014) *International student numbers 2014*. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf>. (Accessed: 03 June 2015).
12. AustralianUniversities.com.au. (2014) *Student Numbers at Australian Universities*. [Online]. Available from: <http://www.australianuniversities.com.au/directory/student-numbers>. (Accessed: 03 June 2015).
13. Australian Government. (2012) *Transnational education in the public and private VET sector November 2012*. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/research-snapshots/pages/default.aspx>. (Accessed: 17 May 2015).
14. Hall, G. & Hooper, K. (2008) *Australia's exports of education services*. [Online]. Available from: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2008/jun/pdf/bu-0608-2.pdf>. (Accessed: 28 June 2015).
15. Universities Australia. (2014) *Offshore Programs of Australian Universities April 2014*. [Online]. Available from: <https://www.universitiesaustralia.edu.au>. (Accessed: 03 June 2015).
16. Ekonomika obrazovaniya. (2006) Eksport vysshego obrazovaniya: opyt Avstralii [Export of higher education: the Australian experience]. *Ekonomika obrazovaniya – Economics of Education*. 2. pp. 98–103.
17. Universities Australia. (2013) *Engagement With China*. [Online]. Available from: <https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-activities/Chinese-Engagement#.VZJN9fntlBc>. (Accessed: 28 June 2015).
18. Universities Australia. (2013) *Cooperation with the Association of Indian Universities*. [Online]. Available from: <https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-activities/Cooperation-with-the-Association-of-Indian-Universities#.VZJRovntlBc>. (Accessed: 28 June 2015).
19. Universities Australia. (c. 2013) *International Cooperation and Agreements*. [Online]. Available from: https://www.universitiesaustralia.edu.au/global-engagement/international-collaboration/international-agreements-and-activities#.VZJTK_ntlBe. (Accessed: 28 June 2015).
20. Arkhipov, V.Ya. (2007) Mezhdunarodnaya trgovlya obrazovatel'nymi uslugami i avstraliyskiy opyt [International trade in educational services and the Australian experience]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik – Russian Foreign Economic Journal*. 3. pp. 19–22.

Received: 27 January 2016

ПРАВО

УДК 159.9

Э.И. Мецгерякова, А.В. Ларионова, О.Ю. Горчакова, А.А. Гриднева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

*Исследование (№ 8.1.78.2015) выполнено в рамках программы повышения
международной конкурентоспособности ТГУ в 2015 г.*

Затрагивается междисциплинарная проблема на стыке юридической, организационной, гендерной психологии, психологии личности и психологии труда. С целью выявления особенностей эмоционально-коммуникативной сферы руководящего состава службы исполнения наказаний в зависимости от пола сотрудников были исследованы 93 сотрудника ФСИН (г. Томск) в возрасте от 27 до 52 лет. Факторизация структуры эмоциональной и коммуникативной сферы сотрудников мужчин и сотрудников женщин позволила проследить взаимосвязи и выделить факторы личностных особенностей, которые условно разделены на 3 группы согласно их смысловой нагрузке и влиянию на профессиональную деятельность: положительные (благоприятные / желательные), отрицательные (неблагоприятные / нежелательные) и нейтральные.

Ключевые слова: личность; сотрудники службы исполнения наказаний; руководящая деятельность; эмоционально-коммуникативная сфера; гендерные особенности.

В настоящее время разработано множество теоретических моделей влияния личностных факторов на профессионально-релевантное поведение. В этом отношении профессиям экстремального характера и тем более гендерным различиям в осуществлении подобной профессиональной деятельности повезло меньше. Между тем именно наличие экстремальных факторов является спецификой профессиональной деятельности сотрудников ФСИН – мужчин и женщин. Воздействие этих факторов ведет к снижению личностных ресурсов, дестабилизации личности и, как следствие, к снижению качества выполняемой работы. Необходимость изучения особенностей среды организаций экстремального профиля деятельности и ее влияния на изменение личности сотрудника является одним из приоритетных направлений юридической психологии. Данная проблема обусловлена потребностью в систематизации имеющихся проблем у специалистов экстремальных профессий, в выделении системы источников возникновения угроз их психическому и психологическому здоровью с целью разработки качественно новых методов психопрофилактики, направленных на первопричины возникающих проблем, а не на их следствия.

Изучая проблему экстремальной деятельности и ее влияния на субъектов данной деятельности, исследователи (А.М. Чирков, В.Л. Зубарев, Е.В. Василенко) сходятся во мнении о сложной природе экстремальной деятельности и необходимости всестороннего ее изучения с использованием полипарадигмальной методологии. В.Л. Зубарев и А.М. Чирков выделяют факторы экстремальной деятельности, обуславливающие стресс: экстремальные профессионально-психологические факторы (опасность, риск, внезапность, дефицит времени, неопределенность, новизна, высокие нагрузки, чрезмерная ответственность) и экстремальные морально-психологические факторы (агрессивность, наличие криминального элемента и т.д.) [1].

Изучение выделенных факторов, по мнению этих исследователей, позволит изучить личность в особых (экстремальных) условиях и разработать пути трансформации индивидуально-психологических особенностей сотрудников экстремального профиля [1–2]. Цель психологов, работающих с сотрудниками ФСИН, можно определить выводом Фернхейма (2005) – «Подобрать подходящего человека для работы; подобрать подходящую работу для человека» [3].

Рассматривая модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН, И.И. Купцов и Г.С. Карпова (2013) подчеркивают необходимость учитывать специфику профессиональной деятельности служащих исправительной колонии, которая заключается в ее принадлежности к типу «человек – человек». Они выделяют отличительные признаки данной профессиональной группы: нормативность, экстремальность и властный характер. Это обуславливает направленность деятельности сотрудников ФСИН: познавательно-прогностическую (когнитивную), коммуникативную, организационно-управленческую и воспитательную [4].

Анализ различных представлений о составляющих управленческой компетентности руководящего состава сотрудников экстремальных профессий (Г.Н. Березин, Н.Н. Северин, Т.В. Масаева, О.С. Возженикова, А.С. Петрова, О.Ф. Халитов, И.Ю. Кобозев) позволил исследователям объединить множество выделяемых необходимых качеств руководителя в две большие группы:

1. Нормативные (внешние), включают требования, связанные с необходимыми знаниями профессиональных обязанностей, опытом, сроком службы, уровнем образования и т.д.

2. Личностные (внутренние), включают всевозможные ресурсы и потенциалы, необходимые для исполнения обязанностей руководящей должности [1, 4–7].

Изучение личностной составляющей руководящей должности в психологической литературе не теряет своей актуальности. Проблема имеет множество теоретических и практических спорных вопросов, требующих дальнейшего анализа проблемы и обобщения данных. Например, в реальных жизненных ситуациях довольно часто нормативные компетенции играют более значимую роль при назначении на руководящую должность, а личностные – мало учитываются или вовсе игнорируются. Такое допустимо в случае, если руководитель управляет процессом (например, тип профессий человек – техника), в случае, если необходимо управлять человеческим ресурсом (человек – человек), когда наличие личностных компетенций (коммуникативных, организаторских, эмоциональных) является необходимым. Эмпирические исследования данной проблемы позволили собрать достаточно данных, указывающих на то, что руководящая должность в экстремальном профиле деятельности является дополнительным фактором риска. Так, И.Ю. Кобозев (2011) провел серию исследований на определение особенностей профессионального стресса руководителей экстремального профиля (на примере ОВД). Сравнительный анализ данных показал, что уровень стресса руководителей ОВД в целом более высокий, чем у сотрудников ОВД, не занимающих руководящие посты [7].

Важным является также гендерный фокус рассмотрения проблемы. Хотя введение категории «гендер» существенно обогатило теоретический дискурс психологической науки, внесло плодотворные изменения в научные психологические исследования и психотерапевтическую практику, однако по-прежнему ощущается недостаток исследований гендерных (половых) различий в области экстремального профиля деятельности [8].

По Women's Studies Encyclopedia (1991), «гендер» присутствует, конструируется и воспроизводится во всех социально-психологических процессах и присутствует при обсуждении социальных, культурных и психологических аспектов норм, стереотипов, ролей, считающихся типичными и желаемыми для тех, кого общество определяет как женщин или мужчин [9. С. 153].

В современной науке до сих пор идет спор о степени взаимосвязи «гендера» и «пола», одни ученые употребляют их как синонимы, другие разграничивают. Между тем несомненным остается факт, что анатомические, физиологические, психические черты в зависимости от пола являются важными в становлении гендерной идентичности, однако не всегда определяющими (гомосексуальность, транссексуальность).

Гендерные особенности – это те социально-психологические особенности личности, которые традиционно обусловлены половыми различиями. Но это именно социально-психологические, а не половые (анатомические, физиологические) различия. Сейчас проблема исследования гендерных различий сотрудников экстремального профиля представлена лишь отдельными исследованиями.

Обзор имеющейся литературы по теме позволяет сделать вывод, что качества, которые традиционно

приписывают к «женским», в экстремальной сфере деятельности, как правило, препятствуют адаптации к профессиональной деятельности. Так, И.В. Черныш в исследовании особенностей адаптации сотрудников-женщин к экстремальным условиям деятельности выделяет высокую чувствительность к воздействиям как фактор, влияющий на их дезадаптацию в сравнении с сотрудниками мужчинами [10]. Т.М. Харламова, исследуя феминность и маскулинность сотрудников исправительной колонии, приходит к выводу, что женщины с выраженными феминными чертами менее стрессоустойчивы, но при этом они в меньшей степени подвержены психосоматическим расстройствам [11].

В данной статье нами гендер рассматривается как характеристика половой принадлежности в качестве когнитивной категории, через которую путем формирования ассоциативной сети на основе пола воспринимается вся окружающая действительность и конструируется процесс познания и взаимодействия с этой действительностью. Основываясь на теоретических предпосылках и опыте предыдущих исследователей, для сравнительного анализа нами была выделена эмоционально-коммуникативная сфера как одна из интегральных как в адаптации к экстремальной профессиональной деятельности, так и к руководящей деятельности в анализе и сопоставлении личностных особенностей мужчин и женщин. Концептуально психодиагностическая и психокоррекционная работа базировалась на общем тезисе теорий самоактуализации, согласно которому доминирующим мотивом любого профессионального поведения и поведения вообще является наиболее полное выражение индивидуальных умений и способностей [12]. Более того, А. Маслоу [13] утверждал, что работающий человек может достичь самоактуализации, если на работе он использует свои способности для достижения позитивных целей, работа удовлетворяет его потребности и служит реализации таких ценностей, как поиск истины, уникальность, целостность, совершенство и независимость. Области удовлетворения этих потребностей являются различными для мужчин и женщин по социально-психологическому критерию.

В исследовании приняли участие 93 сотрудника ФСИН, из них 72 (77%) – сотрудники мужского пола, 21 (23%) – женского. Ассиметричность выборки по полу обусловлена кадровой спецификой профессиональной деятельности ФСИН. Возраст участников исследования от 27 до 52 лет (средний возраст 38,2 года). Все испытуемые на момент исследования занимали руководящие должности среднего и высшего звена.

Выбор психодиагностических методик осуществлялся в соответствии с целью исследования – изучить особенности эмоционально-коммуникативной сферы руководящего состава ФСИН по г. Томску в зависимости от половой принадлежности сотрудника.

Для изучения особенностей коммуникативной сферы сотрудников ФСИН были использованы методики:

1. Экспресс-оценка управленческого потенциала руководителя, авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов (ОПР). Опросник предназначен для выявления степени развития управленческого потен-

циала, актуального уровня управленческих способностей, который дифференцируется в диапазонах – низкий, средний, высокий [14. С. 183].

2. Методика «Оценка коммуникативных и организаторских склонностей», авторы В.В. Синявский и Б.А. Федоришин (КОС). Методика предназначена для диагностики потенциальных возможностей людей в развитии их коммуникативных и организаторских способностей [15. С. 97].

3. Методика «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения», авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов (СПДО), предназначена для определения доминирующего ориентационного стиля (ориентация на действие, на процесс, на людей или на перспективу, будущее) в профессионально-деятельностном общении [14. С. 203].

Для изучения эмоциональной сферы сотрудников ФСИН использовались методики:

1. «Определение психического выгорания» в адаптации А.А. Рукавишникова (ОПВ). Опросник направлен на интегральную диагностику психического «выгорания», включающую различные подструктуры личности: психоэмоциональное истощение, деперсонализация, профессиональная мотивация [Там же. С. 249].

2. «Стиль саморегуляции поведения», авторы В.И. Моросанова, Е.М. Коноз (ССП). Методика позволяет диагностировать степень развития осознанной

саморегуляции и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы. Методика состоит из шести шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность и единой шкалы общего уровня саморегуляции [16].

3. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность», авторы Е.П. Ильин и П.А. Ковалев (ЛАК). Методика предназначена для выявления в качестве личностной характеристики склонности субъекта к конфликтности и агрессивности для определения дифференцированного уровня агрессивности по двум полюсам – позитивной и деструктивной агрессивности [14. С. 150].

Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики: анализ средних, коэффициент достоверности различий по t-критерию (для мужской и женской выборки), факторный анализ. Расчеты проводились в программе STATISTICA 6.0.

В ходе выполнения эмпирического исследования (N = 93) были получены средние показатели по всем психологическим признакам (29), которые находились в пределах нормативных значений, определенных авторами и разработчиками методик (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения по всем показателям (N = 93)

Методика	Показатель	Valid N	Mean	Min	Max	Std.Dev.
ЛАК	Вспыльчивость	91	3,23	0,00	10,00	2,21
	Напористость	91	3,80	1,00	8,00	1,66
	Обидчивость	91	1,88	0,00	7,00	1,56
	Неуступчивость	91	2,98	0,00	8,00	1,91
	Компромиссность	91	7,93	3,00	10,00	1,83
	Мстительность	91	2,68	0,00	11,00	1,89
	Нетерпимость к мнению других	91	2,30	0,00	6,00	1,69
	Подозрительность	91	2,87	0,00	9,00	1,82
	Позитивная агрессивность	91	6,77	1,00	15,00	3,07
	Негативная агрессивность	91	4,89	0,00	14,00	2,80
КОС	Конфликтность	91	15,92	5,00	27,00	4,44
	Коммуникативные склонности	93	14,96	4,00	20,00	3,18
ОПВ	Организаторские склонности	93	15,84	7,00	20,00	2,14
	Шкала психоэмоционального истощения	91	12,14	0,00	73,00	11,45
	Шкала личностного отдаления	91	13,49	0,00	44,00	8,34
	Шкала снижения профессиональной мотивации	91	20,20	3,00	39,00	9,07
СПДО	Индекс психического выгорания	91	45,80	3,00	131,00	25,11
	Ориентация на действие	93	13,86	9,00	18,00	1,76
	Ориентация на процесс	93	17,23	8,00	20,00	2,13
	Ориентация на людей	93	17,33	7,00	20,00	2,04
	Ориентация на перспективу	93	11,22	2,00	17,00	3,21
ОПР	Управленческий потенциал	93	13,28	5,00	20,00	3,00
ССП	Планирование	93	6,84	1,00	9,00	1,71
	Моделирование	93	7,75	3,00	9,00	2,40
	Программирование	93	7,03	3,00	12,00	1,43
	Оценка результатов	93	6,49	2,00	15,00	1,58
	Гибкость	93	7,44	2,00	15,00	1,87
	Самостоятельность	93	4,29	0,00	20,00	2,62
	Общий уровень саморегуляции	93	34,58	13,00	85,00	7,22

В табл. 1 представлен анализ средних показателей особенностей эмоциональной и коммуникативной сферы сотрудников. Учитывая нормативные значения используемых методик и опросников, можно выделить показатели, которые превышают среднюю норму, т.е.

являются выраженными: компромиссность (7,93±1,83), коммуникативные склонности (14,96±3,18), организаторские склонности (15,84±2,14), ориентация на действие (13,86±1,76), ориентация на процесс (17,23±2,13), ориентация на людей (17,33±2,04), моделирование

(7,75±2,4). Низкие показатели по шкалам с отрицательной смысловой нагрузкой интерпретируются как положительные характеристики эмоциональной и коммуникативной сфер сотрудников. К таким показателям со сниженными значениями в сравнении с нормативными были отнесены: вспыльчивость (3,23±2,21), напористость (3,80±1,66), обидчивость (1,88±1,56), неуступчивость (2,98±1,91), мстительность (2,68±1,89), нетерпимость к мнению других (2,30±1,69), подозрительность (2,87±1,82), шкала личностного отдаления (13,49±8,34), шкала психоэмоционального истощения (12,14±11,45), индекс психического выгорания (45,80±25,11). К отрицательным (нежелательным) характеристикам эмоциональной и

коммуникативной сферы сотрудников можно отнести низкие значения по шкале самостоятельность (4,29±2,62). Представленные в табл. 1 результаты свидетельствуют о преобладании в профиле сотрудников ФСИН благоприятных характеристик, которые необходимы для эффективного выполнения профессиональных обязанностей.

На следующем этапе исследования были выявлены различия содержательных характеристик эмоциональной и коммуникативной сфер сотрудников ФСИН – мужчин и женщин. Сравнение средних значений с использованием t-критерия Стьюдента в женской и мужской выборках позволило выделить достоверные различия по ряду показателей (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент достоверности различий по t-критерию (N = 93) в женской и мужской выборках

Показатель	Mean 0*	Mean 1**	t-value	df	p
Планирование	5,9	6,9	-2,1	73	0,04
Неуступчивость	2,3	3,5	-2,3	71	0,03
Компромиссность	8,7	7,6	2,2	71	0,03
Позитивная агрессивность	5,7	7,6	-2,5	71	0,02
Негативная агрессивность	3,7	5,3	-2,4	71	0,02

* Среднее значение показателей в женской выборке.

** Среднее значение показателей в мужской выборке.

Согласно данным, отраженным в табл. 2, в мужской выборке выше показатели по шкалам «планирование», «неуступчивость», «позитивная агрессивность» и «негативная агрессивность». В женской выборке оказался выше показатель только по шкале «компромиссность». То есть для мужчин более свойственно стремление к отстаиванию собственной позиции, лидерству в межличностных отношениях,

женщины, напротив, склонны к уступчивости и избеганию конфликтов.

Далее был проведен факторный анализ с вращением «varimax normalized» в женской и мужской выборках. В факторный анализ были включены 29 показателей, анализу подверглись показатели с нагрузками $\geq 0,5$. В результате факторного анализа в женской выборке было получено 7 факторов, описывающих 81% дисперсии (табл. 3).

Таблица 3

Факторная структура в выборке сотрудников-женщин

Методика	Показатель	Ф 1	Ф 2	Ф 3	Ф 4	Ф 5	Ф 6	Ф 7
ЛАК	Вспыльчивость	0,58	-0,41	0,00	0,44	0,08	0,21	0,20
	Напористость	-0,15	-0,32	-0,19	0,16	-0,83	-0,06	0,22
	Обидчивость	0,1	0,24	-0,15	0,84	-0,23	0,18	0,04
	Неуступчивость	0,54	0,38	0,24	0,16	0,04	0,57	0,26
	Компромиссность	-0,08	-0,13	-0,4	-0,28	-0,00	-0,49	-0,19
	Мстительность	0,2	0,18	0,17	0,18	0,10	0,20	0,7
	Нетерпимость к мнению других	0,1	0,23	0,8	0,10	0,22	-0,05	-0,13
	Подозрительность	0,3	-0,16	0,53	0,44	-0,08	-0,25	-0,10
	Позитивная агрессивность	0,3	0,02	0,02	0,26	-0,67	0,39	0,39
КОС	Негативная агрессивность	0,19	0,10	0,82	0,21	0,30	0,12	-0,07
	Конфликтность	0,5	-0,24	0,09	0,74	-0,09	-0,07	0,02
	Коммуникативные склонности	-0,35	0,17	-0,56	-0,05	0,00	-0,57	-0,28
	Организаторские склонности	0,0	0,20	-0,64	0,32	0,09	0,01	-0,09
ОПВ	Шкала психоэмоционального истощения	0,88	-0,20	0,05	0,17	0,04	0,25	0,03
	Шкала личностного отдаления	0,91	-0,13	0,06	0,18	-0,09	0,12	0,10
	Шкала снижения профессиональной мотивации	0,95	-0,10	0,05	0,04	-0,04	-0,14	0,15
	Индекс психического выгорания	0,95	-0,15	0,05	0,14	-0,03	0,08	0,09
СПДО	Ориентация на действие	-0,66	-0,07	-0,09	-0,06	0,22	0,34	-0,41
	Ориентация на процесс	-0,46	-0,25	-0,05	-0,30	0,66	-0,11	0,20
	Ориентация на людей	-0,26	0,06	0,25	0,02	0,07	-0,08	-0,85
	Ориентация на перспективу	-0,73	0,18	-0,34	0,21	-0,00	-0,17	-0,03
ОПР	Управленческий потенциал	0,06	0,13	-0,13	-0,03	-0,01	0,93	0,08
ССП	Планирование	0,00	0,09	0,16	0,13	0,87	0,11	0,20
	Моделирование	-0,5	0,73	-0,09	-0,14	0,01	-0,01	-0,18
	Программирование	-0,07	0,63	0,08	-0,10	0,26	0,05	0,36
	Оценка результатов	-0,08	0,66	-0,02	0,04	0,04	0,54	-0,15
	Гибкость	-0,41	0,69	-0,06	-0,35	-0,32	0,04	0,18
	Самостоятельность	-0,01	-0,35	0,25	0,83	0,07	0,05	0,14
Общий уровень саморегуляции		-0,31	0,74	0,15	0,11	0,42	0,23	0,13

Expl.Var	6,48	3,4	2,99	3,16	2,99	2,76	2,27
Prp.Totl	0,22	0,12	0,10	0,11	0,10	0,09	0,07

В состав Фактора 1 (22%) вошли следующие показатели с положительными факторными нагрузками: вспыльчивость, неуступчивость, конфликтность, шкала психоэмоционального истощения, шкала личностного отдаления, шкала снижения профессиональной мотивации, индекс психического выгорания. С отрицательными – ориентация на действие, моделирование, ориентация на людей. Все показатели первого фактора характеризуют выгорание, поэтому он и был так назван – фактор «Эмоциональное выгорание».

В состав Фактора 2 (12%) вошли показатели только с положительными нагрузками: моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, общий уровень саморегуляции. В данный фактор вошли только позитивные показатели, которые отражают особенности саморегуляции, благодаря чему он получил название фактор «Продуктивность».

В состав Фактора 3 (10%) вошли показатели с положительными факторными нагрузками – негативная агрессивность, нетерпимость к мнению других, подозрительность; с отрицательными – коммуникативные и организаторские склонности. Показатели, пошедшие в третий фактор, относятся к коммуникативной сфере личности, по смыслу они отражают агрессивные характеристики процесса коммуникации, поэтому фактор и получил название «Агрессивное взаимодействие».

В состав Фактора 4 (11%) вошли показатели только с положительными нагрузками: обидчивость, конфликтность, самостоятельность. По своему содержанию фактор также отражает проблемы межличностного общения, направленные по своему содержанию на прерывание процесса взаимодействия, поэтому фактор был назван «Негативная аффективность».

В состав Фактора 5 (10%) вошли показатели с положительными нагрузками: ориентация на процесс, планирование; с отрицательными: напористость, позитивная агрессивность. Отталкиваясь от содержания фактора, он был назван «Методичность».

В состав Фактора 6 (9%) вошли показатели с положительными нагрузками: неуступчивость, управленческий потенциал, оценка результатов; с отрицательными: коммуникативные склонности. Условно этот фактор можно обозначить как фактор «Авторитарность».

В состав Фактора 7 (9%) вошли показатели с положительными факторными нагрузками: мстительность; с отрицательными: ориентация на людей. Данный фактор получил название «Асоциальный».

В результате факторного анализа в мужской выборке было выделено 7 факторов, описывающих 76% дисперсии (табл. 4).

Таблица 4

Факторная структура в выборке сотрудников-мужчин

Методика	Показатель	Ф 1	Ф 2	Ф 3	Ф 4	Ф 5	Ф 6	Ф 7
ЛАК	Вспыльчивость	-0,58	0,45	0,01	0,21	-0,25	-0,00	0,018
	Напористость	0,02	0,74	0,19	0,19	0,33	0,13	0,05
	Обидчивость	-0,27	0,41	-0,31	0,51	0,06	-0,08	0,18
	Неуступчивость	0,01	0,84	0,00	-0,17	0,02	0,14	-0,15
	Компромиссность	-0,17	-0,31	-0,20	0,02	0,11	-0,32	0,63
	Мстительность	-0,12	0,53	-0,21	0,3	-0,29	0,18	-0,06
	Нетерпимость к мнению других	-0,22	0,28	0,04	-0,11	0,02	0,81	0,10
	Подозрительность	-0,01	0,05	0,04	0,91	-0,02	0,05	-0,03
	Позитивная агрессивность	0,02	0,91	0,10	-0,00	0,19	0,16	-0,06
	Негативная агрессивность	-0,18	0,52	-0,08	0,07	-0,10	0,71	0,01
КОС	Конфликтность	-0,47	0,24	-0,18	0,67	-0,05	-0,16	0,34
	Коммуникативные склонности	0,27	-0,13	0,29	-0,02	0,64	0,02	-0,36
ОПВ	Организаторские склонности	0,20	-0,04	0,19	-0,35	0,62	0,42	-0,01
	Шкала психоэмоционального истощения	-0,81	-0,24	-0,06	0,03	-0,03	0,17	0,16
СПДО	Шкала личностного отдаления	-0,93	-0,01	-0,05	0,09	-0,15	-0,00	0,14
	Шкала снижения профессиональной мотивации	-0,81	0,20	-0,12	0,08	-0,12	0,13	-0,19
	Индекс психического выгорания	-0,95	-0,00	-0,10	0,09	-0,17	0,04	0,03
	Ориентация на действие	0,07	0,12	-0,23	0,09	0,63	0,29	-0,01
ОПР	Ориентация на процесс	0,00	0,14	-0,42	-0,33	0,65	-0,23	0,14
	Ориентация на людей	0,21	-0,06	-0,46	-0,17	0,7	-0,21	0,05
	Ориентация на перспективу	0,16	0,22	0,05	0,05	0,74	-0,19	0,10
ССП	Управленческий потенциал	0,17	0,24	-0,10	-0,52	0,15	0,05	-0,32
	Планирование	0,18	0,04	-0,05	0,00	0,27	0,27	0,47
	Моделирование	0,00	0,00	0,93	0,06	-0,16	0,01	0,00
	Программирование	0,20	-0,00	0,67	-0,19	0,11	-0,39	0,08
	Оценка результатов	0,09	-0,06	0,81	-0,31	-0,18	-0,02	0,01
	Гибкость	0,24	0,12	0,71	0,08	0,38	-0,06	-0,18
	Самостоятельность	0,00	0,17	0,73	0,21	-0,09	0,39	0,10
Общий уровень саморегуляции	0,12	0,04	-0,19	-0,20	0,14	-0,13	-0,69	
Expl.Var		4,25	3,58	3,9	2,58	3,41	2,27	1,69
Prp.Totl		0,15	0,12	0,14	0,09	0,12	0,08	0,06

В состав Фактора 1 (15%) вошли показатели только с отрицательными нагрузками: вспыльчивость,

шкала психоэмоционального истощения, шкала личностного отдаления, шкала снижения профессиональ-

ной мотивации, индекс психического выгорания. Основываясь на содержании, он получил название фактор «Эмоциональный комфорт».

В состав Фактора 2 (12%) вошли показатели только с положительными нагрузками: напористость, неуступчивость, мстительность, позитивная агрессивность, негативная агрессивность. Данный фактор получил название «Наступательная агрессивность».

В состав Фактора 3 (14%) вошли показатели только с положительными нагрузками: моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность. Данный фактор по своему содержанию практически соответствует Фактору 2 в женской выборке, поэтому был назван аналогично – фактор «Продуктивность».

В состав Фактора 4 (9%) вошли показатели с положительными нагрузками: обидчивость, подозрительность, конфликтность; с отрицательными – управленческий потенциал. Условно этот фактор можно обозначить как фактор «Паранояльность».

В состав Фактора 5 (12%) вошли показатели только с положительными нагрузками: коммуникативные склонности, организаторские склонности, ориентация на действие, ориентация на процесс, ориентация на людей, ориентация на перспективу. Пятый фактор образован показателями, которые можно отнести к управленческим компетенциям, поэтому фактор получил соответствующее название – «Управленческий потенциал».

В состав Фактора 6 (8%) вошли показатели только с положительными нагрузками: нетерпимость к мнению других, негативная агрессивность. Условно этот фактор можно обозначить как фактор «Конфликтность».

В состав Фактора 7 (6%) вошли показатели с положительными нагрузками: компромиссность; с отрицательными – общий уровень саморегуляции. Данный фактор получил название «Уход от конфликта».

Обсуждение результатов. На первом этапе статистической обработки был проведен анализ средних значений по всей выборке независимо от пола. Полученные данные отражают позитивную картину состояния эмоционально-коммуникативной сферы сотрудников выборки. Из всего набора показателей (29) были отмечены только низкие значения по шкале «самостоятельность». Факторный анализ в этом отношении оказался более информативным. В результате сравнительного анализа мужской и женской выборки были получены различия, позволившие выделить ряд проблемных зон, которые в общей выборке были уравнены за счет высоких показателей представителей противоположного пола.

Сравнительный анализ различий (с помощью t-критерия Стьюдента) позволил установить, что в мужской выборке более выражены показатели по шкале «планирование», которые указывают на более выраженную потребность представителей данной группы в осознанном планировании своей деятельности, при этом их планы отличаются большей реалистичностью, детализированностью, иерархичностью и устойчивостью. Также для мужской выборки в большей степени присущи неуступчивость и категорич-

ность в отстаивании своей позиции, более выраженная склонность захватывать инициативу и атаковать своего собеседника / оппонента. В женской выборке отчетливо выделяются более высокие показатели по шкале «компромиссность», что говорит о более выраженном стремлении женщин (по сравнению с мужчинами) к избеганию напряженности в отношениях и стремлению урегулировать разногласия. В целом сравнительный анализ значений в мужской и женской выборках позволяет заключить, что мужчинам более свойственна, чем женщинам, агрессивность независимо от ее полюса (негативная – позитивная).

Факторизация структуры эмоциональной и коммуникативной сфер сотрудников-мужчин и сотрудников-женщин позволила проследить взаимосвязи и выделить факторы личностных особенностей, которые способствуют или препятствуют самореализации сотрудников в профессиональной сфере. Выделенные факторы были условно разделены на 3 группы согласно их смысловой нагрузке и влиянию на профессиональную деятельность: положительные (благоприятные / желательные), отрицательные (неблагоприятные / нежелательные) и нейтральные.

В выборке женщин сотрудников ФСИН к положительным был отнесен фактор «Продуктивность» (12% дисперсии). Данный фактор отражает способность осознавать и просчитывать свои действия в соответствии с поставленной целью, адекватно оценивать результаты своей деятельности, быстро реагировать на непредвиденные ситуации, на пути в достижении поставленной цели и проводить своевременную коррекцию деятельности и поведения в ситуациях риска.

К отрицательным в выборке женщин были отнесены факторы «Эмоциональное выгорание», «Агрессивное взаимодействие», «Отгороженность», «Авторитарность» и «Асоциальный», в сумме выделенные факторы объясняют 52% дисперсии. Фактор «Эмоциональное выгорание» характеризуется наличием в эмоциональном профиле негативных эмоциональных проявлений (вспыльчивость, конфликтность), признаками эмоционального истощения (утомление, раздражительность), проявляющимся в коммуникативной сфере через снижение количества контактов, нетерпимость в ситуациях общения и негативизм по отношению к окружающим. Все это отражается на профессиональной мотивации и выполнении своих обязанностей в виде снижения продуктивности деятельности, интереса к работе, личной ответственности за профессиональные действия и общей самооценки себя как компетентного профессионала. Факторы «Агрессивное взаимодействие», «Отгороженность», «Асоциальный» по характеру вошедших в них показателей отражают проблемы в коммуникативной сфере. Так, фактор «Агрессивное взаимодействие» характеризуется трудностями в установлении контактов, выступлении перед аудиторией, проблемами с доверием, чрезмерной обидчивостью, неприятием чужого мнения, избеганием принятия самостоятельных решений. Фактор «Отгороженность» характеризуется сочетанием конфликтного общения и стремления к самостоятельной деятельности. Фактор «Асоциальный» характеризуется

снижением эмпатии, отсутствием стремления к сотрудничеству, равнодушием к потребностям другим, враждебностью, готовностью отомстить другому за причиненные обиды и неприятности.

К нейтральным в выборке женщин были отнесены факторы «Авторитарность» и «Методичность», суммарно объясняющие 19% дисперсии. Фактор «Авторитарность» характеризуется сформированностью критериев оценки результатов, умением прогнозировать возможные риски и предотвращать их, нацеленностью на результат. Однако сниженные коммуникативные способности свидетельствуют о том, что управленческий потенциал реализуется в основном в руководстве технологическими процессами, а не сотрудниками коллектива. Данный фактор нельзя однозначно интерпретировать как негативную тенденцию из-за наличия в составе фактора значимых положительных показателей для руководящей должности. Фактор «Методичность» характеризуется ориентированностью на систематичность, последовательность, тщательность в выполнении профессиональных обязанностей, умением ставить самостоятельные цели, которые отличаются реалистичностью, вниманием к деталям и умением расставлять оптимальные приоритеты в их достижении. Однако фактор также отражает сниженную способность отстаивать собственные интересы (свою точку зрения), неумение обеспечить «необходимую самозащиту». Сочетание таких особенностей может негативно сказаться на достижении поставленной цели, в случае если на пути ее достижения будут возникать преграды извне.

В мужской выборке к положительным были отнесены факторы «Эмоциональный комфорт», «Управленческий потенциал» и «Продуктивность», суммарно описывающие 41% дисперсии.

Фактор «Эмоциональный комфорт» характеризуется наличием эмоциональных, физических, энергетических ресурсов, которые способствуют эффективному взаимодействию с окружающими, умением вникать в их проблемы, оказывать необходимую поддержку, отражает продуктивность профессиональной деятельности, оптимизм и заинтересованность в работе.

Фактор «Управленческий потенциал» отражает такие профессиональные компетенции руководителя, как инициативность, решительность, ответственность, последовательность и планомерность действий, умение быстро ориентироваться в трудных ситуациях, способность принимать самостоятельные решения, отстаивать свою точку зрения и убеждать в ней окружающих.

Фактор «Продуктивность» отражает способность оперативно адаптироваться к изменению условий, осознавать их степень риска и корректировать систему саморегуляции для обеспечения успешного решения поставленных задач в непредвиденных условиях, самостоятельно планировать и организовывать работу, направленную на преодоление ситуаций риска. Данный фактор практически совпадает по своему содержанию с фактором «Продуктивность» в женской выборке. Однако в мужской выборке, в отличие от женской, в составе фактора присутствует показатель самостоятельности, а в женской – общий уровень саморегу-

ляции. Указанные отличительные характеристики свидетельствуют о том, что при решении возникших проблем для мужчин больше свойственно самостоятельно принимать решения, а женщины имеют большую способность регуляции собственного психоэмоционального состояния.

К отрицательным факторам в мужской выборке были отнесены факторы «Наступательная агрессивность», «Мнительность», «Конфликтность», «Уход от конфликта», суммарно описывающие 35% дисперсии.

Фактор «Наступательная агрессивность» характеризуется стремлением реализовать свои интересы, достигнуть собственных целей, пренебрегая мнением и желанием других. В данный фактор вошла как конструктивная агрессивность, определяемая авторами методики «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильиным и П.А. Ковалевым как позитивная, которая необходима для умения достигать цели, отстаивать свою точку в спорных ситуациях, так и деструктивная агрессивность – негативная, которая, напротив, препятствует решению актуальных задач и направлена на снижение психоэмоциональной энергии. Наличие в факторе только агрессивных тенденций, независимо от их полюса, отражает общую неблагоприятную картину, так как здесь отсутствует взаимосвязь с показателями, обеспечивающими оптимальное взаимодействие с коллективом.

Фактор «Паранояльность» сочетает в себе такие показатели, которые в совокупности отражают низкую психологическую способность к управленческой деятельности, показатели обидчивости, подозрительности и конфликтности во взаимодействии с коллективом, неспособность обеспечить продуктивный коммуникативный процесс.

Фактор «Конфликтность» отражает неумение объективно взглянуть на ситуацию, отвергая любые точки зрения, несовпадающие с собственной, при этом эмоциональная реакция, попытки донести иное представление могут быть довольно агрессивными.

Фактор «Уход от конфликта» отражают стремление уступать в конфликтных ситуациях, принимать точку зрения другого в ущерб собственному психоэмоциональному состоянию.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что в мужской выборке преобладают факторы с позитивной направленностью, а в женской – с негативной. Факторы с негативной направленностью были отнесены к группе повышенного риска психологической дезадаптации, стрессогенности и выгорания. Наличие таких факторов доказывает необходимость психологического и психокоррекционного воздействия, направленного на развитие и оптимизацию эмоционально-коммуникативной сферы и коррекции профдеформации с учетом экстремального профиля деятельности. Факторы с нейтральной направленностью (свойственные только женской выборке) были отнесены к группе потенциального риска, с которой необходимо проводить профилактическую работу, направленную на оптимизацию тех ресурсов, которые необходимы для руководящей деятельности.

Так, в факторы «Авторитарность» и «Методичность» вошли положительные показатели, отражающие способность самостоятельно справляться с возникающими рисками в процессе деятельности, но при этом в факторах не присутствуют показатели, которые обеспечили бы эффективное взаимодействие с коллективом, поэтому они были отнесены к нейтральным. Следовательно, профилактическая работа, направленная на коррекцию коммуникативной сферы сотрудников-женщин, будет способствовать более продуктивному взаимодействию с коллегами, тем самым способствовать исполнению профессиональных обязанностей руководителя в полной мере.

Сегодняшний Ренессанс психолого-организационных исследований личности и ее трудового по-

ведения порождает, помимо всех прочих, серьезные методологические проблемы. Но очевидно одно: то время, когда специалисты в области организационной психологии и психологии труда считали личностные параметры и гендерные факторы альтернативными или слабопрогностическими, уже прошло, и представляемое исследование является робкой попыткой доказательства этого. Полученные в работе результаты дают основания для разработки дифференцированной модели (с учетом гендерных особенностей мужской и женской эмоционально-коммуникативной сферы) психологического сопровождения специалистов, работающих в экстремальных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубарев В.Л., Чирков А.М. Роль пенитенциарной стрессологии в психологическом сопровождении сотрудников исправительных учреждений и осужденных // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2013. № 1 (21). С. 42–48.
2. Васильев В.Л. *Юридическая психология*. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
3. Furnham A. *The psychology of behaviour at work: The Individual in the Organisation*. N. Y.: Published by Psychology Press, 2005.
4. Купцов И.И., Карпова Г.С. Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России // *Прикладная юридическая психология*. 2013. № 4. С. 20–31.
5. Возженикова О.С., Петрова А.С. Психологические проблемы развития управленческой компетентности руководителей органов внутренних дел // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 1. С. 140–146.
6. Гриднева А.А. Психологическая безопасность сотрудников УИС в условиях истощающего организационного стресса // *Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Томск 15–16 апреля 2015 г.)* / под общ. ред. А.А. Вотинова. Томск: Графика, 2015. Вып. 3. С. 163–165.
7. Кобозев И.Ю. Оценка интенсивности профессионального стресса и его влияния на копинг-поведение и механизмы психологической защиты руководителей ОВД // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2011. № 2. С. 45–49.
8. Бохан Т.Г., Залевский Г.В., Мещерякова Э.И. Гендерные и возрастные различия в копинг-стратегиях подростков и юношей Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 286. С. 50–55.
9. *Women's Studies Encyclopedia*. N. Y., 1991.
10. Черныш И.В. Гендерные особенности адаптации к экстремальным условиям деятельности сотрудников пограничной службы ФСБ РФ: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2007. 225 с.
11. Харламова Т.М. Взаимосвязь некоторых индивидуальных характеристик и гендерной принадлежности сотрудников исправительной колонии // *Современные наукоемкие технологии*. 2010. № 2. С. 125–126.
12. O'Brian G.E. *The psychology of work and unemployment*. Chichester, John Wiley, 1986.
13. Маслоу А. *Мотивация и личность*. 3-е изд. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
14. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 339 с.
15. Батаршев А.В. *Диагностика способности к общению*. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
16. Моросанова В.И. *Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство*. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 декабря 2015 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF GENDER CHARACTERISTICS IN THE FIELD OF EMOTIONAL COMMUNICATION SKILLS OF THE PENITENTIARY SERVICE MANAGEMENT STAFF

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 163–171. DOI: 10.17223/15617793/403/27

Meshcheryakova Emma I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mei22@mail.ru

Larionova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vktusur@mail.ru

Gorchakova Olesya Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avendus@mail.ru

Gridneva Alyona A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: a_mia@ngs.ru

Keywords: personality; staff of the penitentiary service; managerial position; emotional communication skills; gender characteristics.

The paper concerns the interdisciplinary problem at the junction of legal, organizational, gender, personality psychology, and psychology of labour. It includes several aspects which are themselves separate subjects of research, for example, effects of professional activities on mental and psychological health of the Federal Penitentiary Service staff, psychological characteristics of a person in a managerial position, gender-based characteristics of professional development, etc. In order to identify the gender characteristics in the field of emotional communication skills of the Penitentiary Service management staff, the study was undertaken using the following methods: Rapid Evaluation of Management Potential (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuylov); Evaluation of Communication and Organizational Aptitudes (authors V.V. Sinyavsky and B.A. Fedorishin); Orientation Styles of Professional Communication (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuylov); Burnout Assessment adapted by A.A. Rukavishnikov; Personal Aggressiveness and Proneness to Conflict (E.P. Ilyin and P.A. Kovalev); Behavior Self-Regulation Style (V.I. Morosanova, E.M. Konoz). The study involved 93 employees of the Federal Penitentiary Service (Tomsk), including 72 (77 %) men and 21 (23 %) women aged 27 to 52. The comparative analysis of mean values for the female and male samples was carried out using Student's t-test. It revealed that men have higher values on the "planning", "pertinacity", "positive aggressiveness" and "negative aggressiveness" scales, while

women have higher values on the “ability to compromise” scale. The factor analysis shows that positive factors prevail in the male sample (41 % of the dispersion) as compared to the female sample (12 % of the dispersion). This suggests that it is necessary to develop a differentiated psychological support model for the staff and to enhance activities aimed at preventing and correcting psychological problems of female employees.

REFERENCES

1. Zubarev, V.L. & Chirkov, A.M. (2013) The role of penal stressology in psychological support for the penal institutions' staff and the convicts. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1 (21). pp. 42–48. (In Russian).
2. Vasil'ev, V.L. (2009) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. 6th ed. St. Petersburg: Piter.
3. Furnham, A. (2005) *The psychology of behaviour at work: The Individual in the Organisation*. New York: Psychology Press.
4. Kuptsov, I.I. & Karpova, G.S. (2013) Model' professional'noy kompetentnosti sotrudnikov FSIN Rossii [Model of professional competence of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology Scientific Journal*. 4. pp. 20–31.
5. Vozzhenikova, O.S. & Petrova, A.S. (2014) Psikhologicheskie problemy razvitiya upravlencheskoy kompetentnosti rukovoditeley organov vnutrennikh del [Psychological problems of development of managerial competence of heads of law enforcement bodies]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 1. pp. 140–146.
6. Gridneva, A.A. (2015) [Psychological safety of correctional system employees under exhausting organizational stress]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo* [Correctional system: pedagogy, psychology and law]. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. Tomsk. 15–16 April 2015. Vol. 3. Tomsk: Grafika. pp. 163–165. (In Russian).
7. Kobozev, I.Yu. (2011) Otsenka intensivnosti professional'nogo stressa i ego vliyaniya na koping-povedenie i mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity rukovoditeley OVD [Evaluation of occupational stress intensity and its impact on coping behavior and mechanisms of psychological protection of managers of internal affairs departments]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psycho-pedagogics in law enforcement agencies*. 2. pp. 45–49.
8. Bokhan, T.G., Zalevskiy, G.V. & Meshcheryakova, E.I. (2005) Gendernye i vozrastnye razlichiya v koping-strategiyakh podrostkov i yunoshey Sibiri [Gender and age differences in coping strategies of adolescents and youths in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 286. pp. 50–55.
9. Tierney, H. (ed.) (1989–1991) *Women's Studies Encyclopedia*. New York: Greenwood Press.
10. Chernysh, I.V. (2007) *Gendernye osobennosti adaptatsii k ekstremal'nym usloviyam deyatel'nosti sotrudnikov pogranichnoy sluzhby FSB RF* [Gender features of adaptation to extreme work conditions of employees of the Russian Federal Border Guard Service]. Psychology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
11. Kharlamova, T.M. (2010) Vzaimosvyaz' nekotorykh individual'nykh kharakteristik i gendernoy prinadlezhnosti sotrudnikov ispravitel'noy kolonii [Relations between individual characteristics and gender of employees of correctional institutions]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high technologies*. 2. pp. 125–126.
12. O'Brian, G.E. (1986) *The psychology of work and unemployment*. Chichester: John Wiley.
13. Maslow, A. (2009) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
14. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality and small groups development]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
15. Batarshhev, A.V. (2006) *Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu* [Diagnosis of the ability to communicate]. St. Petersburg: Piter.
16. Morosanova, V.I. (2004) *Oprosnik "Stil' samoregulyatsii povedeniya" (SSPM): rukovodstvo* [The Style of Behavior Self-Regulation questionnaire: a manual]. Moscow: Kogito-Tsentr.

Received: 31 December 2015

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются вопросы разрешения споров, возникающих из предпринимательской и иной экономической деятельности. Автор отмечает, что широкое использование альтернативных примирительных процедур в качестве механизма реализации положений законов РФ, предусматривающих возможность примирения сторон, призвано сформировать новую правовую культуру разрешения коммерческих споров в России и оптимизировать работу судебных органов.

Ключевые слова: арбитражные суды; альтернативное разрешение споров; государственные формы разрешения конфликтов; административная форма защиты; медиация; третейские суды.

При осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности субъекты предпринимательской деятельности неизбежно сталкиваются с необходимостью разрешения различных правовых конфликтов (споров). Такие конфликты, возникающие из правоотношений, регламентированных различными отраслями права, определяются как экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Законодательство Российской Федерации не содержит определения экономического спора. Вместе с тем теория и судебная практика в широком смысле трактуют экономический спор как «спор, возникающий в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [1. С. 26]. В узком значении экономический спор рассматривается как спор из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, возникший в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности или в связи с обеспечением доступа к такой деятельности, а также в связи с предъявлением юридическими лицами иных требований экономического (имущественного) характера.

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ [2] каждый вправе защищать свои права и законные интересы всеми способами, не запрещенными законом. Формы защиты прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности могут быть:

- государственные (юрисдикционные);
- частноправовые (альтернативное разрешение споров).

Признаки государственной (юрисдикционной) формы разрешения конфликтов:

1) в процессе разрешения конфликта участвует специально уполномоченный государством орган, цель деятельности которого – рассмотреть и разрешить спор, возникший в процессе осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) юрисдикционная деятельность такого органа завершается вынесением правоприменительного акта, который с момента вступления в силу приобретает характер общеобязательности не только для субъектов – участников экономического спора, но и для иных лиц. Так, например, вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых

судей и судов субъектов РФ являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 6 ФКЗ «О судебной системе в РФ») [3].

В свою очередь, исходя из сущности деятельности органов, целью которых будут выступать рассмотрение и разрешение экономических споров, государственная форма подразделяется на *судебную (арбитражную) и административную*. То есть государственные формы представляют собой разрешение правовых споров государственными – судебными или административными органами.

Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод каждому, в том числе и судебную (ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46). Конституция РФ закрепляет систему органов правосудия, среди которых арбитражные суды представлены как часть единой судебной системы наряду с конституционными судами и судами общей юрисдикции.

Судебная форма защиты в сфере экономической деятельности – это осуществление правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности арбитражными судами, образованными в соответствии с Конституцией РФ и федеральными конституционными законами, путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (ст. 1 АПК РФ) [4].

Арбитражные суды осуществляют судебную власть по разрешению возникающих в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности экономических споров и иных дел, вытекающих из гражданских и административных правоотношений.

Можно отметить следующие особенности осуществления судопроизводства арбитражными судами: порядок осуществления экономического правосудия регламентирован в самостоятельном нормативном правовом акте – АПК РФ; общая цель судопроизводства в арбитражных судах – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов РФ, государственных органов муниципальных образований и иных лиц в случаях, преду-

смотренных законом, в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и т.д. (ст. 2 АПК РФ).

При этом, согласно Конституции РФ и АПК РФ, отказ от обращения в суд недействителен, что и позволяет рассматривать судебную форму защиты как «универсальную» форму разрешения экономических споров.

С универсальностью судебной защиты тесно связана доступность судебной защиты. Конституция РФ провозглашает неограниченный доступ к правосудию как для граждан, так и для юридических лиц. Обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности обозначено в качестве одной из задач судопроизводства в арбитражных судах (ст. 2 АПК РФ). Доступность правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности можно определить как гарантированную равную возможность, предоставленную субъектам предпринимательской деятельности, на обращение в арбитражный суд, рассмотрение и разрешение экономического спора судом на равных основаниях для всех.

К гарантиям обеспечения доступности правосудия также можно отнести: гласность судебного разбирательства (ст. 11 АПК РФ); возможность применения обеспечительных мер, в том числе и до предъявления иска в арбитражный суд (гл. 8 АПК РФ); право обращения в арбитражный суд с ходатайством об истребовании доказательств (ст. 66 АПК РФ), предоставление отсрочки, рассрочки в уплате государственной пошлины и т.д.

В отличие от иных форм защиты прав и законных судебная форма имеет детальную процессуальную регламентацию правосудия. К отличительным чертам арбитражной процессуальной формы можно отнести следующие:

– все правила судебно-арбитражной защиты устанавливаются только федеральным законом (прежде всего, АПК РФ);

– все участники арбитражного процесса и арбитражный суд, в том числе, связаны в своей деятельности нормами арбитражного процессуального права, т.е. в арбитражном процессе суд, лица, участвующие в деле, могут совершать те действия, которые предусмотрены арбитражными процессуальными нормами;

– арбитражные процессуальные правоотношения складываются только между арбитражным судом и участниками процесса – это властные отношения, одним из субъектов которых обязательно является арбитражный суд;

– арбитражная процессуальная форма предоставляет равные возможности сторонам по защите своих прав и участия в процессе (принцип состязательности и диспозитивности сторон – участников арбитражного процесса);

– исходя из особенностей той или иной категории дел, предусмотрены различные виды процесса: исковое, административное, особое, упрощенное, рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве), производство по корпоративным спорам, производство по делам с участием иностранных лиц, об оспаривании решений третейских судов и т.д. Все катего-

рии дел рассматриваются арбитражным судом по правилам искового производства (общие правила) с изъятиями, установленными для отдельных категорий дел (специальные правила).

К преимуществам судебно-арбитражной формы защиты следует относить:

– универсальность и доступность судебно-арбитражной формы защиты с соответствующими конституционными и арбитражно-процессуальными гарантиями их обеспечения;

– достаточность одностороннего волеизъявления заинтересованного лица для возбуждения производства по делу в арбитражном суде;

– детальная регламентация процедуры рассмотрения и разрешения спора арбитражным судом;

– возможность обжалования судебного акта и, как следствие, пересмотр и отмена незаконного (необоснованного) судебного акта, принятого арбитражным судом;

– гарантия принудительного исполнения судебных актов арбитражных судов, вступивших в законную силу.

Административная форма защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности – это деятельность различных государственных органов исполнительной власти, уполномоченных законом на вынесение решений по спорам, вытекающим из правоотношений, связанных с деятельностью этих органов и затрагивающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Целесообразность существования такой формы защиты обусловлена двумя причинами: во-первых, такой порядок позволяет снизить нагрузку на суды и, во-вторых, в отличие от судебного порядка защиты прав и законных интересов, административная форма защиты более оперативна и влечет меньшие финансовые затраты.

К признакам административной формы защиты в сфере экономической деятельности относятся следующие:

1) данная форма распространяется только на споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений;

2) применяется только в случаях, предусмотренных законом (ст. 11 ГК РФ) [5];

3) представляет собой обращение заинтересованного лица в вышестоящий (в порядке подчиненности) орган исполнительной власти с жалобой на действия, решения нижестоящего органа исполнительной власти.

Право лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, обратиться за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в вышестоящий государственный орган (вышестоящему государственному должностному лицу) прямо предусмотрено: ст. 101.2 и гл. 19–20 (ст. 137–142) НК РФ [6]; гл. 30 (ст. 30.1–30.11) КоАП РФ [7]; гл. 3 (ст. 36–39) ФЗ «О таможенном регулировании в РФ» [8]; ст. 1248, 1406 ч. 4 ГК РФ; ст. 121 ФЗ «Об исполнительном производстве» [9].

Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности в сфере административных и иных публичных правоотношений варь-

ируется в четырех вариантах. Заинтересованное лицо вправе: 1) подать жалобу в вышестоящий орган исполнительной власти (вышестоящему должностному лицу органа исполнительной власти) в порядке, предусмотренном НК РФ, ТК РФ и другими законами (только административная форма); 2) подать жалобу в орган исполнительной власти и одновременно обратиться в арбитражный суд с заявлением в порядке, предусмотренном разд. III АПК РФ (административная + судебная); 3) после рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым, таможенным и другими органами (должностными лицами) обратиться в арбитражный суд (административная → судебная); 4) минуя обжалование в административном органе, с момента, как лицо узнало о нарушении своих прав, обратиться в арбитражный суд (только судебная форма).

Единственным исключением являются соответствующие положения ст. 101.2 НК РФ, предусматривающие обязательное административное обжалование до обращения в суд. Так, решение о привлечении к налоговой ответственности может быть обжаловано в судебном порядке только после обжалования этого решения в вышестоящем налоговом органе посредством подачи апелляционной жалобы в установленном законодательством о налогах и сборах порядке. Данное правило применяется к правоотношениям, возникающим с 1 января 2009 г.

Частноправовые формы урегулирования и разрешения экономических споров (альтернативное разрешение споров – АРС) представляют собой альтернативные официальному правосудию способы (несудебные) достижения согласия и примирения конфликтующих сторон [10. С. 35; 11. С. 16]. Для таких форм характерно то, что урегулирование и разрешение споров осуществляются без привлечения соответствующих государственных органов.

В российской практике используются несколько альтернативных форм урегулирования экономических споров: переговоры, претензионный порядок урегулирования споров, посредничество, третейский суд [12. С. 20] и мировые соглашения (внесудебные и судебные).

Переговоры и претензионный порядок урегулирования спора представляют собой устный (переговоры) или письменный (претензионный порядок) процесс достижения договоренности и урегулирования разногласий между деловыми партнерами без привлечения третьих лиц.

Пункт 5 ст. 4 АПК РФ предусматривает, что если для определенной категории споров федеральным законом установлен претензионный порядок или иной досудебный порядок урегулирования либо он предусмотрен договором, спор передается на разрешение арбитражного суда после соблюдения такого порядка.

Претензионный порядок урегулирования споров представляет собой письменный процесс достижения договоренности и урегулирования разногласий между контрагентами по гражданско-правовому договору до обращения в арбитражный суд, посредством предъявления претензии в установленном порядке.

Урегулирование споров в претензионном порядке может носить как добровольный, так и обязательный характер.

В случае неисполнения договорных обязательств субъект предпринимательской деятельности сам решает, как ему разрешить возникший спор: предъявить контрагенту претензию с требованием добровольного исполнения своих обязательств и уже по результатам рассмотрения претензии избирать иные способы разрешения споров или, минуя претензионный порядок урегулирования, сразу обратиться в суд.

Исключением из этого являются случаи обязательного претензионного порядка урегулирования экономических споров. Как следует из ч. 5 ст. 4 АПК РФ, обязательность претензионного производства может вытекать: «из закона» (по отдельным категориям споров, возникающим из гражданских правоотношений) и «из договора» (независимо от категории спора, если это предусмотрено соглашением сторон).

В зависимости от категории спора обязательный порядок предъявления претензии, сроки ее рассмотрения, содержания и иные условия претензионного урегулирования регламентируются различными федеральными законами. Следует учитывать, что на практике применяются и иные нормативные правовые акты, регламентирующие претензионный порядок урегулирования. Обоснованность их применения определяется тем, что Правила предъявления и рассмотрения претензий по отдельным категориям дел приняты во исполнение и конкретизации обозначенных выше федеральных законов.

В федеральных законах содержится общее правило, согласно которому до предъявления иска в суд предъявление претензии обязательно по договорам оказания транспортных услуг, оказания услуг связи, по договору транспортно-экспедиционной деятельности. Соблюдение иного досудебного порядка необходимо также по спорам, связанным с изменением или расторжением договора (ст. 450 и 452 ГК РФ).

Независимо от категории спора соблюдение претензионного (досудебного) спора является обязательным и в том случае, если соглашение о претензионном порядке урегулирования предусмотрено в договоре.

Правовые последствия соблюдения претензионного порядка урегулирования споров заключаются в том, что в случае если сторона – получатель претензии уклоняется от соблюдения претензионного порядка и не представляет ответ на претензию в срок, установленный договором или законом, отклоняет претензию либо не удовлетворяет признанные ее требования в обусловленный срок, другая сторона вправе обратиться за защитой своих прав и интересов в суд в порядке, установленном действующим законодательством.

Среди альтернативных способов разрешения и урегулирования споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности наиболее распространенным является *третейское разбирательство*, представляющее собой форму частной юрисдикции по разрешению предпринимательских договорных и внедоговорных споров. Это деятельность третейских судов (внутренних) и международных коммерческих арбитражей по разбирательству экономических споров и иных дел, возникающих из гражданских право-

отношений при наличии предоставленных сторонами полномочий на вынесение решения.

К особенностям третейского разбирательства можно отнести:

1) добровольность обращения в третейский суд. Это означает, что при отсутствии действительного соглашения всех участников спора никто не вправе принудить стороны к третейскому разбирательству. В качестве гарантии прав сторон на рассмотрение и разрешение споров в третейском суде следует признать невозможность предъявления тождественного иска в арбитражный суд по спору между этими лицами, по тому же предмету и основанию (п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ);

2) наличие письменного соглашения, представляющее собой решение сторон на обращение в третейский суд. Согласно ст. 4 АПК РФ, при наличии договоренности между сторонами (письменного третейского соглашения) подведомственный арбитражному суду спор, возникающий из гражданских правоотношений, до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом;

3) на рассмотрение в третейский суд могут быть переданы споры, возникающие из гражданских (договорных и внедоговорных) правоотношений. Государство оставляет за собой право исключительной юрисдикции по делам, где в той или иной мере затрагиваются публичные, государственные интересы, интересы третьих лиц. Примером такого ограничения может служить ч. 3 ст. 33 Закона о банкротстве, согласно которой дело о банкротстве не может быть передано на рассмотрение в третейский суд;

4) организационно-устройственные и функциональные принципы третейского разбирательства определяются следующими законами: Законом РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [13] и ФЗ от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в РФ» [14]. В частности, указанные законы закрепляют следующие принципы третейского разбирательства: законность, конфиденциальность, независимость, беспристрастность судей, диспозитивность, состязательность и равноправие сторон;

5) в противоположность государственным судам третейские суды создаются либо самими сторонами (суды – «ad hoc»), либо негосударственными (общественными) организациями, которые и определяют порядок деятельности – регламент данного суда (ст. 3 ФЗ «О третейских судах в РФ»);

6) федеральные законы устанавливают равную юридическую силу решений арбитражных и третейских судов, предусматривая аналогичный порядок их исполнения на основании ФЗ «Об исполнительном производстве»;

7) по общему правилу не допускается обжалование решений третейского суда. Только в исключительных случаях (по исчерпывающему кругу оснований) государственные суды вправе осуществлять судебный контроль за вынесенными решениями негосудар-

ственных судов (глава 30 АПК РФ). При этом проверка решений третейских судов со стороны арбитражного суда ограничена проверкой исключительно с позиций соблюдения третейским судом процедуры третейского разбирательства и прав сторон, в нем участвующих.

Посредничество (медиация) – это новое явление в российской практике урегулирования экономических споров. Правовой основой посредничества выступают ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ [15] и отдельные нормы арбитражного процессуального законодательства и гражданского процессуального законодательства.

Посредничество – это альтернативная (примири-тельная) процедура, направленная на достижение взаимоприемлемого соглашения между спорящими сторонами, при которой по взаимному волеизъявлению субъектов – участников спора привлекается независимый специалист – посредник, решения которого не носят обязательного характера для лиц, имеющих материальную заинтересованность в исходе спора, и принимаются ими самостоятельно при содействии посредника.

Согласно ст. 2 Закона о процедуре медиации процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Преимущества медиации заключаются в следующем: 1) стороны сами по взаимному согласию выбирают посредника по критериям, опять же определенным только ими; 2) все решения, имеющие значение для завершения спора, принимаются только сторонами, заинтересованными в его исходе; 3) привлечение третьего лица (медиатора), не участвующего и не заинтересованного в конфликте, способствует установлению психологического контакта между спорящими сторонами, снятию эмоциональной напряженности в переговорах, что влечет возможность определить исход конфликта независимо от его уровня, характера и стадии; 4) конфиденциальность и возможность прекращения медиации в любой момент, как по взаимной договоренности участвующих сторон, так и в одностороннем порядке по требованию любого из участников конфликтного правоотношения.

Цель действий посредника, участвующего в переговорах и выбранного сторонами по их взаимному согласию, – посредством создания функциональной обстановки помочь урегулировать спор на основе взаимных интересов и найти взаимовыгодное и справедливое соглашение, удовлетворяющее всех участников конфликта. Решение, принятое по результатам проведения процедуры медиации, применяется сторонами – участниками спора и должно быть исполнено ими добровольно, в порядке и на условиях, предусмотренных медиативным соглашением.

В соответствии с Законом о процедуре медиации посредничество может применяться к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, и спорам, возни-

кающим из трудовых и семейных правоотношений (за исключением споров, затрагивающих права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы).

Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости посредника (ст. 3 Закона о процедуре медиации).

Процедура медиации может быть начата при возникновении спора как до обращения в суд (в том числе и арбитражный) или третейский суд, так и после обращения в суд или третейский суд, в том числе по предложению судьи или третейского судьи.

Закон о процедуре медиации определяет общую характеристику процедуры медиации, в частности: условия применения и правила проведения процедуры медиации; общие требования, предъявляемые к соглашению о проведении процедуры медиации и медиативному соглашению, заключаемому по результатам проведения медиации; порядок выбора и назначения медиатора; требования к медиаторам и порядок осуществления деятельности медиатора на профессиональной и непрофессиональной основе.

Одной из возможных форм примирения участников возникшего правового конфликта является заключение различных видов мировых соглашений – внесудебных и судебных.

Внесудебное мировое соглашение – это соглашение, заключенное участниками спорного правоотношения вне рамок судопроизводства. По своей правовой природе внесудебное мировое соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, при заключении и согласовании условий которого происходит модифицирование первоначального обязательства, ставшего конфликтным, и служащий лишь предпосылкой добровольного исполнения трансформированного обязательства.

Каких-либо специальных требований к форме внесудебной мировой сделки законодательство не преду-

сматривает – здесь действуют общие правила заключения сделок (ст. 158–165 ГК РФ).

В качестве одного из примеров заключения внесудебного мирового соглашения можно привести ст. 55 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», согласно которой удовлетворение требований залогодержателя за счет имущества, заложенного по договору об ипотеке, без обращения в суд (во внесудебном порядке) допускается на основании соглашения между залогодержателем и залогодателем, которое может быть включено в договор об ипотеке или заключено в виде отдельного договора.

В ходе судебного процесса достигнутые между контрагентами договоренности могут быть также оформлены мировым соглашением. В случае если такое соглашение будет представлено на утверждение арбитражному суду, оно приобретет юридический статус судебного мирового соглашения с обязательными юридическими последствиями и возможностью принудительного осуществления обязательств, предусмотренных в таком соглашении.

Таким образом, широкое использование альтернативных примирительных процедур в качестве механизма реализации положений законов РФ, предусматривающих возможность примирения сторон, призвано сформировать новую правовую культуру разрешения коммерческих споров в России и оптимизировать работу судебных органов [16. С. 147].

Считаем необходимым эффективное использование предусмотренных законом примирительных процедур в рамках судебного процесса. Необходимо исходить из определяющей роли судьи по разрешению дела в результате применения примирительных процедур в случаях, когда стороны имеют право прекратить процесс и обратиться к процедуре медиации. Суд обязан предложить сторонам использовать процедуру медиации. В этих целях при подготовке дела к судебному разбирательству необходимо неукоснительно соблюдать положения АПК РФ о разъяснении сторонам их права на обращение за содействием к посреднику, в том числе к медиатору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федянин В.Ю. Разрешение экономических споров в СНГ (Клеандров М.И. Разрешение экономических споров в СНГ : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 1997. 129 с.) // Московский журнал международного права. М. : Международные отношения, 1998. № 3. С. 252–254.
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
3. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1, ст. 1.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ст. 1.
8. О таможенном регулировании в РФ : Федеральный закон РФ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 48, ст. 6252.
9. Об исполнительном производстве : Федеральный закон РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41, ст. 4849.
10. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 224 с.
11. Носырева Е.И. Экономические споры: суд, арбитраж или примирение // Государство и право. 1998. № 9. С. 16–19.
12. Севастьянов Г.В. Методы альтернативного разрешения коммерческих споров // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 20–21.
13. О международном коммерческом арбитраже : закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (с изм. и доп.) // Российская газета. 1993. авг.

14. О третейских судах в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3019.
15. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.
16. Шербакова Л.Г. Мирное соглашение в арбитражном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 5 (63). С. 146–150.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 января 2016 г.

FORMS OF PROTECTION OF BUSINESS ENTITY'S RIGHTS BY LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 172–178. DOI: 10.17223/15617793/403/28

Shcherbakova Lilia G. Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Saratov, Russian Federation). E-mail: lilia100731@rambler.ru

Keywords: arbitration courts; alternative dispute resolution; state forms of conflict resolution; administrative forms of protection; mediation; arbitration courts.

In the exercise of entrepreneurial and other economic activities, business entities will inevitably face the need to resolve various legal conflicts. Forms of protection of rights and legitimate interests in the sphere of entrepreneurial and other economic activities may include state (jurisdictional) and private law (alternative dispute resolution) ones. Thus, having considered the legal framework and the practice of forms of protection of the rights and legitimate interests in the sphere of entrepreneurial and other economic activities on the basis of the research, the author comes to the following conclusions: 1. The benefits of judicial and arbitration forms of protection should include: universality and accessibility of judicial and arbitration forms of protection with relevant constitutional and arbitration procedural guarantees to support them; adequacy of the unilateral will of the person concerned for initiating proceedings in arbitration courts; detailed regulation of the procedure for review and resolution of the dispute by arbitration courts; possibility of appealing against a judicial act and, as a consequence, the review and cancellation of illegal (unreasonable) judicial act adopted by arbitration courts; guarantee of a compulsory enforcement of a judicial act by arbitration courts that has entered into force. 2. Feasibility of the administrative forms of protection is due to two reasons: first, such a procedure can reduce the burden on the courts and, second, unlike the court order to protect the rights and legitimate interests, the administrative form of protection is quicker and less costly. 3. The author supports the idea of organizing judicial mediation in Russia. At the same time, now there are a lot of problems related to its future implementation. It seems that the most controversial issues of the concept of judicial mediation in Russia include the following: 1) mechanisms to promote the use of judicial mediation; 2) introduction of mandatory pre-trial mediation; 3) terms of conciliation procedures; 4) procedural legal implications of the agreement to enter into mediation. 4. The author notes that the widespread use of mediation as a mechanism for the implementation of the laws of the Russian Federation, providing the possibility of reconciliation of the parties, intended to form a new legal culture of settling commercial disputes in Russia, and to optimize the work of the judiciary. 5. The author believes there is a need for effective use of conciliation procedures provided for by law in the judicial process. It is necessary to proceed from the determining role of the judge to resolve the case as a result of conciliation procedures when the parties have the right to terminate the process and turn to mediation. The court is obliged to invite the parties to use the mediation procedure. To this end, in the preparation of the case for trial it is necessary to strictly observe the provisions of the RF Arbitration Procedure Code for clarification to the parties of their right to apply for assistance of a mediator.

REFERENCES

1. Fedyanin, V.Yu. (1998) Razreshenie ekonomicheskikh sporov v SNG (Kleandrov M.I. Razreshenie ekonomicheskikh sporov v SNG: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Tyumen': Izd-vo Tyumen. yurid. in-ta MVD RF, 1997. 129 s.) [The resolution of economic disputes in the CIS (Kleandrov, M.I. (1997) The Resolution of Economic Disputes in the CIS. 2nd ed. Tyumen: Tyumen Institute of the Russian Interior Ministry)]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 3. pp. 252–254.
2. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s uchetoм popravok, vnesennykh federal'nyimi konstitutsionnymi zakonami o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (with amendments made by federal constitutional laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ)]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 December.
3. Russian Federation. (1997) O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31 dekabrya 1996 g № 1-FKZ [On the Judicial System of the Russian Federation: the Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 1.
4. Russian Federation. (2002) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ (s izm. i dop.) [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3012.
5. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (s izm. i dop.) [The Civil Code of the Russian Federation. Part I on November 30, 1994 № 51-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.
6. Russian Federation. (2000) Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' vtoraya ot 5 avgusta 2000 g. № 117-FZ (s izm. i dop.) [The Tax Code of the Russian Federation. The second part of August 5, 2000 No. 117-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3340.
7. Russian Federation. (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (s izm. i dop.) [The Russian Federation Code of Administrative Offences of 30 December 2001 No. 195-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 1.
8. Russian Federation. (2010) O tamozhennom regulirovanii v RF: Federal'nyy zakon RF ot 27 noyabrya 2010 g. № 311-FZ (s izm. i dop.) [On Customs Regulation in the Russian Federation: the Federal Law of the Russian Federation of November 27, 2010 No. 311-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 48. Art. 6252.
9. Russian Federation. (2007) Ob ispolnitel'nom proizvodstve: Federal'nyy zakon RF ot 2 oktyabrya 2007 g. № 229-FZ (s izm. i dop.) [On Enforcement Proceedings: Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 41. Art. 4849.
10. Nosyreva, E.I. (1999) *Alternativnoe razreshenie grazhdansko-pravovykh sporov v SshA* [Alternative resolution of civil disputes in the United States]. Voronezh: Voronezh State University.

11. Nosyreva, E.I. (1998) Ekonomicheskie spory: sud, arbitrazh ili primirenie [Economic disputes: court, arbitration or conciliation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 9. pp. 16–19.
12. Sevast'yanov, G.V. (2001) Metody al'ternativnogo razresheniya kommercheskikh sporov [Methods of alternative commercial dispute resolution]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 20–21.
13. Rossiyskaya gazeta. (1993) O mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe: zakon RF ot 7 iyulya 1993 g. № 5338-1 (s izm. i dop.) [On International Commercial Arbitration: RF Law of July 7, 1993 No. 5338-1 (amend. and suppl.)]. *Rossiyskaya gazeta*. August.
14. Russian Federation. (2002) O treteyskikh sudakh v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon RF ot 24 iyulya 2002 g. № 102-FZ (s izm. i dop.) [On arbitration courts in the Russian Federation: the Federal Law of July 24, 2002 № 102-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3019.
15. Russian Federation. (2010) Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii): Federal'nyy zakon RF ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ (s izm. i dop.) [Alternative dispute resolution process involving a mediator (mediation procedure): Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ (amend. and suppl.)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 4162.
16. Shcherbakova, L.G. (2008) Mirovoe soglasenie v arbitrazhnom protsesse [The settlement agreement in the arbitration process]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 5 (63). pp. 146–150.

Received: 19 January 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРИНОВА Елена Борисовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Этнографического научно-образовательного центра Института этнологии и антропологии Российской академии наук; доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: BarinovaElena@ Rambler.ru

ВИТЯЗЕВА Юлия Александровна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: j.vityazeva@mail.ru

ВОРОШИЛОВА Анна Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Annet1010552@mail.ru

ГОРДЕЕВ Пётр Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: petergordeev@mail.ru

ГОРЧАКОВА Олеся Юрьевна – науч. сотр. лаборатории психологической экспертизы, ст. преподаватель кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: avendus@mail.ru

ГРИДНЕВА Алена Андреевна – аспирант кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: a_mia@ngs.ru

ГУМЕРОВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: janet80@inbox.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshek@gmail.com

КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: tak_74@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: dkonkov@mail.ru

КОСТЕРЕВ Антон Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: antonkosterev@rambler.ru

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – канд. ист. наук, докторант кафедры истории России, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

КУРИНСКИХ Полина Александровна – аспирант отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: p.sadovaja@gmail.com

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна – мл. науч. сотр. лаборатории психологической экспертизы Томского государственного университета. E-mail: vktusur@mail.ru

ЛИТВИНОВ Александр Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: litvinovav77@yandex.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна – д-р психол. наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: mei22@mail.ru

МОСКАЛЕНСКАЯ Дарья Николаевна – аспирант кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: darmosk@mail.ru

НАМ Елена Вадимовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: n.elvad@yandex.ru

НЕЗНАМОВА Анна Юрьевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: paradoxoid@inbox.ru

ОРУДЖЕВ Фахреддин Набиевич – соискатель отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала). E-mail: sharafutdin@list.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@gambler.ru

РАГОЗИН Дмитрий Валерьевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета. E-mail: dvr@tpu.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: taniavol@yandex.ru

ТЯПКИН Михаил Олегович – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: tyapkin@rambler.ru

ФЕСЕНКО Вера Павловна – аспирант отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва). E-mail: verun4ik_18@mail.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХРИСАНФОВА Дарья Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: AgataDM@mail.ru

ШЕЛЕХОВ Игорь Львович – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии развития личности Томского государственного педагогического университета. E-mail: brief@sibmail.com

ШЕВЕЛЕВ Дмитрий Николаевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: shev-dn@yandex.ru

ШЕМЕТОВА Тамара Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

ШУШАРИНА Марина Вячеславовна – ст. лаборант отделения международных отношений Томского государственного университета. E-mail: marina.metel@gmail.com

ЩЕРБАКОВА Лилия Геннадиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове. E-mail: lilia100731@rambler.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 403 Февраль

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 февраля 2016 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 250 экз. Заказ № 1648.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28